ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2002

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"
МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2002

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Л.А. Беляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (зам. главного редактора),
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2002

Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду
Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых 5

Иллюстрации литературных произведений на аттических вазах из раскопок Боспора
М. В. Скржинская 24

Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения
Р. К. Ковалев 38

Стеклянные браслеты Великого Новгорода
О. М. Олейников 51

Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения)
Л. В. Алексеев 74

Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотоордынских городищ
В. П. Лебедев, В. Б. Клоков 92

Дискуссии

Об одной попытке модернизации сарматской периодизации
А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков, М. Г. Мошкова 101

История науки

Начальный этап исследований Софийского собора в Киеве: работы архитектора М.А. Щурупова (1838 г.)
Н. А. Яковлев 113

Публикации

Курганы с сопроводительными захоронениями чучел коней в северо-западных предгорьях Алтая
В. А. Могильников 122

Ножи древнего Белоозера: технологический аспект
В. И. Завьялов 137

Материалы по археологии из архива музея-заповедника "Московский Кремль"
Т. Д. Панова 148

Лопаревский клад золотоордынских монет и денежных слитков XIV в.
Н. А. Хан 155

Заметки

Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии
Б. А. Шрамко 163

Надгробие стольника эпохи Петра I
А. Г. Векслер, В. А. Беркович 167

Критика и библиография

Рец. на кн.: Heinrich Härke (ed.). "Archaeology, Ideology and Society. The German Experience". Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000
В. А. Шнирельман 169

Рец. на кн.: Х.А. Амирханов "Зарайская стоянка". М., 2000
С. А. Васильев 173

Рец. на кн.: Р.Д. Голдина "Древняя и средневековая история удмуртского народа". Ижевск, 1999
К. А. Смирнов 175

Рец. на кн.: В.П. Буданова "Варварский мир эпохи Великого переселения народов". М., 2000
В. И. Кулаков 179

Рец. на Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1, 1997; Т. 2, 1997; Т. 3, 1997; Т. 4, 1998; Т. 5, 1999
В. Я. Петрухин 181

Рец. на кн.: Ousterhout Robert "Master Builders of Byzantium". Princeton, 1999
Л. А. Беляев 184

В обществе святых: к выходу каталога "Христианские реликвии в Московском Кремле". М., 2000
Саймон Франклин 189

Список сокращений 192

Сдано в набор 15.10.2001 г. Подписано к печати 11.01.2002 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.7 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 1007 экз. Зак. 4928

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2002

Ancient metallurgy in the Circumpontic area: from unity to disintegration
E. N. Chernykh, L. I. Avilova, L. B. Orlovskaya, S. V. Kuzminykh 5

Illustrations of literary subjects on the Attic vases from the excavations of Bosporus
M. V. Skrzhinskaya 24

Wooden tallies from Novgorod: general observations
R. K. Kovalev 38

Glass bracelets from Novgorod the Great
O. M. Oleinikov 51

Ancient Drutsk (written sources, topography, the date of origin)
L. V. Alekseev 74

West-European lead goods' seals from the Golden Horde hillforts
V. P. Lebedev, V. B. Klokov 92

Discussions

On an attempt to modernize the chronology of Sarmatian archaeology
A. S. Skripkin, V. M. Klepikov, M. G. Moshkova 101

History of science

On the first period in the study of St. Sophia cathedral in Kiev (1810–1843)
N. A. Yakovlev 113

Publications

Barrows accompanied by stuffed horses' burials in North-Western Altai piedmont
V. A. Mogilnikov 122

Knives from ancient Beloozero: technological aspect
V. I. Zav'yalov 137

Materials on archaeology from the archives of "The Moscow Kremlin" museum-reserve
T. D. Panova 148

The 14th century Loparevo hoard of the Golden Horde coins and money ingots
N. A. Khan 155

Notes

A new casting mould from Belskoe fortified settlement
B. A. Shramko 163

Tomb stone of a boyar-stolnik of the epoch of Peter I
A. G. Veksler, V. A. Berkovich 167

Critics and bibliography

Heinrich Härke (ed.). Archaeology, Ideology and Society. The German experience. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000
V. A. Shnirelman 169

Kh.A. Amirkhanov. The Zaraisk station. Moscow, Nauchny mir, 2000
S. A. Vasilyev 173

R.D. Goldina. Ancient and Medieval history of Udmurt people. Izhevsk, 1999
K. A. Smirnov 175

V.P. Budanova. Barbarian world of the Great Migration period Moscow, Nauka, 2000
V. I. Kulakov 179

Proceedings of VI International Congress of Slavic archaeology. V. 1, 1997; V. 2, 1997; V. 3, 1997; V. 4, 1998; V. 5, 1999
V. Ya. Petrukhin 181

R. Ousterhout. Master builders of Byzantium. Princeton, 1999
L. A. Belyaev 184

In saints' circle. Christian relics in the Moscow Kremlin. Ed. A.M. Lidov. Moscow, Radunitsa, 2000
Simon Franklin (Cambridge) 189

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 5–23

МЕТАЛЛУРГИЯ В ЦИРКУМПОНТИЙСКОМ АРЕАЛЕ: ОТ ЕДИНСТВА К РАСПАДУ

© 2002 г. Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва

Путь, пройденный металлоносными и металлопроизводящими культурами Анатолии от момента открытия меди: Чайоню-тепеси, Ашикли и др. (см. например: Авилова, Черных, 1989; Ozdoğan M., Ozdoğan A., 1999. P. 13–22; Esin, 1999. P. 23–30; Yalçin, 2000. P. 17–30) до начала повсеместного и широкого использования железа (постхеттское время), наиболее долгий на нашей планете: с IX–VIII тыс. до н.э. вплоть до конца II тыс. до н.э. Однако вплоть до IV тыс. до н.э. развитие горно-металлургического производства в этом регионе шло крайне вяло. Параллельно, но существенно позднее, как известно, произошла феноменально бурная вспышка производства в родственных по основным своим признакам северобалканских и карпатских горно-металлургических центрах. Их ярчайшими символами стали многочисленные наборы тяжелых медных орудий и оружия, золото Варны (Macht..., 1988; Ivanov, 1991), громады меднорудных выработок Аибунара (Черных, 1975; 1978. С. 56–78). Тогда же наблюдалась быстрая консолидация блистательной Балкано-Карпатской металлургической провинции (МП) медного века (Черных, 1978. С. 263–265; Chernykh, 1992. P. 35–53). Из ее богатых центров медь проникала к степным скотоводческим (коневодческим?) народам Восточной Европы, где и возникают собственные очаги металлообработки (Chernykh, 1992. P. 42–48; Рындина, 1998. С. 151–179). Во время своего апогея территориальный охват этой древнейшей провинции достигал примерно 1.2–1.3 млн. км^2. Медный век являлся периодом, когда важнейшие черты анатолийской металлургии, с одной стороны, а с другой – Балкано-Карпатской МП и зависимых от них восточноевропейских центров различались по большинству наиболее значимых признаков.

Система Балкано-Карпатской провинции безвозвратно распалась в самом начале IV тыс. до н.э. На смену ей пришла Циркумпонтийская МП (ЦМП). С ее формированием вся гигантская сеть культурно-производственных связей в Евразии приобрела совершенно иной характер. ЦМП покрывала уже гораздо более обширные территории. В раннем бронзовом веке (РБВ) ее пространственный охват равнялся 4.8–5.0 млн. км^2. Территориальное расширение в среднем бронзовом веке (СБВ) привело к еще более внушительным показателям: 5.6–5.8 млн. км^2 (рис. 1).

Смена провинций совсем не означала преемственности и наследования важнейших морфологических и технологических признаков производства от ранней системы к более поздней: в целом продукция ведущих центров обеих систем весьма четко различалась между собой. Более того, между концом функционирования ранней МП и заменившей ее Циркумпонтийской наблюдался впечатляющий "провал" или же хиатус почти в полтысячелетия. Весомым аргументом для подобного заключения стала весьма представительная серия радиоуглеродных калиброванных дат: почти тысяча определений (рис. 2, верхняя фигура).

Закономерный, но отнюдь не случайный характер установленного хронологического разрыва подчеркивается иными материалами. При датировке материалов РБВ, с одной стороны, и СБВ, с другой, в рамках единой и взаимосвязанной системы ЦМП мы сталкиваемся с обратной картиной – перекрытия или же взаимного наложения хронологических диапазонов этих двух сопоставляемых периодов в широких пределах трех-четырех столетий (рис. 2, нижняя фигура). Аналогичную ситуацию мы продемонстрируем и ниже при обсуждении вопроса о распаде ЦМП и формировании на ее основе Евразийской МП. В целом же период существования провинции можно ограничивать рамками 3300–1900 гг. до н.э. (Черных и др., 2000. С. 21, 40).

Упомянутое взаимное перекрытие хронологических диапазонов РБВ и СБВ в рамках единой Циркумпонтийской провинции достаточно определенно отражает реальную и весьма существенную трудность различения многих материалов двух главных периодов функционирования ЦМП. Слабая определенность критериев при обозначении четкой грани, разделяющей основные культуры, памятники и комплексы РБВ и СБВ, проявляется практически в любом регионе данной провинции, и это вносит дополнительные трудности в работу с ее металлом. Именно поэтому предлагаемая нами схематичная картина распределения памятников, культур и комплексов ЦМП по обоим периодам намеренно отражает имевшие место в реальности размытость и нечеткий характер разделительных рубежей (рис. 3).

В отличие от "туманных" хронологических граней несравненно более четкими представляются те вехи, которые отчленяли друг от друга

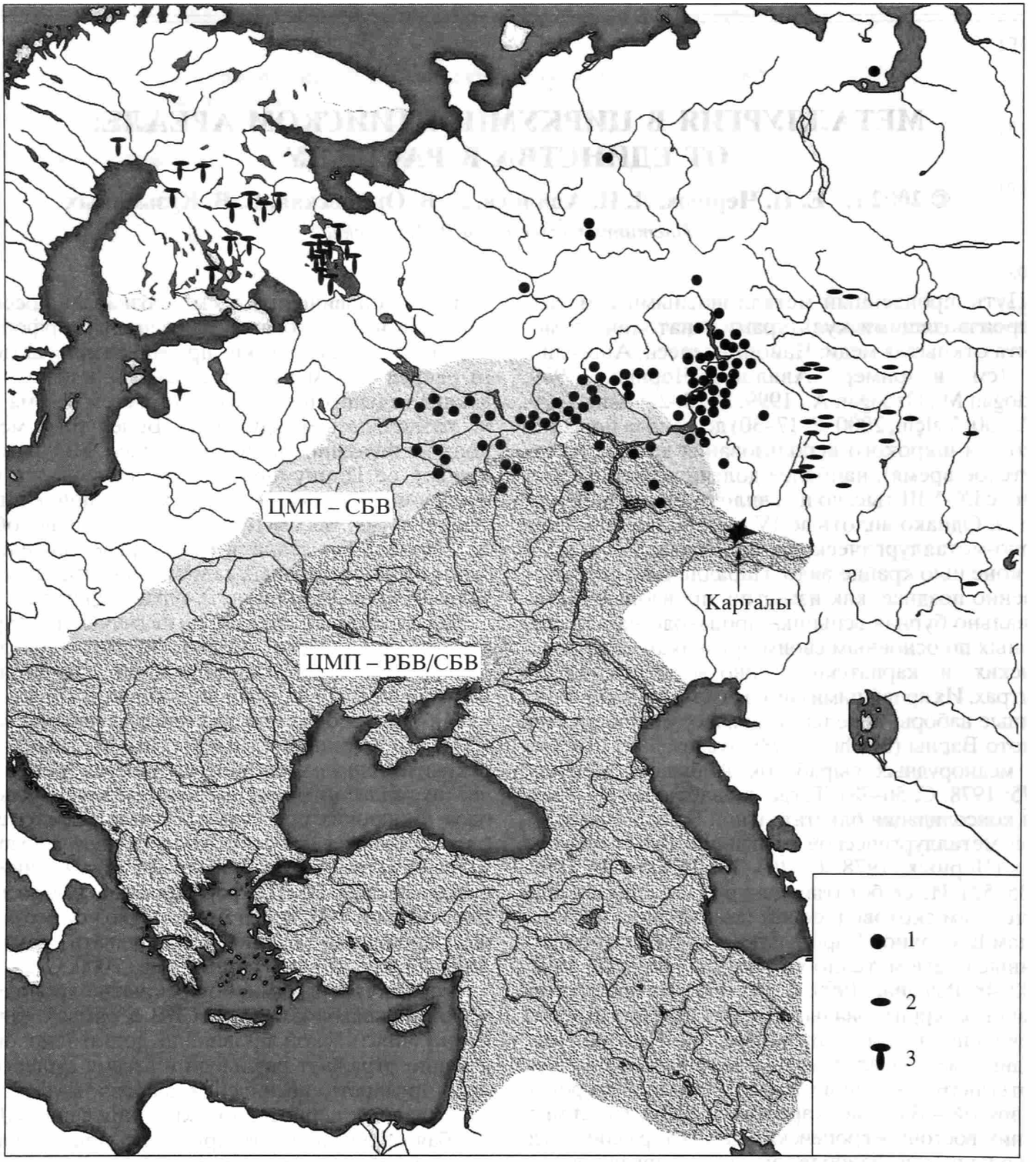

Рис. 1. Границы Циркумпонтийской металлургической провинции в периоды РБВ и СБВ, а также культуры лесной зоны за рамками провинции: *1* – Волосово–Юртик–Гарино; *2* – Суртанды–Кысыкуль; *3* – фенно-скандинавские.

ареалы двух основных и весьма различающихся блоков культур в рамках ЦМП: южного и северного. Южный блок – это различные региональные группы высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур. В настоящей работе мы для удобства исследования различаем в этом блоке семь основных регионов: 1) Анатолия, 2) Северные Балканы и Карпаты, 3) Эгея и Южные Балканы, 4) Левант, 5) Месопотамия, 6) Сузиана, 7) Южный Кавказ. Здесь в ряде регионов – особенно в период СБВ – отмечают начало зарождения письменных (или хотя бы прото-письменных) цивилизаций (государств), урбанистических структур.

Северный блок – это "варварская" периферия ЦМП, культуры скотоводов-номадов или полуно-

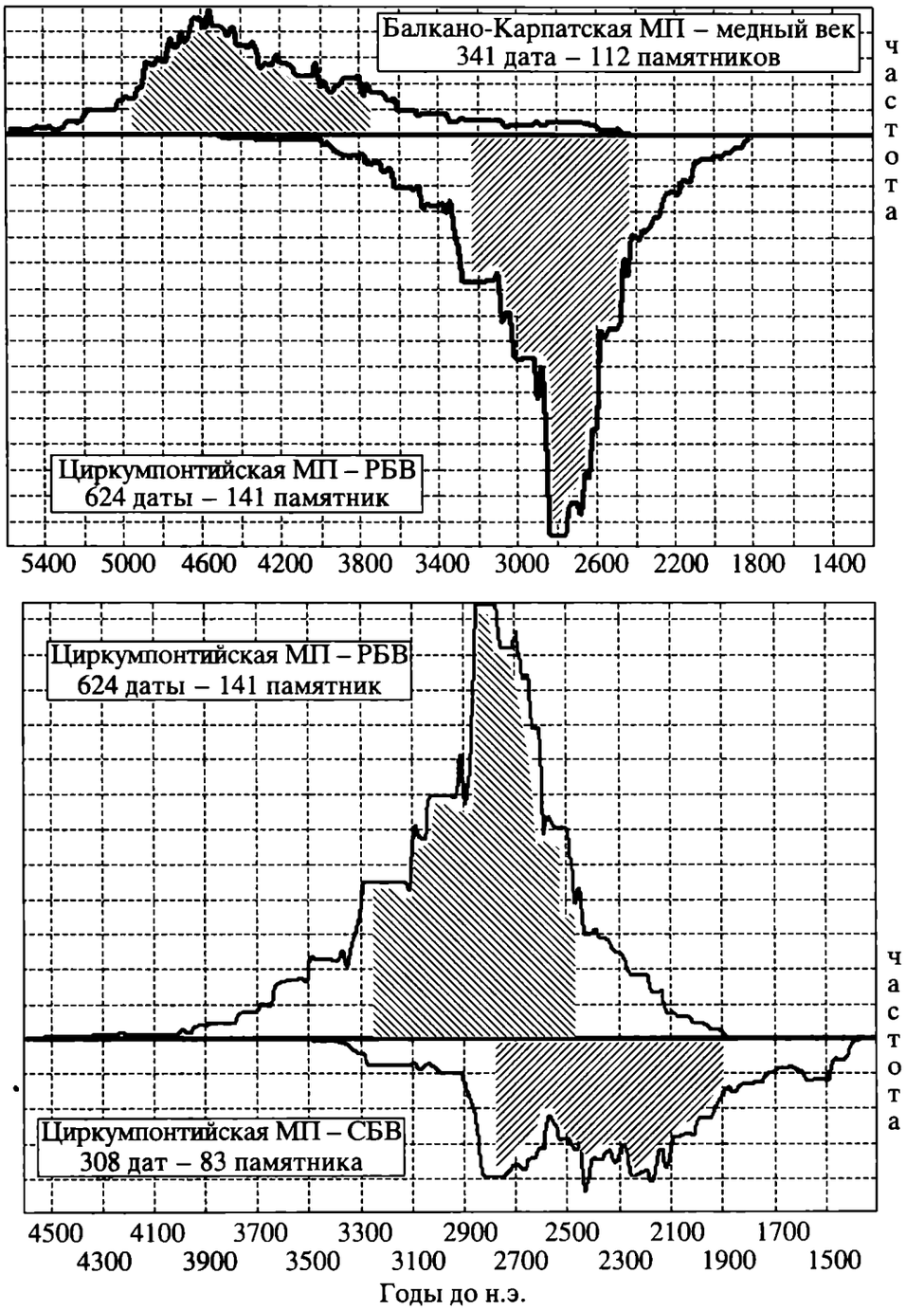

Рис. 2. Распределение сумм вероятностей радиоуглеродных калиброванных датировок Балкано-Карпатской, а также Циркумпонтийской провинций (периоды РБВ и СБВ).

мадов, при отсутствии или же крайней редкости поселений, с огромным числом курганных могильников. Сообщества северного блока заселяли степные и лесостепные пространства Восточной Европы от Южного Урала вплоть до низовьев Дуная, а также от бассейна Верхней Волги вплоть до северных предгорий Кавказа. В согласии с этим мы намечаем здесь два основных культурно-исторических региона: 1) степь и лесостепь Восточной Европы, 2) Северный Кавказ. По этим девяти крупным и основным для ЦМП регионам мы и представим в настоящей статье некоторые общие результаты изысканий.

Согласно определениям, провинция представляет собой лимитированную во времени и пространстве систему родственных – или же сходных по характеру своего производства – взаимосвязанных металлургических и металлообрабатывающих очагов. Сходный характер производства в том или ином центре выявляется по преимуществу на базе анализа – а) морфолого-функциональных признаков диагностического набора металлических ору-

Рис. 3. Циркумпонтийская провинция: схема распределения археологических общностей, культур и отдельных комплексов по периодам РБВ и СБВ.

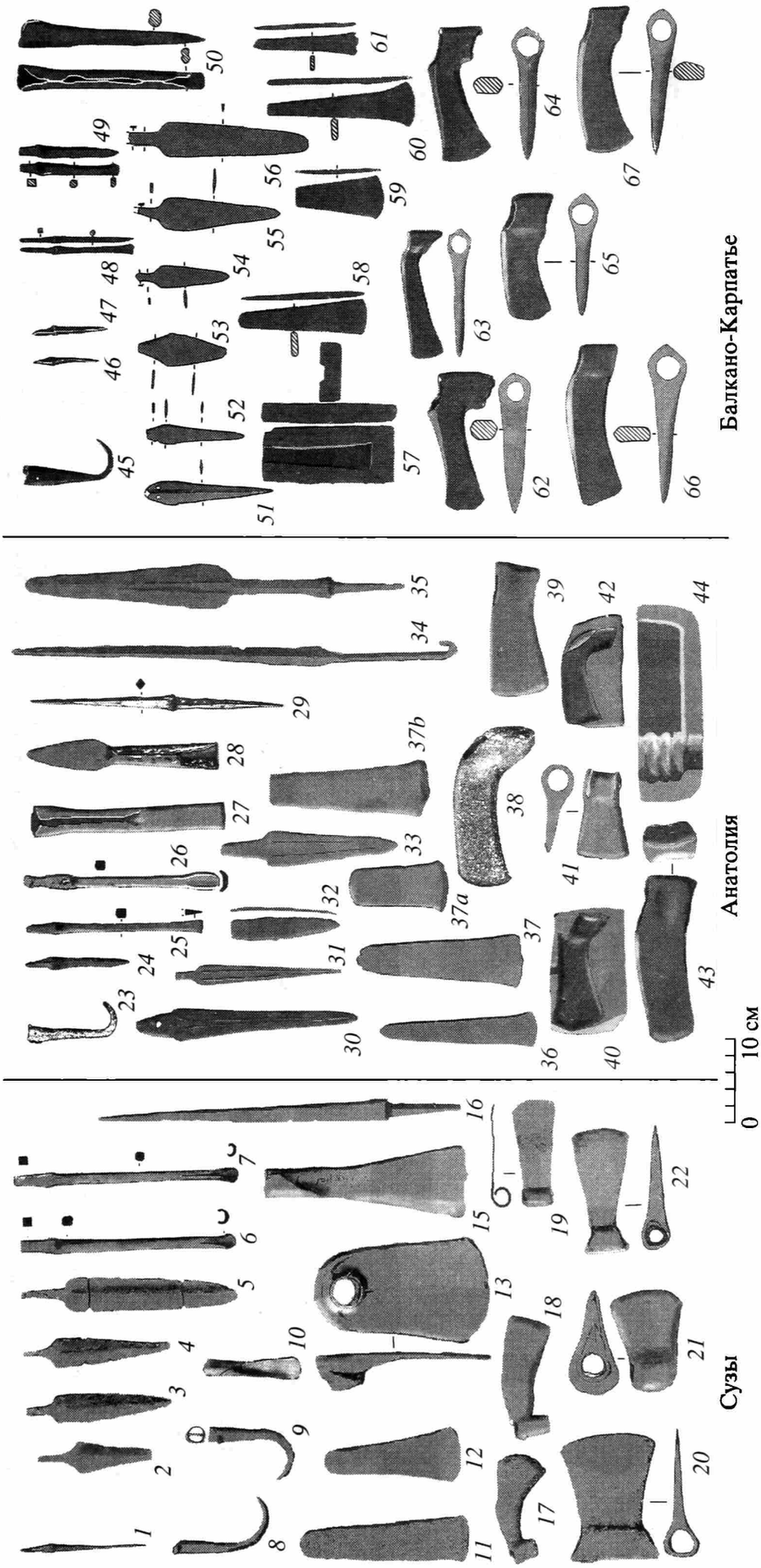

Рис. 4. ЦМП: важнейшие категории медных и бронзовых орудий и оружия в Сузах, Анатолии и Балкано-Карпатье времени РБВ и СБВ.
Сузы – по Ф. Таллон (Tallon, 1987); цифра в скобках соответствует номеру в каталоге Ф. Таллон: *1* (513); *2* (141); *3* (138); *4* (140); *5* (167); *6* (518); *7* (519); *8* (1280); *9* (1279); *10* (523); *11* (430); *12* (426); *13* (530); *15* (526); *16* (207); *17* (69); *18* (70); *19* (79); *20* (73); *21* (71); *22* (72); *23* – Троя I; *24* – Кусура C; *25, 26* – Троя II–V; *27* – Аладжахойюк; *28* – Кюльтепе IV; *29* – Гюзелова; *30* – Бейджесултан XVII; *31* – Полатли; *32, 35* – Арслантепе VI; *33* – случайная находка, Стамбульский музей, № 75.345; *34* – Адана, музей Анкары, № 6-35-69; *36* – Троя II–III, клад A; *37* – Бейджесултан X; *37a* – случайная находка, музей Анкары, № 86-7-66; *37b* – случайная находка, Стамбульский музей, № 7253; *38* – Караз; *39* – Динар, музей Анкары, № 86-60-67; *40* – Еникёй; *41* – Каяпинар; *42* – Норшунтепе; *43* – Юсуфели, Стамбульский музей, № 6878; *44* – Арга-тепеси, музей Малатьи; *45* – Еменска пещера?, случайная находка; *46, 49, 52, 55, 56, 59* – Эзеро, телль; *47, 48, 60, 61* – Еменска пещера, клад; *50, 58* – Белослав (Белево), случайная находка; *51* – Арчар, случайная находка; *53* – Кулчето, телль; *54* – Кирилово, телль; *57* – Бургасский округ, случайная находка; *62* – Лозен, случайная находка; *63* – Асеновград (Станимака), случайная находка; *64* – Ветрен (пещера), случайная находка; *65* – Пчелиново (Лява Река), случайная находка; *66* – Персин (остров), случайная находка; *67* – Смочёво?, случайная находка.

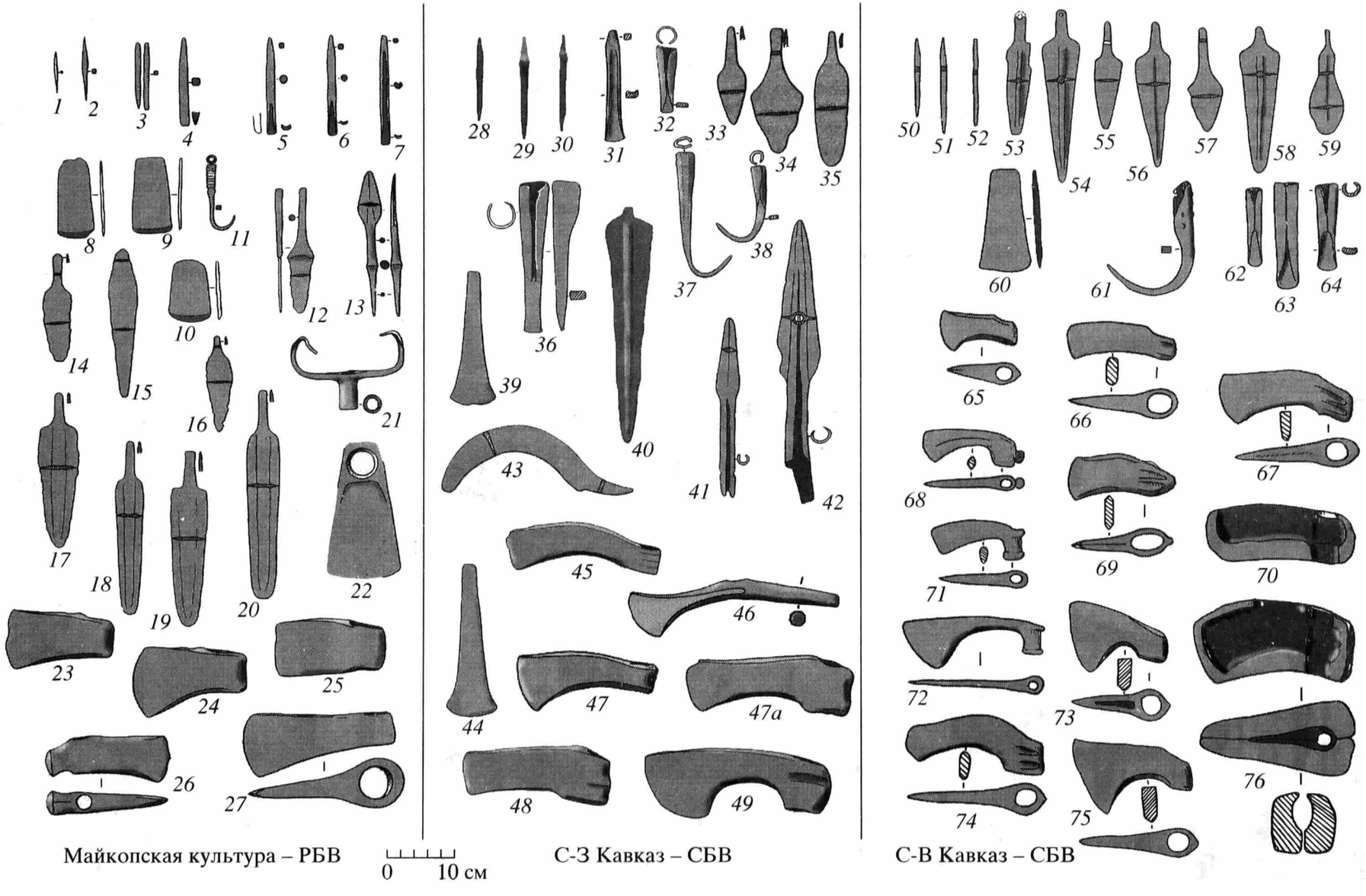

Рис. 5. ЦМП: важнейшие категории медных и бронзовых орудий и оружия в культурах РБВ и СБВ Северного Кавказа.
1, 19 – Бамут, к. 9, п. 9; *2, 5, 8–10, 18, 20, 24* – река Кубань, случайная находка; *3, 12* – Новосвободная, к. 2, п. 2; *4, 22* – Майкопский курган; *6, 13, 16, 21, 23, 25* – Новосвободная, к. 1; *7, 26* – Воздвиженская (1899), к.; *11, 17* – Тимашевская (1926), курган; *14* – хут. Праздничный, к. 1, п. 5; *15* – имение Зиссерманов, к. 3; *27* – Усть-Джегутинская, случайная находка; *28* – Белореченская (1896), к. 7; *29* – Константиновская, к.; *30* – Александровская, к. 2; *31* – Келермес, случайная находка; *32, 36, 41, 45, 48, 49* – река Кубань, случайная находка; *33* – Александровская, к. 3; *34* – Расшеватская, случайная находка; *35* – Новолабинская, к. 3, п. 2; *37–39, 44, 47, 47a* – бассейн Кубани, случайная находка; *40, 42, 46* – Андрюковская, к. 3; *43* – Костромская, клад "литейщика"; *50–52, 60, 62–64, 73, 75* – Великентский склеп; *53, 55, 56, 58, 61, 71, 72* – м-к Фаскау, случайная находка; *57* – Тулатово, случайная находка; *59* – Орджоникидзе, случайная находка; *65* – Закан-Юрт, случайная находка; *66* – Карца, случайная находка; *67* – Хабаз, случайная находка; *68, 74* – Кумбулта, случайная находка; *69* – Лескен, случайная находка; *70* – Веселая Роща, к. 3, п. 3; *76* – Былым, курган.

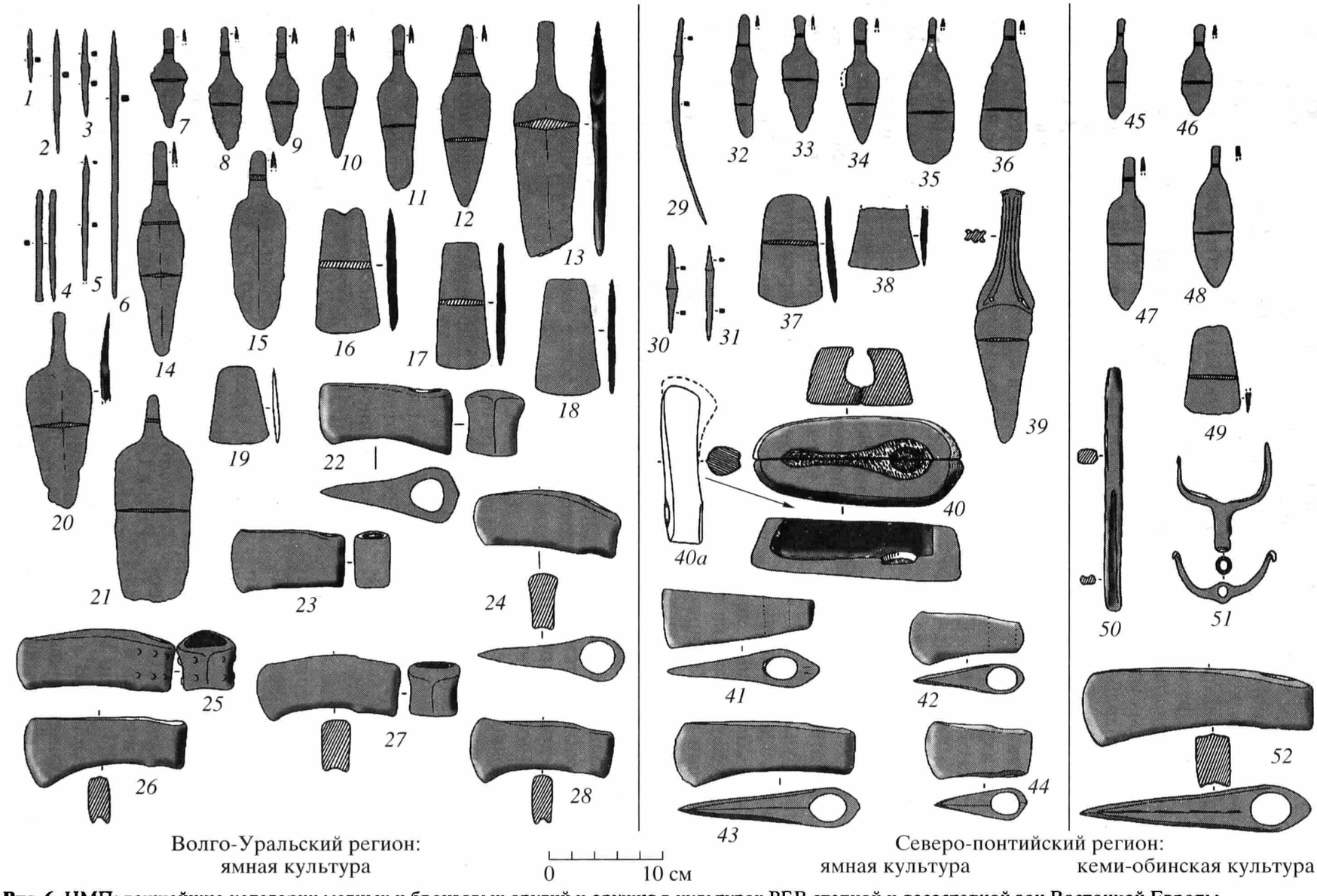

Рис. 6. ЦМП: важнейшие категории медных и бронзовых орудий и оружия в культурах РБВ степной и лесостепной зон Восточной Европы.
1, 2, 12 – Кашпирский III м-к, к. 1, п. 1; *3, 11* – Покровский м-к, к. 12, п. 1; *4, 23* – Павловский м-к, к. 31, п. 4; *5, 17, 27* – Утевка, к. 1, п. 1; *6, 15* – Утевка 1, к. 2, п. 1; *7* – Увак, к. 12, п. 4; *8* – Кривая Лука 4, к. 1, п. 13; *9* – Скатовка, к. 5, п. 3; *10* – Покровский м-к, к. 17, п. 1; *13* – Владимировка, к. 1, п. 6; *14* – Преполовенка I, к. 9, п. 1; *16* – Ровное, к. D-37; *18* – Колтубанка, погр.; *21* – Павловский м-к, к. 31, п. 4; *22* – Сахча, случайная находка; *24* – близ г. Энгельса, случайная находка; *25* – Труевская Маза, случайная находка; *26* – Загорная Селитьба, случайная находка; *28* – близ сел Болтуновка и Сосновая Маза, случайная находка; *29–31, 35, 36, 38* – Михайловка, пос.; *32* – Вильно-Улановка, к. 3, п. 8; *33* – Бабенково, к. 1, п. 19; *34* – Майоровка, к. 4, п. 5; *37* – хут. Калиновый, случайная находка; *39* – Старогорожено (Гороженко), к. 1, п. 17; *40, 40a* – Верхняя Маевка 12, к. 2, п. 10, литейная форма и вероятная форма топора из нее (реконструкция); *41* – Балки, случайная находка; *42* – Стайка, случайная находка; *43* – Гречаники, курган; *44* – Верхнеднепровск, случайная находка; *45, 47* – Виноградное, к. 6, п. 2; *46* – Астанино, к. 28, п. 1; *48* – Виноградное, к. 3, п. 2; *49–52* – Долинка, "Курган-Байрам", центральное погр.

дий и оружия, б) технологии металлообработки, в) рецептуры основных сплавов. В гораздо меньшей степени родственные признаки производства проявлялись на морфологических классах металлических украшений и культовых предметов.

Проблема Циркумпонтийской провинции обсуждается в литературе уже давно, когда было подмечено удивительное родство наборов (комплексов) металлических орудий и оружия на огромных пространствах, занятых совершенно непохожими культурами, которые мы объединяем в два упомянутых выше блока. Разработка проблематики ЦМП восходила к выделению конкретных категорий орудий и оружия и их морфологических особенностей. Тогда же было положено начало созданию максимально полной базы данных по металлическим изделиям (а также литейным формам) всей гигантской системы ЦМП (Cernykh et al., 1991; Chernykh, 1992. P. 140–171). К настоящему времени данная постоянно пополняющаяся база достигла внушительных размеров, преодолев рубеж 84 тысяч предметов. Все это придает нам уверенность, что формулируемые здесь выводы общего характера базируются на достаточно прочном фундаменте[1].

Три металла составляют очевидную основу генеральной циркумпонтийской коллекции: медь, золото и серебро. Крайне любопытно, что на долю медных и бронзовых изделий в ЦМП приходится лишь несколько более 24 тысяч изделий (меньше 29% от общего числа металлических предметов). Резко доминируют (по количеству, но не по весу) украшения и культовые предметы из золота: почти 54 тысячи или около 64% от всех изделий в рамках ЦМП. На долю серебра приходится почти 6400 предметов. Подобное соотношение металлов среди материалов провинции резко выделяет ее на фоне иных систем подобного рода.

Для демонстрации сходства продукции мы привлекаем здесь лишь некоторые типичные диагностические комплексы орудий и оружия из различных регионов обоих блоков. Южный блок представлен выборками материалов РБВ и СБВ из Анатолии, Суз и Балкано-Карпатья (рис. 4). Большинство иллюстраций отражает материалы скотоводческого блока культур от Северного Кавказа (рис. 5), через степные регионы Восточной Европы (рис. 6) вплоть до крайней северо-восточной периферии ЦМП на Южном Урале (рис. 7).

Другим генеральным признаком единства в технологических приемах, практиковавшихся в огромном большинстве металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП, стали методы отливки основных категорий изделий. В этом аспекте в качестве одного из примеров наиболее удобными оказались материалы многочисленных литейных форм для втульчатых топоров, наиболее престижного (княжеского и даже царского) оружия, отливавшегося в различных центрах провинции. Конструктивно и морфологически здесь намечается несколько типов (рис. 8). Исходными среди прочих и связанными фактически повсеместно с материалами и комплексами РБВ являются формы, полностью открытые для заливки металла со "спинки" (тип I) или "брюшка" (тип II-a). Все остальные, более совершенные по своей конструкции, двустворчатые, частично или полностью "закрытые" литейные формы (типы II-b, III–VII) определяют уже в своем подавляющем большинстве материалы и комплексы СБВ. В качестве очевидного наследия ЦМП типы V, VI и VII встречаются также в комплексах последующего II тыс. до н.э., когда формируются некоторые провинции позднебронзового времени (ПБВ).

Наконец, о третьем основном признаке металлопроизводства в очагах ЦМП – мышьяковых бронзах. Этот вид сплава на медной основе являлся доминирующим едва ли не во всех основных регионах провинции (таблица; рис. 9). Более или менее ярко выраженное исключение составляли лишь очаги северной периферии провинции – от Карпатского бассейна вплоть до Южного Урала. Причем в последнем регионе мышьяковых бронз не производили вовсе, хотя все прочие "циркумпонтийские" признаки производства здесь не порождают сомнений в принадлежности этих очагов к системе ЦМП (рис. 7). Доля оловянных бронз начинает заметно нарастать в южных регионах в период СБВ; северные регионы опять-таки отличаются заметно более слабым их представительством (рис. 9).

Наконец, обратимся к тем признакам, что, в отличие от перечисленных выше, способны обнажить некоторые дифференцирующие черты производства в ЦМП. Здесь, прежде всего, внимание привлекают драгоценные металлы – золото и серебро. В отличие от меди и ее сплавов, относительно равномерно рассеянных по большинству регионов ЦМП как в РБВ, так и в СБВ, золотые и серебряные изделия сосредоточены в инвентаре весьма малого числа могильных комплексов, связанных с захоронениями высшей знати (Черных, 1991; Chernykh, 1991. P. 387–394). Кроме всего, локализация подобного рода скоплений "золотых" комплексов в ряде регионов обнаруживает очевидную связь с хронологическими периодами РБВ и СБВ. Последнее очень хорошо заметно на картах распространения всех трех основных металлов по регионам ЦМП (рис. 10 и 11). В эпоху РБВ огромное большинство золотого инвентаря было сопряжено с богатейшими могилами больших курганов майкопской культуры на Северном Кавказе (рис. 10; см.: Пиотровский, 1996). В более позднем периоде происходит резкое смещение "золотых" комплексов в ареал южного блока культур

[1] Все статистические сведения и расчеты, приводимые ниже в табл. 1 или на рис. 10 и 11, исходят из имеющейся в нашем распоряжении генеральной базы данных по ЦМП.

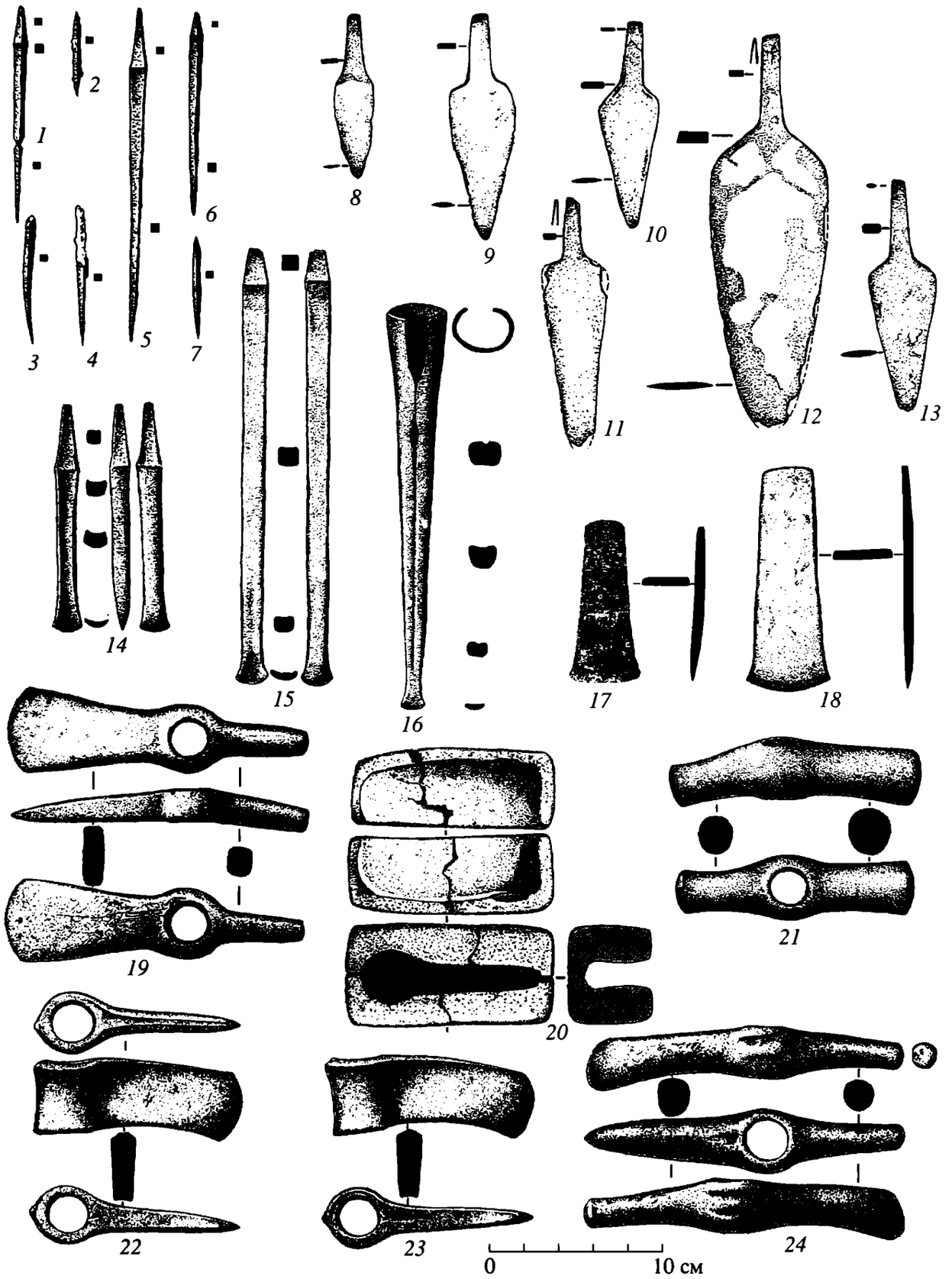

Рис. 7. ЦМП: важнейшие категории медных и бронзовых орудий и оружия в ямно-полтавкинской общности южноуральского региона (зона господства Каргалинского центра).

1 – Герасимовка II, к. 4, погр. 2; *2* – Тамар-Уткуль VIII, к. 5, погр. 4; *3* – Тамар-Уткуль VII, к. 7; *4* – Болдырево IV, к. 2, погр. 6; *5, 16, 18, 23* – Тамар-Уткуль VII, к. 8, погр. 4; *6, 11* – Тамар-Уткуль VII, к. 4, погр. 9; *7* – Тамар-Уткуль VIII, к. 8, погр. 1; *8, 14, 19* – Барышников, к. 6, погр. 3; *9* – Ток, случайная находка; *10* – Болдырево I, к. 10, погр. 3; *12* – Изобильное I, к. 3, погр. 1; *13* – Тамар-Уткуль VIII, к. 5, погр. 1; *15* – Пятилетка, к. 5, погр. 2; *17* – Першин (Каргалы), к. 1; *20* – Першин (Каргалы), к. 1, погр. 4; *21* – Увак, к. 12, погр. 4; *22* – Тамар-Уткуль VIII, к. 4, погр. 1; *24* – Нижнепавловка V, к. 1, погр. 2. Примечание: большинство изображений предметов на рис. 7 выполнено С.В. Богдановым.

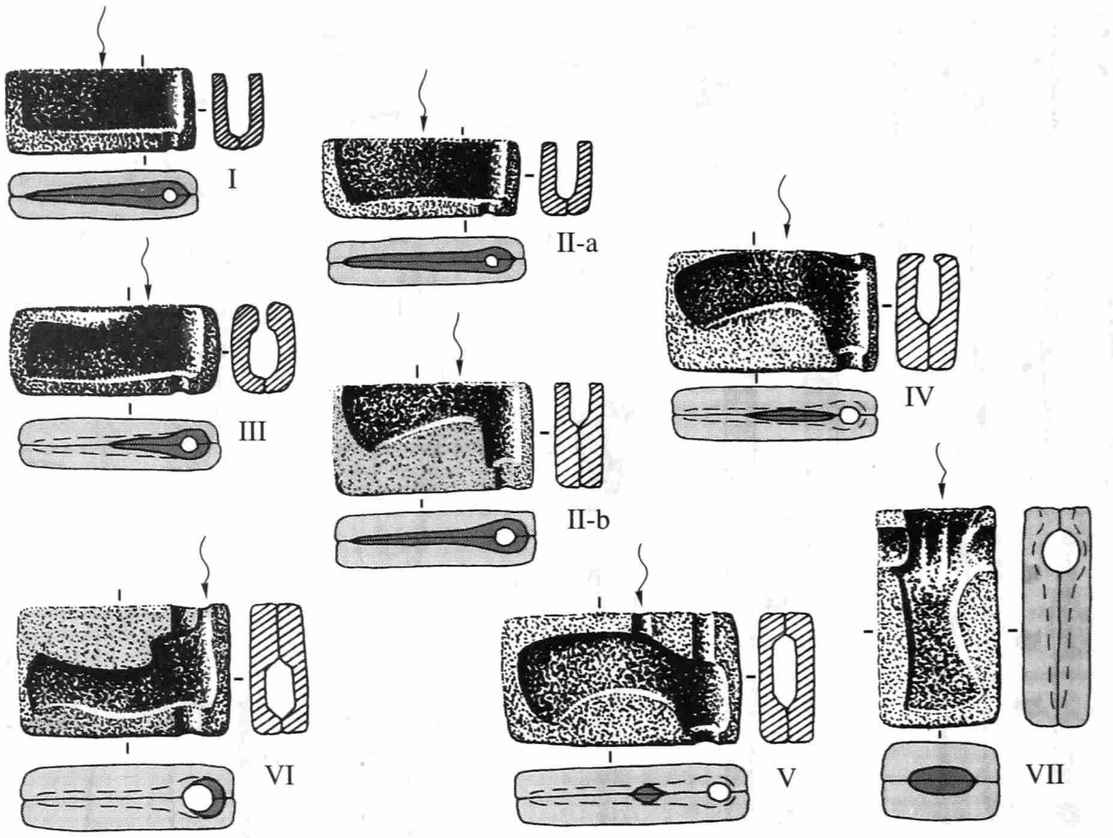

Рис. 8. Основные типы (конструкции) литейных форм для втульчатых топоров в Циркумпонтийском ареале.

(рис. 11). В СБВ настоящим "чемпионом" по насыщенности золотом становятся так называемые клады, а по существу могильные комплексы, Трои (Сокровища Трои..., 1996). Культуры северного блока в это время почти не оставили нам никаких свидетельств наличия у их обитателей драгоценных металлов. Бросается в глаза также крайняя скудость находок золота в Балкано-Карпатском регионе, что выглядит особенно контрастным в сравнении с медным веком, когда именно здесь концентрировались основные золотые находки Старого Света (Варна и иные могильники).

Обращаясь еще к одному из аспектов центральной темы нашей работы о соотношении производящих центров южного и северного блоков ЦМП, мы не можем обойти здесь и проблему Каргалинского горно-металлургического центра (Каргалов) на Южном Урале (рис. 1). По громадам и древности горных выработок, масштабам добытой медной руды, сохранности археологиче-

Распределение различных типов сплавов на медной основе и химически "чистой" меди по основным регионам Циркумпонтийской провинции

Регион	As бронзы (Cu + As)		Sn бронзы (Cu + Sn)		Прочие сплавы (Cu + ...)		"Чистая" медь		*Всего*	
	РБВ	СБВ	РБВ	СБВ	РБВ	СБВ	РБВ	СБВ	*РБВ*	*СБВ*
Анатолия	98	295	8	110	4	21	26	63	*136*	*489*
Балкано-Карпатье	99	130	4	270	14	90	90	234	*207*	*724*
Эгея	83	137	44	109	55	23	35	42	*217*	*311*
Левант	51	71	1	75	3	3	35	39	*90*	*188*
Месопотамия	65	65	7	42	1	1	12	21	*85*	*129*
Сузиана	25	288	0	43	0	8	5	0	*30*	*339*
Южный Кавказ	136	310	0	61	1	27	2	3	*139*	*401*
Сев. Кавказ	288	1389	0	76	4	33	15	21	*307*	*1519*
Вост. Европа	292	882	1	16	0	5	178	243	*471*	*1146*
Всего	*1137*	*3567*	*65*	*802*	*82*	*211*	*398*	*666*	*1682*	*5246*

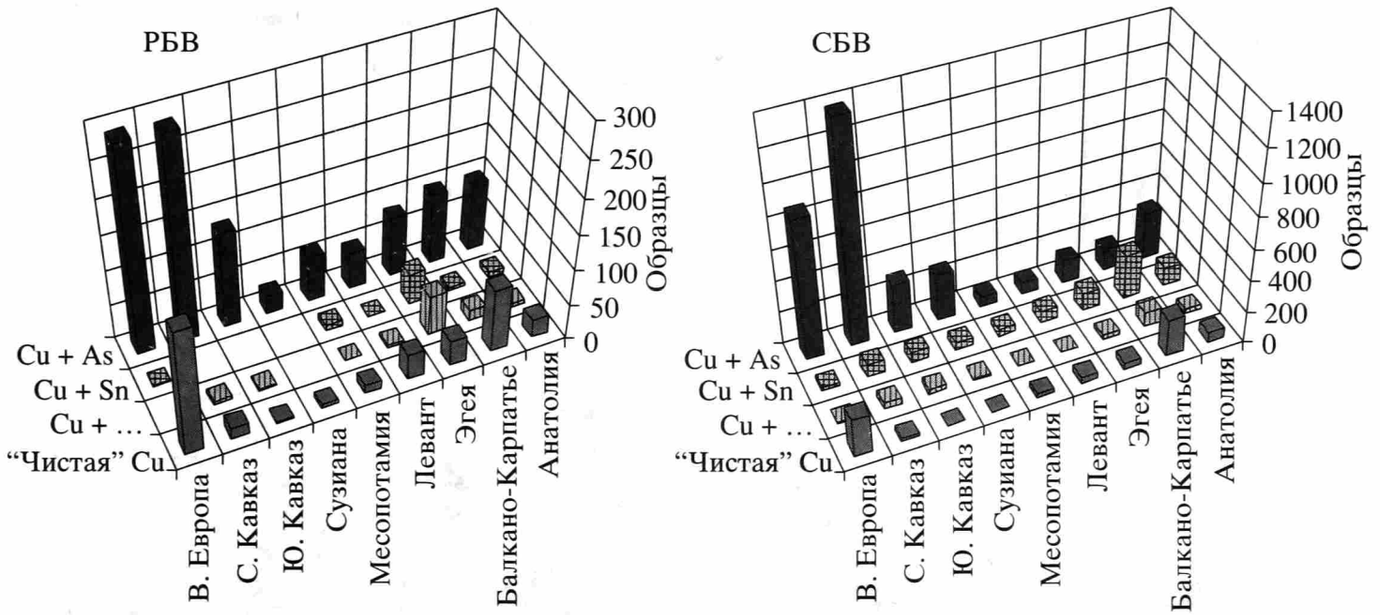

Рис. 9. Соотношение основных видов медных сплавов и химически "чистой" меди в различных регионах ЦМП.

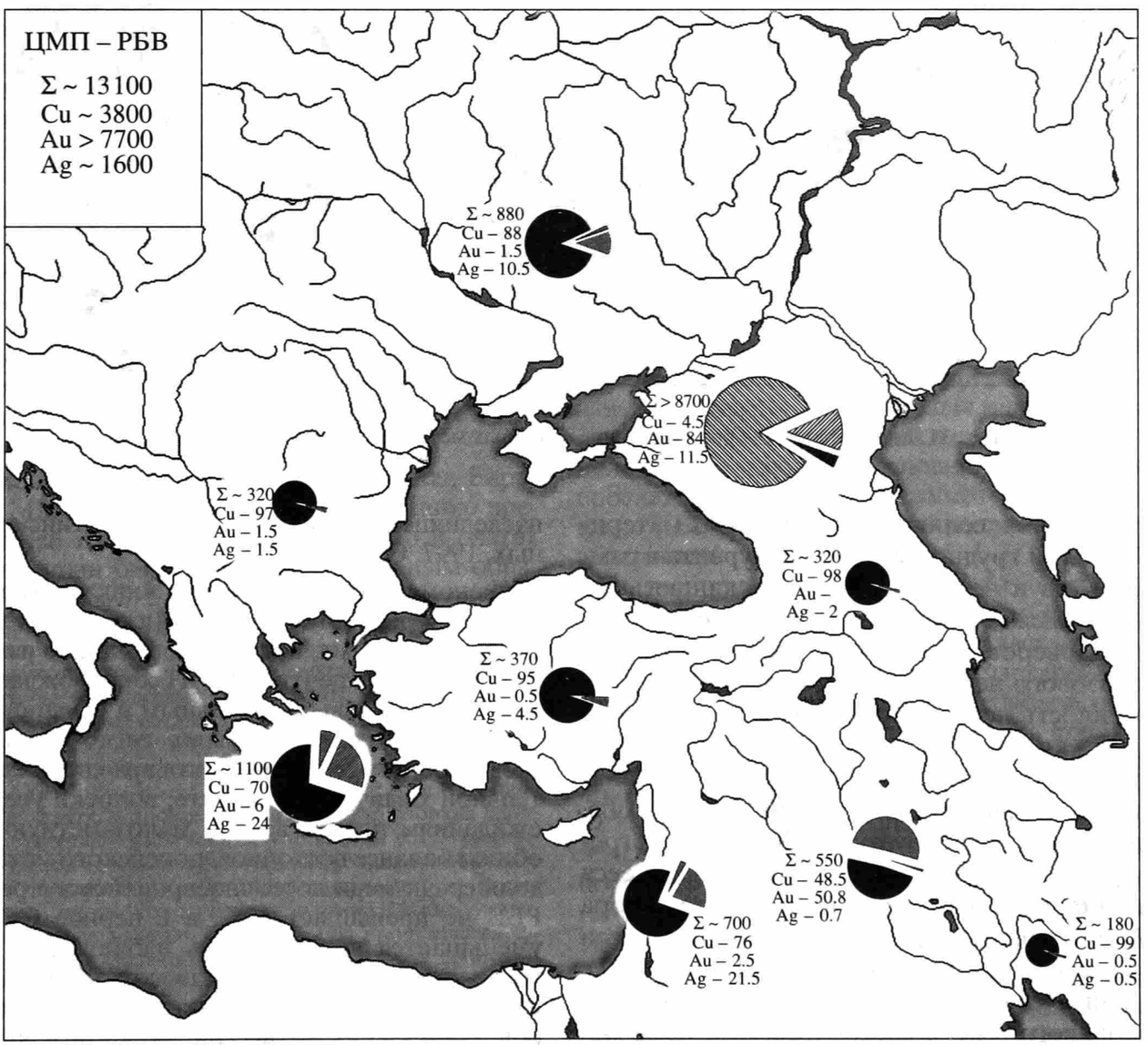

Рис. 10. Географическое распределение основных металлов в рамках ЦМП – РБВ.

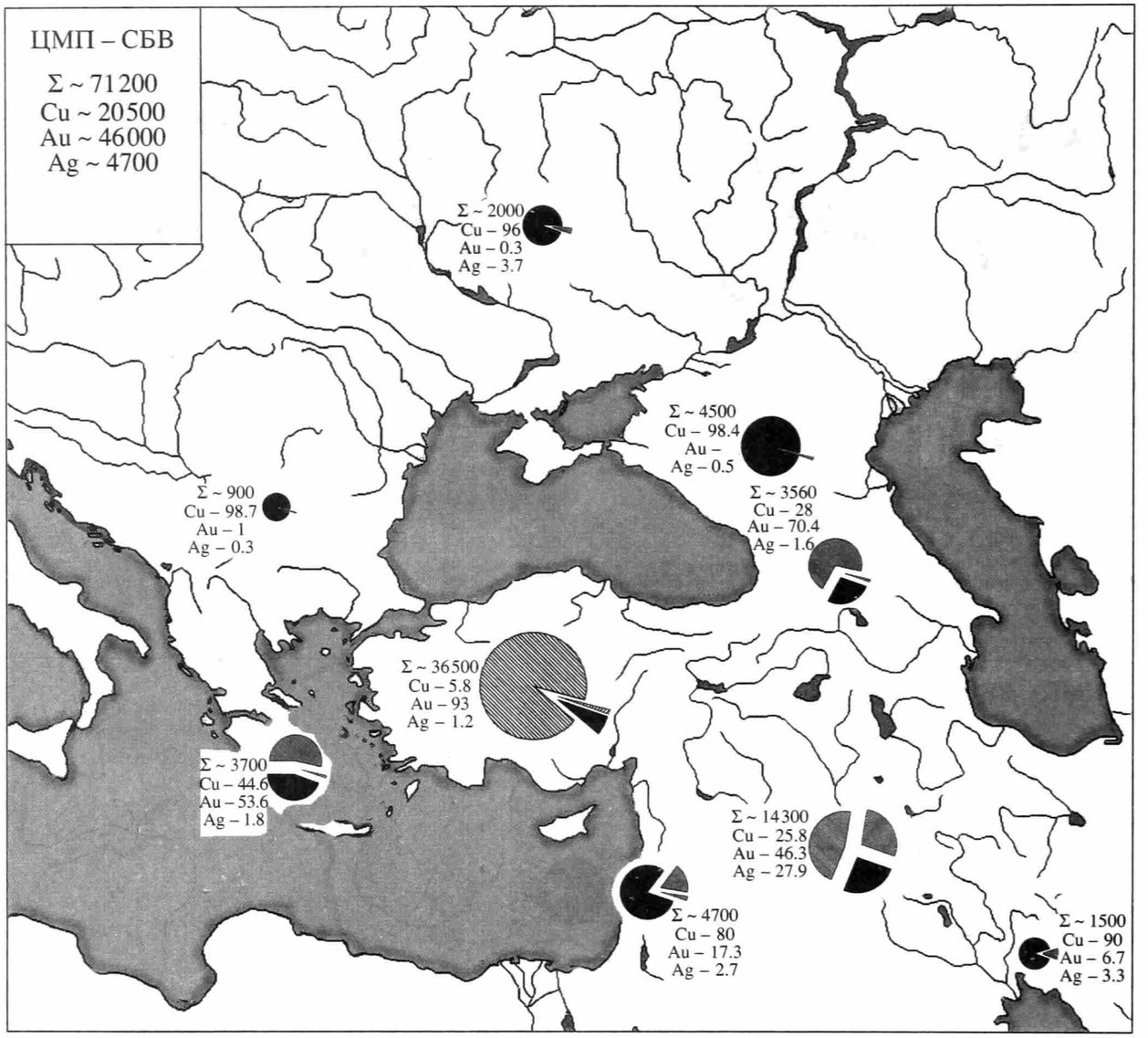

Рис. 11. Географическое распределение основных металлов в рамках ЦМП – СБВ.

ских памятников, великолепию добытых материалов Каргалам трудно сыскать конкурента в рамках ЦМП (да и не только этой провинции). До тридцати тысяч поверхностных следов шахт, штолен, карьеров относятся ко всем трем периодам бронзового века: РБВ, СБВ и ПБВ. Общая протяженность подземных выработок измеряется сотнями километров. В бронзовом веке здесь, по всей вероятности, добыли от двух до пяти миллионов тонн медной руды. Началом III тыс. до н.э. по радиоуглероду датируется на Каргалах погребение мастера-литейщика, сопровождавшееся литейной формой I типа для втульчатого топора (рис. 7, *20*; сравните с рис. 8). Продукция центра носит вполне отчетливый характер ЦМП (рис. 7), хотя и занимает в этой системе положение крайне периферийного северо-восточного угла. Еще более яркими предстают на Каргалах материалы ПБВ, связанные уже с Евразийской МП – прямой наследницей провинции Циркумпонтийской (Черных, 1997. С. 17–81).

Феномен неповторимости, уникальности и поразительной мощи горных каргалинских выработок на фоне иных, пока что очень мало известных для нас горных центров ЦМП сопровождается, однако, не менее выразительным и странным парадоксом. Каргалинская медь, легко угадываемая среди прочего металла благодаря своей исключительной химической чистоте, вопреки уверенным ожиданиям играла весьма малозаметную роль в общем балансе восточноевропейского металла. Ее доля среди меди восточноевропейского региона в РБВ не превышает 10%, а в период СБВ даже уменьшается до 5%. Здесь наблюдается полное господство импортной мышьяковой бронзы, производной южных горно-металлургических центров (кавказских и, вполне вероятно, анатолийских). Любопытно, что аналогичную картину мы наблюдаем и среди позднебронзовых материалов,

хотя Каргалы тогда и занимают центральную позицию в системе Евразийской МП.

Позднебронзовый век – это время распада былого и олицетворявшегося Циркумпонтийской провинцией единства, утраты прежней и весьма сложной системы дальних связей. Наступил период формирования и функционирования совершенно новых металлургических провинций[2]. Карта границ этих новообразований приобретает совершенно иные очертания (рис. 13). С пространствами бывшего северного блока ЦМП в той или иной мере оказались связанными три металлургические провинции: Кавказская, Европейская и Евразийская. Мы очень коротко остановимся на первых двух и несколько более подробно – на Евразийской системе.

Как в Кавказской, так и в Европейской МП наблюдаются два очевидных и весьма кардинальных сдвига в сравнении с производством предшествующей ЦМП. Во-первых, имеет место более или менее решительный отказ от традиций циркумпонтийского производства, сопряженный с изоляцией от соседних систем. Во-вторых, стремительное, а порой даже фантастично бурное наращивание масштабов производства металла и изделий из него.

Может быть, такого рода черты наиболее ярко отразились на материалах Кавказской МП (рис. 13 и 14). Ее комплексы представлены многими сотнями тысяч бронзовых изделий, но едва ли не совершенно отсутствуют золотые и серебряные вещи. Среди бронз доминируют изысканных форм топоры кобанского и колхидского типов (рис. 14, *25–31*), кинжалы, наконечники копий, булавы (рис. 14, *1–21, 23, 24, 32, 33*). Изумительно разнообразен, но в целом несходен с циркумпонтийским мир металлических украшений. Вместе с тем территориальный охват очагов провинции поражает своими малыми размерами (рис. 13).

Иначе выглядело производство в рамках Европейской МП, по своим размерам существенно превосходившей Кавказскую. Производство в очагах этой провинции было направлено, главным образом, на отливку топоров-кельтов (рис. 14, *42–49*) и серпов (рис. 14, *52–59, 62*). Изготовлению иных орудий типа ножей и кинжалов, мечей, а также топоров и наконечников копий здесь уделяли уже существенно меньше внимания. Число бронзовых украшений на фоне бесконечных форм орудий и оружия крайне незначительно. Львиная доля всех этих десятков и десятков тысяч изделий сосредоточена в кладах, ряд которых не может не удивлять своими размерами – до тонны и даже более (Petrescu-Dîmboviţa, 1977).

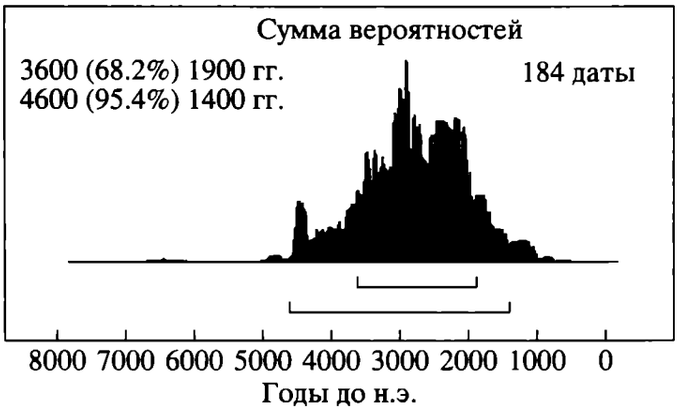

Рис. 12. Сумма вероятностей 184 радиоуглеродных калиброванных датировок материалов металлоносных культур лесной полосы Восточной Европы (см. рис. 1).

Абсолютно иной предстает перед нами картина при обращении к материалам наиболее обширной – Евразийской МП: ее пространственный охват в период апогея достигал 7–8 млн. км^2 (рис. 13). Разительным отличием от Кавказской и Европейской систем является достаточно определенное наследование и развитие в ее основных очагах традиционных для ЦМП форм орудий и оружия, а также технологии производства основного инвентаря. Это прослеживается не только на материалах ранней (I) фазы ПБВ среди комплексов восточноевропейской абашевской общности (рис. 15, *1–21*) или же синташтинской культуры (рис. 15, *22–35*), памятники которой концентрировались в Южном Зауралье (рис. 15). Сходная тенденция продолжалась и в более позднее время (фаза II ПБВ), что, в частности, хорошо заметно на металле обширной срубной общности (рис. 15, *36–59*). Здесь огромная доля производства сочеталась с отливкой и отковкой все того же знакомого нам "циркумпонтийского диагностического набора": втульчатых топоров, плоских тесел, ножей, желобчатых долот и проч. Конечно, в этом наборе нетрудно заметить и определенные морфологические подвижки и перемены, но генеральная тенденция развития оставалась вполне очевидной.

Наконец, эта же "непрерывность" в развитии канонов ЦМП находит свою косвенную поддержку и при анализе независимого от меди и бронз материала. Мы приводим здесь конечные результаты статистического анализа серии из 237 радиоуглеродных

[2] Чтобы не нарушать представленную здесь относительно полную картину древнейшей восточноевропейской металлургии, нельзя не упомянуть и о существовании особого – северного, лесного, весьма примитивного по технологии и основным формам металлопроизводства (Cernych, 1988; Chernykh, 1992. P. 185–189; Кузьминых, 1993), связанного с культурами охотников и рыболовов, оккупировавших пространства от Урала вплоть до Скандинавии (рис. 1). Ныне со многих десятков поселений этих культур собрана вполне представительная коллекция – до восьми сотен различных образцов меди. Все эти материалы, однако, свидетельствуют о фактическом отсутствии сколько-нибудь ясных следов воздействий развитой металлургии ЦМП на указанное металлопроизводство. При этом оба производства существовали параллельно не только на смежных пространствах, но и вполне синхронно. О последнем свидетельствует значительная серия из 184 калиброванных радиоуглеродных дат: при 68% вероятности хронологический диапазон этих культур укладывается в рамки 3600–1900 гг. до н.э. (рис. 12; образцы для датирования происходят фактически с памятников всех этих культур).

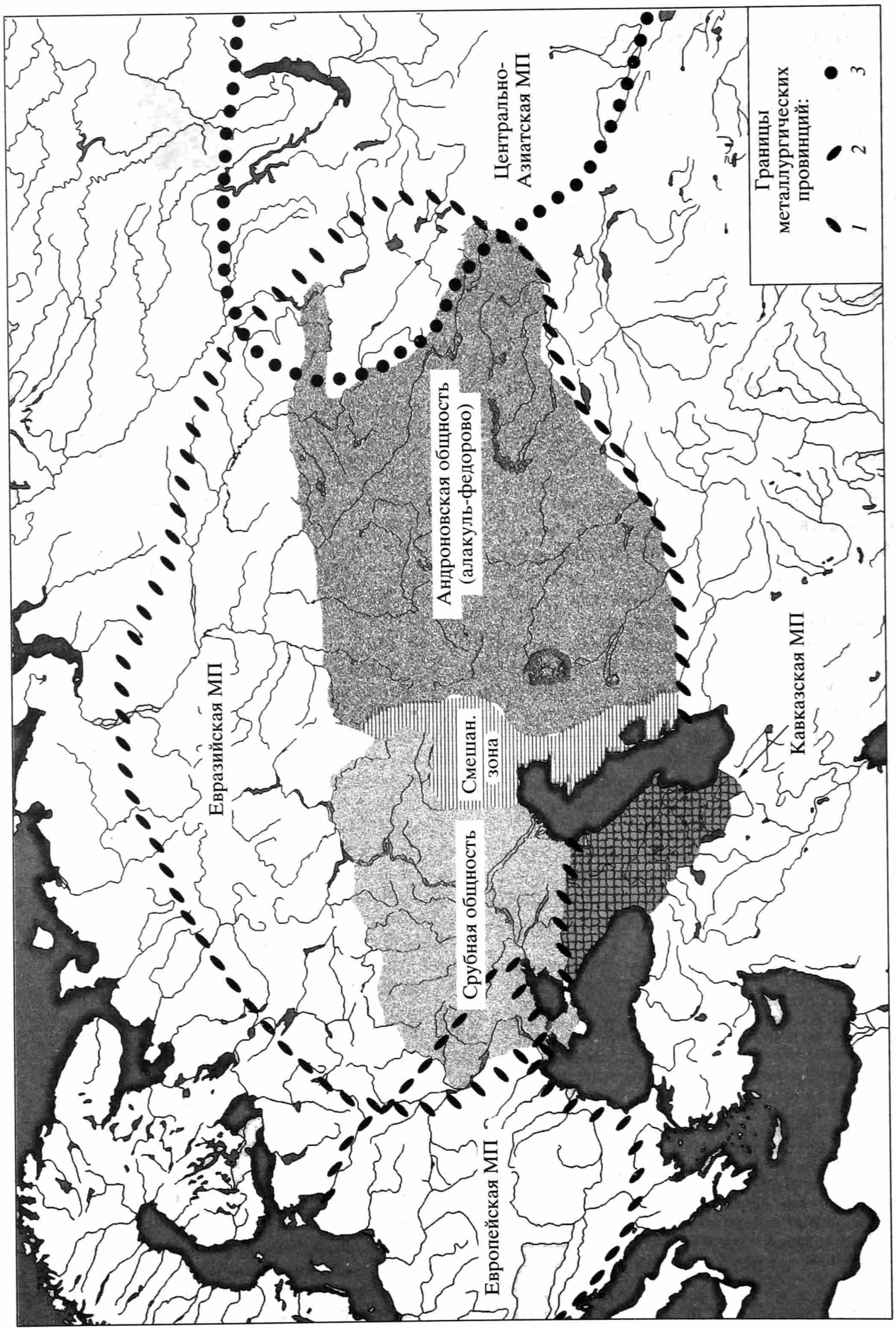

Рис. 13. Поздний бронзовый век. Границы металлургических провинций Евразии после распада ЦМП: *1* – Евразийская; *2* – Европейская, *3* – Центрально-Азиатская. Границы Евразийской провинции приведены на период ее второй фазы или же времени территориального апогея.

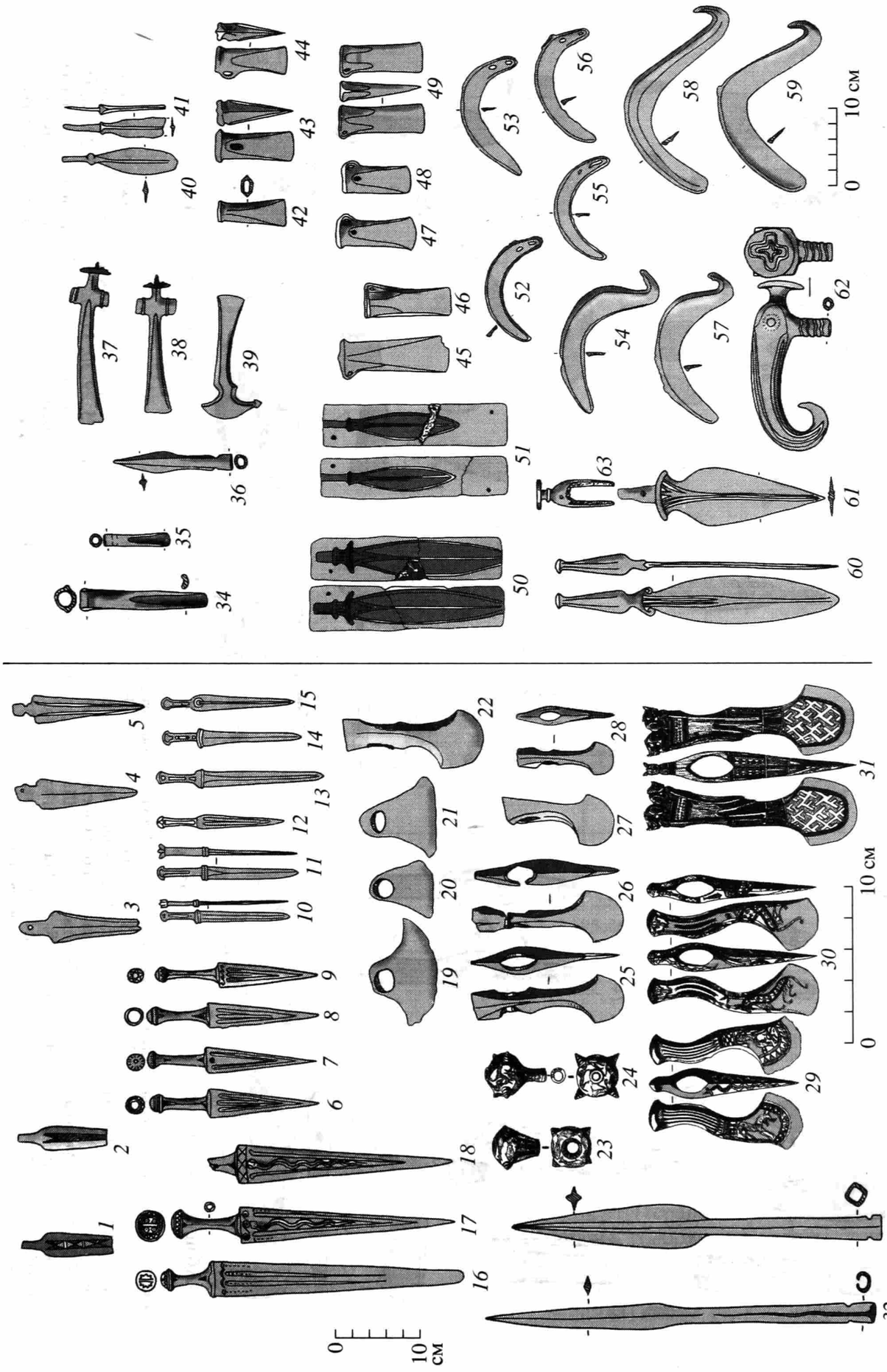

Рис. 14. Некоторые из важнейших видов орудий и оружия Кавказской и Европейской металлургических провинций.

1–9, 16–18 – Артик, грунт. м-к; *10* – Нор-Баязет, грунт. м-к; *11* – Нижний Адиаман, грунт. м-к; *12* – Хртаноц, грунт. м-к; *13–15* – Русский Талыш, курганы; *19–22, 27* – Хани, клад; *23, 24, 29–31* – Тли, грунт. м-к; *25, 26, 28* – Эргета I, грунт. м-к, п. 2; *32, 33* – Шилда, святилище; *34* – Сосновая Маза, клад; *35* – Кривой Кут, случайная находка; *36, 62, 63* – Лозово, клад; *37–39* – Журавлинка, клад; *40* – Солонцы, клад; *41* – Мындрешть, клад; *42, 45–47, 49, 52–57, 60* – Ингул, клад; *43, 44* – Маячки, клад; *48* – Бецилово, клад; *50, 51* – Красный Маяк, клад; *58, 59* – Авраамовка, клад; *61* – Борисовка, курган, п. 1.

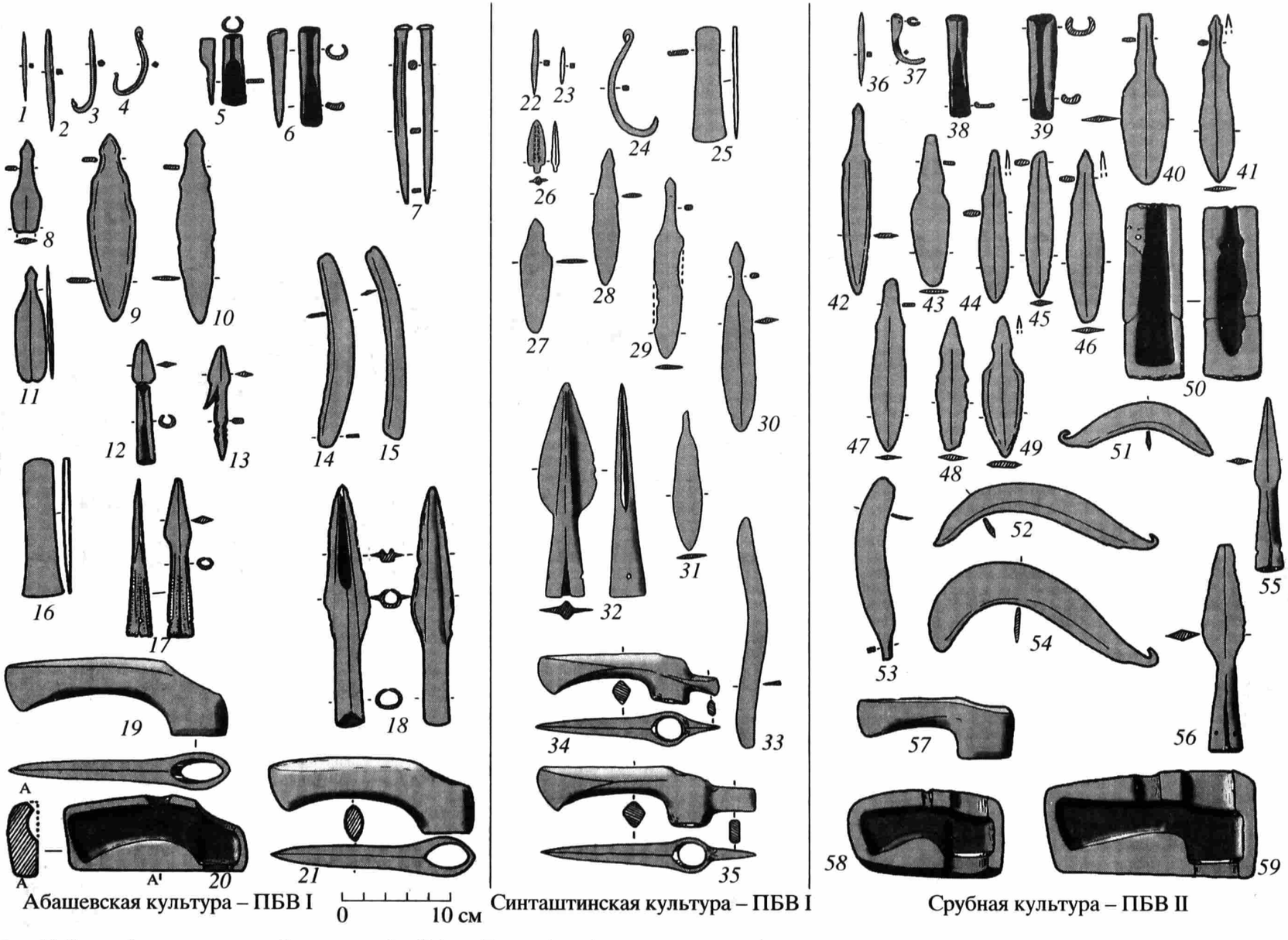

Рис. 15. Важнейшие виды орудий и оружия: I и II фаза Евразийской металлургической провинции.
1, 4, 7 – Баланбаш, пос.; *2, 5, 12, 13* – Долгая Гора, клад; *3, 6, 9, 14–17* – Верхне-Кизыльский клад; *8, 36* – Масловское пос.; *10* – Нижне-Чуракаево, оградка В, п. 1; *11* – Старая Тойда, к. 132, п. 8; *18* – Красный Яр, случайная находка; *19* – Миловка, клад; *20* – Пепкинский курган, коллективн. погр., глиняная литейная форма; *21* – Мало-Кизыльское пос.; Синташтинский м-к: *22, 23, 24, 27, 31, 34* – п. 3; *25, 29, 30, 35* – п. 39; *26, 33* – п. 7; *28* – п. 11; *32, 37, 39, 50, 59* – Мосоловка, пос.; *38* – Отрожка, пос.; *40* – Шаховка, случайная находка; *41* – Надеждино-Куракино, пос.; *42* – Козинцы, случайная находка; *43* – Воробьевка, курган; *44, 45, 48, 56* – Мазурка, курган; *46, 47* – Скорняково, курган; *49* – Бережновка, к. 1; *51* – Вьюнцы, случайная находка; *52* – Цимлянск, случайная находка; *53, 54* – Костенки, случайная находка; *55* – Полтавская (?) обл., случайная находка; *57* – Слащевская (река Хопер), случайная находка; *58* – Вовниги, случайная находка.

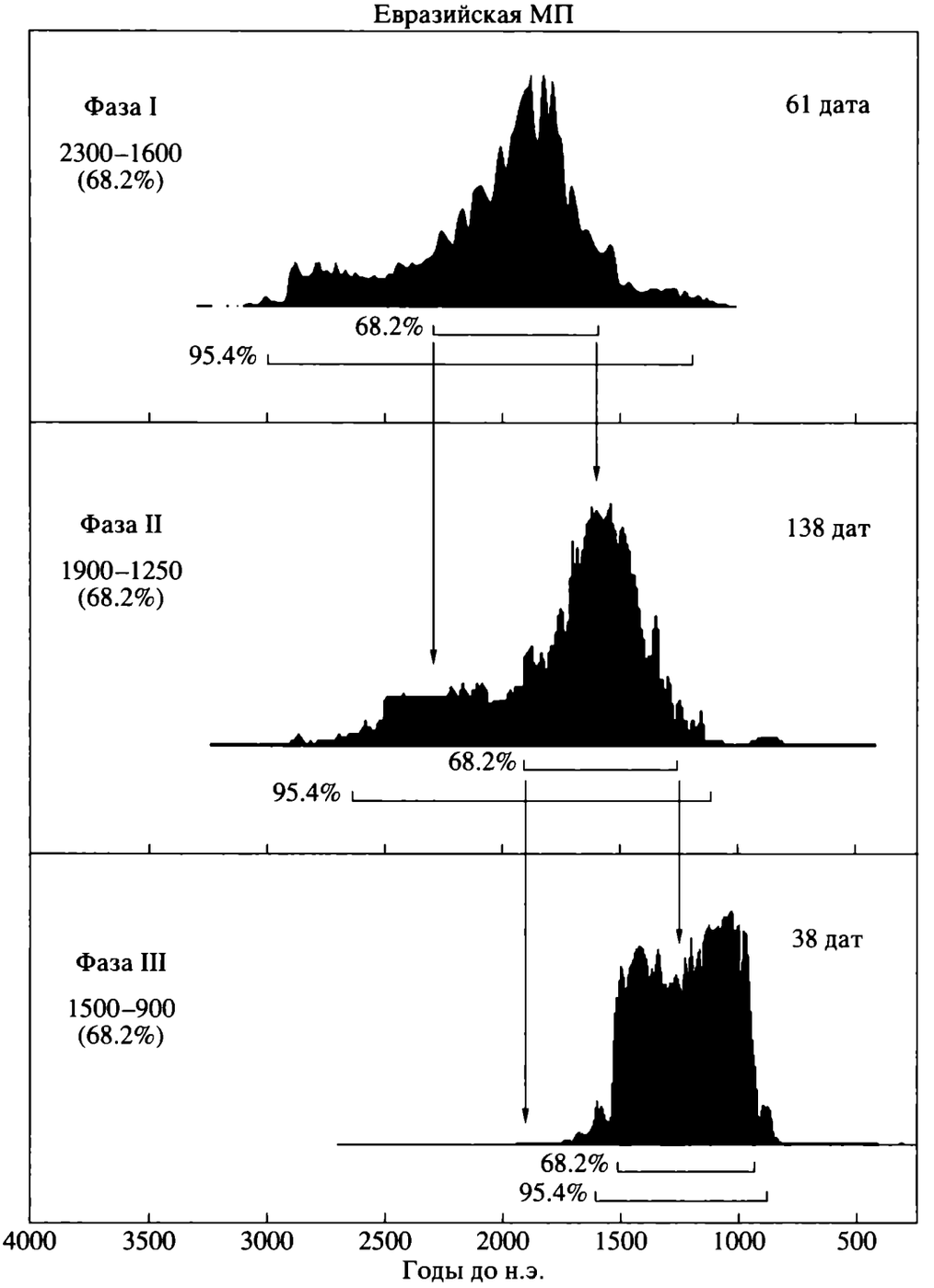

Рис. 16. Суммы вероятностей 237 калиброванных радиоуглеродных датировок материалов Евразийской провинции. Важнейшие источники для использованных датировок: I фаза – синташтинская, петровская культуры, абашевская общность; II фаза – "классическая" срубная, алакульская, федоровская культуры; III фаза – культуры общности валиковой керамики, позднеприказанская (маклашеевская) культура и др.

калиброванных датировок, сопряженных с материалами трех последовательных фаз Евразийской провинции (рис. 16). При 68% вероятности хронологический диапазон ранней фазы Евразийской МП должен соответствовать отрезку 2300–1600 гг. до н.э. Как и в случае сопоставления материалов РБВ и СБВ в рамках Циркумпонтийской провинции, здесь опять-таки мы сталкиваемся со взаимным наложением диапазонов в широких пределах до четырех столетий 2300–1900 гг. до н.э. Однако наложение это касается уже датировок СБВ, с одной стороны, а с другой, – ранней фазы Евразийской МП (сравните рис. 2, нижняя фигура и рис. 16). Иначе говоря, мы можем повторить, но уже с бóльшим основанием, что при непрерывном развитии какого-либо явления (в данном случае производства) серии радиоуглеродных датировок не демонстрируют жестких разъединительных швов, подобных тем, что столь отчетливо обнажились при сопоставлении Балкано-Карпатской и Циркум-

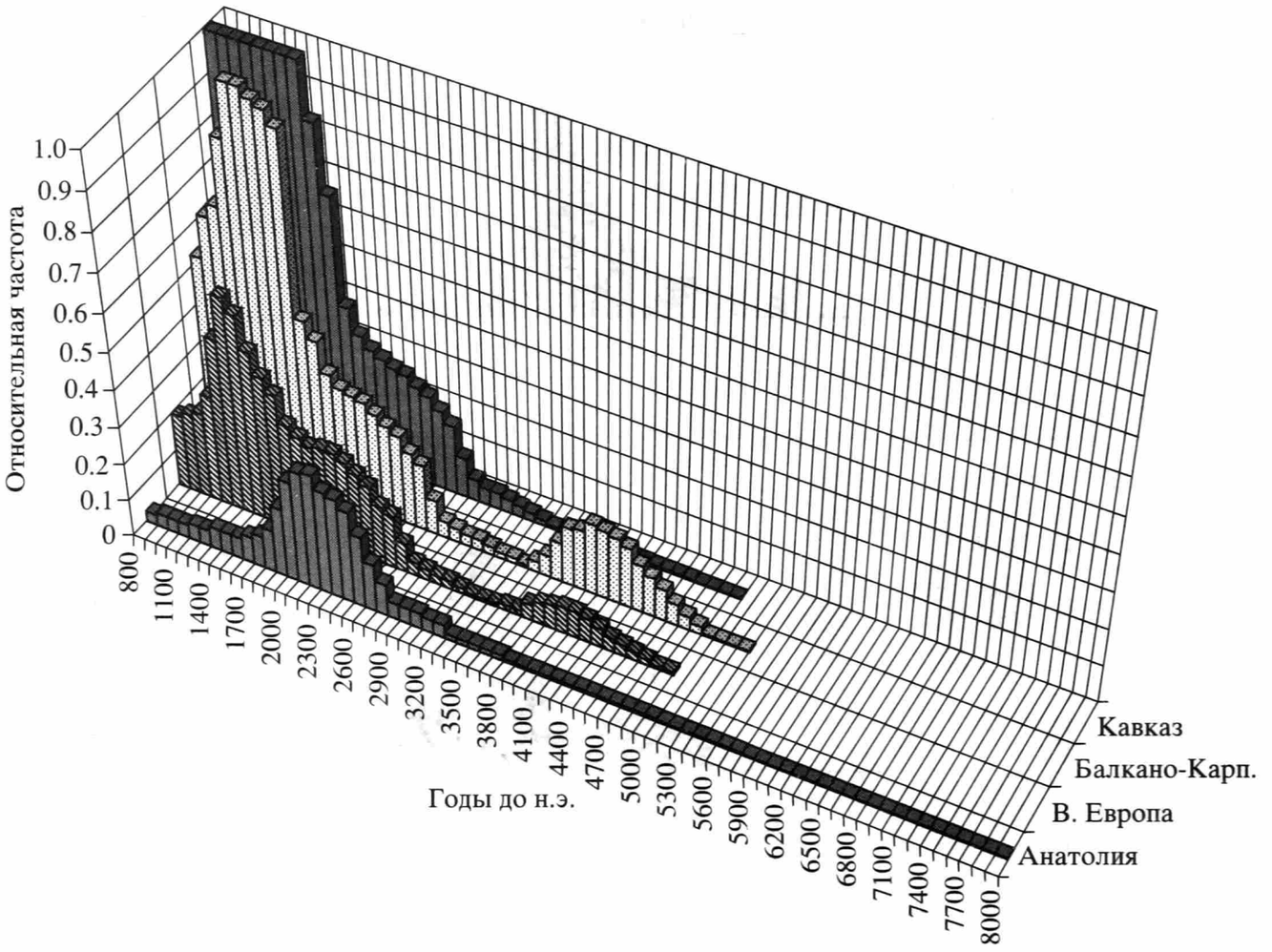

Рис. 17. Схема динамики производства и употребления меди и ее сплавов в основных регионах Циркумпонтийского ареала.

понтийской провинций (рис. 2, верхняя фигура). Аналогичные наблюдения имеют место и при последовательном сопоставлении серий датировок всех трех хронологических фаз Евразийской металлургической провинции (рис. 16).

Пожалуй, весьма существенным отклонением от канонов ЦМП в развитии очагов Евразийской провинции стала чрезвычайно малая здесь доля драгоценных металлов. Наша база данных для генеральной коллекции Евразийской МП содержит сведения примерно о 21 тысяче медных и бронзовых изделий, но на долю золота приходится лишь несколько сотен образцов. При этом само использование золота также не сходно с циркумпонтийским: по преимуществу здесь при обкладке бронзовых украшений употреблялась тонкая золотая фольга.

Позднебронзовый век резко и решительно раздробил некогда единую и гигантскую систему взаимосвязей Севера и Юга в Циркумпонтийском ареале. Теперь различные части бывшего феномена ЦМП обособились и приобрели отчетливо специфические черты. Процесс обособления мог порой приобретать даже черты блестящей изоляции, как это следует из анализа впечатляющей бронзовой индустрии Кавказской МП. Однако после деструкции ЦМП одним из наиболее поразительных и труднообъяснимых феноменов II тыс. до н.э. стало катастрофически резкое падение числа металлических изделий в Анатолии по сравнению с периодом СБВ (рис. 17). Бедные археологическим металлом памятники Хеттской империи в этом смысле чрезвычайно плохо поддаются истолкованию. Скудные и относительно безликие бронзовые коллекции хеттов особенно удручающе выглядят на фоне фантастического разнообразия металлопроизводства в соседних с Анатолией Кавказской и Европейской МП. И вряд ли отсутствие в Малой Азии традиции устройства насыщенных золотом могил может окончательно разъяснить ситуацию: ведь в Карпатском бассейне, к примеру, богатые металлами захоронения являлись, скорее, исключительной редкостью, нежели правилом. Во всяком случае, дискуссия по этой острой проблеме требует своего продолжения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты 99-06-80426, 01-06-80336 и 01-06-80339.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., Черных Е.Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.

Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблемы периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Пиотровский Ю.Ю. Изделия из золота и серебра на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1996.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М., 1998.

Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. ГМИИ им. А.С. Пушкина – Леонарде Арте. М., 1996.

Черных Е.Н. Аибунарский медный рудник IV тыс. до н.э. на Балканах (исследования 1971, 1972 и 1974 гг.) // СА. 1975. № 4.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.

Черных Е.Н. Древнейшее золото в циркумпонтийском ареале (V–III тыс. до н.э.) // Матер. конф. "Археология и социальный прогресс". Вып. 2. М., 1991.

Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Cernych E.N. Kupferzeit in Osteuropa: Grundmodelle der Kulturentwicklung // Rassegna di Archeologia. 1988. № 7.

Chernykh E.N. Ancient Gold in the Circumpontic Area. 5th–3rd millenia BC // Découverte du métal. Paris, 1991.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Cernykh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejshvili T.O. The Circumpontic Metallurgical Province as a System // EAST and WEST. 1991. V. 41. Nos. 1–4.

Esin U. Copper objects from the pre-pottery Neolithic site of Aşikli (Kizilkaya village, Province of Aksaray, Turkey) // Der Anschnitt. 1999. Bhft. 9. The Beginnings of Metallurgy.

Ivanov I.S. Der Bestattungsritus in der chalkolitischen Nekropole von Varna (mit einem Katalog der Wichtigsten Gräber) // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 55. Die Kupferzeit als historische Epoche. Teil 1. Bonn, 1991.

Macht, Herrshaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfängen einer neuen europäischen Zivilization. Saarbrücken, 1988.

Ozdoğan M., Ozdoğan A. Archaeological evidence on the early metallurgy at Çayönü Tepesi // Der Anschnitt. 1999. Bhft. 9. The Beginnings of Metallurgy.

Petrescu-Dîmboviţa M. Depozitele din bronzuri din Romania. Bucharest, 1977.

Tallon F. Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siècle avant J.-C. (2). Paris, 1987.

Yalçin U. Anfänge der Metallvervendung in Anatolien // Der Anshnitt. 2000. Bhft. 13. Anatolian Metal. I.

Ancient Metallurgy in the Circumpontic Area: from Unity to Disintegration

E. N Chernykh, L. I. Avilova, L. B. Orlovskaya, S. V. Kuzminykh

Summary

Anatolia is known as a cradle for the development of metallurgy on our Planet. Since the 8th to the second half of the 4th mill. BCE mining and metallurgy processes there were characterised by slackness. A brilliant explosion in improvement of these technologies took place in the North Balkans and Carpathian basin in the 50th–38th cc. BCE and led to formation of the Carpatho-Balkan metallurgucal province of the Copper Age. It influenced greatly East European steppe cultures as well. A sharp contrast is observed between the impressive production of the focuses comprised within this earliest European province, from the one hand, and the metal from coeval Anatolian and Caucasian cultures, from the other. The situation had changed rapidly after formation of the gigantic Circumpontic metallurgical province (CMP) in the second half of the 4th mill. BCE; this system covered an area from 5 to 6 million sq. km. It is associated with the periods of the Early and Middle Bronze Ages in Eurasia. The unify of producing technologies, functional and morphological sets of artefacts produced can be seen in standards of the sets of main and diagnostic categories of tools and weapons, and the technological modes applied for manufacturing them. The same unity is observed in production of metallurgical and metal-working centres that belonged to different blocks of archaeological cultures within the CMP. The differences between certain regions and cultural blocks are mirrored by rich sets of ornaments, and first of all, gold and silver ones. At present the computer database created and processed by the authors for metal artefacts from the territory of the CMP has exceeded 84 thousand items. Copper and bronze artefacts number around 24 thousand, gold ones – nearly 54 thousand, and silver – over 6 thousand objects. Approximately at the turn of the 3rd and 2nd mill. BCE the CMP system had disintegrated, within its territory a number of new entities emerged characterised by lack of similarity: disintegrative processes prevailed. Only Eurasian province had inherited to greater extent and developed the standards once worked out in the CMP. One of the most enigmatic problems in the history of metallurgy in the Circumpontic area remains that of a catastrophic decrease of metal production in the 2nd mill. BCE in Asia Minor (Hittite and post-Hittite periods).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 24–37

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА АТТИЧЕСКИХ ВАЗАХ ИЗ РАСКОПОК БОСПОРА

© 2001 г. М. В. Скржинская

Институт археологии НАН Украины, Киев

Многие аттические вазы VI–IV вв. до н.э. украшены разнообразными сценами с участием богов, героев и всевозможных фантастических существ. Для изображения одного, двух, трех подобных персонажей художнику достаточно было знать устные предания. Многофигурные же композиции составлялись на основе литературного изложения мифов в эпических поэмах, лирике, трагедиях, сатировских драмах. Такие композиции вазописцы либо создавали сами, либо заимствовали из произведений монументального искусства.

Эллинские художники первыми из европейских мастеров начали иллюстрировать литературные произведения. Древнейшие иллюстрации появились на предметах искусства вскоре после возникновения греческой литературы. Такова, например, ваза VII в. до н.э., на которой мастер Харет нарисовал героев "Эфиопиды" Арктина Милетского и надписал имена каждого персонажа (История..., 1946. С. 155. Рис. 7). Рукописи же стали украшать рисунками значительно позже, да они и не сохранились до нашего времени (Blank, 1992. S. 102–112).

Среди множества расписных ваз из раскопок Боспора можно выделить достаточно заметную группу с иллюстрациями разных литературных сочинений, по большей части теперь утраченных. Все эти вазы изготовлены в Афинах и почти все найдены при раскопках Пантикапея и его окрестностей. На азиатской части Боспора в числе интересующих нас ваз обнаружены лишь гидрия со сценой основания Фив героем Кадмом, ольпа с фигурами Афины, Кассандры и Аякса и амфора с картиной сражения греков и амазонок.

Вазовые рисунки – важнейшее свидетельство литературной образованности жителей Боспора. Ведь покупателя интересовали понятные ему сюжеты. Многофигурные композиции украшают более или менее крупные дорогие сосуды, которыми владели зажиточные и образованные боспоряне. Недаром почти все приведенные в статье вазы найдены в богатых погребениях.

Каждый грек с детства знал "Илиаду", "Одиссею" и другие поэмы Троянского цикла. По ним обучались грамоте в школе и запоминали наизусть много стихов, а некоторые эллины могли полностью декламировать целые поэмы (Xen. Symp. 12). Взрослые греки любили устраивать состязания в чтении стихов (Plat. Tim. 21). Такие состязания проводились и в Пантикапее. Сохранилась надпись на чернолаковой солонке, врученной, вероятно на дружеской пирушке, победителю в чтении стихов из эпических поэм (Блаватский, 1964. С. 93. Рис. 28).

Несмотря на ни с чем не сравнимую популярность "Илиады" и "Одиссеи", иллюстрации к ним на аттических вазах встречаются гораздо реже, чем рисунки на темы других поэм Троянского цикла (Boardman, 1985. P. 228–230), что отразилось и в находках на Боспоре.

С "Одиссеей" можно определенно связать лишь обломок килика середины VI в. до н.э. с распространенной в чернофигурной вазописи сценой бегства Одиссея из пещеры Полифема (Hom. Od. 425–460; Сидорова, 1984. С. 100. Рис. 21в). Вазописец изобразил Одиссея, привязанного к брюху барана; так герой обманул ослепленного им циклопа, который хотел уничтожить оказавшихся в его пещере греков и выпускал оттуда только свой скот.

Сцена из "Илиады" (XXII, 222–246) нарисована на чернофигурном лекифе. Мы видим Афину, принявшую облик Деифоба, любимого брата Гектора; богиня побуждает Ахилла сразиться с Гектором (ОАК, 1904. С. 53. Рис. 92; Шкорпил, 1904. С. 86. Рис. 8). Многочисленные вазовые рисунки со сценами всевозможных битв могли легко ассоциироваться с "Илиадой". Изображенные на них боевые колесницы и воины с беотийскими щитами ясно указывали зрителю, что вазописец иллюстрирует битву эпических времен, поскольку подобные щиты к VI в. до н.э. уже вышли из употребления, а боевые колесницы перестали использоваться в военном деле эллинов. В качестве примера подобной росписи укажем чернофигурную амфору с воином на колеснице и пешим гоплитом (ОАК, 1902. С. 26. Рис. 38). В "Илиаде" есть немало описаний сражений на боевых колесницах (VIII, 118–122; XX, 393–403, 497–504 и др.), а имя Автомедонта, управлявшего колесницей Ахилла, стало нарицательным для обозначения искусного возничего.

Более многочисленны и выразительны иллюстрации других поэм Троянского цикла. Таковы вазы со сценами из "Киприй", где излагались события, вызвавшие войну, и ее ход до начала "Илиады", а также иллюстрации к "Эфиопиде" и "Малой Илиа-

Рис. 1. Иллюстрация начала поэмы "Киприи". Прорисовка росписи пелики. 340-е годы до н.э.

де", в которых повествовалось об окончании Троянской войны. Эти поэмы известны сейчас лишь в кратких пересказах позднеантичных авторов.

Среди росписей, вдохновленных "Киприями", особый интерес вызывает рисунок элевсинского мастера на пелике 40-х годов IV в. до н.э. (ОАК, 1862. С. 39. Табл. 2; Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 39; Schefold, 1934. № 369; Metzger, 1951. P. 268; Beazley, 1963. P. 1467, 2; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 2. S. 135. № 1416). Это редчайшая иллюстрация начальных стихов поэмы (рис. 1). В них говорилось о совещании Зевса и Фемиды, обеспокоенных перенаселением земли. Чтобы избавиться от избытка людей, боги решили разжечь продолжительную войну. Подобное объяснение причин Троянской войны появилось через несколько столетий, во время Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н.э. Тогда из-за перенаселения греческих полисов множество эллинов устремилось искать новые земли на берегах Средиземного и Черного морей. Именно тогда возникла мысль о том, что боги затеяли Троянскую войну, чтобы сократить население мира. Возможно, это объяснение принадлежит автору "Киприй" – современнику расцвета колонизационного движения греков. Одни античные писатели называли его Стасином, другие Гегесием, он был киприотом и потому назвал свою поэму кипрскими песнями.

В центре картины на пелике находится Зевс, беседующий с Фемидой. Рядом с ним с одной стороны стоит Афина, покровительница ахейцев в будущей войне, с другой – вестник богов Гермес. Он сообщил Парису о том, что тот должен избрать прекраснейшую среди трех богинь. За спиной Фемиды в кресле сидит избранница Париса Афродита, а около нее – Пейто, богиня любовного убеждения. С ее помощью Афродита склонит Елену покинуть своего мужа Менелая и бежать с троянским царевичем Парисом. Месть за похищение послужит поводом к войне.

Кратер, расписанный мастером Кадма в 30-е годы V в. до н.э. украшен картиной суда Париса (ОАК, 1863. С. 31. Табл. 3, 4; Beazley, 1963. P. 1185. № 7; Metzger, 1951. P. 269. № 5; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 4. S. 707). Рисунок расчленен на два яруса (рис. 2). В верхнем находятся богини Фемида и Эрида. Благодаря их замыслам свершился суд Париса, изображенный в нижнем ярусе картины. Там в центре сидит Парис в роскошной восточной одежде, указывающей на его малоазийское происхождение. К нему обращается Гермес, сообщая о воле богов, а по бокам расположились прибывшие на суд богини: справа – Афина и Афродита со своим сыном Эротом, слева Гера и ее дочь Геба. На пелике середины IV в. до н.э. другой вазописец несколько иначе представил суд Париса, которому надлежит сделать выбор лишь между двумя богинями: Афиной и Афродитой (ОАК, 1864. С. 5. Табл. 1; Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 96. № 3). Вероятно, Парис сразу решил отвергнуть дар Геры и колебался между желанием иметь славу победителя, обещанную Афиной, и обладать прекраснейшей женщиной, которую сулила ему Афродита. Иллюстрации с выбором между двумя богинями появились уже в чернофигурной вазописи (Boardman J., 1985. P. 229).

Другая сцена из "Киприй" представлена на гидрии второй четверти IV в. до н.э. (ОАК, 1863. С. 111. Табл. 5, *1*, *2*; Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 71. № 2; Schefold, 1934, № 159; Metzger, 1951. P. 280. № 35; Lexicon..., Bd. 4. S. 519. № 98). Здесь Парис уговаривает Елену бежать с ним в Трою (рис. 3). А на лекифе того же времени изображено, как они уезжают на квадриге (рис. 4) (ОАК, 1863. С. 122. Табл. 5, *3*, *4*; Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 73. № 3; Schefold, 1934. № 291; Metzger, 1951. P. 280. № 36; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 4. S. 531. № 172). На обеих вазах около центральных фигур витают крылатые эроты, символизирующие чувства влюбленных. Елена изображена полуобнаженной с ожерельем на шее и браслетом на запястье, а Парис – в пестрой восточной одежде, включающей такие явно негреческие элементы, как шаровары и высокая шапка.

К предыстории Троянской войны относится роспись килика, от которого сохранился лишь фрагмент (ОАК, 1871. С. 181, 182. Табл. 4, *3*). На нем была показана борьба Пелея и Фетиды, будущих родителей Ахилла. Противясь решению богов стать женой смертного, нереида Фетида убегала от жениха и боролась с ним, превращаясь в разных зверей. Но в конце концов она покорилась, и боги отпраздновали задуманную ими свадьбу. Вазописец нарисовал змею, обвивающую шею нереиды, и львов около ее груди; так художник показал, в каких животных обращалась Фетида в единоборстве с Пелеем.

Несколько рисунков со сценами заключительного этапа Троянской войны иллюстрируют "Эфиопиду" Арктина Милетского. Он описывал, как на помощь троянцам прибыло войско эфиопов во главе с царем Мемноном, сыном брата Приама Тифона и богини утренней зари Эос. Вазописцы неоднократно изображали воинов Мемнона неграми с характерными для них чертами лица.

Два алабастра украшают фигуры негров (Горбунова, 1979. С. 37. Рис. 1, *3*); они облачены в панцири, надетые на рубашку с длинными рукавами, и в скифские шаровары. Один из них вооружен боевым топором, скифским луком и щитом. Издавая упомянутые алабастры, К.С. Горбунова (1979. С. 37) объяснила изображения негров как своеобразный ярлык, удостоверяющий подлинно восточное происхождение благовонного масла, наполнявшего сосуды. Однако при таком толковании остается неясным, почему негры вооружены и почему подобные "ярлыки" весьма редки. На наш взгляд, здесь представлены воины Мемнона.

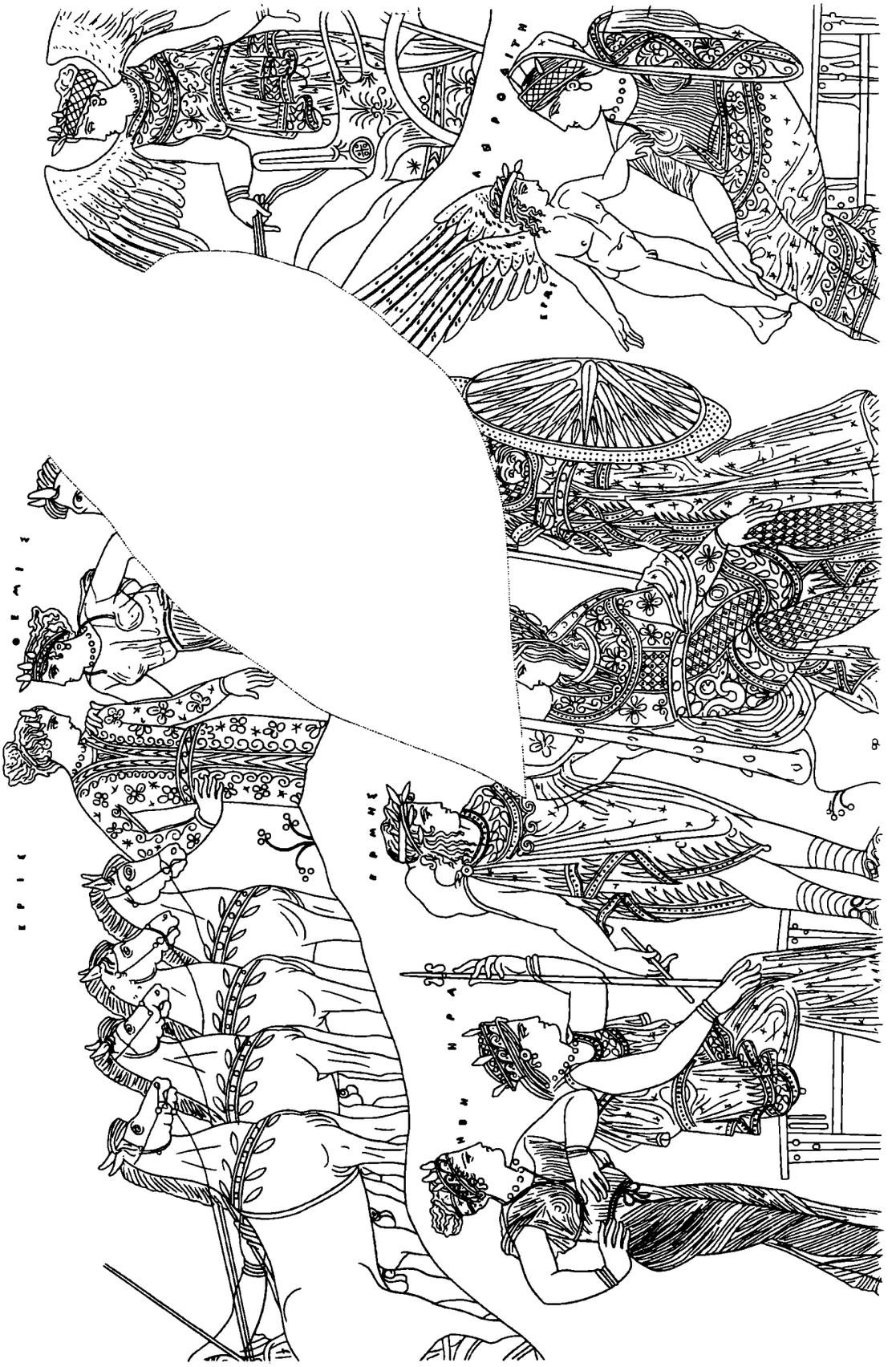

Рис. 2. Суд Париса. Прорисовка росписи кратера мастера Кадма. 430-е годы до н.э.

Рис. 3. Парис, уговаривающий Елену бежать в Трою. Прорисовка росписи гидрии. 370–360 годы до н.э.

Рис. 4. Парис, увозящий Елену на колеснице. Прорисовка росписи лекифа. 370–360 годы до н.э.

Ведь иллюстрации эпических поэм встречаются и на других чернофигурных алабастрах, в том числе и из Северного Причерноморья. На одном из них, например, изображен бой гоплита и скифа (Горбунова, 1979. С. 42–44. Рис. 8). Показателем иллюстрации эпической поэмы здесь является беотийский щит гоплита (рис. 5). Изображая воинов Мемнона, художник не знал костюма и вооружения негров. Однако он стремился показать их отличие от греков и потому облачил своих героев в скифские шаровары и снабдил скифским оружием. Ведь вазописцы рисовали именно скифов чаще других варварских племен, выступавших на стороне троянцев (Vos, 1963. P. 34–38).

Мы не знаем, в какой из эпических поэм рассказывалось об участии скифов в Троянской войне. В античной литературе сохранились лишь одно беглое упоминание об этом в "Географии" Страбона (XII, 3, 22). Он справедливо считал такой сюжет выдумкой позднейших времен. Действительно, скифы впервые появились в Малой Азии лишь в VII в. до н.э., т.е. через несколько столетий после Троянской войны. Их вторжение и господство в течение 28 лет описано у Геродота (I, 104–106). Вероятно, это событие, а также служба скифов во вспомогательном греческом войске в VI в. до н.э. (Vos, 1963. P. 65), своеобразно отразились в фантазии авторов эпических поэм, о содержании которых сейчас можно судить по многочисленным вазовым рисункам. На них скифы присутствуют в сценах сражения Диомеда и Гектора, бегства Энея из Трои, мольбы Приама отдать ему тело убитого Гектора и др. (Vos, 1963. P. 20, 21, 35, 38). О том, что вазописцы изображали именно скифов, свидетельствуют надпись на одной вазе и характерные скифские шапки и гориты, которые имели только скифы (Vos, 1963. P. 41, 42, 49, 50).

К этой серии ваз относится уже упомянутый алабастр с поединком гоплита и скифского лучника (рис. 5) и чернофигурная ойнохоя (Штітельман, 1977. № 20, 21). На ней изображены два гоплита в шлемах с опущенными забралами, они атакуют бегущего скифа; на голове у него остроконечная шапка, а у пояса висит горит. Беотийские щиты в руках греков несомненно указывают на иллюстрацию сражения, воспетого в эпосе. Вероятно, к подобным иллюстрациям следует отнести обломок краснофигурного килика с изображением воина в скифской шапке рядом с юношей, ведущим коня (Сидорова, 1992. С. 227. Рис. 15), а также пелику со сценой единоборства двух воинов и убегающим юношей в условной восточной одежде, в

Рис. 5. Сражение гоплита и скифа. Алабастр. 470-е годы до н.э.

которой вазописцы IV в. до н.э. рисовали скифов и амазонок (Шкорпил, 1909. С. 19. Рис. 12).

Упоминание о скифах в поэмах Троянского цикла было особенно ценным для северопричерноморских эллинов, потому что деяния местного населения связывались таким образом с древней историей Эллады и давали колонистам ощущение превосходства над соседями. Ведь скифы выступали в эпосе на стороне потерпевших поражение троянцев.

Наряду со скифами и эфиопами на помощь троянцам, согласно "Эфиопиде", пришли амазонки во главе с царицей Пентесилеей. Композиции битв амазонок с греками украшают многие вазы VI–IV вв. до н.э., найденные на Боспоре (Древности..., 1854. Табл. 21; Кобылина, 1951. С. 141. Рис. 33; С. 152. Рис. 10, *2*; С. 156. Рис. 14; Сидорова, 1984. С. 103. Рис. 23*в*, *д*; 1992. С. 209. Рис. 42; С. 218. Рис. 10*а*; С. 220. Рис. 15*а*; Schefold, 1934, № 375, 376, 377, 449 и др.). Среди них особо можно выделить многофигурную композицию на амфоре 30-х годов IV в. до н.э. из Зеленского кургана на Тамани (Шкорпил, 1916. С. 23. Рис. 5; Schefold, 1934. № 1). Такие рисунки могли восприниматься не только как иллюстрации к "Эфиопиде", но также к поэмам о битвах Геракла и Тесея с амазонками.

Сюжеты "Эфиопиды" и "Малой Илиады" были сходны. Поэтому из-за утраты их текстов и краткости пересказов содержания зачастую трудно решить, которую из этих поэм иллюстрирует вазописец. Но в некоторых случаях можно понять, какую версию избрал художник. Так, мастер Олтос в конце VI в. до н.э. изобразил на килике встречу Менелая и Елены после завоевания Трои (рис. 6). Менелай с обнаженным мечом ведет к кораблю свою неверную жену. Здесь отразилась версия Арктина, а в "Малой Илиаде" поиному описывалась драматическая встреча супругов (Штерн, 1990. С. 73–92).

Стихи из "Эфиопиды" вспоминались и при взгляде на роспись лекифа IV в. до н.э. со сценой нападения Неоптолема на Приама и Гекубу, ищущих укрытия у алтаря Зевса (Древности..., 1854. Табл. 48, *1–3*; ОАК, 1864. С. 147). В "Малой Илиаде" говорилось, что Приам погиб не у алтаря, а у ворот своего дворца (Paus. X, 27; Wienke, 1954. P. 288, 289).

К заключительному этапу Троянской войны относится картина на чернофигурной ольпе. Там изображено нападение Аякса на Кассандру, которую защищает Афина (ОАК, 1918. С. 143. Рис. 224; Сорокина, 1957. Табл. 7, *2*). Судьба некоторых героев после окончания войны иллюстрируется на ойнохое конца V в. до н.э., украшенной рельефными фигурами (Zervoudaki, 1968. S. 32. № 59; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 1. S. 224. № 9). Там представлен известный герой Троянской войны Тевкр, о чем гласит надпись над его головой, и женщина с ребенком на коленях. Это Текмесса, захваченная в плен Аяксом, и их сын Эврисак. Перед самоубийством Аякс поручил своему брату Тевкру заботиться о маленьком сыне (Kopcke, 1969. S. 549; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 7. S. 245).

В Элладе Фиванский цикл мифов немногим уступал по популярности Троянскому, но иллюстрировали его значительно реже. Среди ваз, найденных на Боспоре, отметим всего три. Сцена из широко известного сказания об Эдипе и сфинксе украшает две пелики IV в. до н.э. Эдип стоит перед крылатым львом с женской головой и отвечает ему, что в загадке: "кто ходит утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах", имеется в виду человек в младенческом, зрелом и старом возрасте. Этот сюжет многократно излагался в эпических поэмах и драматических произведениях. О знании таких сочинений на Боспоре в IV в. до н.э. наряду с упомянутыми вазами свидетельствует роспись на ткани, служившей покрывалом на саркофаг в шестом Семибратнем кургане (Герцигер, 1973. С. 74). На том же покрывале вместе со сценой мифа об Эдипе изображена борьба Пелея и Фетиды, запечатленная на упомянутых выше вазах.

Основание Фив героем Кадмом представлено на гидрии, которую расписал вазописец, получив-

Рис. 6. Встреча Менелая и Елены после падения Трои. Фрагмент килика. 515–500-е годы до н.э.

ший по этой своей одной из лучших работ имя мастера Кадма (рис. 7). Центр композиции занимает Кадм и его покровительница Афина. У ног героя гидрия с водой из источника Фива, давшего название будущему городу. За спиной у Кадма его жена Гармония, а справа от Афины – женщина в диадеме, вероятно, олицетворяющая источник (ОАК, 1862. Табл. 5; Lexicon..., 1981–1997. Bd. 1. S. 298; Bd. 5. S. 866).

Сохранившаяся в незначительных фрагментах поэма Аристея Проконесского "Аримаспея" начиная с VI в. до н.э., служила грекам важнейшим источником знаний о северных странах. Недаром Геродот, описывая северный край ойкумены, назвал Аристея в числе немногих авторов, трудами которых он пользовался при написании своей "Истории". Опираясь на "Аримаспею", Геродот рассказал о фантастическом племени одноглазых аримаспов, ведущих борьбу со сторожащими золото грифонами. Вероятно, сочинение Аристея пользовалось большой популярностью в Северном Причерноморье, потому что афинские художники в IV в. до н.э. рисовали этот сюжет на вазах так называемого керченского стиля, специально предназначенных для вывоза на Боспор. На многих пеликах изображены аримаспы в условных восточных костюмах, ибо античные авторы причисляли их к скифским племенам (Diod. Sic., II, 43, 5). Они борются с грифонами, то побеждая их, то терпя поражение. Грифоны представлены крылатыми чудовищами величиной с коня, головы у них иногда львиные, но чаще орлиные на длинной шее с чешуей (Кобылина, 1951. С. 143, 144. Рис. 4, 6; Schefold, 1934. № 360, 381, 408, 411, 420–423, 455, 539). На одном лекифе под нападающим на аримаспа грифоном находятся три позолоченных шарика, символизировавшие охраняемое чудовищем золото (Уильямс, Огден, 1995. С. 159. Рис. 49).

В IV в. до н.э. на вазах, привозившихся на Боспор, наряду с сюжетами из эпических поэм появляются иллюстрации к иным литературным произведениям. Таковы, например, рисунки, вдохновленные сатировскими драмами. Одна такая картина украшает ойнохою с изображением сатира, подкрадывающегося к нимфе, которая разговаривает с маленьким сыном-сатиром (Передоль-

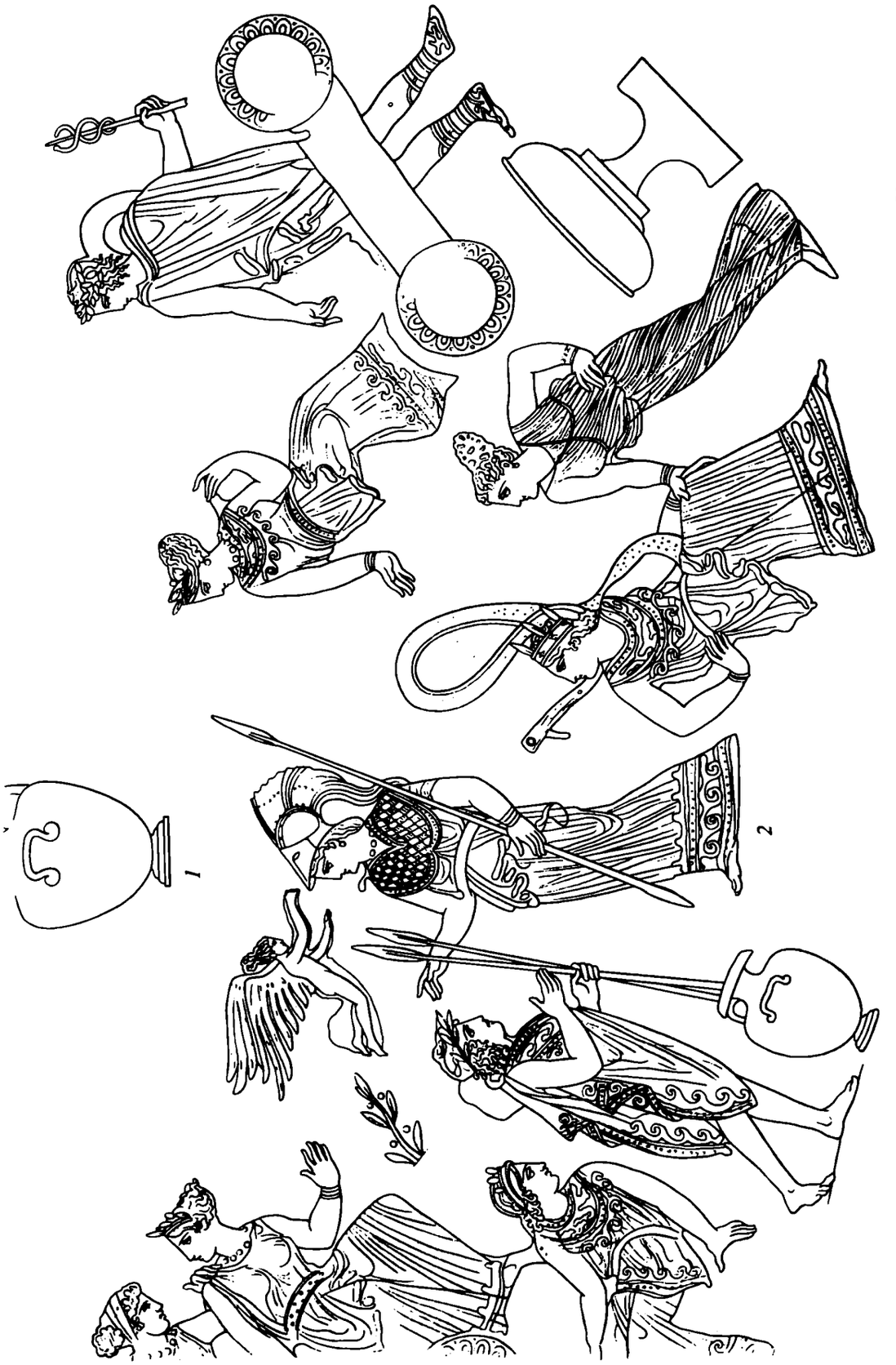

Рис. 7. Иллюстрация мифа об основании Фив героем Кадмом. Прорисовка росписи гидрии. Последняя четверть V в. до н.э.

Рис. 8. Иллюстрация сатировской драмы о воспитании маленького Диониса. Прорисовка росписи леканы. 370–360 годы до н.э.

ская, 1967. С. 63). На крышке леканы представлено воспитание младенца Диониса в окружении нимф и сатиров (ОАК, 1863. С. 28. Табл. 2, 2; Schefold, 1934. № 18; Metzger, 1951. P. 107. № 5). Среди них находится музыкант, играющий на аулосе (рис. 8). В отличие от обнаженных сатиров он облачен в длинный нарядный хитон, характерную одежду музыкантов, аккомпанировавших актерам в греческом театре. Близкую параллель фигуре этого музыканта можно увидеть на мозаике II в. до н.э. со сценой обучения актеров, изображающих сатиров (История..., 1946. С. 320. Табл. 32). Здесь музыкант стоит в той же позе и держит две трубки аулоса, он одет в такой же длинный широкий хитон и увенчан венком, как на упомянутой лекане.

Вероятно, какое-то стихотворное произведение вдохновило художников, расписывавших рыбные блюда со сценой похищения Европы (рис. 9). Обломки подобных блюд во множестве найдены в разных частях Боспорского царства (Циммерман, 1979. С. 61–68), а шесть экземпляров сохранились полностью (ОАК, 1882. С. 106–109; Schefold, 1934. № 51, 55–59; Barringer, 1991. P. 657–667). На них воспроизводится одна и та же композиция с некоторыми вариациями. В первой четверти IV в. до н.э. эти блюда расписывались в одной мастерской специально для вывоза на Боспор, потому что до сих пор они обнаружены только при раскопках Керченского и Таманского полуостровов (Циммерман, 1979. С. 78).

Рис. 9. Иллюстрация произведения о похищении Европы. Прорисовка росписи рыбного блюда. Первая четверть IV в. до н.э.

На всех блюдах представлены Зевс, сидящий на троне, и приближающаяся к нему Европа; ее везет на Крит Зевс в ипостаси быка. Девушка либо сидит боком на его спине, либо как бы парит рядом, держась за рог своего похитителя. Европу сопровождают нереиды, едущие на морских конях гиппокампах, тритоны и эроты. На некоторых блюдах изображены также повелитель водной стихии Посейдон и вестник богов Гермес, помогавшие Зевсу при похищении Европы. У ног мифических персонажей по внешнему краю блюд нарисованы различные обитатели моря: большие и маленькие рыбы, морские звезды и раковины.

Миф о любви Зевса к дочери финикийского царя Европе был популярен на протяжении всей античности. Гомер в двух стихах Илиады (XIV, 321–322), говоря о "дочери знаменитого Феникса", считал, что его слушатели прекрасно знают, как Зевс, обратившись в быка, похитил Европу; сидя на его спине, царевна приплыла по морю на Крит. Здесь бог принял свой прежний вид, сочетался браком с Европой и она родила Миноса, будущего царя Крита, Радаманта и Сарпедона.

По упоминаниям античных авторов известно, что уже в архаический период о похищении Европы существовали специальные сочинения Эвмела Коринфского, Стесихора и Симонида Кеосского. Излагая миф о Европе, Овидий в "Метаморфозах" (II, 833–875) и в "Фастах" (V, 605–625) опирался на эти и другие утраченные произведения греческих писателей. Единственный сохранившийся образец из серии подобных древнегреческих произведений – небольшая поэма Моска "Европа". В ней описано почти все, что мы видим на роспи-

сях блюд, найденных на Боспоре, хотя поэт жил значительно позже, во II в. до н.э.:

"Бык же на волны вступил и помчался, подобно дельфину,
Даже копыт не смочив, пробегал он по волнам широким.
Всюду, где он проходил, воцарялось на море затишье.
Разные чуда морские вкруг Зевсовых ног извивались.
Недр обитатель дельфин, веселясь, на волнах кувыркался.
Много всплыло над водой Нереид, и усевшись на спинах
Разных чудовищ морских, проплывали без счета рядами.
Даже и грозношумящий владыка, земли колебатель
Сглаживал волны и был провожатым по моря тропинкам
Брату родному. Вокруг же него поднимались тритоны,
Те, что моря оглашают шумящими звуками рога,
В длинные дули ракушки, приветствуя свадебной песней.
Севши на Зевса бычачьей спине, ухватилась Европа
Крепко одною рукой за изогнутый рог, а другою
Бережно длинный подол поднимала пурпурной накидки.

Перевод М.Е. Грабарь-Пассек.

Мосх пишет, что "бык бежал по волнам, не омочив копыт", и на вазах изображается бегущий, а не плывущий бык. У поэта Европа держится одной рукой за рог быка, и именно так ее рисовали аттические вазописцы. Мосх описывает, как Посейдон помогал своему брату Зевсу, и на некоторых блюдах нарисован этот бог с трезубцем. Навстречу Европе, по словам Мосха, выплывали разные мифические существа: нереиды на разных морских чудовищах и тритоны. Они также присутствуют на рассматриваемых блюдах.

У поэта нет лишь эротов, фигурами которых художник подчеркивал любовный и брачный смысл мифа, а также всевозможных рыб, ракушек и морских звезд; они вызывали у зрителя представление о морском пути Европы на Крит, подобно упомянутым в стихах волнам.

Итак, Мосх, уроженец Сицилии, развивает поэтическую традицию утраченных теперь литературных произведений, которые знали вазописцы IV в. до н.э. Поэтому поэма, написанная двумя столетиями позже, прекрасно раскрывает содержание росписей рыбных блюд, найденных на Боспоре. Возможно, вазописцы не вполне самостоятельно создавали свои иллюстрации, а вдохновлялись, как это неоднократно бывало, какой-то картиной, написанной на сюжет популярного в начале IV в. до н.э. литературного произведения.

В заключение рассмотрим одну из лучших ваз из раскопок Пантикапея (рис. 10, 11). Это лекиф с рельефными фигурами и краснофигурной росписью, изготовленный мастером Ксенофантом в 80-е годы IV в. до н.э. (Древности..., 1854. Табл. 45, 46; Передольская, 1945. С.47–67; Schefold, 1934. № 366; Beazley, 1963. P. 1407. № 1). Его имя, исполненное позолоченными буквами, опоясывает шейку сосуда. Тулово лекифа украшено сложной двухъярусной композицией, включающей 12 охотников, которые поражают двух кабанов, лань, львиноголового и орлиноголового грифонов; охота происходит на фоне пальмы, лавровых деревьев и двух аканфов, увенчанных треножниками.

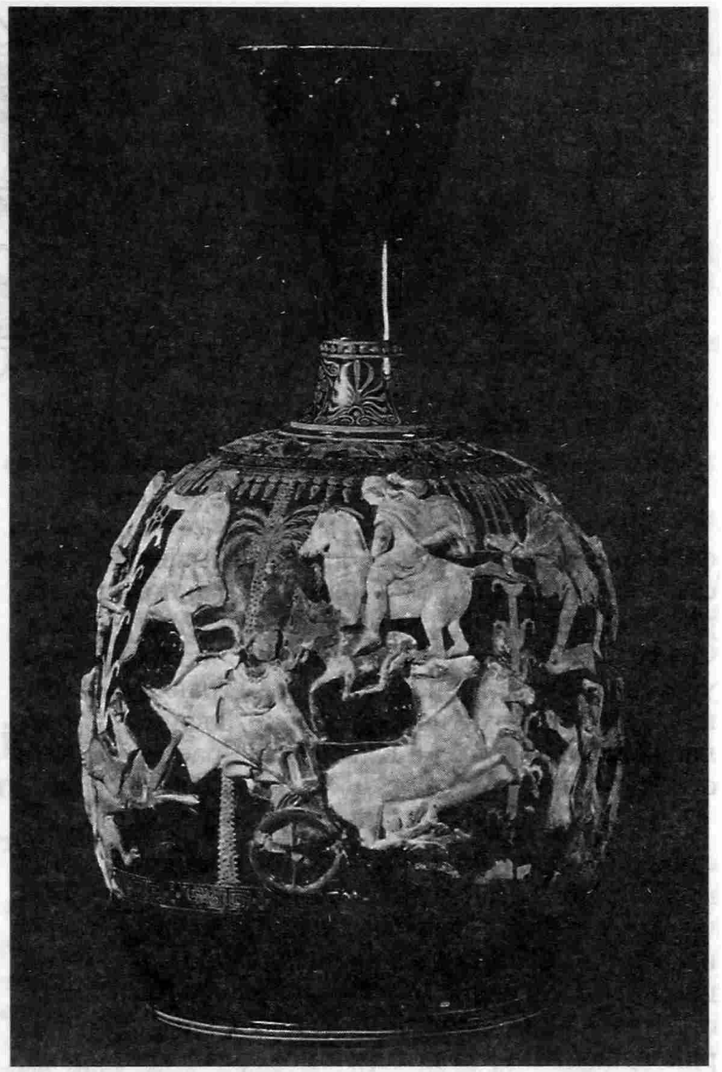

Рис. 10. Иллюстрация произведения об охоте персов и греков. Лекиф мастера Ксенофанта. 380 годы до н.э.

Около семи охотников написаны их имена: пять персидских (Аброком, Дарий, Кир, Сейсам, Атрамис) и два греческих (Клитий и Эвриал). Такое количество имен несомненно указывает на литературный источник, вдохновивший Ксенофанта. Ведь в устных рассказах обычно упоминается не более двух-трех имен главных действующих лиц (Пропп, 1963. С. 67).

Фантастические грифоны, священные пальмы и лавры, а также аканфы с треножниками показывают, что сюжет картины Ксенофанта относится к отдаленным мифическим временам. Из литературного описания охоты мастер избрал пять эпизодов. Главный он поместил в центре нижнего ряда: Аброком на колеснице, запряженной парой скачущих коней, поражает копьем кабана. Центральные фигуры верхнего ряда – всадник Дарий, убивающий лань копьем. Он сам справился с животным, поэтому Кир останавливает спешащих на помощь двух охотников, один из которых собирался спустить собаку. Две сцены в нижнем ряду посвящены расправе с фантастическими гри-

Рис. 11. Прорисовка сцены охоты на лекифе Ксенофанта. 380 годы до н.э.

фонами. При поддержке других охотников Сейсам боевым топором убивает львиноголового рогатого, а Атрамис – орлиноголового грифона. Отдельная сцена в верхнем ряду иллюстрирует участие в охоте греческих героев, травящих кабана с помощью охотничьей собаки. Эвриал направляет в кабана копье, а Клитий собирается пустить стрелу из лука.

Охота на грифонов вызывала у зрителя представление о далеких мифических временах, когда герои сражались с чудовищами. Среди них встречались не только фантастические, но и известные из реальной жизни животные, однако отличавшиеся особой свирепостью или удивительной быстротой и неутомимостью. Таковы, например, Керинейская лань, за которой долго гнался Геракл, чтобы доставить ее царю Эврисфею, или огромный Калидонский вепрь. Для его уничтожения собрались герои со всей Эллады, о чем неоднократно писали античные авторы, перечисляя десятки имен. Иллюстрации Калидонской охоты известны на многих вазах, начиная со знаменитого кратера Франсуа, на котором написаны имена не только охотников, но и их собак (Boardman, 1985. P. 34. № 46).

Вероятно, лань и кабаны на лекифе Ксенофанта – такие же легендарные существа, как и грифоны, Керинейская лань и Калидонский вепрь. Наличие греков среди персидских охотников не должно вызывать удивления, поскольку эллины издавна служили восточным царям и вельможам и были хорошо знакомы с историей и культурой стран Азии.

Таким образом, анализ изображения на лекифе Ксенофанта позволяет составить представление об одном из утраченных сочинений античной литературы. В нем описывалась легендарная охота персов, на которую были приглашены греческие герои. Это произведение знали образованные боспоряне; ведь трудно представить, что, приобретая столь дорогой сосуд, покупатель не ведал, что на нем изображено.

Итак, анализ вазовых рисунков позволил значительно расширить наши сведения о литературной образованности жителей Боспора в VI–IV вв. до н.э. Иллюстрации произведений греческих писателей показывают, что на северном краю ойкумены широкой известностью пользовались эпические поэмы "Илиада", "Киприи", "Эфиопида", "Аримаспея". Вазы второй половины V–IV в. до н.э. свидетельствуют о знакомстве с поэмами фиванского цикла, сатировскими драмами и не известными по другим источникам сочинениями о похищении Европы и об охоте персидских и греческих героев на могучих зверей и страшных грифонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

Герцигер Д.С. Античные ткани из собрания Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.

Горбунова К.С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.

История греческой литературы. М.; Л., 1946.

Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. СПб., 1915.

ОАК за 1860 год. 1862.

ОАК за 1861 год. 1863.

ОАК за 1863 год. 1864.

ОАК за 1869 год. 1871.

ОАК за 1880 год. 1882.

ОАК за 1899 год. 1902.

ОАК за 1902 год. 1904.

ОАК за 1913–1915 годы. 1918.

Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // Труды Отдела истории искусств и античного мира Гос. Эрмитажа. 1945. Вып. 1.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1992. № 10.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. СПб., 1995.

Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи в его окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году // ИАК. 1916. Вып. 60.

Штерн Э.Р. Две хранящиеся в Одесском музее аттические вазы строгого краснофигурного стиля // ЗООИД. 1990. Т. 22.

Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977.

Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963.

Barringer J.M. Europa and the Nereids // AJA. 1991. № 4.

Blank H. Das Buch in der Antike. München, 1992.

Boardman J. Athenian Black-figure Vases. London, 1985.

Kopcke G. Reliefkeramik klassisches Zeit // AA. 1969. № 4.

Lexicon iconograficum mythologiae classicae. Bd. 1–8. München, 1981–1997.

Metzger H. Les représentations dans la céramique attique du IV siècle. Paris, 1951.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Berlin; Leipzig, 1934.

Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Vase-paintings. Groningen, 1963.

Wienke.MJ. An Epic Theme in Greek Art // AJA. 1954. № 58, 4.

Zervoudaki E.A. Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. 1968. Bd. 3.

Illustrations of Literary Subjects on the Attic Vases from the Excavations of Bosporus

M.V. Skrzhinskaya

Summary

Among the painted Attic vases dated back to the 6th–4th cc. BC originating from the excavations of Bosporus there is a group decorated with literary subjects' representations. The analysis of the scenes depicted extends significantly the information on literary education of the Bosporus' citizens. Like the other Hellenes, they khew well all the poems of Trojan cycle. The vases of the 4th c. BC prove that the educated and well-to-do inhabitants of Bosporus were familiar with the poems of Theban cycle, some satiric dramas and the texts on the abduction of Europe now unknown from other sources. Also the texts on Persian and Greek heroes hunting griffins and other fantastic animals were khown.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 38–50

НОВГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ БИРКИ: ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

© 2002 г. Р. К. Ковалев

Университет Миннесоты, США

Бирки, или небольшие деревянные палочки с зарубками, были самым распространенным приспособлением для счета и ведения учетных операций в средневековой Руси[1], а также Скандинавии, Германии, Англии, Италии, Польше, Латвии и многих других европейских государствах (Kovalev, in press: a, b; Grandell, 1982; 1984. S. 242–246; 1986. S. 121–127; 1989. P. 66–72; Jenkinson, 1911. P. 367–380; 1925. P. 289–353; Liestøl, Johnsen, 1989; Robert, 1956. P. 75–85; Stone, 1975. P. 49–57; Baxter, 1989. P. 43–83; Hołubowicz, 1956. S. 247, 287. Rys. 124, *a–d*. Bukowska-Gedigowa, Gediga, 1986. Rys. 26, *33*; 42, *5*; 56, *8*; 59, *10*; 73, *11*, *15*; 86, *20*; 87, *19*; 114, *4*; Цауне, 1989. С. 107; Müller, 1996. S. 173–175. Taf. 32, *2–4, 7, 8, 16*). В отличие от пергамента или бумаги, бирки можно было без труда перевозить и хранить, не подвергая их постоянному риску повреждения; дерево было дешевым и легкодоступным материалом. Кроме того, при использовании бирок для простейших счетных операций и ведения учета не требовалось особой грамотности. Каждый, кто хотел что-либо посчитать и сохранить результаты своих подсчетов, нуждался только в деревянном бруске и остром предмете, для того чтобы сделать зарубки на дереве.

Письменные источники предоставляют нам мало информации о средневековых русских бирках: упоминания о них можно найти в Новгородской первой летописи под 1209 (1207) годом (1950. С. 51, 248; Янин, 1962. С. 117, 118), 13 статьях Псковской судной грамоты (конец XV – начало XVI в.) (Памятники русского права, 1953. Ст. 14, 19, 28–31, 36, 38, 61, 62, 75, 92, 103а) и 4 новгородских берестяных грамотах (№ 82, № 295, № 257 и № 99) XII–XIV вв. (Зализняк, 1995. С. 332, 333, 388, 389, 457, 458, 528). Ряд ценных комментариев и возможные ответы на вопросы, возникающие при ознакомлении со средневековыми артефактами, можно почерпнуть в различных этнографических материалах, содержащих описания бирок, использовавшихся в дореволюционной России (в Архангельском, Санкт-Петербургском, Новгородском, Костромском, Марийском, Чувашском, Томском, Ангарском, Енисейском и Бурятском районах) (Скоробогатый, 1883. С. 244–246; Хороших, 1926; Пенгитов, 1959. С. 151–157; Просфиркина, 1962. С. 92–96; Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. № 28. 1899. С. 79. Ст. 149. С. 91. Ст. 167; Ф. 681–76, 78, 79, 82; Ф. 685–30/7; Ф. 1343–65; Ф. 1506–3; Ф. 1784–3/3; Ф. 2073–118/44, 119, 120/18, 121/11, 122/9, 123/3; Ф. 2727–258/28, 259/21, 260/5; Ф. 2842–1; Ф. 5008–25, 267).

Как свидетельствуют упомянутые выше источники, с Киевского периода до начала XVI в. в новгородских землях бирки обычно называли "досками". К сожалению, пока что мы не располагаем сведениями о том, какими словами обозначались бирки в других древнерусских землях. В XVII–XVIII вв. термин "доски" постепенно выходит из употребления и вытесняется словом "бирки", которое входит в официальный русский лексикон. В это же время в народной среде бирки назывались множеством разных слов: в местных диалектах можно встретить такие их наименования, как "резки", "рубежки", "жребия" или "жеребья", "пометки" и т.д. – эти слова использовались сельскими жителями, казаками и другими простыми людьми, составлявшими население Российской империи. Заметим, что один из этих терминов, обозначающих бирки – "жеребья", по всей видимости, использовался на Руси издавна: он упоминается в нескольких средневековых новгородских берестяных грамотах XIII–XIV вв. (№ 295, № 257 и № 99; Зализняк, 1995. С. 388, 389, 457, 458, 528).

Четкая точка зрения на вопрос о происхождении термина "бирка" до сих пор не сформирована, хотя и существуют различные версии (Фасмер, 1964. С. 167; Grandell, 1982. S. 47). Можно выдвинуть предположение о том, что слово "**бирк**а" в рассматриваемом значении (Бирка..., 1975. С. 185) стало производным от глагола "**бир**ати" / "**бир**ы-

[1] Я чрезвычайно благодарен всем участникам новгородской археологической экспедиции, а также директору Новгородского исторического музея Н.Н. Гриневой, хранителю музейных фондов Г.Н. Кожиной и сотрудникам фондов за возможность осуществления данного проекта и публикации новгородских бирок. Особую сердечную благодарность мне хочется выразить акад. В.Л. Янину и проф. Е.А. Рыбиной за из неоценимое содействие в этом исследовании. Кроме этого, я глубоко признателен за предоставленную мне информацию о бирках, найденных в различных городах, Е.Н. Носову (Рюриково городище), В.Г. Мироновой (Старая Русса), Е.В. Тороповой (Старая Русса), З.Д. Бессарабовой (Старая Ладога), И.П. Кукушкину (Вологда, науч. сотр. Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника) и науч. сотр. Русского отдела РЭМ (С.-Петербург) Д.А. Баранову за его ценную помощь при моей работе в музее.

вати" (Бирати; Бирывать..., 1975. С. 185), представлявшего в старорусском языке многократный вид глагола "брати" (Брати..., 1975. С. 320) (т.е. "брать", "со**бир**ать"), и это произошло в процессе сбора податей пушнины в период колонизации Сибири, Дальнего Востока и северных окраин Российской империи. Еще более наглядной является связь слова "**бир**ка" с архаическими словами "**бир**ье" и "**бир**евщик". Согласно В.И. Далю, в XIX в. слово "бирье" обозначало "шкурки всякого рода, связанные по сортам, десятками; бирево шкурок, десяток бирья, два с половиною сорока или сотня" (бирье; биревщик; биревать; Даль, 1999. С. 87, 88). Далее словом "биревщик" назывался сортировщик (меха), а глагол "биревать" значил "разбирать шкурки по сортам, браковать" (Даль, 1999. С. 87, 88). Так как сборщики мехов использовали бирки для подсчета сорочков, или связок из 40 меховых шкурок (общепринятая единица, использовавшаяся в России для упаковки и транспортировки мехов с эпохи средневековья, см. ниже), несомненно возникла взаимосвязь понятий, обозначавших саму бирку и процесс счета пушнины. Таким образом, мы имеем основания полагать, что слово "бирка" возникало непосредственно в течение сбора, сортировки, подсчета и упаковки мехов сборщиками податей Российской империи, вероятно, на протяжении XVII–XVIII вв.

Богатую материальную базу для исследования представляют собой сотни бирок, обнаруженных археологами во многих средневековых русских городах: Старой Ладоге, Пскове, Новгороде, Рюриковом городище, Старой Руссе, Торопце, Торжке, Твери, Москве, Ростове, Белоозере, Вологде и Соликамске на Урале. К сожалению, большинство из этих бирок до сих пор не опубликовано, хотя они имеют важнейшее значение для изучения истории материальной культуры и экономики Древней Руси.

Одно из самых больших собраний средневековых бирок на территории Европы происходит из Новгорода (к началу сезона 1999 г. около 570 шт.). Бирки встречаются практически во всех частях города; хронологические рамки датировки этих находок – период от основания Новгорода в середине X в. – до середины XV в., после которого в археологических слоях города дерево не сохранилось. Основываясь на результатах исследования этого собрания, можно выделить три основных типа бирок, использовавшихся в средневековом Новгороде: тип А – счетные бирки; тип В – бирки-этикетки; тип С – долговые бирки. По причине того, что общее количество бирок, найденных в Новгороде, достаточно велико и требует более детального и длительного изучения, настоящая статья представляет собой предварительную попытку атрибуции и создания типологии этих бирок. В ближайшем будущем автор намерен опубликовать ряд статей, в которых будет подробно рассмотрен каждый из этих трех типов бирок с указанием хронологии и топографии, и описаны их разнообразные характеристики (Ковалев, в печати: а, б, в; Kovalev, in press: a, b).

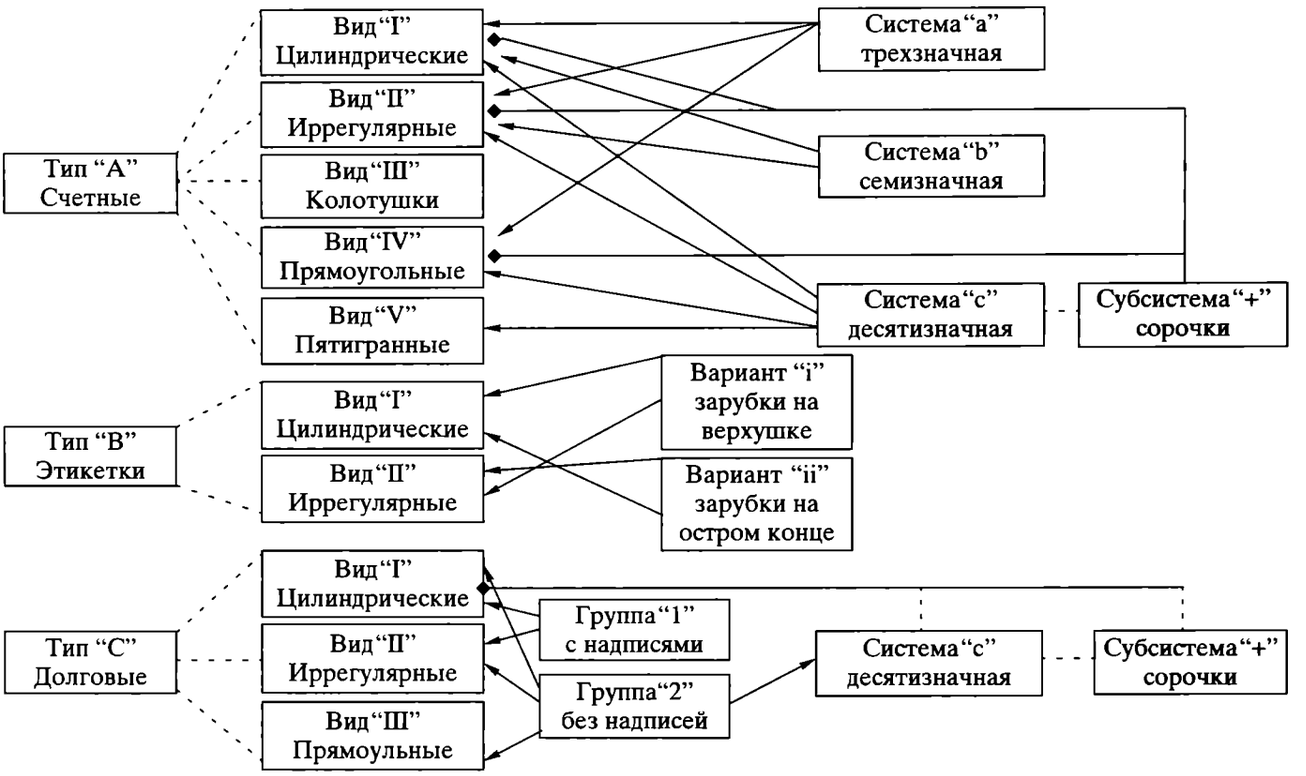
Прежде чем начать разговор непосредственно о самих новгородских бирках, необходимо сказать несколько слов о трудностях, возникающих при более близком ознакомлении с этими археологическими находками.

Во-первых, бирки изготавливали из деревянного материала практически всех сортов: некоторые из них представляют собой тщательно обработанные ветки или брусочки, в то время как другие сделаны из фактически необработанных деревянных палочек – видно, что в таких случаях бирщика особо не заботил художественный вид изделия. Далеко не все бирки делались из хорошо обструганных брусьев: иногда заготовки ломались еще до того, как они становились бирками; многие бирки имеют грубые, неотесанные концы. Обнаружение бирки с отломанным или поврежденным концом еще не обязательно свидетельствует о том, что бирка была сломана после того, как на нее нанесли зарубки – в ряде случаев очевидно, что такие бирки, несмотря на повреждения, выполняли определенные функции.

Наконец, не все бирки делались из свежего дерева – иногда для их изготовления использовались ненужные деревянные предметы, вышедшие из употребления, на которых имелось достаточно свободного пространства для того, чтобы нанести зарубки. Один из примеров такого вторичного использования деревянных объектов – мутовка с зарубками (Н–87, Тр. р-п, пласт 15, кв. 734). Подобная мутовка (в данном случае, со множеством насечек) была найдена в Старой Руссе (XVI, 21–15).

Во-вторых, в преобладающем большинстве случаев зарубки на бирках плохо сохранились вследствие либо разломов дерева, либо стертой поверхности самой бирки. Значительная часть таких повреждений относится уже к тому времени, когда эти бирки были захоронены в культурных слоях Новгорода, но многие из них были сломаны еще в средневековый период. В уже упоминавшихся этнографических отчетах сообщается о существовании практики срезания зарубок с бирки или их затирания после того, как определенная часть обозначенных на бирке обязательств была уже выполнена (например, частичная выплата долга, либо возвращение такого-то количества предметов их владельцу) (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. № 28. 1899. С. 79. Ст. 149). Некоторые средневековые бирки подверглись воздействию пожаров, что также повлекло искажение их поверхности. Таким образом, кроме того, что многие бирки сохранились в виде обломков либо с

Типология бирок

повреждениями, часто непонятно, сколько именно зарубок было нанесено на бирку и каких размеров были эти зарубки. Указанные недостатки весьма осложняют изучение функционирования бирок и назначения нанесенных на них зарубок. Тем не менее, многие бирки отлично сохранились, а отдельная часть из них дошла до нас практически без повреждений – такие бирки могут привлекаться для изучения сломанных. Принимая во внимание и те, и другие, перейдем к более подробному рассмотрению типов и разновидностей бирок, использовавшихся в средневековом Новгороде (см. таблицу).

ТИП "А"

СЧЕТНЫЕ БИРКИ

Счетные бирки использовались для подсчета практически всех предметов и понятий, которые было необходимо сосчитать; с их помощью сохранялись учетные данные. Средневековые письменные источники не дают нам никаких указаний на то, что именно пересчитывалось с помощью бирок. Однако, так как бирки оставались предметом повседневного употребления во многих частях Северной Европы вплоть до начала XX в., некоторый свет на то, как использовались бирки в средние века, могут пролить этнографические источники. Например, из данных этнографии мы можем почерпнуть сведения о том, что счетные бирки применялись для учета: 1) сведений о выполнении общественных работ и повинностей; 2) веса и количества мешков зерна, отданного крестьянами в местные пекарни; 3) поголовья скота, имеющегося у каждой крестьянской семьи (такие сведения собирались старостой или пастухом) и 4) веса груза каждого пассажира, перевезенного паромщиком (Архив Российского этнографического музея. Ф. 681–76, 78, 79; Ф. 2727–258/28, 259/21, 260/5; Ф. 2482–1; Просфиркина, 1962. С. 92–96. Рис. 1, 2, 4 *a*, *b*). Много параллелей русским биркам можно найти в странах Фенноскандии в период Нового и Новейшего Времени (Grandell, 1982. S. 27–32, 60–142, 147, 148). Нет причин сомневаться в том, что средневековые бирки использовались в основном в тех же целях, что и современные; разумеется, область их применения не ограничивалась приведенными нами примерами.

Древнейшие счетные бирки в Северной Европе были найдены в Элизенхофе, Шлезвиг (Германия); они датируются 700–800 гг. н.э. (Grandell, 1982. S. 41; Szabó et al., 1985. Taf. 33, *260, 263*; 54, *528*). Самые ранние древнерусские бирки этого типа были обнаружены на раскопках Варяжской ул. (1972–1977) в Старой Ладоге (Архив Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. А–1. Б/н 45(72); КП–742/А1305; б/н 12/72) и Рюриковом городище (НОЭ–99/РГ–324. Кв. 42, x = 45, y = 170, z = –78), все они датируются первой половиной X в. Такие же бирки встречаются в наиболее ранних слоях Новгорода, начиная с середины X в. Подобные на-

ходки сообщают нам о том, что новгородцы использовали счетные бирки уже в основания города.

Счетные бирки образуют самую большую категорию новгородских бирок – к этому типу относятся 83% всех их находок из раскопок на территории города. Почти четверть из них сохранилась без повреждений, остальные были сломаны. Встречаются как бирки с зарубками, вырезанными только на одной стороне, так и с несколькими рядами зарубок (вплоть до восьми) на разных сторонах бирки. В зависимости от формы, счетные бирки можно разделить на 5 видов: (I) цилиндрические (рис. 3, *1, 3*; 4; 3; 5, *1, 3*; 6, *1–2*), (II) иррегулярные (рис. 3, *2*; 4; *1–2, 4, 5*), (III) бирки-колотушки (рис. 1, *1–2*), (IV) прямоугольные (рис. 3, *4*; 5, *2*; 6, *3–4*) и (V) пятигранные (рис. 2). Первые два вида представляют 93% всех бирок, найденных в Новгороде. Неповрежденные счетные бирки имеют размеры от 5.3 до 82 см в длину и от 1 до 3 см в толщину; преобладающее большинство из них – ок. 35 или менее сантиметров в длину и 1–2 см в толщину.

Так как счетные бирки использовались в разнообразных целях, трудно с точностью определить, что именно подсчитывалось с помощью большинства из них. Количество зарубок, которые можно насчитать на целых счетных бирках, колеблется в достаточно большом диапазоне от 3 до 142; наиболее часто насчитывается от 3 до 40 зарубок. Обращает на себя внимание достаточно большая часть счетных бирок – как с одинаковым количеством зарубок, так и тех, зарубки на которых сгруппированы в отделы с равным количеством делений. На таких бирках отчетливо выявляются 3 основные системы счета зарубок: по 3, 7 и 10 единиц.

Система "a": трехзначная

На бирках, где используется система "a", имеется либо по 3 зарубки (рис. 3, *1–3*), либо отделы по 3 зарубки каждый (рис. 3, *4*). К настоящему времени насчитывается 7 таких новгородских бирок (конца X – начала XV в.). На первый взгляд кажется, что бирки, имеющие всего 3 зарубки, не представляют из себя ничего особенного. Однако обнаруженная на Федоровском раскопе бирка с 6 зарубками, сгруппированными по 3, – первые 3 зарубки отделены от вторых трех длинной чертой под углом ок. 45°, такая же черта следует после второй тройки зарубок (рис. 3, *4*) – свидетельствует о том, что в Новгороде использовалась троичная система для определенных подсчетов. Хотя пока неизвестно, какие именно предметы или понятия считались по три, очевидно, что такая система существовала.

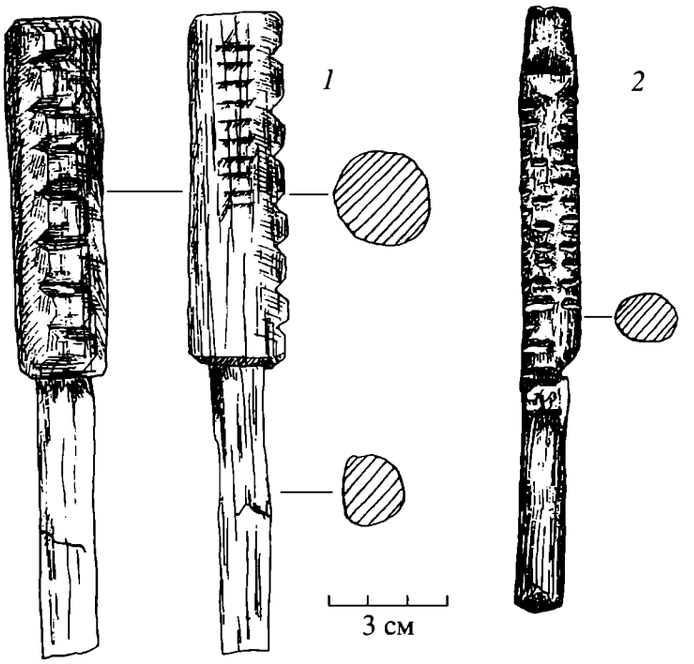

Рис. 1. Бирки-колотушки (Тип А). *1* – Н-86, Тр. р-п, пласт 788, кв. 788 (третья четверть XI в.) (Вид III); *2* – Н-80, Тр. р-п, пласт 20, кв. 307 (конец X в.) (Вид III).

Система "b": семизначная

Бирки с системой "b" имеют либо по семь зарубок, либо отделы по семь зарубок (рис. IV, *1–5*). На территории Новгорода было найдено по крайней мере 10 таких бирок (целых и сломанных); они датируются в рамках от первой половины XI в. до начала XV в. Известны аналогичные бирки из Старой Руссы (XII–XIV вв.) (Медведев, 1967. Рис. 4, IV–19–1, № 13; 1968. Рис. 1, VII–7–8, № 6; 1969–1970. X–29–4). Весьма вероятно, что применение бирок с семизначной системой обозначений могло быть связано с семницей – денежной единицей, которая использовалась в новгородских землях начиная с рубежа XII–XIII вв. до XV в. (Янин, 1970. С. 164–169). Но даже если это было именно так, ввиду того, что эти бирки начинают появляться уже в XI в., несомненно, что они применялись и для других целей. В частности, можно сделать предположение о том, что бирки с семизначной системой обозначений могли использоваться для счета времени, и зарубки на них обозначают количество дней недели и недель месяца (несколько отделов по 7 зарубок) (рис. 4, *1*).

Система "c": десятизначная

На бирках с системой "c" имеется либо по 10 зарубок, либо несколько отделов по 10 зарубок (рис. 2; 5; *1–3*; 6, *1–4*). Границы таких отделов отмечаются разделительными знаками – дополнительными зарубками, сделанными поверх основного ряда, или между отделами. Бирки с десятичной системой обозначений были обнаружены

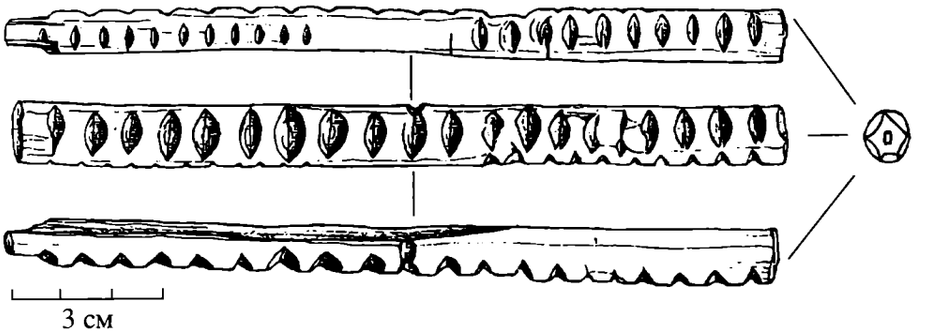

Рис. 2. Пятигранная бирка (Тип А). Н-96, Тр. р-п, пласт 5, кв. 1288 (начало XIV в.) (Вид V: система "а").

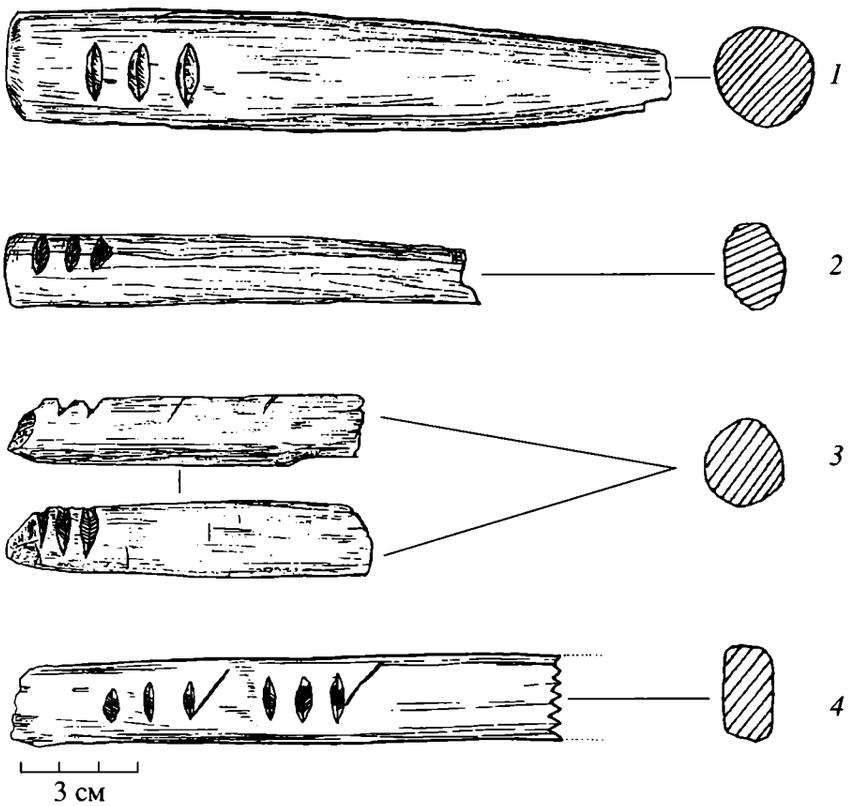

Рис. 3. Бирки с трехзначной системой обозначений (Тип А). *1* – Н-95, Тр. р-п, пласт 2, кв. 1346 (середина XIV в.) (Вид I: система "а"); *2* – Н-81 Тр. р-п, пласт 8, кв. 369 (20–50-е годы XIV в.) (Вид II: система "а"); *3* – Н-94, Тр. р-п, пласт 16, кв. 948 (последняя четверть X в.) (Вид I: система "а"); *4* – Н-97, Фед. р-п, пласт 19, кв. 469 (XI в.) (Вид IV: система "а").

по всему Новгороду, они датируются второй половиной X – серединой XV в. Около 15% новгородских счетных бирок имеет различное количество отделов по 10 зарубок – становится очевидным, что в Новгороде в эпоху средневековья десятичная система счисления являлась преобладающей. Подобные бирки с десятичным разделением зарубок были найдены в Старой Руссе (Медведев, 1969–1970. XI, 20–41; XIII, 9–90; V, 25–12; XV, 26–1; XV, 26–2; XV, 26–6; XV, 26–20), Москве (Рабинович, 1964. С. 139–141. Рис. 65, *3*), Ростове Великом (Леонтьев, 1998. С. 139, 140, 143. Рис. 7, *1*), Вологде (ВГД–94. XIV, 3–(Д–6)–109), а также в Ополе (Польша) (Hołubowicz, 1956. S. 287. Rys. 124, *b, c*) и на Бриггене в Бергене (Норвегия) (Grandell, 1989. P. 67. Fig. 1).

Субсистема "с+": Бирки-сорочки́

На бирках-сорочках использована субсистема системы "с": это бирки, на которых обычно насчитывается 40 зарубок, разделенных на 4 отдела по 10 единиц. Такие бирки использовались для подсчета сорочко́в (сорока меховых шкурок), являвшихся стандартной единицей счета пушнины с раннего средневековья до настоящего времени (Noonan, Kovalev, in press). Как сообщают нам литературные первоисточники, полный сорочок со-

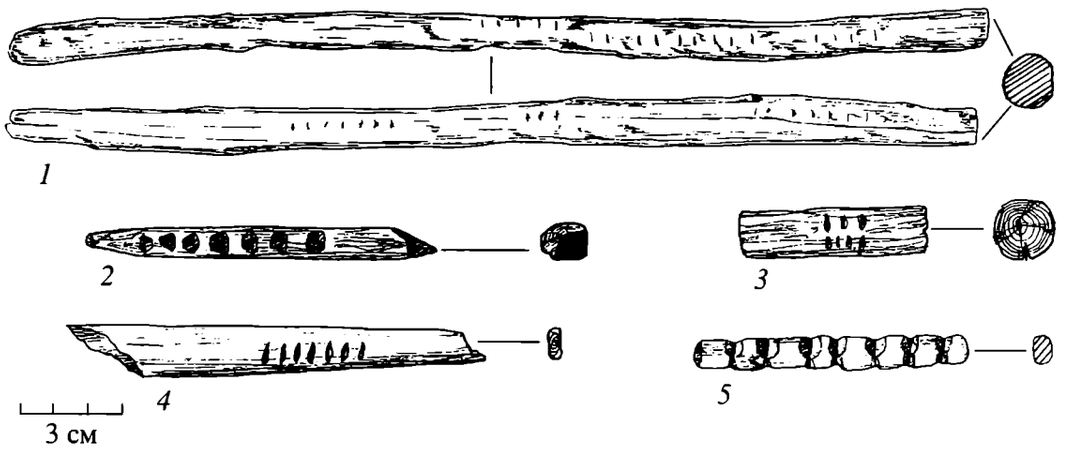

Рис. 4. Бирки с семизначной системой обозначений (Тип "А"). *1* – Н-97, Тр. р-п, пласт 9, кв. 1450 (середина – вторая треть XII в.) (Вид II: система "b"); *2* – Н-82, Тр. р-п, пласт 13, кв. 389 (1180–1210-е годы) (Вид II: система "b"); *3* – Н-85, Тр. р-п, пласт 9, северная траншея (XII в.) (Вид I: система "b"); *4* – Н-85, Тр. р-п, пласт 8, кв. 678 (середина 1150-х – начало 1210-х годов) (Вид II: система "b"); *5* – Н-79, Нут. р-п, пласт 13, кв. 34 (1364–1390 гг.) (Вид II: система "b").

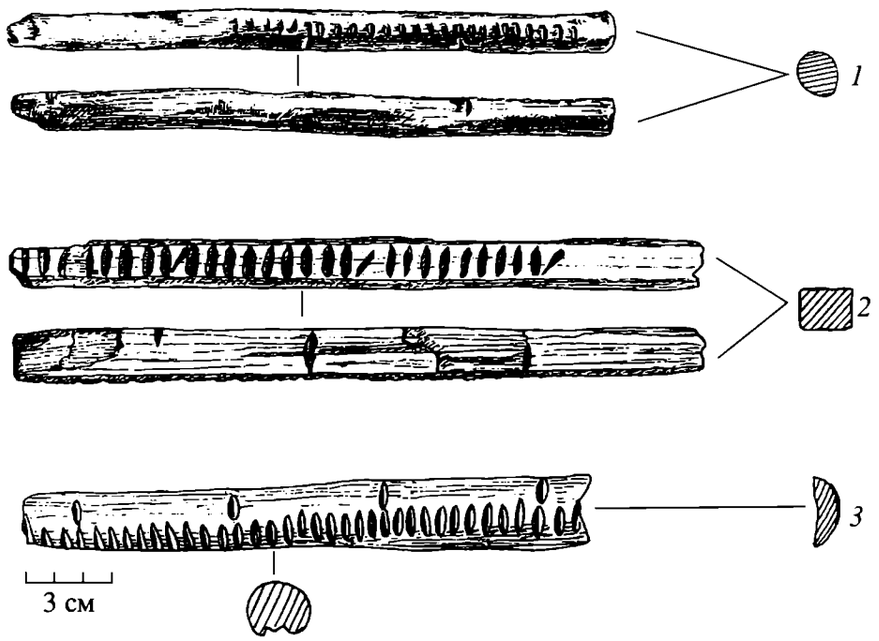

Рис. 5. Бирки с 10-значной системой обозначений (Тип "А"). *1* – Н-98, Тр. р-п, пласт 12, кв. 1326 (первая пол. XII в.) (Вид I: система "c"); *2* – Н-81, Тр. р-п, пласт 9, кв. 419 (1280–1310-е годы) (Вид IV: система "c"); *3* – Н-84, Тр. р-п, пласт 7, кв. 573 (середина 1150 – начало 1210-х годов) (Вид I: система "c").

держал 4 связки мехов по 10 штук каждая (Noonan, Kovalev, in press). Так как Новгород был одним из крупнейших поставщиков меха в западной Евразии на протяжении всего средневекового периода, не удивительно, что бирки-сорочки были раскопаны на территории именно этого города.

К настоящему времени восемь новгородских бирок могут быть атрибутированы как счетные бирки-сорочки (рис. 6, *1–4*) (Ковалев, в печати, б). Самая ранняя из них датируется 977–980; самая поздняя – 1285–1300 годами. Шесть из восьми бирок имеют по 40 зарубок; на семи бирках зарубки разделены на четыре отдела. Подобные счетные бирки-сорочки были обнаружены и в русских городах – в Старой Руссе (НГМ. КП 36156–112; 87–XV, 26–8–86) и Ростове Великом (Леонтьев, 1998. С. 139, 140, 143. Рис. 7, *1*) обе они датируются первой половиной XI в. В Бергене и Стокгольме также находили бирки-сорочки (с другими системами обозначений), датирующиеся, соответственно, ок. 1200 г. и серединой XIV в. (Grandell, 1984. S. 242–246; 1989. P. 67. Fig. 2).

Хотя десятизначная система разделения зарубок часто применялась именно на бирках-сорочках, далеко не все новгородские бирки с десятичной системой обозначений являются сорочками. Например, на одной из бирок с десятичной системой содержится 101 зарубка, 60 из них распреде-

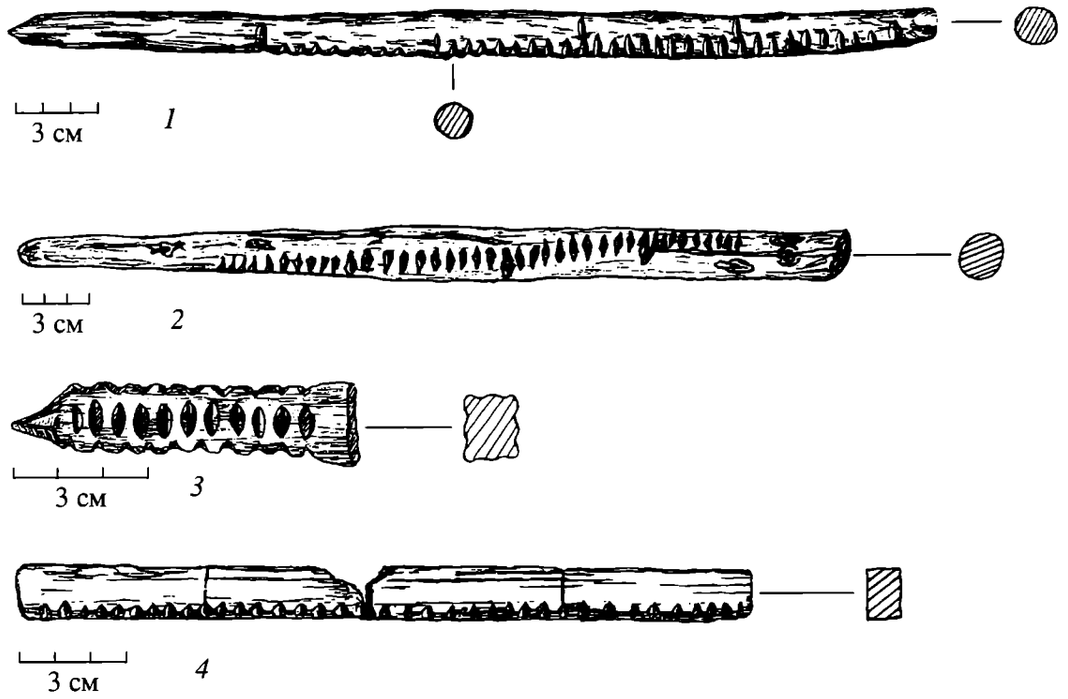

Рис. 6. Бирки-сорочки (Тип "А"). *1* – Н-90, Тр. р-п, ярус 8 (заполнение мостовой), кв. 960 (1285–1300 гг.) (Вид I: система "с": субсистема "+"); *2* – Н-52, Нер. р-п, ярусы 13–14, кв. 467 (1238–1281 годы) (Вид I: система "с": субсистема "+"); *3* – Н-81, Нут. р-п, пласт 32, кв. 61 (30–40-е годы XI в.) (Вид IV: система "а": субсистема "+"); *4* – Н-92, Тр. р-п, пласт 11, кв. 1191 (вторая половина XI в.) (Вид IV: система "с": субсистема "+").

лены в шесть отделов по 10 делений (Н-87, Тр. р-п, пласт 5+, кв. 805). Еще одна целая бирка имеет 25 зарубок, 20 из которых образуют 2 отдела по 10 делений (рис. 5, *1*). Хотя нам неизвестно, что считалось на этих бирках, тем не менее, их существование свидетельствует о том, что десяток был стандартной единицей для подсчета предметов различного количества и был одной из основных единиц счета на Руси, играя такую же роль, как дюжина в Западной Европе.

ТИП "В"

БИРКИ-ЭТИКЕТКИ

Такие бирки использовались для того чтобы помечать различные типы товаров (например, рулоны тканей или веревки). Новгородские бирки-этикетки очень похожи на счетные бирки, но, в отличие от последних, у них заострен один из концов (рис. 7, *1–5*), благодаря чему такие бирки выполняли иные функции. Встречаются бирки-этикетки (I) цилиндрического и (II) иррегулярного видов; все они имеют клинообразную форму. Их размеры – от 12 до 31 см в длину и от 0.6 до 2 см в толщину. Зарубки расположены либо на верхушке бирки, противоположной ее острому концу (Вариант "i") (рис. 7, *3–5*), либо на самом этом остром конце (Вариант "ii") (рис. 7, *1–2*). Зарубки на бирках-этикетках могли обозначать как цену, так и количество содержавшегося в куске, рулоне, связке, кипе, пачке, бочке или ящике определенного товара, вероятно, такие бирки втыкались острым концом в означаемый товар. Иными словами, владелец пересчитывал, взвешивал, отмерял свой товар, либо прикидывал его цену и, для того чтобы не делать этого повторно, отмечал результаты на бирке, которую втыкал затем в этот товар. Кроме заостренных концов, некоторые бирки-этикетки имели небольшие вытесанные шарообразные головки на своей верхушке, которые отделялись от основной части бирки углубленным желобком (рис. 7, *4*). Можно предположить, что к этой части бирки прикреплялась веревка, связывающая такую бирку с помечаемыми предметами (например, с мешком, в котором хранились те или иные товары). Наиболее вероятно, что бирки-этикетки использовались купцами для помет на приобретенном, транспортируемом или приготовленном к продаже товаре.

Все 20 бирок, представляющих этот тип, были раскопаны в трех разных районах Новгорода – на Неревском, Троицком и Нутном раскопах. Хронологические рамки датировки этих бирок – начало XI – конец XIV в. Подобные бирки средневекового периода, представляющие наиболее близкие аналоги новгородским биркам-этикеткам, были найдены в Старой Руссе (Архив НГМ. 72–XIII, 12–84–80; 72–XIII, 14–86–67), Ополе (Bukowska-Gedigowa, Gediga, 1986. Rys. 26, *33*; 86, *20*) и на Бриггене в Бергене (Liestol, 1966. P. 53; Grandell, 1982. S. 50. Bild. 4; Liestøl, Johnsen, 1989). Бирки-этикетки из Старой Руссы, так же, как и поль-

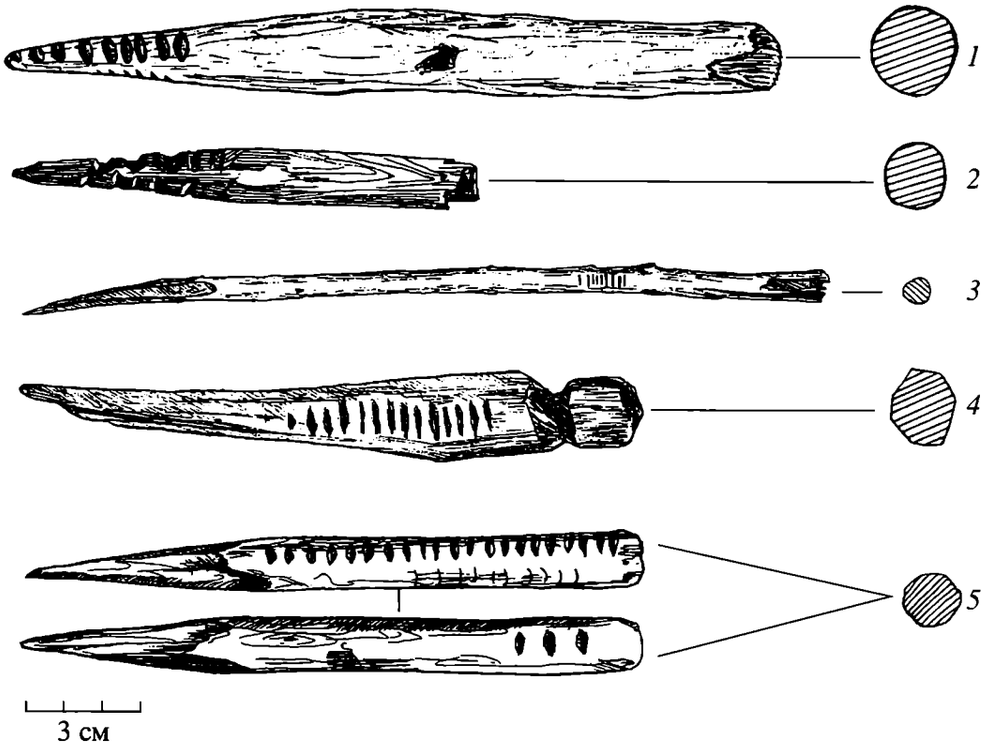

Рис. 7. Бирки-этикетки (Тип "B"). *1* – Н-53, Нер. р-п, ярусы 17–18, кв. 222 (1161–1197 годы) (Вид II: вар. "ii"); *2* – Н-80, Нут. р-п, пласт 11, кв. 307 (1390–1420 годы) (Вид II: вар. "ii"); *3* – Н-90, Тр. р-п, пласт 3, кв. 877 (первая половина XIII в.) (Вид I: вар. "i"); *4* – Н-93, Тр. р-п, пласт 12, кв. 922 (вторая половина XI в.) (Вид I: вар. "i"); *5* – Н-83, Тр. р-п, пласт 23, кв. 440 (первая треть XI в.) (Вид I: вар. "i").

ские, почти идентичны новгородским экземплярам, в то время как норвежские бирки этого типа имеют ряд отличий. Основное различие между норвежскими и новгородскими бирками состоит в том, что на первых часто можно найти не только зарубки, но и надписи, указывающие, кому принадлежит отмеченный товар. На новгородских бирках такие надписи отсутствуют.

Бирки-этикетки имеют очень длинную историю; их до сих пор можно найти на базарах во многих частях мира.

ТИП "C"

ДОЛГОВЫЕ БИРКИ

Бирки такого типа выполняли роль квитанций – с помощью долговых (или "кредитных") бирок чаще всего фиксировались сведения о займах и долгах, денежных или натуральных. Такая бирка, после того, как на нее были нанесены зарубки, означавшие степень долга, расщеплялась на две половины: одна сохранялась у должника, а вторая – у кредитора. При выплате долга две части бирки складывались вместе, чтобы проверить, совпадает ли количество зарубок на обеих половинах, т.е., являются ли эти две половины частями первоначальной бирки. Владение частью бирки ограждало должника от таких ситуаций, когда кредитор мог умышленно добавить на бирку дополнительные суммы (соответственно, кредитор мог удостовериться, что должник не стер с бирки одну или несколько зарубок). После соединения обеих частей, если количество зарубок совпадало и долг считался уплаченным, бирка, выполнившая свои функции, обычно уничтожалась – либо сжигалась, либо просто разламывалась (Янин, 1986. С. 81, 82). В Средние века такие бирки были широко распространены и в других частях Европы – например, в Англии, Франции, Италии (Jenkinson, 1911. P. 367–380; 1925. P. 289–353; Robert, 1956. P. 75–85; Stone, 1975. P. 49–57; Baxter, 1989. P. 43–83).

Самая ранняя расщепленная древнерусская долговая бирка была раскопана на Рюриковом городище, она датируется первой половиной X в; эта же бирка является древнейшей биркой этого типа по всей Северной Европе (РГ 78–113, 30–6; НГМ 34337. КП – А102 – 214). В Новгороде такие бирки встречаются со второй половины X в. до конца средневекового периода, их находили почти на всей территории города.

Долговые бирки могли использоваться для "записи" различных типов займа. Например, в берестяных грамотах № 99 (40–60-е годы XIV в.) и № 257 (80–90-е годы XIV в.) сообщается, что на бирках учитывались долги серебра и рыбы (Зализняк, 1995. С. 457, 528). Тем не менее, большинство долгов в Новгороде занималось в форме денег, как об этом свидетельствуют берестяные

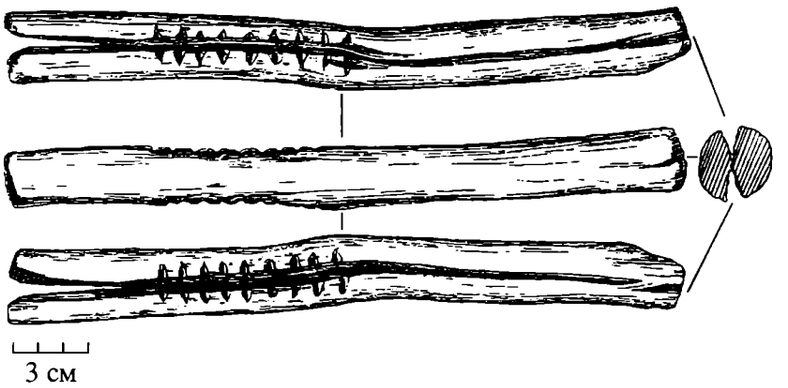

Рис. 8. Целая нерасщепленная кредитная бирка (Тип "С"). Н-94, Тр. р-п, пласт 16, кв. 1175 (вторая половина X – начало XI в.) (Вид I: гр. 2).

грамоты, называемые должницами, в которых говорится в основном о денежных долгах (Noonan, Kovalev, 1998. P. 46, 47).

В Новгороде были раскопаны долговые бирки двух разновидностей: нерасщепленные и расщепленные (сохранились как целые части расщепленных бирок, так и их обломки).

Нерасщепленные долговые бирки

К настоящему времени в Новгороде найдено 13 долговых бирок, которые, несмотря на то, что на них были нанесены зарубки, так и не были расщеплены (рис. 8). Самая ранняя из них (вторая половина X – начало XI в.) обнаружена на Троицком раскопе, две самые поздние (1152–1210 годы) – на Нутном раскопе (обе были найдены в одном квадрате). Преобладающее большинство нерасщепленных долговых бирок (10 из 13) датируется второй половиной X – второй половиной XI в.

Нерасщепленные долговые бирки имеют размеры от 15.2 до 48.5 см в длину и от 1.5 до 4 см в толщину. Большинство этих бирок вырезано из почти необработанных деревянных брусков, они имеют в основном цилиндрическую форму (рис. 8). Тем не менее, встречаются примеры различной формы – в целом, можно выделить три вида таких бирок: (I) цилиндрические, (II) иррегулярные и (III) прямоугольные. Большинство нерасщепленных долговых бирок имеет желобок-расщелину вдоль вертикальной оси по центру, специально сделанный для того, чтобы эти бирки легко можно было разделить на две половины. После того, как был прорезан такой желобок, на обе противоположные стороны бирки наносились зарубки. Около половины известных к настоящему времени таких бирок имеет равное количество зарубок на противоположных сторонах; в тех случаях, когда количество зарубок неравное, оно не совпадает на одну единицу (см. ниже). На некоторых долговых бирках имеются также зарубки на боковых плоскостях одной или обеих неразделенных половин. Одинаковое число зарубок на нескольких сторонах бирки могло наноситься в целях сохранения содержащейся на бирке информации в случае повреждения ее поверхности, случайного или преднамеренного.

На рассматриваемых нами нерасщепленных долговых бирках можно найти разнообразное количество зарубок: 4 + 4, 6 + 5, 7 + 5, 8 + 8, 9 + 9, 11 (?), 11 + 12, 12 + 12, 13 + 12, 13 + 14, 14 + 14 + 17 (?), 15 + 15 и 19 + 20. Пока что мы не можем установить, почему на некоторых бирках количество зарубок на обеих сторонах совпадает, а на некоторых расходится. Были ли такие расхождения ошибками бирщика, или они допускались преднамеренно? Также возникает вопрос, почему эти 13 бирок так и не были расщеплены. Возможно, они были заготовками, которые их владельцы, вынужденные часто использовать долговые бирки, постоянно имели у себя и пускали в ход по мере необходимости. К примеру, известно, что такие заготовки делали ростовщики в средневековой Англии (Jenkinson, 1925. P. 312).

Интересно, что 8 из 13 новгородских нерасщепленных долговых бирок были найдены на территории одного большого комплекса трех топографически взаимосвязанных усадеб Троицкого раскопа – М, О, и П, датируются они второй половиной X – второй половиной XII в. Такую высокую степень концентрации бирок на сравнительно небольшой территории города можно объяснить тем, что в этой части Новгорода проживали принадлежавшие к боярскому роду Несдычей-Мирошиничей вирники и посадники, т.е. доверенные лица князя, отвечавшие за сбор различных вир, дани и других государственных доходов в княжескую казну (Янин, 1982. С. 138–155; Янин, Зализняк, 1993. С. 10–16), которые и использовали эти бирки. Применение бирок в административно-хозяйственном аппарате было широко распространено на территории различных западных стран. В Англии, со времен средневековья, шерифы – посредники короля в различных

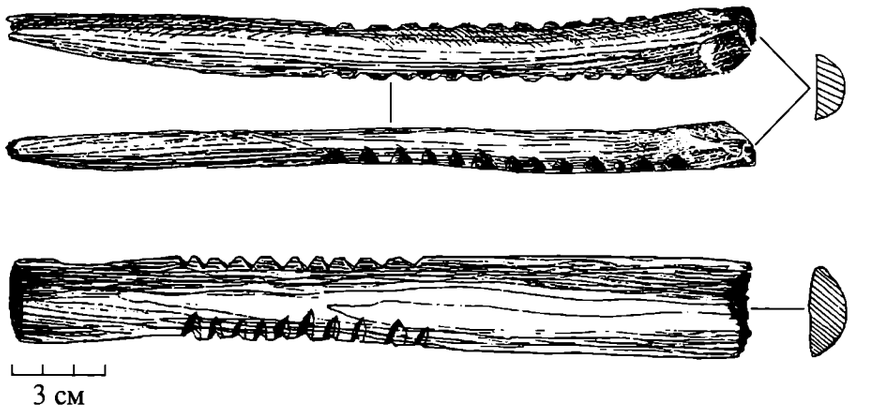

Рис. 9. Целые расщепленные кредитные бирки (Тип "С"). *1* – Н-80, Тр. р-п, пласт 15, кв. 310 (20–80-е годы XI в.) (Вид I: гр. 2); *2* – Н-86, Тр. р-п, пласт 19, кв. 491 (начало – середина XI в.) (Вид I: гр. 2).

землях – изготавливали бирки, залогом которых являлась государственная казна (Exchequer). Такие бирки служили для оплаты различных товаров и услуг, либо для того чтобы заранее получить определенную сумму денег у кредитора, который мог потом обналичить бирку в лондонской казне (Baxter, 1989. P. 53–58; Robert, 1956. P. 83). Таким же образом, вирники в Новгороде могли делать бирки под залог княжеской казны для оплаты расходов, связанных с их государственной службой (т.н. "кормление" вирников в Киевской Руси). Постоянный доступ к капиталу позволял вирникам и посадникам становиться весьма искусными ростовщиками (Янин, 1982. С. 153, 154). Поэтому неудивительно, что на территории, где они проживали, было найдено столько нерасщепленных долговых бирок. В этом отношении любопытно отметить, что в Новгородской первой летописи (1950. С. 51, 248) бирки ("доски") упоминаются именно в связи с дворами Несдычей-Мирошиничей.

Расщепленные долговые бирки

К настоящему времени в Новгороде найдена 61 расщепленная долговая бирка. Среди них есть как неповрежденные, так и сломанные. Топографически и стратиграфически такие бирки равномерно распределяются по территории всего города; они встречаются внутри домов и усадеб, и на мостовых. Как и нерасщепленные, расщепленные бирки представлены тремя видами: (I) цилиндрические (рис. 9, *1, 2*; 10; *1–2*); (II) иррегулярные (рис. 10, *3*) и (III) прямоугольные (рис. 10, *4*). В длину большинство из этих бирок имеет размеры от 2.5–5 до 15 см и не превышает 43.3 см. В толщину расщепленные бирки имеют от 0.8–1 до 3.4–3.7 см, преобладающее большинство – от 1 до 3 см.

Многие расщепленные бирки содержат зарубки разных размеров, предположительно обозначавшие различные денежные единицы: чем больше была зарубка, тем больше был денежный объем (рис. 10, *4*). На восьми из расщепленных бирок, датирующихся второй четвертью XI – первой половиной XV в., имеются надписи с именами должников и размерами их долга (рис. 10; *3*) (Янин, 1986. С. 81–86). Такие бирки составляют отдельную группу ("1"). Известны долговые бирки с надписями, содержавшими имена должников и их долги, найденные в других частях средневековой Европы (например, в Англии) (Jenkinson, 1925. P. 317–319).

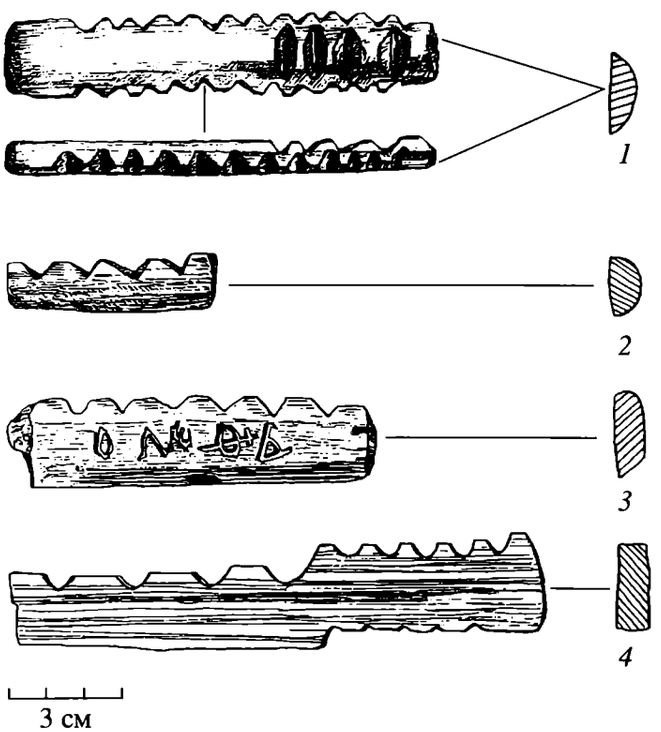

Рис. 10. Целые расщепленные кредитные бирки (Тип С). *1* – Н-93, Тр. р-п, пласт 14, кв. 1193 (первая половина XI в.) (Вид I: гр. 2); *2* – Н-79, Тр. р-п, пласт 9, кв. 356 (первая треть XIII в.) (Вид I: гр. 2); *3* – Н-73, Тр. р-п, пласт 14, кв. 23 (1196–1207 годы) (Вид II: гр. 1); *4* – Н-70, Михай. р-п, пласт 17, кв. 86 (40-е – начало 50-х годов XIV в.) (Вид III: гр. 2).

На ряде расщепленных долговых бирок без надписей (группа "2"), как и на счетных бирках, использована десятизначная система разделения зарубок. Среди таких бирок встречаются и сорочки, из чего можно сделать заключение о том, что практика использования бирок-сорочков предполагала применение таких бирок не только в целях подсчета меховых шкурок, но также для совершения кредитно-долговых операций (Ковалев, в печати, а).

Замечания о зарубках

Преобладающее большинство зарубок на бирках сделаны в форме неравномерных желобков, врезанных достаточно глубоко в поверхность объекта острым предметом, вероятно, ножом. Существует ряд примеров, когда зарубки вырезаны тщательно и достаточно равномерно (рис. 1, *1*). Также есть бирки, на которые нанесены всего лишь насечки или простые царапины (рис. 4, *1*; 7, *3*). В некоторых случаях можно найти комбинации насечек и более глубоких зарубок на одной и той же бирке (рис. 7, *5*); встречаются соседствующие зарубки (или ряды зарубок) разных размеров на одной или на нескольких сторонах бирки (рис. 1, *1*). Пока что неясно, были ли насечки предварительными метками, которые бирщик делал до окончательных подсчетов и поверх которых он наносил затем зарубки, либо такие насечки обозначали другой сорт или вид товара, отличного от того, который считался с помощью более глубоких зарубок (последнее относится и к зарубкам разных размеров на одной бирке). Мы собираемся вернуться к этому вопросу в будущих работах.

Одно из самых очевидных заключений, которое может быть сделано после изучения целых бирок, состоит в том, что далеко не всегда их длина диктовала количество зарубок, сделанных на них. Например, на одной из самых длинных бирок (42.2 см) (Н-98, Тр. р-п, пласт 10, кв. 1550) имеется только четыре зарубки, а на самой короткой (5.3 см) (Н-86, Тр. р-п, пласт 10, кв. 780) вырезано 12 зарубок. Наличие всего нескольких зарубок на ряде длинных бирок можно объяснить, к примеру, тем, что их владельцу-метчику просто не требовалось продолжать далее подсчеты, начатые с помощью этих бирок. Возможно также, что эти бирки были утеряны или выброшены по каким-то причинам и счет на них был оборван, едва начавшись. Тем не менее, весьма вероятно, что такие длинные бирки имели определенное утилитарное назначение, которое могло в таком случае объяснять соотношение их длины и количества зарубок на них.

Конечно, остается много вопросов, для разрешения которых нужно более длительно изучать каждый тип новгородских бирок. Но можно сделать некоторые предварительные выводы.

Среди найденных в Новгороде бирок отметим их три основные типа: (A) счетные бирки, (B) бирки-этикетки и (C) долговые бирки. Счетные бирки, как можно предположить, использовались практически для любых подсчетов. Они составляют более 80% всех бирок, найденных в городе. В зависимости от их формы можно различить пять видов таких бирок: (I) цилиндрические, (II) иррегулярные, (III) бирки-колотушки, (IV) прямоугольные и (V) пятигранные. На ряде бирок выявляются различные системы счета зарубок – трехзначная, семизначная и десятизначная, т.е., зарубки группируются по ("a") 3, ("b") 7 и ("c") 10 единиц. Систему, использовавшуюся на т.н. бирках-сорочках, применявшихся для подсчета меховых шкурок и обычно имеющих 40 зарубок, разделенных на четыре отдела по 10 делений, можно обозначить как субсистему "c+" десятизначной системы.

Второй тип – бирки-этикетки. Их основная функция состояла в том, чтобы отметить пересчитанные товары, либо поступившие к их владельцу, либо приготовленные на продажу. Подсчитав товар и отметив результаты подсчета на бирке, торговец избавлялся от необходимости пересчитывать его постоянно, просто помечая бирку всякий раз, когда товар прибывал или убывал.

Долговые бирки составляют третий тип средневековых новгородских бирок. Эти бирки использовались для учета долгов и обеспечения гарантии возвращения займа. Такая бирка расщеплялась на две части: одна оставалась у кредитора и служила платежным поручительством должника; вторая отдавалась должнику и выполняла роль платежного удостоверения, которое он мог предъявить для сличения размеров отдаваемого долга. На территории Новгорода были найдены как расщепленные, так и нерасщепленные долговые бирки трех видов: (I) цилиндрические, (II) иррегулярные и (III) прямоугольные. Некоторые расщепленные бирки (I, II) содержат надписи – такие бирки образуют особую группу ("1"). Тот факт, что в Новгороде было найдено значительное количество бирок типа "C", говорит о том, что средневековые новгородцы могли без труда взять товары, продукты или деньги в долг и часто использовали эту возможность в своих экономических нуждах.

Так же, как берестяные грамоты ясно свидетельствуют о широком распространении письменности среди новгородцев, бирки служат доказательством того, что жители города постоянно имели дело с различными счетными операциями. Так как пергамент и бумага часто были недоступными и, к тому же, дорогостоящими, средневековые новгородцы производили свои вычисления с помощью дерева. Точнее, они создали простейшую, детально разработанную систему счета и ведения учета необходимых сведений на деревян-

ных бирках. Сотни бирок, найденных на территории города и хронологически распространяющихся на весь средневековый период, отчетливо показывают, что бирки имели очень важное значение в повседневной жизни средневекового Новгорода. Несомненно, бирки, обнаруженные в будущем, и более детальное исследование уже раскопанных находок прольет свет на изучение счетной системы и кредитно-долговых отношений в Новгороде в эпоху средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирати; Бирывать // Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I. М., 1975.

Бирка // Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I. М., 1975.

Брати // Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I. М., 1975.

Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. I. М., 1999.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Ковалев Р.К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. № 9 (в печати, а).

Ковалев Р.К. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в Средневековом Новгороде // Новгородский исторический сборник. № 9 (в печати, б).

Ковалев Р.К. Ганзейская ("дюжинная") деревянная счетная бирка с Готского раскопа средневекового Новгорода // Сборник, посвященный 70-летию А.Л. Хорошкевич (в печати, в).

Леонтьев А.Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого: по материалам археологических исследований // История – археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Медведев А.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1967 г. // Архив ИА АН СССР, 1967. Р–I. № 3550.

Медведев А.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1968 г. // Архив ИА АН СССР, 1968. Р–I. № 6206 а.

Медведев А.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Старой Руссе в 1969–1970 гг. // Архив ИА АН СССР, 1969–1970. Р–I. № 4630 б.

Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.

Памятники русского права. Т. II (Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв.). М., 1953.

Пенгитов Н.Т. К вопросу о счетных бирках у марийцев // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории: Труды. История, археология, этнография. 1959. Вып. XIV.

Просфиркина С.К. Крестьянские счетные бирки в собрании музея // Ежегодник Государственного Исторического музея. 1960. М., 1962.

Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964.

Скоробогатый П. Доказательства на волостном суде // Юридический вестник. 1883. XII. 2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.

Хороших П.П. Бирки иркутских бурят. Иркутск, 1926.

Цауне А. Рижские деревянные изделия XII–XIV вв. Предметы народного прикладного искусства // Народное прикладное искусство. Рига, 1989.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В.Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1970. Вып. III.

Янин В.Л. Археологические комментарии к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Янин В.Л. Надписи на деревянных "счетных" бирках // Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Baxter W.T. Early Accounting: the Tally and the Checkerboard // The Accounting Historians Journal. 1989. 10.

Bukowska-Gedigowa J., Gediga B. Wczesnośredniowieczny gród na Ostrówku w Opolu. Polskie Badania Archeologiczne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1986.

Grandell A. Karvstocken. En förbisedd kulturbärare. Ekenäs, 1982.

Grandell A. Helgeandsholmens karvstocksfynd // Fornvännen. 1984. 79.

Grandell A. Kredithandel med tillhjälp av karvstock // Fornvännen. 1986. 81.

Grandell A. Finds from Bryggen Indicating Business Transactions // The Bryggen Papers. Supplementary Series. 1989. 2.

Hołubowicz W. Opole w wiekach X–XII. Katowice, 1956.

Jenkinson H. Exchequer Tallies // Archaeologia. 1911. LXII.

Jenkinson H. Medieval Tallis, Public and Private // Archaeologia. 1925. LXXIV.

Kovalev R.K. Birka (Tally) // The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet & Eurasian History (in press, a).

Kovalev R.K. Accounting, Tag, and Credit Tallies // Wood Use in Medieval Novgorod (in press, b).

Liestol A. The Runes of Bergen, Voices from the Middle Ages // Minnesota History. 1966. V. 40. № 2.

Liestøl A., Johnsen I.S. Norges Innskrifter Med de Yngre Runer: Bryggen I Bergen. I. Oslo, 1989.

Müller U. Holzfunde aus Freiburg // Augustinereremitenkloster und Konstanz. Stuttgart, 1996.

Noonan T.S., Kovalev R.K. Что говорят берестяные грамоты об экономике Киевской Руси // Russian History / Histoire Russe. 1998. V. 25. № 1-2. (Spring-Summer).

Noonan T.S., Kovalev R.K. The Furry Forties: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe (in press).

Robert R. A Short History of Tallies // Studies in the History of Accounting. Homewood, 1956.

Stone W.E. The Tally: An Ancient Accounting Instrument // Abacus: A Journal of Accounting and Business Studies. 1975. V. 11. № 1.

Szabó M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J. Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // Elisenhof. Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins. Ser. A. 5. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1985.

Wooden Tallies from Novgorod: General Observations

R. K. Kovalev

Summary

This study provides a preliminary typology for the ca. 570 wooden tally-sticks found in Novgorod, which date from ca. 950 – ca. 1450. These finds represent 3 main types of tallies: accounting (A), tag (B), and credit (C). Type A were used for counting items and constitute about 80% of all tallies. Accounting tallies come in 5 variants: (I) cylindrical, (II) irregular, (III) dolly-peg, (IV) rectangular, and (V) pentagonal. Three main accounting systems were used on many of these tallies: by 3s (a), 7s (b), and 10s (c). Eight of the tallies using system "c+" contain 4 units of 10s, which represents a unit of account used in packaging pelts. Type B were used for tagging goods. All 20 of these tallies have sharp ends, used for sticking them into commodities. Notches were scored on these tallies, so as to keep track of what was sold or bought. Type C were used for recording debts. After notches indicating the amount owed were cut, these tallies were split into halves: one for creditor and the other for the debtor, i.e., they were receipts. Credit tallies come in 3 main variants: (I) cylindrical, (II) irregular, and (III) rectangular. Some of these tallies (group I) contain inscriptions, indicating how much dept was owed and by whom.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 51–73

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

© 2002 г. О. М. Олейников

Тверской государственный объединенный музей

Данная статья является частью работы по определению географического места производства стеклянных браслетов, широко распространенных в Восточной Европе в XIII в. Морфологическое изучение данного класса находок не смогло ответить на поставленный вопрос. Картографирование находок стеклянных браслетов из-за слабой изученности средневековых археологических памятников Малой Азии, Ближнего Востока, Западной Европы также ничего не дало. Поэтому наше внимание было обращено на глубокое изучение химического состава стекол с целью выявления гео- или геобиохимических характеристик сырьевых материалов: песка, красителей, щелочесодержащих минералов, свинца (Олейников, 1998. С. 183–186). Известно, что песок, земля, вода в разных геохимических провинциях различны.

Геохимические провинции (ГП) – это крупные, геохимически однородные области с определенной ассоциацией элементов. Особенностью ГП является повышенная концентрация в них определенных "типоморфных" химических элементов. ГП – это достаточно крупные территории, примером которых могут служить: Балтийский щит, Девонское плато северо-запада Русской платформы, Среднее Поволжье, Украинский кристаллический щит и т.д. (Перельман, 1979. С. 301).

Так как в средневековом стеклоделии использовали золу местных растений, можно предположить тесную связь между почвой, на которой росло это растение, и стеклом, непрерывную цепочку передвижения элементов по схеме: почва–растение–зола–стекло. Стекло получает свои компоненты из песка и золы. Зола представляет собой минеральную, несгораемую часть тех веществ, которые накапливали в себе растения из почвы. Поэтому можно сказать, что состав древнего стекла несет в себе отпечаток химического состава почвы района, в котором оно было изготовлено.

Можно предположить, что географическая карта минерального состава почв будет служить руководством для определения мест производства древних и средневековых стекол. С помощью корреляционных таблиц и более точного определения количественного состава химических микроэлементов средневекового стекла определенного класса удалось установить, к какой части шихты относится тот или иной редкий элемент. Так например, для производства Pb-K-Si-стекла использовали: свинцовый минерал с примесью Zn, Ni, Cu, Sn, Ag; песок с примесью Ca, K, Mg, Al, Ti, Fe, P, B, Cr, Ga, Mn; краситель в виде бронзы с примесью Sn, Ag, Bi, Be, Sb, Li. В качестве щелочесодержащего минерала использовалась высококалиевая зола с минимальным содержанием натрия. Больше всего этот состав похож на золу камыша или ячменной соломы (Turner, 1961. P. 93).

Первоначально для исследований были взяты стеклянные браслеты Великого Новгорода.

Изучение стекла браслетов XII–XIV вв. проводилось рентгеновским микроспектральным, лазерным микроспектральным, оптическим эмиссионным спектральным анализами, химическим способом и исследовалось на масс-спектрометре. В ходе исследования ставились разные задачи по определению структуры стекла, химического состава, валентности элементов и специфических особенностей химических составов стекол.

Так, например, с помощью рентгеновского микроспектрального анализа было определено, что все средневековые стекла имеют неоднородный химический состав, т.е. в разных зонах исследуемого образца количественные характеристики одного и того же химического элемента неодинаковы, при этом для микроэлементов различия доходят до одного порядка.

Для сравнительного изучения больших групп стекол, для выявления специфических особенностей их химических составов использовался оптический эмиссионный спектральный анализ при обязательном условии проведения в одной лаборатории, чтобы избежать субъективных факторов в исследовании. При этом в каждую партию образцов включается один эталонный, исследованный в различных лабораториях и разными способами (рентгеновским, лазерным, оптическим спектральным анализом и химическим).

Так как разрешающая способность спектрального анализа ограничивается –4-й степенью, то для определения микроэлементов с меньшей концентрацией в образце использовался МАСС-спектрометр.

Произведенные количественные анализы стеклянных браслетов XII–XIV вв. Великого Новгорода (см. Приложение: таблицы 1–17) показали, что они изготовлены из стекол класса: Pb-K-Si-O –

74.2%; Pb-Si-O – 20.9%; Pb-(K)-Si-O – 1%; Na-K-Ca-Mg-Si-O – 0.5%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 3.3%.

Чтобы выявить динамику поступления стеклянных браслетов каждого класса на древнерусский рынок, мы разделили их изучение на периоды: первая половина XII в.; вторая половина XII в.; начало XIII в.; середина XIII в.; конец XIII в.; XIV в.

В каждом периоде отдельный класс стекла делился по красителям и по цвету. Получается дробное членение стеклянных браслетов на группы, с которыми удобно работать.

Сейчас обработано 450 стеклянных браслетов с Троицких IX–XII раскопов. Планируется продолжить изучение стеклянных браслетов из других раскопов Великого Новгорода. Поэтому приведенные ниже результаты исследования носят предварительный характер.

В культурном слое первой половины XII в. на Троицких IX–XII раскопах Великого Новгорода обнаружены стеклянные браслеты, изготовленные из стекла: Pb-K-Si-O – 76.5%; Pb-Si-O – 17.6%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 5.9%.

От общего количества обнаруженных браслетов на раскопах Великого Новгорода браслеты первого периода составляют доли процента (исследовано 17 образцов).

Во второй период (вторая половина XII в.) процентное соотношение классов стекол браслетов (70 образцов) было следующее: Pb-K-Si-O – 75%; Pb-Si-O – 20.3%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 4.7%.

В слоях начала XIII в. исследуемого города процентное соотношение классов стекол браслетов по 60 образцам таково: Pb-K-Si-O – 74%; Pb-Si-O – 18%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 8%.

В культурном слое середины XIII в. Великого Новгорода процентное соотношение классов стекол браслетов (100 образцов) составляло: Pb-K-Si-O – 80.7%; Pb-Si-O – 14.7%; Pb-(K)-Si-O – 3.4%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 1.2%.

Во второй половине XIII в. найденные в культурном слое Великого Новгорода стеклянные браслеты изготовлены из следующих классов стекол: Pb-K-Si-O – 73.6%; Pb-Si-O – 22%; Pb-(K)-Si-O – 2.2%; Na-Ca-K-Mg-Si-O – 2.2%. Исследовано 100 образцов.

Из обнаруженных браслетов в культурных слоях XIV в. процентное соотношение классов стекол из 100 образцов: Pb-K-Si-O – 73.4%; Pb-Si-O – 21.6%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 5%.

Как видно из этих таблиц, процентное соотношение классов стекол браслетов, обнаруженных в культурном слое Великого Новгорода, на протяжении трех веков в основном не изменялось. Это косвенно может говорить о едином центре производства (или нескольких центрах производства, лежащих по пути следования торгового каравана), где собирался набор одного и того же товара, в одной и той же пропорции, предназначенного для торговли в Восточной Европе, в течение довольно длительного времени. Скорее всего здесь мы наблюдаем результат кратковременного ввоза на рынок Великого Новгорода в первой трети XIII в. большой партии стеклянных браслетов, которые откладывались в культурном слое в соответствии с продолжительностью их бытования. О масштабах производства можно судить по находкам в Западной и Восточной Европе огромного количества предметов из стекла данного класса, пик которого приходится на XIII в.

Можно предположить, что стеклянные браслеты производились из привозного сырья в центре, приближенном к месту сбыта. Но в этом случае многоцветные стеклянные браслеты изготавливались бы из стекол различных химических классов или типов, что хорошо видно на примере западноевропейских позднесредневековых стеклянных полихромных предметов, где орнамент или рисунок часто наносился из стекла другого класса, чем основная масса предмета (Wedepohl, 1995. P. 73). Произведенные анализы разноцветных нитей и рисунков на поверхности или внутри стеклянного браслета показали их однотипность с основной массой стекла браслета. Следовательно, все браслеты изготовлены в центрах производства стекла данного класса.

Обратимся теперь к химическому составу изучаемых стекол. Здесь сразу видно несоответствие с ранее опубликованными данными. Вместо более десятка химических типов стекол древнерусских браслетов (Щапова, 1972. С. 103–175) у нас выявлено только три основных типа, используемых при производстве данного украшения в XII–XIII вв. Это Pb-K-Si-O, Pb-Si-O и Na-Ca-(K-Mg)-Si-O стекла. К двум другим типам Pb-(K)-Si-O; Na-Ca-K-Mg-Si-O относится только 1.5% всех исследованных стекол.

Рассмотрим специфические особенности каждого класса стекла в отдельности.

Pb-K-Si-O

Первый и самый многочисленный класс стекла – Pb-K-Si-O. Это стекло окрашивалось во все цвета и оттенки минералами, содержащими **Cu, Fe, Mn, Sn, Co.** Медь входила в бронзу с примесью **Sn, Ag, Bi, Sb, Li.** Она, изменяя валентность при варке стекла, окрашивала его в голубой, синий, зеленый и коричневый цвета. Железо, по всей видимости, примесей не имело, или имело, но незначительные. Отмечена его связь с **Co, Ni, Sc** и **Mn.** В шихту оно добавлялось в виде мелких опилок, которые, окисляясь при варке и меняя валентность, изменяли цвет стекла от желтого к зеленому и коричневому. Марганец добавлялся в шихту в виде природного минерала (например, манганит), в состав которого входили **Fe, P, Ba, Co, Ni, Cu.** Окисляясь или восстанавливаясь при варке

стекла, он менял его цвет от желтого к зеленому, фиолетовому и матово-белому.

В сочетании друг с другом эти красители также меняли цвет стекла. Так **Cu** с **Mn** при разной валентности окрашивали стекло в голубой, синий, зеленый, фиолетовый и коричневый цвета. **Cu** и **Fe** окрашивали стекло в зеленый или коричневый цвета. В желтый, зеленый, фиолетовый и коричневый цвета окрашивало стекло сочетание **Fe** и **Mn.** В синий, зеленый и коричневый цвета окрашивает стекло сочетание **Cu, Fe** и **Mn.** Добавляя к **Cu** олово, получали синий, зеленый и бирюзовый цвета. Если к этому сочетанию красителей добавить **Fe,** то получалось зеленое и бирюзовое стекло. Сочетание **Fe** и **Sn** давало зеленый цвет. Желтый цвет различных оттенков получался без каких-либо специальных красителей (сам свинец придавал стеклу желтый оттенок). В редких случаях в желтом стекле встречалось олово.

Здесь непонятна логика мастера, использующего различные красители для создания стекла определенного цвета. Объяснение этого разными центрами или школами производства отпадает из-за одинаковой геохимической характеристики сырья и красителей для всех исследованных нами стекол класса Pb-K-Si-O.

По всей видимости, мастер в процессе получения определенного цвета стекла из-за нарушения температурного или окислительно-восстановительного режима варки стекла добавлял дополнительно к первоначальному красителю другие, пока не получался необходимый цвет. Если это предположение верно, то изготовление браслетов было вспомогательным производством в основной массе, по сравнению с производством посуды, витражного и мозаичного стекла, где требовались стекла определенного цвета и чистоты. Это предположение подтверждается и разнообразием цветовой гаммы браслетов, когда практически невозможно найти одинаковые оттенки у разных браслетов.

Почти во всех цветных стеклах этого класса обнаружены микропримеси кобальта, которые не влияли на окраску стекла. Выделить его в отдельный минерал пока не удалось, но он коррелирует с **Fe** и **Mn.**

Из вышесказанного следует вывод, что производство стекла класса Pb-K-Si-O осуществлялось в одном центре с использованием многовекового опыта применения разнообразных красителей, уходящего в античное время и Древний мир. Предположительно этот центр можно отнести на Ближний Восток.

Как уже говорилось, песок и свинцовый минерал для всех стекол этого класса, обнаруженных в слоях XII–XIV вв., брался из одной геохимической провинции с горным или пустынным рельефом. Песок имел примеси **Na, Ca, Mg, Al, Ti, Fe, P, B, Ga, Mn, Zr, Ba, La, Y, Hf, Th, U, Nb, Ta, Cu, Ag, V.** Эти элементы входят в состав минералов, которые сопровождают кварцевые пески: полевой шпат, циркон, монацит, сфен, ксенотим, пироксен, магнетит и др. Подобную геохимическую характеристику песков мы наблюдаем в юго-восточном Средиземноморье, Малой Азии, в Италии и Греции (Перельман, 1979. С. 297). Для уточнения сведений необходимо продолжить исследование геохимических провинций различных регионов.

В качестве свинцового минерала использовали, по всей видимости, галенит – PbS, с примесью **Ag, Zn, Ni, Cu, Sn.** Из галенита еще в Древнем Египте добывали серебро путем нагрева на воздухе. Галенит в рудных месторождениях содержит около 0.1% серебра. Среднее содержание **Ag** в свинцовых стеклах – 0.0016%. Стопроцентный галенит, таким образом, содержал бы не более 0.002% **Ag.** Такое низкое содержание необычно и указывает на то, что **Ag** было отделено от **PbO,** прежде чем последний был использован в стеклоделии. В большинстве европейских свинцовых залежей галенит сопровождают сфалерит (ZnS) или барит ($BaSO_4$), чье присутствие в изучаемых стеклах незначительно (Wedepohl, 1995. P. 79). Месторождения свинцовых руд Ближнего Востока и Малой Азии больше подходят к искомым.

В качестве калийсодержащего минерала для варки данного типа стекла использовали золу тростника или золу соломы. В ее состав входит большое количество калия (около 40%), до 3% натрия и кальция, микропримеси **Cr, V, P, Mo** и **Sr.** Столь высокое содержание калия в золе указывает на то, что растение было молодое, росло в пресной проточной воде при теплом климате, и почва состояла из обломков горных пород с большим содержанием **Cr, V, Mo** и **Sr.**

Если принять во внимание, что высококалиевые стекла обнаружены в местах прохождения Великого шелкового пути от Западной Европы до Дальнего Востока, то центр производства данного типа стекла следует искать на Ближнем Востоке (Олейников, 1998. С. 193).

Pb-Si-O

Второй по многочисленности класс стекла браслетов – Pb-Si-O. Это стекло имело три основных цвета: желтый, зеленый, коричневый. В желтый цвет стекло окрашивал окисел свинца или свинцово-оловянистое соединение. Медь входила в бронзу с примесью **Sn, Ag, Bi, Sb, Li.** Она окрашивала данный тип стекла в желтый и зеленый цвета. Железо придавало стеклу зеленый цвет.

Сочетание двух красителей – **Cu** и **Sn** – при разной валентности окрашивало стекло в желтый, зеленый (ярко-зеленый) и коричневый цвета. А сочетание **Fe** с **Sn** – в зеленый и коричневый цвета. Только в коричневый цвет окрашивало сочетание **Fe, Cu** и **Sn.** Следует отметить минимальное присутствие кобальта в цветных стеклах.

Песок, используемый в производстве этого класса стекла, имел очень схожие геохимические характеристики с сырьем, которое применялось для стекол класса Pb-K-Si-O. То же можно сказать и о красителях. Некоторые количественные отличия отдельных микроэлементов (меньше **Y** и **Co**) говорят о другом месте производства стекла этого класса по сравнению с Pb-K-Si-O. Но эти центры находились в непосредственной близости друг от друга, на что указывает схожесть геохимических характеристик песка, свинцового минерала и красителей. Можно предположить, что это одна геохимическая провинция (а она может быть очень большой), но разные центры (города или государства). При этом первый центр производил на экспорт в три раза больше продукции, чем второй.

Na-Ca-(K-Mg)-Si-O

Третий центр производства стекла был основан на выпуске более высокохудожественных произведений (в данном случае – браслетов). В качестве основных стеклообразующих элементов здесь использовали золу растений аридной зоны (солончаковых). Бросается в глаза удивительная схожесть геохимических характеристик используемых песков в Pb-K-Si-O и Na-Ca-(K-Mg)-Si-O стеклах. Некоторые количественные отличия (**Ga** и **Zr**) говорят скорее о том, что они брались из разных мест одной геохимической провинции.

Геохимические характеристики золы этих двух классов также похожи. Различия – в бóльшем содержании **V, Cr** и **Sr** и меньшем – **Mo** в стекле класса Na-Ca-(K-Mg)-Si-O, чем в стекле класса Pb-K-Si-O. Это указывает на различные места произрастания растений, из которых получалась зола для стеклоделия, но в одной геохимической провинции. Такие стекла встречены пока только в виде голубых и синих браслетов, окрашенных в насыщенный синий цвет кобальтовым минералом, в состав которого входили **Fe, Mn** и **Ni** (данные предварительные из-за малой выборки). Следует отметить, что похожий тип красителя, но с меньшим содержанием **Co,** применялся в цветных стеклах класса Pb-K-Si-O. Эти два факта также сближают стекла указанных классов.

К XI в. относится браслет из темно-коричневого (черного) стекла этого же класса. В качестве красителя здесь использовали **Mn, Fe,** в состав которых входил **Co.** Геохимические характеристики песка, золы и красителей, из которых было сварено это стекло, отличны от таковых этого же класса стекла XII–XIV вв. (выводы предварительные из-за малой выборки) (табл. 3). Это говорит о том, что в XI в. стеклянные браслеты данного класса стекла изготовлялись в другой геохимической провинции.

Из вышеизложенных фактов можно создать абстрактную схему местонахождения этих трех центров производства стекла. Первый центр, специализировавшийся на изготовлении высокохудожественных произведений искусства из высококачественного стекла, находился, вероятно, в столице искомого региона с многовековым опытом производства данного вида товара. Он был расположен в засушливом пустынном месте, на пересечении торговых путей, которые соединяли его с Западной и Восточной Европой, с Малой Азией, Кавказом и Ближним Востоком, со Средней Азией и Дальним Востоком. При этом данный тип стекла существовал на протяжении тысячелетий. Проведенные анализы стекла, взятого из отходов стеклодельной мастерской в Джаламе (Палестина), показали схожую геохимическую характеристику песка Джаламы с геохимической характеристикой песка стекла исследуемых браслетов, но с другими количественными показателями **Ba, Zr, Cu, Ag** и **V** (Excavations at Jalame, 1988. P. 33). Это говорит о близости геохимических провинций нашего абстрактного центра стеклоделия с Палестиной. В этом центре стекло варили из золы пустынных растений и песка.

Другой центр стеклоделия, основанный на свинцовом минерале, песке и на золе молодого тростника, росшего на берегу реки с пресной водой, находился поблизости от первого. На это указывает общая геохимическая характеристика используемых песков, с незначительным уменьшением количества **Ga,** и схожая геохимическая характеристика золы тростника и солончакового растения, используемых в этих двух центрах с количественным отличием **V** и **Mo.** Этот центр также находился на торговом пути, через который шли товары в Западную и Восточную Европу, на Кавказ и Дальний Восток (Галибин, 1989. Табл. 39, 40, 184, 533, 534, 542, 545, 572, 577, 593–595, 658, 662, 917, 919, 1056, 1070, 1080, 1082, 1219, 1224, 1240, 1241, 1244, 1248, 1255, 1277, 1303, 1325; Lal, 1952. P. 25. № 417; Geilmann, 1955. S. 148; Олейников, 1998. С. 194). Данный центр стеклоделия существовал как минимум с VII по XIII вв.

Третий центр стеклоделия, основанный на свинцовом минерале и песке, по их геохимическим характеристикам должен располагаться в ге-

ографической близости от второго центра. Геохимическая характеристика красителей производившихся в них классов стекол схожа. Это свидетельствует о географической или экономической близости этих двух центров. Третий центр стеклоделия также находился на торговом пути, через который шли товары в Западную и Восточную Европу и на Дальний Восток. Данный центр просуществовал с V в. до н.э. до XIII в. н.э. (Галибин, 1989. С. 2–124. Табл. 3, 24, 62, 65, 72, 91, 102, 135, 138, 144, 159, 171, 174, 466, 563, 643, 665, 705, 769, 812, 823, 846, 879, 885, 887, 926, 927, 987, 1023, 1048, 1061, 1078, 1085, 1123, 1110, 1128, 1143, 1148, 1149, 1176, 1178, 1181, 1195, 1199, 1201, 1204, 1208, 1211, 1214, 1232, 1261, 1264, 1266, 1273, 1288, 1290, 1295, 1322, 1349, 1361, 1363, 1411, 1417 и др.). В средневековой литературе это стекло называлось иудейским, т.е. позднеегипетским (Theobald, 1933. S. 231). Фрагменты зеленых свинцово-стеклянных сосудов аналогичного состава были обнаружены в составе груза знаменитого судна Серко Лимани, который затонул у южного берега Турции в начале XI в. (Wedepohl, 1995. S. 73).

Пик распространения стекол этих двух последних классов в Западной и Восточной Европе падает на XIII в. В XIV в. данные стекла исчезают, повсеместно сменяясь западноевропейскими. Зная, что в конце XIII в. на Ближнем Востоке и в Византии начался упадок ремесел, и сопоставляя все вышеизложенные факты, можно с большой уверенностью говорить о ближневосточном производстве стекла представленных классов.

Рассмотрим оставшиеся два класса стекол изучаемых браслетов Новгорода, которые представлены единичными образцами.

Pb-Si-(K)-O

Данный класс стекла представлен в изученной новгородской коллекции стеклянных браслетов единичными экземплярами желтого, зеленого и коричневого цветов. Желтый цвет стекла получался под воздействием атомов свинца на кристаллическую структуру силикатов. **Cu**, или сочетание **Cu** с **Sn**, или **Cu** с **Sn** и **Mn** создавали зеленый цвет данного класса стекла. **Fe** придавало изучаемому стеклу коричневый цвет. Красители и сырье в стеклах класса Pb-Si-O, Pb-K-Si-O и Pb-Si-(K)-O имели схожие геохимические характеристики. Следовательно, для приготовления данного типа стекла использовали тот же песок и свинцовый минерал, что и для Pb-Si-O и Pb-K-Si-O стекла.

Данный класс стекла, вероятно, показывает пример смешения в одном тигле двух классов стекол: Pb-Si-O и Pb-K-Si-O. Но бросается в глаза одна и та же рецептурная норма этого стекла, которое варили в XIII в. (данные предварительные). Возможно, здесь мы имеем дело с отдельной стекловаренной мастерской, расположенной в непосредственной близости от двух других центров свинцового стеклоделия, мастер которой владел "своим" рецептом получения разноцветного стекла (шихта состояла в основном из свинцового минерала и песка с небольшой добавкой высококалиевой золы). Красители использовались те же, что и в двух других центрах.

Na-K-Ca-Mg-Si-O

Другой тип стекла (Na-K-Ca-Mg-Si-O) представлен двумя фрагментами браслета темно-коричневого цвета. Данные фрагменты датируются концом XIII в. (табл. 3). В качестве красителя использовался минерал, состоящий из **Cu, Sn, Mn** с примесью **Co.** Возможно, сюда входил и **Bi**. Зола имела примеси **Sc, Cr, V, Mo, Sr.** Песок имел схожую геохимическую характеристику с песком стекла класса Na-Ca-(K-Mg)-Si-O, только с меньшим содержанием **Ba** при отсутствии **Ga** и **Zr.** При сравнении песка стекла класса Pb-Si-O с песком стекла исследуемых образцов также наблюдается сходство его геохимических характеристик, но с отсутствием **Zr,** меньшим содержанием **Ga, Be** и **Bi,** которые, возможно, относятся к красителю.

Следовательно, данный тип стекла изготавливался в отдельном центре, располагавшемся вблизи геохимической провинции, где производились стекла классов Na-Ca-(K-Mg)-Si-O, Pb-Si-O и K-Pb-Si-O. Этот центр использовал в производстве стекла золу растений аридной зоны с высоким содержанием поташа и краситель, в состав которого входили **Mn, Sn, Cu** и **Co.** Данный тип красителя не встречен в других классах стекол (выводы предварительные).

В заключение можно сказать, что стекла браслетов, обнаруженных в слоях XI–XIV вв. Великого Новгорода относятся к следующим классам: Pb-K-Si-O – 74.2%; Pb-Si-O – 20.9%; Na-Ca-(K-Mg)-Si-O – 3.3%; Pb-Si-(K)-O – 3.3%; Na-K-Ca-Mg-Si-O – 0.5% от общего количества. Все эти стекла сварены в одной или близких геохимических провинциях с засушливым климатом, с расположенными рядом месторождениями свинцовых руд, через которые протекает река. Эти центры имели многовековую традицию стеклоделия и торговые связи с Европой, Кавказом, Дальним и Ближним Востоком. Если сопоставить все эти факты, то центры производства стеклянных браслетов следует искать в Византии или на Ближнем Востоке.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 98.01.000.77.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Химический состав новгородских стеклянных браслетов желтого цвета

класс стекла – Pb-K-Si-O

(без добавления красителя)

Цвет	Св. желт. прозрач.	Св. желт. прозрач.	Желтый прозрач.	Св. желт. прозрач.	Св. желт. прозрач.	Св. желт. прозрач.	Св. желт. прозрач.	Св. желт. прозрач.	Желтый прозрач.	Св. желт. прозрач.	Желтый прозрач.
Период	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-154	Н-96-196	Н-96-71	Н-96-184	Н-96-180	Н-96-1-1	Н-96-156	Н-96-121	Н-97-265	Н-97-308	Н-97-309
Pb**	8	7	7	9	10	10	5	8	9	9	6
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	1	0.3	0.5	0.3	0.7	0.4	0.7	0.5	0.5	1	0.7
Ca	0.5	0.5	0.5	1.6	0.5	0.5	0.7	1.6	2	1	0.2
Mg	0.1	0.05	0.07	0.5	0.03	0.1	0.07	0.05	0.5	0.3	0.05
Al	0.3	0.07	0.07	0.5	0.2	0.5	0.5	0.5	0.5	1	0.07
Ti	0.1	0.05	0.05	0.07	0.2	0.07	0.07	0.1	0.2	0.1	0.05
Zn	–	–	0.005	0.005	0.01	0.01	–	–	0.005	0.007	–
Ni	–	–	–	0.001	0.001	0.005	–	0.001	–	0.001	–
Mn	0.03	0.01	0.02	0.02	0.02	0.02	0.02	0.03	0.02	0.003	0.02
V	0.001	0.001	0.0007	0.001	0.005	0.001	0.001	0.002	0.001	0.001	0.0007
Cu	0.007	0.005	0.03	0.007	0.007	0.03	0.007	0.007	0.007	0.007	0.01
Sn	0.03	0.02	0.05	0.02	**0.2**	0.02	0.003	0.05	0.005	–	0.05
Ag	0.0003	0.0003	0.0007	0.0005	0.001	0.002	0.0001	0.0005	0.0003	0.001	0.001
Bi	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Be	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb	–	0.003	–	–	–	0.005	–	0.005	–	0.003	0.003
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	0.02	–	–	–	0.02	–	–	–	–	–
Fe	0.5	0.07	0.1	0.2	0.1	0.1	0.5	0.1	0.3	0.2	0.2
P	0.05	0.05	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07	0.05	0.07	–
B	0.002	0.003	0.003	0.005	0.007	0.005	0.001	0.005	0.003	0.003	0.002
Cr	0.005	0.002	0.001	0.002	0.002	0.005	0.001	0.003	0.002	0.001	0.001
Ga	0.00003	0.00003	0.00003	0.0005	0.0003	0.0003	0.00003	0.0005	0.0005	0.0005	0.00003
Mo	0.002	0.02	0.002	0.002	0.003	0.003	0.001	0.002	0.002	0.003	0.002
Sr	0.007	0.02	0.02	0.02	0.01	0.007	0.01	0.02	0.02	0.02	0.01
Zr	0.002	–	–	0.007	0.01	0.003	0.007	0.02	0.01	0.007	–
Ba	0.005	–	0.005	0.01	0.007	0.005	0.01	0.03	0.02	0.02	–
La	–	–	0.005	0.005	0.005	0.0001	–	0.005	0.005	–	0.005
Y	0.001	–	–	0.001	0.001	–	–	0.001	0.0006	0.001	–
Co	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

В таблицах 1–17 приведено содержание элементов в весовых процентах. Спектральный анализ произведен в Институте минералогии, геохимии, петрографии, кристаллографии РАН А. Галудзиной.

* Указан шифр по картотеке автора.

** Погрешность ± 10%

Таблица 2. Химический состав новгородских стеклянных браслетов желтого цвета

класс стекла – Pb-Si-O

(без добавления красителя)

Цвет	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый полупрозрачный
Период	XIV в.	XIV в.	конец XIII в.	конец XIII в.	середина XIII в.	начачало XIII в.
Шифр*	Н-96-166	Н-96-198	Н-96-155	Н-96-259	Н-96-153	Н-97-269
Pb**	более 40	более 40	более 40	более 40	более 40	более 40
K	–	–	–	–	–	–
Na	0.2	0.3	0.3	0.2	0.3	0.2
Ca	0.2	0.1	0.1	–	0.1	0.1
Mg	0.05	0.07	0.03	0.007	0.05	0.07
Al	0.5	0.3	0.5	0.007	0.5	0.3
Ti	0.05	0.05	0.3	0.005	0.03	0.05
Zn	0.005	0.005	–	–	–	0.005
Ni	0.002	0.002	–	0.001	–	0.0006
Mn	0.05	0.01	0.01	0.005	0.1	0.007
V	0.001	0.002	0.0007	0.0005	0.0007	0.0007
Cu	0.05	0.03	0.02	0.03	0.05	0.02
Sn	0.03	0.02	0.05	0.05	0.02	0.03
Ag	0.0007	0.0007	0.0005	0.003	0.01	0.002
Bi	–	–	–	0.003	0.003	0.0007
Be	–	–	–	–	–	–
Sb	0.003	0.005	–	0.007	–	0.003
Li	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–	–
Fe	0.1	0.2	0.2	0.05	0.2	0.2
P	0.07	0.05	–	–	–	0.05
B	0.003	0.002	0.0007	0.002	0.002	0.002
Cr	–	0.002	–	–	0.0006	0.001
Ga	0.0005	0.0005	0.0005	0.00003	0.0005	0.0005
Mo	–	–	–	–	–	–
Sr	–	–	–	–	–	–
Zr	0.02	0.02	0.007	–	0.01	0.005
Ba	0.01	0.01	0.007	–	0.007	0.007
La	0.005	–	–	–	–	0.005
Y	–	0.001	–	–	–	–
Co	–	–	–	–	–	–
Sc	–	–	–	–	–	–

(с добавлением Sn)

Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.
XIV в.	XIV в.	конец XIII в.	конец XIII в.	середина XIII в.	XII в.
Н-95-11	Н-96-135	Н-96-240	Н-96-241	Н-96-129	Н-96-120
более 40	более 40	более 40	более 40	более 40	более 40
–	–	–	–	–	–
0.3	0.2	–	0.07	0.2	0.2
0.05	0.05	0.002	0.005	0.002	0.1
0.05	0.01	0.01	0.03	0.02	0.03
0.05	0.02	0.002	0.02	0.02	0.5
0.05	0.03	0.007	0.01	0.02	0.03
0.005	–	0.005	0.005	–	–
0.001	0.002	0.001	0.002	–	0.001
0.03	0.02	0.005	0.01	0.01	0.01
0.001	0.0007	–	–	0.0007	0.0007
0.01	0.07	0.03	0.02	0.05	0.02
0.1	**0.7**	**0.2**	**0.7**	**0.1**	**0.2**
0.005	0.001	0.0005	0.002	0.0005	0.0002
0.001	0.002	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–
–	0.003	–	0.005	–	–
–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–
0.1	–	0.1	0.2	0.2	0.2
0.05	0.05	–	0.05	–	–
0.002	0.005	0.003	0.003	0.0007	0.0007
0.001	–	–	–	–	–
0.0005	0.0005	0.00003	0.00003	0.00003	0.00003
–	0.0005	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–
–	–	–	0.005	–	0.005
–	–	–	–	–	0.005
–	–	0.005	–	–	–
–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–

Таблица 3. Химический состав новгородских стеклянных браслетов желтого и темно-коричневого цвета

класс стекла	Pb-Si-O (с добавлением Cu)		Na-K-Ca-Mg-Si-O (Cu–Sn)		Na-K-Ca-Mg-Si-O (Mn-Cu-Sn-Co)		Na-Ca-(K-Mg)-Si-O (Mn-Fe-Co)
Цвет	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Желтый прозрач.	Ярко-желтый прозрач.	Т.коричн. непрозрач.	Т.коричн. (черный) непрозрач.	Темно-коричневый (черный) непрозрачный
Период	XIV в.	кон. XIII в.	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	XI в.
Шифр*	Н-95-13	Н-96-242	Н-96-77	Н-96-157	Н-96-115	Н-96-125	Н-97-362
Pb**	более 40	более 40	более 40	более 40	0.7	0.9	0.5
K	–	–	–	–	6	6	2.6
Na	0.2	0.1	0.2	0.3	8	10	8
Ca	0.3	0.005	0.3	0.005	7	8	7
Mg	0.03	0.03	0.05	0.01	8	6	1.7
Al	0.5	0.05	0.2	0.02	0.5	1	2.5
Ti	0.07	0.01	0.1	0.02	0.05	0.1	0.2
Zn	0.005	–	0.007	0.005	–	–	0.02
Ni	0.001	–	0.001	0.001	0.003	0.003	0.02
Mn	0.01	0.01	0.02	0.02	**0.1**	**0.1**	**4.6**
V	0.0007	0.0005	0.007	0.0005	0.002	0.005	0.07
Cu	**0.7**	**0.3**	**0.2**	**0.2**	**0.1**	**0.07**	0.05
Sn	0.01	0.03	**0.3**	**0.2**	**0.7**	**0.5**	0.007
Ag	0.005	0.0007	0.005	0.005	0.0005	0.0003	0.01
Bi	0.007	0.002	0.03	0.03	0.0007	0.0007	0.0007
Be	–	–	–	–	–	–	0.0005
Sb	0.02	0.005	0.07	0.1	–	–	0.003
Li	–	–	–	–	–	0.005	0.01
As	–	–	0.1	0.1	–	–	0.02
Fe	0.1	0.3	0.1	0.1	0.7	0.5	**1**
P	–	–	0.1	0.1	0.07	0.1	0.1
B	0.001	0.002	0.005	0.001	0.003	0.01	0.2
Cr	0.001	0.0005	0.001	–	0.003	0.002	0.01
Ga	0.00003	0.0003	0.00003	0.0003	–	–	0.001
Mo	–	–	0.0007	–	0.0005	0.0007	0.003
Sr	–	–	–	–	0.07	0.07	0.2
Zr	0.007	–	0.01	–	–	–	0.005
Ba	0.007	–	0.005	–	0.007	0.01	0.1
La	–	–	–	–	–	0.005	0.005
Y	–	–	–	–	–	–	0.001
Co	–	–	–	–	**0.001**	**0.003**	**0.007**
Sc	–	–	–	–	0.001	–	–

Таблица 4. Химический состав новгородских стеклянных браслетов темно-желтого цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O

	(с добавлением Fe)			(с добавлением Mn-Fe)			(с добавлением Mn)
Цвет	Желто-зел. прозрач.	Желто-зел. прозрач.	Т. желтый прозрач.	Т. желто-зел. прозрач.	Т. желтый прозрач.	Т. желтый прозрач.	Желто-зел. прозрач.
Период	кон. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XIII в.
Шифр*	Н-96-217	Н-96-255	Н-97-270	Н-97-306	Н-97-307	Н-97-339	Н-96-237
Pb**	10	4	7	7	8	8	8
K**	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	0.7	0.5	0.5	1.6	1	0.4
Ca	0.7	0.7	0.5	0.7	0.5	0.7	0.5
Mg	0.1	0.5	0.2	0.2	0.2	0.2	0.1
Al	0.5	0.7	0.5	0.5	0.5	0.7	0.2
Ti	0.1	0.07	0.05	0.07	0.07	0.1	0.1
Zn	0.01	0.02	0.007	0.007	0.02	0.01	0.005
Ni	0.002	0.001	0.001	0.001	0.001	0.001	0.001
Mn	0.05	0.07	0.02	**0.1**	**0.2**	**0.2**	**0.2**
V	0.005	0.001	0.001	0.0007	0.001	0.001	0.002
Cu	0.05	0.007	0.03	0.01	0.07	0.05	0.07
Sn	0.05	0.005	0.007	0.02	0.005	0.005	0.002
Ag	0.0005	0.00007	0.0002	0.0002	0.0002	0.0003	0.0005
Bi	–	–	–	–	–	–	–
Be	–	–	–	–	0.0001	–	–
Sb	–	–	–	–	–	–	0.0001
Li	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	0.02	–	–
Fe	**1**	**3.6**	**1.6**	**3.6**	**1.6**	1	0.3
P	0.1	0.2	0.07	0.1	0.07	0.07	0.07
B	0.007	0.002	0.003	0.002	0.003	0.002	0.002
Cr	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003
Ga	0.0003	0.0005	0.00003	0.00003	0.00004	0.00003	0.0001
Mo	0.003	0.001	0.001	0.001	0.002	0.002	0.001
Sr	0.01	0.01	0.007	0.01	0.02	0.01	0.01
Zr	0.02	0.007	0.003	0.01	0.02	0.02	0.02
Ba	0.007	0.03	0.01	0.02	0.03	0.02	0.007
La	–	–	–	0.007	0.005	–	Сл.
Y	–	–	–	–	–	–	–
Co	0.0001	0.0004	–	–	–	0.0006	–
Sc	–	0.001	0.001	0.001	–	–	–

Таблица 5. Химический состав новгородских стеклянных браслетов зеленого цвета

класс стекла – Pb-K-Si-O

(с добавлением Fe) (с добавлением Fe-Sn)

Цвет	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый
Период	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XII в.	кон. XIII в.
Шифр*	Н-96-58	Н-96-87	Н-96-52	Н-96-51	Н-96-209	Н-97-348	Н-96-162
Pb**	10	10	10	10	10	9	10
K**	8	8	8	8	8	8	**4**
Na	0.3	0.7	0.3	0.5	0.5	0.5	0.2
Ca	0.7	0.5	0.5	0.7	0.7	0.7	0.5
Mg	0.1	0.07	0.07	0.2	0.1	0.07	0.07
Al	0.5	0.5	0.3	0.5	0.3	0.5	0.3
Ti	0.1	0.1	0.07	0.05	0.07	0.05	0.05
Zn	0.005	0.005	0.005	0.005	0.005	–	0.005
Ni	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	–	0.002
Mn	0.02	0.07	0.002	0.03	0.03	0.01	0.05
V	0.001	0.005	0.0005	0.0007	0.001	0.0005	0.0007
Cu	0.03	0.03	0.01	0.03	0.05	0.02	0.02
Sn	0.05	0.01	0.005	0.007	0.02	0.05	**0.1**
Ag	0.0005	0.0001	0.0002	0.0007	0.0005	0.0001	0.0007
Bi	–	–	–	–	–	–	–
Be	–	–	0.0001	0.0001	–	–	–
Sb	–	–	–	–	–	–	–
Li	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–	–	–
Fe	**2.7**	**3.5**	**3.7**	**1.7**	**3.5**	**3.6**	**1.7**
P	0.1	0.1	0.1	0.1	0.07	0.07	0.1
B	0.01	0.003	0.005	0.007	0.003	0.003	0.01
Cr	0.0007	0.001	0.0007	0.001	0.002	0.001	0.0007
Ga	0.00003	0.00004	0.000004	0.0003	0.00003	0.0007	0.00003
Mo	0.001	0.003	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002
Sr	0.007	0.007	0.001	0.01	0.01	0.01	–
Zr	0.005	0.005	0.005	0.005	0.01	0.007	0.005
Ba	0.02	0.01	0.01	0.01	0.01	0.007	0.01
La	–	0.005	0.005	–	0.005	–	0.005
Y	–	0.001	–	–	0.002	–	–
Co	0.001	0.0003	0.001	–	–	0.001	–
Sc	–	–	–	–	–	0.001	–

Таблица 6. Химический состав новгородских стеклянных браслетов зеленого цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Fe-Cu-Mn)

Цвет	Зеленый полупроз.	Зеленый прозрач.	Зеленый прозрач.	Ярко-зеленый прозрач.	Зеленый прозрач.	Зеленый прозрач.	Зеленый прозрач.	Зеленый полупроз.	Ярко-зеленый прозрач.	Зеленый полупроз.
Период	XIV в.	XIV в.	XIV в.	кон. XIII в	кон. XIII в	кон. XIII в	сер. XIII в	нач. XIII в	кон. XII в	кон. XII в
Шифр*	Н-96-18	Н-95-4	Н-96-30	Н-96-49	Н-96-246	Н-96-152	Н-96-213	Н-96-86	Н-97-325	Н-97-327
Pb**	9	7	7	7	8	8	7	8	8	5
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	1.6	1.6	1	1.6	1.4	0.7	1.5	1.5	2
Ca	0.7	0.7	1	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7
Mg	0.1	0.2	0.1	0.1	0.3	0.2	0.1	0.2	0.07	0.2
Al	0.5	0.5	1	0.5	0.3	0.5	0.5	0.7	0.5	0.7
Ti	0.2	0.1	0.1	0.2	0.1	0.1	0.05	0.1	0.07	0.1
Zn	0.005	0.007	0.007	0.007	0.01	0.007	0.07	0.007	0.007	0.01
Ni	0.003	0.003	0.005	0.003	0.002	0.003	0.003	0.007	0.003	0.003
Mn	**0.3**	**0.5**	**0.2**	**0.2**	**0.3**	**0.3**	**0.2**	**0.3**	**0.1**	**0.3**
V	0.005	0.002	0.002	0.001	0.001	0.002	0.001	0.001	0.001	0.0007
Cu	**0.7**	**1**	**1**	**0.7**	**1**	**1**	**0.7**	**0.5**	**0.7**	**0.7**
Sn	0.07	0.05	0.05	0.01	0.03	0.05	0.02	0.07	0.007	0.03
Ag	0.001	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003	0.002	0.002	0.002
Bi	0.0005	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.0004	–	0.0007	0.001
Be	Следы	0.0001	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb	0.005	–	0.005	0.005	–	0.003	–	0.007	–	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	0.02	–	–	–	0.03	–	–	0.02	–	–
Fe	**2.5**	**2**	**2.7**	**1.7**	**2.6**	**1**	**1.6**	**1.6**	**1**	**2**
P	0.1	0.05	0.1	0.1	0.2	0.1	0.07	0.1	0.07	0.1
B	0.007	0.003	0.003	0.005	0.01	0.005	0.002	0.003	0.002	0.001
Cr	0.002	0.002	0.002	0.003	0.002	0.003	0.002	0.002	0.001	0.002
Ga	0.00003	0.0005	0.0003	0.00003	0.0005	0.0007	0.0003	0.0005	0.00002	0.00002
Mo	0.002	0.002	0.0003	0.003	0.002	0.003	0.002	0.003	0.002	0.002
Sr	0.002	0.02	0.01	0.01	0.01	0.03	0.02	0.02	0.01	0.007
Zr	0.01	0.01	0.01	0.05	0.007	0.02	0.007	0.007	0.007	0.01
Ba	0.02	0.03	0.02	0.02	0.02	0.03	0.02	0.02	0.01	0.02
La	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Y	0.0008	–	–	–	–	0.002	–	–	–	–
Co	–	0.002	0.002	0.001	0.0006	0.001	–	0.001	0.0005	0.0006
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 7. Химический состав новгородских стеклянных браслетов зеленого цвета

	класс стекла – Pb-K-Si-O								
	(с добавлением Fe-Mn)			(с добавлением Cu-Mn)			(Cu-Sn)	(Fe-Cu)	(Fe-Cu-Sn)
Цвет	Зеленый прозрачный	Зеленый полупрозрач-ный	Зеленый полупрозрач-ный	Ярко-зеленый прозрач.	Ярко-зеленый прозрач.	Зеленый полупрозрач-ный	Зеленый прозрачный	Зеленый прозрачный	Бирюзовый полупрозрач-ный
Период	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	XIV в.	XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-32	Н-96-83	Н-96-168	Н-96-197	Н-97-296	Н-97-324	Н-95-3	Н-97-322	Н-97-288
Pb**	8	7	7	7	11	8	10	7	9
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.5	0.7	0.5	0.7	1.6	1	0.5	0.7	0.5
Ca	0.7	0.7	0.7	0.2	2.5	0.7	0.2	1	0.5
Mg	0.1	0.07	0.1	0.07	1.4	0.1	0.05	0.2	0.1
Al	0.5	0.5	0.5	0.07	1	0.5	0.07	0.5	0.5
Ti	0.07	0.1	0.07	0.05	0.2	0.07	0.05	0.1	0.07
Zn	0.005	0.005	–	0.005	–	0.03	0.007	0.007	0.007
Ni	0.001	0.002	0.003	0.002	0.003	0.002	0.003	0.003	0.003
Mn	**0.1**	**0.2**	**0.2**	**0.2**	**0.2**	**0.1**	0.07	0.05	0.03
V	0.0007	0.005	0.002	0.002	0.003	0.001	0.001	0.001	0.001
Cu	0.05	0.07	0.02	**1**	**1**	**0.7**	**1.5**	**0.7**	**0.7**
Sn	0.02	0.03	0.02	0.02	0.05	0.02	**0.2**	0.02	**0.1**
Ag	0.0007	0.0003	0.0002	0.002	0.005	0.002	0.003	0.002	0.003
Bi	–	–	–	–	–	–	0.0005	0.001	0.0006
Be	–	0.0001	–	–	–	–	–	–	0.0001
Sb	–	–	–	–	0.005	–	0.003	–	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	0.02	–	0.02	0.02	–	–	0.02
Fe	**1.6**	**1.5**	**2.7**	0.5	0.7	0.7	0.2	**2**	**1**
P	0.07	0.07	0.07	0.05	0.07	0.07	0.05	–	0.07
B	0.005	0.005	0.002	0.003	0.005	0.003	0.002	0.002	0.003
Cr	0.001	0.001	0.001	0.002	0.003	0.001	0.002	0.002	0.0006
Ga	–	0.0005	0.0005	0.00003	0.0005	0.00003	0.0003	–	0.00003
Mo	0.002	0.002	0.002	0.001	0.001	0.002	0.0007	0.002	0.002
Sr	0.01	0.01	0.01	0.02	0.05	0.007	0.007	0.01	0.01
Zr	–	0.007	0.02	0.007	0.02	0.0007	–	0.01	0.005
Ba	0.02	0.02	0.03	0.005	0.03	0.01	–	0.01	0.01
La	–	–	–	–	–	–	–	–	0.005
Y	–	0.001	–	–	–	–	–	–	–
Co	0.001	–	0.001	–	0.0006	0.0006	–	0.0006	0.0006
Sc	–	–	0.001	–	–	–	–	–	–

Таблица 8. Химический состав новгородских стеклянных браслетов голубого цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Mn-Cu)

Цвет	Голубой прозрачный	Голубой прозрачный	Св. голубой прозрачный	Ярко-голубой прозрачный	Голубой прозрачный	Голубой полупрозрачный	Голубой прозрачный	Голубой полупрозрачный	Голубой прозрачный	Св. голубой полупрозрачный	Св. голубой полупрозрачный
Период	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-256	Н-96-203	Н-96-108	Н-96-146	Н-96-192	Н-96-94	Н-96-113	Н-97-285	Н-97-286	Н-97-330	Н-97-334-б
Pb**	6	4	8	8	10	10	10	5	5	7	7
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.5	1	0.5	0.7	0.5	0.7	0.5	0.7	0.5	0.5	0.5
Ca	0.2	0.2	0.7	0.1	0.5	0.7	1.7	1	0.5	0.5	0.7
Mg	0.03	0.03	0.1	0.03	0.1	0.1	0.3	0.1	0.05	0.07	0.2
Al	0.05	0.07	0.7	0.07	0.3	0.7	0.5	0.5	0.3	0.3	0.5
Ti	0.01	0.03	0.1	0.03	0.1	0.1	0.07	0.1	0.05	0.07	0.1
Zn	0.007	–	0.005	0.005	0.02	0.007	0.05	–	0.005	0.007	0.005
Ni	0.002	0.002	0.002	0.002	0.005	0.002	0.002	0.001	0.002	0.001	0.002
Mn	**0.2**	**0.5**	**2**	**0.3**	**2**	**1.6**	**0.3**	**0.3**	**0.5**	**0.2**	**1**
V	0.0007	0.002	0.003	0.002	0.002	0.003	0.001	0.001	0.002	0.002	0.002
Cu	**0.5**	**0.2**	**0.3**	**0.5**	**0.3**	**0.3**	**0.5**	**0.5**	**0.3**	**0.5**	**0.3**
Sn	0.03	0.01	0.02	0.07	0.02	0.005	0.03	0.005	0.05	0.02	0.02
Ag	0.002	0.0007	0.001	0.002	0.001	0.0003	0.002	0.001	0.002	0.001	0.0007
Bi	0.001	0.0007	–	0.0007	–	0.0006	0.0007	–	–	0.001	0.0007
Be	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0.0002
Sb	0.003	0.003	0.003	0.005	–	0.003	0.005	–	0.007	–	0.003
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	0.02	–	–	–	0.02	–	0.02	–	–
Fe	0.1	0.5	0.5	0.2	0.5	0.5	0.1	0.7	0.5	0.3	0.5
P	–	0.07	0.1	0.07	0.07	0.07	0.07	0.05	0.03	0.05	0.05
B	0.005	0.002	0.002	0.003	0.005	0.003	0.002	0.002	0.001	0.002	0.003
Cr	0.001	0.001	0.002	0.002	0.007	0.001	0.002	0.002	0.001	0.001	0.001
Ga	–	–	0.0005	–	0.0005	–	–	0.0003	–	–	–
Mo	0.002	0.003	0.003	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003	0.002	0.003
Sr	0.01	0.03	0.05	0.02	0.02	0.02	0.03	0.01	0.007	0.007	0.02
Zr	–	–	0.01	–	0.01	0.005	0.007	0.01	–	0.005	0.02
Ba	0.01	0.01	0.05	0.005	0.05	0.03	0.03	0.02	0.01	0.007	0.03
La	–	0.005	0.005	–	–	–	–	–	0.005	–	–
Y	–	–	0.001	–	–	–	–	–	–	–	0.001
Co	0.0007	–	0.0007	0.0007	–	–	–	–	–	–	–
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 9. Химический состав новгородских стеклянных браслетов голубого цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Cu)

Цвет	Голубой полупрозрачный	Голубой прозрачный	Голубой полупрозрачный	Голубой полупрозрачный	Голубой прозрачный	Ярко-голубой полупроз.	Голубой прозрачный	Голубой полупрозрачный	Ярко-голубой прозрач.	Голубой полупрозрачный	Голубой прозрачный	Голубой полупрозрачный
Период	XIV в.	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	сер. XII в.
Шифр*	Н-96-25	Н-96-27	Н-96-186	Н-96-75	Н-96-230	Н-96-236	Н-96-223	Н-96-141	Н-96-134	Н-97-273	Н-97-332	Н-97-349
Pb**	14	9	10	10	8	8	10	9	8	8	8	8
K**	6	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.3	0.5	0.5	0.5	0.7	0.5	0.7	1	1.7	0.5	1	0.7
Ca	0.2	1	1	1	1	0.5	0.5	0.3	0.5	0.3	0.3	1
Mg	0.05	0.1	0.2	0.3	0.1	0.2	0.2	0.05	0.1	0.05	0.05	0.2
Al	0.07	0.7	0.5	1.6	0.7	0.5	0.5	0.07	0.5	0.1	0.07	0.7
Ti	0.2	0.07	0.2	0.2	0.1	0.05	0.07	0.05	0.1	0.05	0.05	0.05
Zn	0.01	0.005	0.02	0.03	0.05	0.03	0.05	0.007	–	–	0.05	0.05
Ni	0.002	0.002	0.003	0.003	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	0.002
Mn	0.03	0.02	0.03	0.05	0.02	0.01	0.03	0.07	0.02	0.03	0.02	0.05
V	0.007	0.0008	0.002	0.003	0.005	0.0007	0.001	0.002	0.001	0.0007	0.001	0.0007
Cu	**1**	**0.5**	**1**	**0.7**	**0.3**	**0.5**	**0.5**	**0.5**	**0.7**	**0.7**	**0.5**	**0.5**
Sn	0.05	0.03	0.02	0.03	0.03	0.03	0.02	0.03	0.07	0.03	0.03	0.02
Ag	0.001	0.003	0.003	0.002	0.002	0.003	0.002	0.001	0.002	0.002	0.003	0.002
Bi	0.002	–	–	–	–	0.0007	–	0.0006	–	0.0007	0.001	0.0007
Be	0.0001	–	–	0.0001	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb	0.005	–	–	0.005	–	0.005	–	0.005	0.003	–	–	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	0.02	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Fe	0.5	0.5	0.3	0.5	0.3	0.2	0.3	0.3	0.5	0.5	0.3	0.3
P	0.1	0.07	0.07	0.1	0.07	–	0.05	0.07	0.05	0.05	0.07	0.03
B	0.01	0.003	0.005	0.005	0.003	0.003	0.002	0.005	0.003	0.002	0.001	0.002
Cr	0.001	0.001	0.003	0.005	0.001	0.001	0.007	0.002	0.003	0.001	0.001	0.001
Ga	–	–	0.0003	0.0007	–	–	0.0005	0.0005	0.00003	0.00003	0.0005	0.00003
Mo	0.003	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002
Sr	–	0.02	0.02	0.02	0.02	0.01	0.02	0.02	0.001	0.01	0.01	0.01
Zr	0.007	0.005	0.005	0.02	0.007	0.005	0.007	0.005	0.02	–	–	0.005
Ba	–	0.02	0.01	0.02	0.02	0.02	0.01	0.003	0.007	0.007	–	0.02
La	0.005	–	–	–	–	–	–	–	–	0.005	–	–
Y	0.0006	–	–	0.001	0.002	–	0.001	–	0.001	0.0005	–	–
Co	–	–	–	–	0.0007	0.0007	–	–	–	–	–	–
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 10. Химический состав новгородских стеклянных браслетов голубого цвета

класс стекла – Na-Ca-(K-Mg)-Si-O

	(с добавлением Co-Mn-Fe)					(Co-Mn)		(Co-Fe)			(Co)
Цвет	Синий прозрачный	Голубой прозрачный	Голубой прозрачный	Голубой прозрачный	Ярко-синий прозрачный	Голубой прозрачный	Голубой прозрачный	Синий прозрачный	Св. синий прозрачный	Синий прозрачный	Т. синий прозрачный
Период	XIV в.	XIV в.	XIV в.	кон. XIII в.	нач. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-249	Н-96-219	Н-95-9	Н-96-80	Н-96-99	Н-96-174	Н-97-279	Н-97-271	Н-97-283	Н-97-287	Н-97-338
Pb	0.5	0.1	0.2	1.7	0.3	0.7	0.05	0.5	0.3	0.07	0.2
K**	3	3.5	2.6	2.3	2.7	2.7	2	2.5	2.6	2.5	2.6
Na**	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Ca**	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
Mg	2.6	2.5	3.5	2.7	3.4	2	2	3.6	3.6	3.6	2
Al	0.7	1	1.7	1	1.5	0.7	0.7	0.7	1	2	0.7
Ti	0.2	0.1	0.2	0.1	0.2	0.07	0.1	0.1	0.2	0.2	0.07
Zn	–	–	0.007	0.005	0.005	–	–	–	–	–	0.005
Ni	0.002	0.005	0.005	0.003	0.005	0.003	0.002	0.003	0.003	0.003	0.003
Mn	**0.2**	**0.1**	**0.7**	**0.2**	**0.5**	**0.1**	**0.2**	0.07	0.03	0.07	0.03
V	0.003	0.003	0.005	0.005	0.005	0.002	0.002	0.005	0.005	0.003	0.002
Cu	0.007	0.007	0.01	0.02	0.02	0.01	0.007	0.02	0.03	0.01	0.01
Sn	0.001	0.0007	0.001	0.003	0.0007	0.0008	0.00003	0.001	0.001	0.0007	0.001
Ag	0.001	0.0001	0.0001	0.0001	0.00007	0.0001	0.00005	0.0002	0.00004	–	0.00001
Bi	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Be	–	–	0.0001	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb	–	–	0.003	0.003	–	–	–	–	–	–	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	0.003	–	0.003	–
As	–	–	0.02	0.03	–	–	–	–	–	–	–
Fe	**1**	**1**	**1.7**	**1.6**	**2.6**	0.5	0.7	**1.6**	**1.6**	**1**	0.7
P	0.1	0.05	0.1	0.1	0.1	0.05	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07
B	0.007	0.01	0.02	0.03	0.005	0.005	0.005	0.007	0.01	0.005	0.005
Cr	0.003	0.003	0.07	0.007	0.02	0.005	0.003	0.005	0.005	0.005	0.05
Ga	0.0007	0.0007	0.0007	0.0007	0.0007	0.00003	0.0005	0.00003	0.0005	0.00003	0.00003
Mo	0.0005	0.0005	0.0005	0.0007	0.0005	0.0002	0.0005	0.0005	0.0005	0.0003	0.0005
Sr	0.2	0.07	0.005	0.07	0.05	0.05	0.05	0.1	0.07	0.07	0.05
Zr	0.007	0.01	0.02	0.02	0.01	0.02	0.007	0.01	0.01	0.01	0.01
Ba	0.05	0.03	0.05	0.02	0.03	0.02	0.01	0.03	0.02	0.03	0.02
La	–	–	–	0.005	–	0.005	0.005	–	–	–	–
Y	–	0.001	–	0.001	0.001	–	–	0.001	–	0.0005	0.002
Co	**0.03**	**0.02**	**0.03**	**0.03**	**0.05**	**0.02**	**0.02**	**0.03**	**0.02**	**0.03**	**0.03**
Sc	–	–	–	–	–	0.0007	–	0.0005	0.002	0.001	–

Таблица 11. Химический состав новгородских стеклянных браслетов синего цвета

класс стекла – Pb-K-Si-O

(с добавлением Fe-Cu-Mn) (с добавлением Cu-Sn)

Цвет	Т. синий полупрозрачн.	Ярко-синий прозрачный	Ярко-синий полупрозрачн.	Голубой прозрачн.	Голубой прозрачн.	Ярко-синий прозрачный	Синий полупрозрачн.
Период	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-200	Н-96-139	Н-96-107	Н-96-12	Н-96-187	Н-96-158	Н-97-335
Pb**	8	5	7	11	9	10	8
K**	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	1.7	0.7	0.3	0.7	0.7	0.5
Ca	0.7	0.7	0.7	1	1	0.3	1
Mg	0.1	0.3	0.1	0.2	0.2	0.05	0.2
Al	0.7	1.7	0.5	0.5	0.3	0.05	0.5
Ti	0.07	0.1	0.07	0.07	0.05	0.05	0.07
Zn	0.005	0.007	0.005	0.007	0.01	0.007	0.03
Ni	0.005	0.003	0.003	0.002	0.002	0.003	0.003
Mn	**0.3**	**0.2**	**0.5**	0.03	0.01	0.07	0.02
V	0.002	0.001	0.002	0.0005	0.001	0.002	0.0007
Cu	**0.7**	**1**	**1**	**2**	**0.7**	**0.7**	**0.7**
Sn	0.02	0.02	0.03	**0.2**	**0.3**	**0.3**	**0.1**
Ag	0.002	0.002	0.002	0.003	0.003	0.002	0.005
Bi	0.001	0.0006	0.002	0.0007	0.0006	0.0007	0.0007
Be	–	–	–	0.0001	–	–	–
Sb	0.003	–	0.005	0.003	–	0.008	–
Li	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–	–	0.02
Fe	**1**	1	**1**	0.5	0.3	0.5	0.5
P	0.05	0.05	0.07	0.1	0.05	0.07	0.05
B	0.003	0.005	0.003	0.02	0.005	0.005	0.002
Cr	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	0.002	0.0005
Ga	–	–	0.0005	–	0.0003	0.0005	–
Mo	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002
Sr	0.03	0.002	0.02	0.005	0.02	0.01	0.02
Zr	0.007	0.02	0.007	–	0.01	–	0.005
Ba	0.02	0.02	0.01	0.01	0.02	–	0.02
La	–	–	–	–	–	–	–
Y	–	–	–	–	0.001	0.001	–
Co	0.003	0.0007	0.002	–	–	0.0006	0.001
Sc	–	–	–	–	–	0.001	–

Класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Cu)

Цвет	Синий прозрачный	Синий полупрозрачный	Синий (бирюзовый)	Синий полупрозрачный	Ярко-синий прозрачн.	Ярко-синий полупроз.	Синий полупрозрачный	Синий полупрозрачный	Синий прозрачный	Синий прозрачный	Синий полупрозрачный	Синий полупрозрачный
Период	XIV в.	XIV в.	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	сер. XII в.
Шифр*	Н-96-253	Н-95-7	Н-95-8	Н-96-238	Н-96-183	Н-96-147	Н-96-195	Н-96-204	Н-97-337	Н-97-289	Н-97-284	Н-97-350
Pb**	5	10	9	7	7	10	8	7	7	8	9	7
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	0.7	0.7	0.5	1	0.7	0.5	0.5	1.5	1	1	0.5
Ca	0.7	1	0.3	0.3	0.7	0.7	1	1	0.7	1.6	1.6	0.3
Mg	0.5	0.1	0.05	0.05	0.2	0.2	0.3	0.5	0.1	0.2	0.2	0.03
Al	0.5	0.5	0.1	0.07	0.7	0.7	0.7	1	0.5	0.7	0.5	0.2
Ti	0.1	0.07	0.1	0.05	0.07	0.07	0.1	0.05	0.07	0.07	0.07	0.05
Zn	–	0.02	0.007	0.01	–	0.01	0.007	0.02	0.005	0.005	–	0.007
Ni	0.003	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003	0.003	0.002	0.002	0.002	0.001
Mn	0.07	0.03	0.02	0.02	0.07	0.05	0.02	0.02	0.02	0.03	0.02	0.05
V	0.002	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	0.003	0.001	0.0007	0.0007	0.0007	0.002
Cu	**1**	**1**	**0.7**	**0.5**	**0.7**	**1**	**1**	**1**	**0.7**	**0.7**	**0.7**	**0.5**
Sn	0.03	0.07	0.03	0.05	0.005	0.003	0.03	0.03	0.003	0.01	0.01	0.02
Ag	0.003	0.005	0.005	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.003	0.003	0.003	0.002
Bi	–	0.0006	0.002	–	0.001	0.0006	0.0007	0.0007	0.0007	0.001	0.001	0.0007
Be	–	0.0001	0.0001	–	–	0.0001	–	–	–	–	–	–
Sb	0.005	–	0.005	–	–	0.005	–	0.003	0.005	0.005	0.005	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	0.02	–	0.02	0.02	–	0.02	0.02	0.02	–	–
Fe	0.5	0.3	0.3	0.3	0.5	0.3	0.3	0.5	0.5	0.5	0.5	0.5
P	0.07	0.07	0.07	0.05	0.05	0.1	0.1	0.07	0.05	0.05	0.05	0.03
B	0.005	0.003	0.005	0.005	0.001	0.005	0.02	0.005	0.002	0.003	0.005	0.003
Cr	0.002	0.002	0.005	0.003	0.002	0.003	0.002	0.001	0.001	0.001	0.001	0.001
Ga	0.0005	–	0.0005	–	–	0.0005	0.003	0.0005	–	–	–	0.0005
Mo	0.003	0.001	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	0.002	0.003	0.003	0.002	0.002
Sr	0.01	0.01	0.02	0.01	0.01	0.01	0.02	0.02	0.01	0.02	0.02	0.007
Zr	0.007	0.007	0.01	–	0.005	0.007	0.007	0.005	0.01	0.005	0.007	0.005
Ba	0.02	0.005	–	–	0.02	0.02	0.01	0.02	0.02	0.02	0.02	–
La	–	–	0.005	–	–	–	–	–	–	0.005	–	0.005
Y	–	–	0.002	–	–	–	0.001	0.001	0.001	–	0.0005	–
Co	0.0007	–	–	0.0007	–	–	0.001	0.001	–	0.0005	–	–
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 13. Химический состав новгородских стеклянных браслетов синего цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Cu-Mn)

Цвет	Темно-синий прозрач.	Синий прозрач.	Ярко-синий прозрач.	Синий прозрач.	Ярко-синий прозрач.	Ярко-синий прозрач.	Синий прозрач.	Ярко-синий прозрач.	Темно-синий полу-прозрач.	Синий непро-зрачный	Синий прозрач.	Синий полу-прозрач.	Темно-синий полу-прозрач.	Темно-синий прозрач.
Период	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-96-212	Н-96-235	Н-96-181	Н-96-138	Н-96-170	Н-96-122	Н-96-56	Н-96-60	Н-96-164	Н-97-268	Н-97-331	Н-97-336	Н-97-290	Н-97-291
Pb**	10	10	10	10	10	10	10	10	10	8	8	9	8	7
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	0.7	0.7	1	0.7	0.5	0.7	1	0.7	0.5	2.6	1	0.7	0.7
Ca	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.5	1	0.7	0.2	0.5	0.7	0.3	0.7	0.5
Mg	0.07	0.3	0.1	0.2	0.1	0.1	0.1	0.2	0.03	0.1	0.07	0.03	0.5	0.1
Al	0.5	1	0.5	0.5	0.7	0.3	0.5	1.5	0.05	0.3	0.5	0.07	0.7	0.5
Ti	0.1	0.1	0.1	0.1	0.2	0.1	0.1	0.07	0.1	0.1	0.1	0.05	0.07	0.07
Zn	0.005	0.005	0.007	0.007	0.01	0.01	0.02	0.007	0.005	0.007	0.007	0.007	0.007	0.007
Ni	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003	0.002	0.003	0.003	0.001	0.002	0.002	0.003	0.002
Mn	**0.5**	**0.3**	**0.5**	**0.7**	**1.7**	**1**	**1.6**	**1**	**1.8**	**1.6**	**0.5**	**0.5**	**1.6**	**1.6**
V	0.007	0.001	0.002	0.005	0.007	0.002	0.005	0.003	0.003	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002
Cu	**0.3**	**0.7**	**0.5**	**0.5**	**0.5**	**0.3**	**0.5**	**1**	**0.3**	**0.3**	**0.5**	**0.5**	**1**	**0.3**
Sn	0.01	0.07	0.02	0.03	0.02	0.03	0.03	0.01	0.05	0.02	0.03	0.002	0.005	0.003
Ag	0.001	0.002	0.003	0.001	0.0007	0.001	0.001	0.002	0.001	0.0007	0.002	0.002	0.002	0.0005
Bi	–	0.002	–	0.001	0.0007	0.0007	0.0007	0.002	–	0.0007	–	0.0007	0.002	–
Be	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0.0002	–	0.0001
Sb	–	0.007	0.003	0.003	–	0.005	0.005	0.005	0.005	0.005	–	0.005	0.005	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–	–	–	0.02	–	–	–	–	0.02	0.02
Fe	0.2	0.7	0.2	0.3	0.5	0.2	0.5	0.5	0.07	0.5	0.5	0.5	0.5	0.2
P	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07	0.07	0.1	0.05	0.05	0.05	0.03	0.05	0.05
B	0.005	0.005	0.003	0.01	0.005	0.005	0.003	0.003	0.003	0.003	0.002	0.003	0.005	0.003
Cr	0.002	0.003	0.003	0.001	0.001	0.002	0.002	0.002	0.005	0.002	0.002	0.003	0.001	0.001
Ga	0.0003	–	–	–	–	–	–	0.0007	–	–	–	–	–	–
Mo	0.003	0.005	0.002	0.002	0.002	0.002	0.002	0.0005	0.002	0.003	0.003	0.003	0.003	0.002
Sr	0.02	0.01	0.02	0.02	0.001	0.02	0.03	0.02	0.01	0.03	0.03	0.01	0.02	0.03
Zr	0.01	0.01	0.02	0,01	0.001	0.007	0.01	0.007	–	0.007	0.02	–	0.005	0.005
Ba	0.007	0.02	0.02	0.02	0.03	0.02	0.03	0.05	–	0.03	0.02	–	0.03	0.05
La	–	–	0.005	0.005	–	–	0.005	–	–	–	–	0.005	–	–
Y	0.002	–	0.001	0.002	–	–	0.0007	–	–	0.0006	–	–	0.001	–
Co	0.0007	0.0006	–	–	0.001	0.0007	–	0.001	0.001	–	–	0.0005	0.0005	0.0006
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 14. Химический состав новгородских стеклянных браслетов фиолетового цвета
класс стекла – Pb-K-Si-O
(с добавлением Mn)

Цвет	Фиолет. прозрач.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. полу-прозр.	Т.-фиолет. прозрач.	Фиолет. прозрач.	Фиолет. прозрач.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. прозрач.	Фиолет. полу-прозр.	Фиолет. прозрач.
Период	XIV в.	XIV в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	кон. XII в.	кон. XII в.	кон. XII в.
Шифр*	Н-95-14	Н-96-28	Н-96-88	Н-96-70	Н-96-262	Н-96-194	Н-96-97	Н-96-229	Н-97-272	Н-97-275	Н-97-304	Н-97-302	Н-97-341
Pb**	9	9	8	9	5	8	9	9	9	9	8	8	8
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	1	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	0.7	1	0.7	1	0.7
Ca	0.5	1.5	0.3	0.7	0.7	0.7	1	1	0.7	0.5	0.3	0.5	1
Mg	0.05	0.2	0.05	0.1	0.2	0.1	0.1	0.5	0.1	0.07	0.03	0.1	0.2
Al	0.2	0.5	0.07	0.3	0.5	0.5	0.7	0.7	0.5	0.3	0.1	0.5	0.7
Ti	0.07	0.1	0.07	0.1	0.07	0.1	0.1	0.07	0.05	0.07	0.05	0.2	0.1
Zn	0.007	0.007	0.02	0.005	–	0.005	0.005	–	0.005	0.005	0.007	–	0.007
Ni	0.002	0.005	0.002	0.002	0.001	0.003	0.002	0.002	0.001	0.003	0.002	0.001	0.003
Mn	**1**	**2**	**2.7**	**2.7**	**1.6**	**1**	**1.6**	**2**	**2**	**1.6**	**1**	**2**	**1.6**
V	0.003	0.002	0.002	0.003	0.001	0.005	0.002	0.002	0.002	0.003	0.002	0.003	0.002
Cu	0.005	0.03	0.03	0.02	0.03	0.007	0.005	0.05	0.02	0.03	0.02	0.05	0.03
Sn	0.0007	0.001	0.005	0.005	0.005	0.001	0.001	0.01	0.005	0.01	0.002	0.002	0.002
Ag	0.0002	0.0002	0.0005	0.0007	0.001	0.0002	–	0.0005	0.0007	0.0003	0.0002	0.0002	0.0002
Bi	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Be	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb	0.003	0.003	0.003	–	–	–	–	0.003	–	0.003	0.003	0.003	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	0.02	–	0.02	–	–	–	–	–	0.02	–	0.02	–	0.02
Fe	0.3	0.3	0.5	0.7	0.3	0.5	0.3	0.5	0.5	0.3	0.3	0.5	0.5
P	0.07	0.07	0.07	0.07	0.05	0.07	0.1	0.07	0.07	0.07	0.07	0.05	0.05
B	0.005	0.01	0.003	0.002	0.003	0.003	0.01	0.005	0.003	0.003	0.002	0.003	0.003
Cr	0.002	0.002	0.001	0.002	0.003	0.002	0.001	0.002	0.0005	0.002	0.001	0.003	0.002
Ga	0.0005	–	–	0.0005	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Mo	0.003	0.002	0.001	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.002	0.003	0.003	0.002	0.003
Sr	0.02	0.03	0.03	0.03	0.05	0.03	0.02	0.03	0.02	0.03	0.03	0.05	0.03
Zr	–	0.01	0.007	0.007	0.01	0.01	0.007	–	0.003	0.01	–	0.03	0.01
Ba	0.01	0.03	0.03	0.05	0.05	0.05	0.05	0.07	0.05	0.05	0.02	0.05	0.03
La	–	–	–	0.005	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Y	–	0.001	–	–	–	–	–	–	0.001	–	–	0.001	–
Co	–	0.001	–	0.001	–	0.0005	–	0.0004	–	0.0005	–	–	0.0006
Sc	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 15. Химический состав новгородских стеклянных браслетов фиолетового и белого цвета

	класс стекла – Pb-K-Si-O				
	(с добавлением Mn-Cu)			(Mn-Fe)	(с добавлением Mn)
Цвет	Темно-фиолетовый прозрачный	Темно-фиолетовый прозрачный	Фиолетовый полупрозрачный	Темно-фиолетовый полупрозрачный	Белый матовый
Период	XIV в.	кон. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.	нач. XIII в.
Шифр*	Н-95-15	Н-96-199	Н-97-274	Н-97-299	Н-97-266
Pb**	10	8	8	9	9
K**	8	8	8	8	8
Na	3.5	1	1.5	0.7	1
Ca	0.7	1.6	0.5	0.7	0.5
Mg	0.2	0.5	0.1	0.2	0.1
Al	0.5	1	0.3	0.7	0.5
Ti	0.1	0.07	0.07	0.07	0.1
Zn	0.005	0.007	0.01	0.007	0.005
Ni	0.002	0.003	0.002	0.005	0.002
Mn	**2.7**	**1**	**2**	**2.6**	**2**
V	0.003	0.003	0.002	0.003	0.002
Cu	**0.5**	**0.2**	**0.1**	0.03	0.07
Sn	0.05	0.01	0.005	0.005	0.01
Ag	0.002	0.0007	0.0003	0.0007	0.0005
Bi	–	0.0007	–	–	–
Be	–	–	–	–	–
Sb	0.005	0.003	–	–	–
Li	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–
Fe	0.7	0.3	0.5	**1**	0.7
P	0.1	0.07	0.05	0.07	0.05
B	0.005	0.005	0.003	0.003	0.005
Cr	0.002	0.002	0.001	0.001	0.002
Ga	–	–	–	–	–
Mo	0.003	0.003	0.002	0.02	0.003
Sr	0.03	0.05	0.03	0.05	0.03
Zr	0.007	0.01	0.007	0.01	0.01
Ba	0.05	0.03	0.03	0.05	0.03
La	–	0.005	–	–	–
Y	0.002	–	0.0006	0.001	0.0006
Co	–	–	0.0005	0.001	–
Sc	–		–	–	–

Таблица 16. Химический состав новгородских стеклянных браслетов коричневого цвета

	класс стекла – Pb-K-Si-O									
	(с добавлением Cu)			(Cu-Mn)		(Cu-Fe)	(Fe-Mn)	(Fe-Cu-Mn)	
Цвет	Светло-коричн. полупрозр.	Светло-коричн. прозрачн.	Светло-коричн. прозрачн.	Коричневый прозрачн.	Коричневый полупрозр.	Коричневый полупрозр.	Коричневый прозрачн.	Темно-коричн. прозрачн.	Темно-коричн. прозрачн.
Период	XIV в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.
Шифр*	Н-96-263	Н-96-214	Н-96-173	Н-96-175	Н-96-159	Н-96-81	Н-96-172	Н-96-112	Н-96-101
Pb**	6	7	7	7	8	8	8	7	6
K**	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Na	0.7	0.5	0.5	1	1	0.5	0.7	1.4	1.5
Ca	2	2	0.5	1	0.7	0.7	0.7	1	1.4
Mg	0.5	0.5	0.05	0.5	0.1	0.1	0.07	0.5	1.5
Al	0.7	0.5	0.05	0.7	0.7	0.3	0.5	0.5	1
Ti	0.2	0.07	0.03	0.07	0.07	0.7	0.1	0.1	0.2
Zn	–	0.02	0.007	0.005	0.005	0.005	0.005	0.007	0.007
Ni	0.0007	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.001	0.002	0.002
Mn	0.07	0.03	0.02	**0.3**	**0.3**	0.02	**0.2**	**0.5**	**0.7**
V	0.002	0.001	0.002	0.002	0.002	0.001	0.001	0.002	0.002
Cu	**0.03**	**0.2**	**0.1**	**0.3**	**0.3**	**0.2**	0.007	**0.1**	**0.1**
Sn	0.02	0.01	0.007	0.03	0.03	0.005	0.05	0.01	0.01
Ag	0.0003	0.0007	0.0007	0.0007	0.001	0.001	0.0002	0.0003	0.0005
Bi	0.0007	–	–	–	–	0.0007	–	–	–
Be	–	–	–	–	0.003	–	–	–	0.0001
Sb	0.005	–	–	–	–	–	–	0.003	–
Li	–	–	–	–	–	–	–	–	–
As	–	–	–	0.02	–	–	–	0.02	0.02
Fe	0.2	0.3	0.07	0.7	0.7	**1.7**	**2.7**	**1.7**	**2.6**
P	0.07	0.05	0.05	0.05	0.007	0.1	0.1	0.1	0.1
B	0.003	0.003	0.003	0.003	0.003	0.003	0.005	0.003	0.003
Cr	0.002	0.001	0.003	0.002	0.002	0.001	0.001	0.002	0.002
Ga	0.00003	0.00004	0.00003	0.0005	0.00004	0.0003	0.00003	0.0005	0.0005
Mo	0.003	0.001	0.002	0.001	0.001	0.003	0.002	0.002	0.002
Sr	0.03	0.02	0.02	0.02	0.02	0.01	0.01	0.03	0.05
Zr	0.01	0.02	–	0.02	0.01	0.005	0.01	0.02	0.01
Ba	0.05	0.02	–	0.03	0.02	0.01	0.01	0.03	0.05
La	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Y	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Co	–	–	–	0.001	0.0006	0.001	–	0.0006	0.001
Sc	–	–	0.02	–	–	–	–	–	–

Таблица 17. Химический состав новгородских стеклянных браслетов

класс стекла – Pb-Si-(K)-O

	(с добавлением Cu)			(Cu-Mn-Sn)	(Fe)
Цвет	Желтый	Зеленый	Зеленый	Т.зеленый	Т.коричневый
Период	кон. XIII в.	кон. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.	сер. XIII в.
Шифр*	Н-96-188	Н-96-182	Н-96-201	Н-96-207	Н-96-93
Pb**	40	более 40	более 40	более 40	40
K**	1	1.5	1.5	1	1.5
Na	0.3	0.5	0.2	0.3	0.2
Ca	0.002	0.2	0.2	0.3	0.1
Mg	0.01	0.05	0.05	0.07	0.07
Al	0.02	0.5	0.5	0.1	0.3
Ti	0.02	0.05	0.02	0.05	0.05
Zn	–	0.005	–	0.01	0.005
Ni	0.001	0.002	0.001	0.005	0.002
Mn	0.005	0.007	0.005	**0.1**	0.01
V	0.0007	0.0007	0.0007	0.0007	0.0007
Cu	0.01	**0.5**	**0.5**	**2**	0.03
Sn	0.02	0.02	0.05	**0.1**	0.05
Ag	0.001	0.002	0.002	0.005	0.003
Bi	0.0007	0.001	0.001	0.02	0.002
Be	–	–	–	–	–
Sb	–	–	0.01	0.01	–
Li	–	–	–	–	–
As	–	–	–	–	–
Fe	0.07	0.2	0.2	0.3	**2.7**
P	–	–	–	0.05	0.1
B	0.001	0.001	0.002	0.003	0.002
Cr	–	0.001	–	–	–
Ga	0.0005	–	–	0.0003	0.0005
Mo	–	–	–	0.0003	–
Sr	–	–	–	–	–
Zr	–	0.02	–	–	0.01
Ba	–	0.01	0.01	0.003	0.005
La	–	0.005	–	–	–
Y	–	0.001	–	0.001	–
Co	–	–	–	–	–
Sc	–	–	–	–	–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галибин В.А. Химический состав археологических находок из стекла (по данным количественного спектрального анализа) XXIII в. до н.э. – XIX в. н.э. Л., 1989.

Олейников О.М. Сравнительный анализ химических составов стеклянных браслетов городов Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998.

Перельман А.И. Геохимия. М., 1979.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman. Poltstin. Columbia, 1988.

Geilmann W. Glastechnische Berichte. 1955. H. 4.

Lal B.B. Examination of some ancient indian glass specimens // Ancient Yndia. 1952. № 8.

Theobald W. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Yahrhundert. Berlin, 1933.

Turner W.E.S. Ancient Glass and Glassmaking, Proc. of the Chem. Soc. March, 1961. (Данные заимствованы автором из "Dictionary of Applied Chemistry". Thorpe, 1937. V. I. P. 508, 509).

Wedepohl K.H. Medieval lead glass from northwestern Europe // IGS. 1995. V. 34.

Glass Bracelets from Novgorod the Great

O. M. Oleinikov

Summary

In the article a detailed analysis of ancient glass is discussed. Proceeding from the study of its chemical formula the author reveals geochemical and geobiochemical characteristics of the raw material used, and makes an attempt to establish producing centres and chronology of glass bracelets originating from the cultural deposits of the 12th–14th cc. in Novgorod the Great. Several classes of glass formulas were used in this period: Pb-K-Si-O (74.2% of the analyses); Pb-Si-O (20.9%); Pb-(K)-Si-O (1%); Na-K-Ca-Mg-Si-O (0.5%); Na-Ca-(K-Mg)-Si-O (3.3%). The shares of classes within the chronological span of the period under investigation (the 12th–14th cc.) were basically constant, this fact is interpreted as the evidence of large consignment of glass bracelets having been imported in the first third of the 13th c. to the Novgorodan market. Geochemical composition of the bracelets found in Novgorod the Great is interpreted by the author as a proof of their Near Eastern or Byzantine origin.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 74–91

ДРЕВНИЙ ДРУЦК (ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ТОПОГРАФИЯ, ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ) К ПРАЗДНОВАНИЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДРУЦКА 1001–2001 гг.

© 2002 г. Л. В. Алексеев

Институт археологии РАН, Москва

Полоцкое княжество, куда входил домонгольский город Друцк, возникло на базе восточнославянского племени кривичей, расселившихся в VIII в. из бассейна р. Великая в бассейн Западной Двины и верховья Днепра (Седов, 1995. С. 218, 219). Отвоевывая жизненное пространство у лесов современных Белоруссии и Смоленщины, мирно соседствуя с аборигенами этих мест восточными балтами, кривичи распространились, судя по курганам, большими скоплениями сел, отделенными друг от друга часто обширными лесными массивами (Алексеев, 1988. Рис. 1; 1998а. Рис. 1) (рис. 1). Нет сомнения, что каждая группа сел среди лесных дебрей составляла отдельную племенную организацию – "малое племя" со своими родоплеменными князьями ("наши князи добри суть", сообщают древляне) (Повесть временных лет, 1950. С. 40) и эти племена в сумме составляли большое племенное объединение, "союз" кривичей (полоцких, смоленских, псковских и т.д.). Направление расселения малых племен в белорусских землях фиксируется благодаря погребальным обрядам в курганах. Сначала кривичи широко расселялись в зоне озер Вюрмского оледенения к югу от устья р. Полота вплоть до устья Витьбы и вглубь до р. Лукомка (сожжения в лепных урнах IX–X вв.). К современному Заславлю они вышли и конце X в. (кремация в лепных урнах X в.) (Заяц, 1983. С. 37). На верхнюю Друть кривичи проникли позже – в конце X–начале XI в. (древнейшие сожжения в гончарных урнах – Синчуки, Арава, возможно, Загородье) (Алексеев, 1966. С. 42, 43; Алексеев, Сергеева, 1973. С. 51–53; Романов, 1889. С. 144–146). Густая масса древних сел (судя по курганам) на верхней Друти простиралась на западе до р. Бобр, на востоке до Днепра. На юге граница шла лесами, отделяя их от дреговичей. Друцкое скопление сел насчитывает около 50 малых групп, отражая, видимо, обширное объединение – "малое племя" с центром в Друцке, на друцкой горе. Что говорят о Друцке источники?

Древнерусские летописи впервые упоминают Друцк под 1092 г., когда рассказывают о "полоцком чуде" – "навье" (души усопших) "уязвляху люди полоцкые и его область", причем сообщается, что "се знамение поча быти от Дрьтьска" (Повесть временных лет, 1950. С. 141). Впрочем, Владимир Мономах упоминает этот город в своем Поучении в связи с событиями 1078 г. (Повесть временных лет, 1950. С. 159): после нападения полоцкого князя Всеслава на Смоленск он "о двою коню" погнался за ним, не застал, и затем "тем же путем по Всеславе пожег землю (его) и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та – на Дрьютеск воюя, та – Чернигову..." (Повесть временных лет, 1950. С. 159).

Несколько больше можно почерпнуть о Друцке из шести летописных сообщений XII в. (Ипатьевская летопись, 1962. Статьи 1116, 1127, 1159, 1180, 1195 гг.) и ряда сопоставлений других текстов. Оказывается, распределение земель между Всеславичами по смерти отца (1101 г.) поставило их во враждебные отношения сначала к старшему брату Давиду (возглавлявшему Полоцк и, видимо, проводившему этот дележ). Этим, очевидно, и объясняется первоначальная близость друцкого князя Рогволода-Бориса (ум. 1128) и минского Глеба (ум. 1119) (см.: Алексеев, 1966. С. 253 и сл.). Поражение друцко-минской коалиции в борьбе с Мономахом (1116 г.) кончилось арестом Глеба и его высылкой в Киев (1117 г.), где он и умер.

В известной войне южно-русских князей с "кривичами" (1127 г.) Друцк играет незначительную роль – для его нейтрализации потребовался лишь один, правда крупный, смоленский князь (Лаврентьевская летопись, 1927. Стб. 298 и сл.; Алексеев, 1966. С. 257 и сл.). Насильственное сведение с полоцкого стола Давида (1127 г.) расчистило к нему путь друцкому Борису и окончательно укрепило рознь этих двух линий князей. В период высылки полоцких князей в Византию (1130–1140 гг.) в Друцке правил первое время, вероятно, ставленник Мстислава Великого. В 1140 г. в Киевскую Русь возвращается сын Бориса Рогволд-Василий и ему возвращают Друцк (Алексеев, 1966. С. 230). После его женитьбы на дочери Изяслава Мстиславича, его карьера стремительно идет в гору и он получает полоцкий великокняжеский стол (Алексеев, 1966. С. 265). Однако, в 1151 г. он оказывается в плену у минского князя, а Друцком владеет сын севшего на полоцком столе Ростислава Глебовича минского, князь Глеб. Друц-

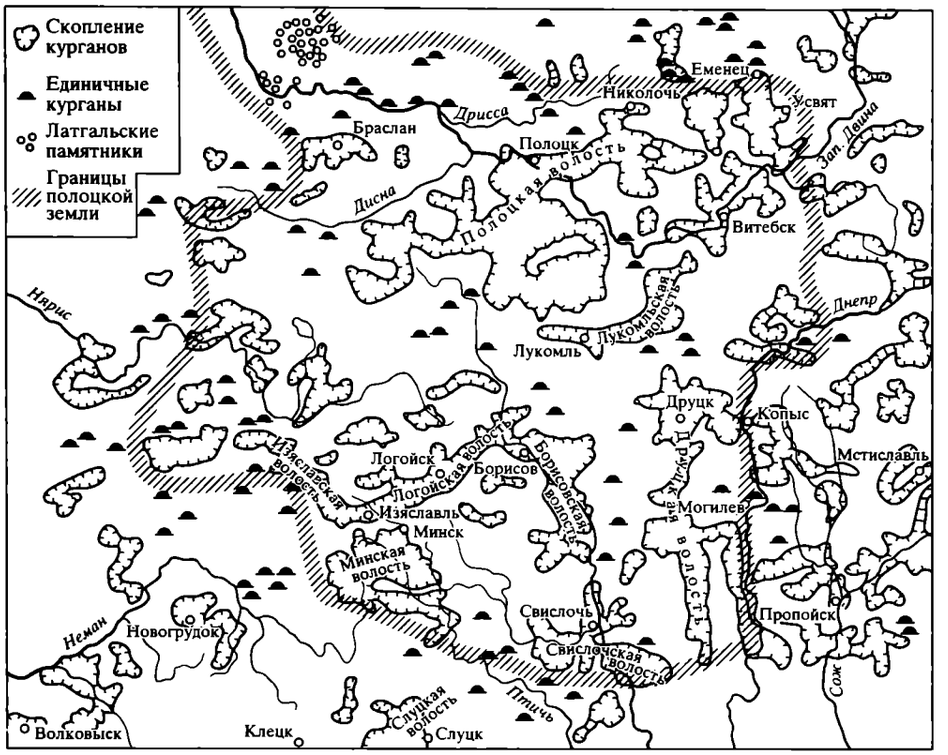

Рис. 1. Схема скоплений поселений Полоцкой земли (по круглым курганам IX–XII вв.).

кие бояре недовольны чужеродным правителем и этот город становится центром оппозиции полоцкому князю Ростиславу Глебовичу. Бояре тайно сносятся с Рогволодом, томящемся в минском плену, и он бежит в Друцк. Жители Друцка сгоняют Глеба Ростиславича, идут на Полоцк, прогоняют Ростислава Глебовича и сажают вместо него Рогволода-Василия Борисовича (1159) (Алексеев, 1966. С. 268–270; 1975. С. 231). Однако проиграв битву с Глебовичами (1162), Рогволод бросает полоцкий стол и ретируется в Друцк. Став врагом полочан, не надеясь более на полоцкий стол, Рогволод входит в контакт с усилившимся смоленскими князьями, что вызывает поход большой коалиции южно-русских князей на уходящий из-под их ног (они поддерживают Полоцк), лежащий на важном водном пути, Друцк (1180 г.) (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 620, 621). Для защиты Друцка в него входит с войском Давид Ростиславич Смоленский, но выяснив, что на Друцк движется громадная коалиция князей во главе со Святославом Всеволодовичем Киевским, бросает союзный город. Войска обложили Друцк, но узнав, что смоленский князь его оставил, Святослав Всеволодович снимает осаду, распускает коалицию и лишь поджигает друцкий "острог" (окольный город) (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 520, 521). Из последующих свидетельств летописей становится очевидным, что друцкие князья остаются под эгидой Смоленска и борются на его стороне с Ольговичами (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 693).

В XIII в., подобно другим городам Полоцкой земли, Друцк оказывается завоеванным Литвой. Русские летописи о нем не сообщают, а по сведениям западно-русских летописей, там якобы не было князей – "его мужи мешкають без государя" (Западно-русские летописи, 1907. С. 230, 243, 299; Хроника Быховца, 1966. С. 36). Как разъясняет летопись Быховца, узнав, что князей в Друцке нет, туда бежал из Киева от Батыя некий князь Димитрий (Хроника Быховца, 1966. С. 36). "Ердивил, або Радивил в Смоленску и в Друцку килка пригородиков взял з волостями их", сообщают западные летописцы (1285 г.) (Хроника Литовская..., 1975. С. 26).

Больше можно почерпнуть из текстов, касающихся Друцка XIV в. Из описи имущества митрополита Феофила (1317–ок. 1330 гг.) выясняется, что иерарх "имел возможность руководить из Новогрудка православной церковью Литвы под властью великого князя-язычника": среди его должников упомянут и Друцк (Пашуто, 1959. С. 321). По Тверской летописи в Друцке в 1330-х годах сидел князь Иван Дрюцкий (Тверской сборник, 1965. Стб. 421). Друцк был в это время транзитным пунктом, через который ездили от Витебска на Слуцк, на Константинополь и на Афон (Тихомиров, 1968. С. 71). В 1370-е годы друцким князем был Димитрий (Московский летописный свод, 1949. С. 187). По Западно-русским летописям в

1386 г. Витовт по просьбе Ягайло двинулся на Витебск. Предварительно он подступил к Друцку и испуганные дручане, встретив его, "стали в нему в дружбу" (Хроника Быховца, 1966. С. 72; см. также: Летописи..., 1980. С. 72, 89, 101, 137 и др.).

В XV в. Друцк упоминается в летописях четыре раза: в 1401 г. здесь пируют Витовт и Ягайло; в 1421 г. через Друцк проезжает митрополит Фотий (Никифоровская летопись, 1980. С. 33). Из Вологодско-Пермской летописи мы узнаем, что в 1424 г. "Царь Куидодат поиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И, слышав то, князь великий Витофтъ и посла на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, чтобы послал помочь на царя, а сам послал князя Ондрья Михайловича, князя Ондрья Всеволодовича, князя Ивана Бабу, брата его Путяту – дрючских князей..." (Вологодско-Пермская летопись, 1959. С. 183). Упоминание о Друцке XV в. относится и к 1436 г. – князь друцкий Иван Баба с другими друцкими князьями приезжает к великому князю Василию Тёмному (1425–1462) "из Литвы" "служити" (Московский летописный свод, 1949. С. 252).

Усиление Московского государства при Иване III (1462–1505) и ослабление при этом Великого Княжества Литовского при угрозе постоянных татарских набегов были причиной того, что к Москве стали "отъезжать" со своими вотчинами православные литовские князья, что особенно усилилось к 1500 г. В 1505 г. умер Иван III, в 1506 г. – литовский князь Александр, войны продолжались при их приемниках Василии III и Жигимонте (Сигизмунде) Казимировиче (Кром, 1995. С. 99–101). 1506 г. ознаменовался походом татар на Слуцк, Минск и другие города. Сам Магомет Гирей из-под Минска "пустил загоны" и, в частности, под Друцк (Хроника литовская..., 1975. С. 101). В 1507 г. к мятежному Михаилу Глинскому "пристали" княжата друцкие и князь Михаил Мстиславский – "той з друцким, сей мстиславским...", (Хроника Литовска..., 1975. С. 102, 103). Впрочем, когда Глинский "пошол из городов русских к Москве, (...) князь Михайло Мстиславский и князь друцкий с городами своими Рша и Кричев и Мозыр отдалися королю" (Летописи..., 1980. С. 234). В дальнейшем говоря о Друцке, летописи упоминают лишь "Друцкие места", "Друцкие поля", изредка вскользь сам Друцк и ни слова о его князьях (Патриаршая, или Никоновская летопись, 1965. Т. XIII. С. 21; Вологодско-Пермская летопись, 1959. С. 395). В XVI в. Друцк фигурирует лишь как село, которое проезжает С. Герберштейн (1980. С. 244), как село фигурирует они в описании контрабандных путей в Оршанском повете в XVIII в. (Белоруссия..., 1960. С. 351).

Отметим наконец знаменитое Друцкое Евангелие XIV в., где в пространной записи сообщается (рукой основного писца), что в Друцке в 1001 г. "сотворена бысть" церковь св. Богородицы[1]. Вкладывая в нее Евангелие, друцкий князь Василий Михайлович с княгиней Василисой передает церкви "село Моравьиничи и с людьми и со всеми пошлинами и с медовой данью", также из своего села Видинич – "десятину с жита" (Тихомиров, 1968. С. 9, 10). В записи упоминается княжеское село Видиничи, "Поротвина земля", "Якимово на Худаве", по которым мы можем в какой-то степени судить о владениях друцкого князя в это время. Так, "Муравьиничи" (ныне Муравичи) находились в Заречно-Толочинской волости Сенненского уезда на р. Славута (Пожаров, 1910. С. 166), "Видиничи" – в Алёновичской волости Оршанского уезда на р. Кривая (Пожаров, 1910. С. 104); "Худава" – фольварк Худово Чарейской волости Сенненского уезда на оз. Селява (Долгое) (Пожаров, 1910. С. 192), либо Худовцы Бобрской волости Сенненского уезда (Пожаров, 1910. С. 161), либо д. Худово Лисичинской волости Сенненского уезда у оз. Селявино (Пожаров, 1910. С. 172). "Поротвину землю" найти не удается, Пороевка Долгомостской волости Быховского уезда (Пожаров, 1910. С. 28), пожалуй, слишком далека от Друцка, но весьма вероятно, что владения друцких князей простирались вдоль р. Друть и в Быховском районе, заселены эти земли были тесно еще во времена курганов! Знаем мы и друцкого князя Дмитрия Васильевича – мужа дочери Олега Рязанского, видимо, это и был сын владельца друцкого Евангелия (Зотов, 1882. С. 145). В дальнейших летописных сообщениях находим лишь упоминания: "друцкие князья", "друцкие поля". Очевидно, именно в это время друцкие князья поделили свои владения между собой. Так, судя по родословцам, появились Друцкие-Соколинские (с. Соколино – к северу от Друцка, где есть и городище), о которых много свидетельствуют документы (Полоцкие грамоты..., 1980; 1982; 1985). Есть сведения, что в 1591 г. князь Друцкий-Соколинский обменял свое имение Сокольники (Соколино) Оршанского уезда на имение Дречьи Луки с Верховьем под Велижем (Романов, 1898. С. 140). Друцкие-Веденецкие, видимо, вначале владели имением Веденец (Видиничи) до 1447 г. переданном отцу Андрея Селявы (Полоцкие грамоты..., 1982. С. 132). Друцкие-Подберезские получили наименование от имения Подберезья (граница Кохановского района Витебской обл. между Кохановым и Шкловом). Друцкие-Багриновские владели имением Багриново в 10 км к востоку от Друцка, где есть курганы XI в. (Сергеева, 1969. С. 107–111). Друцкие-Прихабские владели имением Прихабы (ныне село в Белыничском р-не Могилевской обл., поблизости от Друцка). Есть

[1] Любопытно, что по Несецкому, полоцкая епископская кафедра была основана в Полоцке тоже около 1000 года, когда там на Верхнем Замке были построены церковь и женский монастырь (Niesiecki, 1728. S. 92).

свидетельство, что в 1461 г. некий Федор Одинцевич получил от князя Казимира село Прихабы, "што за Костяньтином Бабичем было" (Русская историческая библиотека, 1910. Стб. 198; Улащик, 1985. С. 31). Константин Бабич, видимо, – сын Ивана Бабы – друцкого князя. В 1535 г. Прихабы – "литовский городок был повоеван московской ратью" (Воскресенская летопись, 1859. С. 288). Были, наконец, и Друцкие-Горские, упомянутые, например, в документах 1613 г. (Родословная..., 1821). Приведенные данные показывают, как раздробился род Друцких князей – потомков Бориса Всеславича Друцкого (ум. 1128 г.). В конце XV–XVI вв. Друцкое княжество полностью распалось, его князья ушли на службу в другие земли.

"В городе Друцке (Odrusco) мы остановились на ночлег, – сообщал И.Г. Корб, приезжавший в Россию в 1698 г., – говорят, в прошлом столетии этот город имел 7 миль в окружности и славился двумя сотнями знаменитых храмов, но во время ожесточенной войны против поляков подвергся (...) опустошению" (Корф, 1906. С. 29). В.Н. Татищев (1963. С. 260) и А. Щёкатов (1804. С. 292) указали, что Друцк расположен на верхней Друти, впадающей в Березу в воеводстве Минском; это же находим у Н.М. Карамзина (1816. Прим. 134. С. 368); З. Ходаковский указал, что это не Минская, а Могилевская губ. (Погодин, 1838. С. 37). К 1818 г. стало известно, что в Друцке есть городище: "Местечко Друцк – на р. Друце, как уверяют очевидцы, там находится еще земляной городок" (Северная почта, 1818. № 89). Е.П. Тышкевич привел Друцк в качестве примера городов, укрепления которых утратили значение (Tyszkiewicz, 1849. S. 18). Топограф М.О. Без-Корнилович (1855. С. 228) сам, очевидно, памятника не видел, но сообщал: В Друцке "доселе видны следы вала и полузаплывшего рва, некогда окружавшего Друцк; они – на острове озера(!), через которые течет Друть". П.М. Шпилевскому (1855. С. 6) памятник был известен, видимо, по натуре: он писал, что у Друцка сохранился "земляной городок, то есть окопы и валы", и памятник этот лежит в 45 верстах от знаменитого Рогволодова камня. Научное описание его было сделано лишь в 1930 г. (Кавaленя, 1932. С. 190, 191).

С 1956 г. девять сезонов (с перерывами) памятник исследовался автором этих строк. По сохранности остатков – Друцк наиболее ценный средневековый археологический объект в Белоруссии, он требует безусловно полного исследования вместе с его округой (где много курганов). Памятник расположен в Толочинском р-не Витебской обл. в 10 км к югу от Толочина, на правом высоком берегу верховьев р. Друть, в центре современной деревни Друцк и, по терминологии П.А. Раппопорта (1956. С. 51 и сл.), принадлежит к категории городищ "сложного типа". Он состоит из детинца (рис. 2), примыкающего к нему с севера окольного города, большого посада, о котором свидетельствует культурный слой, подковообразно огибающий Друцкое городище с запада и юга, укрепленной части памятника на территории современной деревни и некогда, по-видимому, обширного курганного могильника, следы которого виднелись в деревне еще в 1957 г.

Площадка детинца (140 × 80 м) находится на высоте 22 м над уровнем реки, имеет форму неправильной трапеции и по периметру окружена валом, достигающем на западе 10 м высоты. Со стороны реки вал прерывается глубокой промоиной, образовавшейся, видимо, в результате разрушения подземного хода к воде (мнение П.А. Раппопорта), и в северной части, где был въезд на детинец. Площадка сохранилась без изменения. В ее южной части (квадраты У-32 и соседние, рис. 2) имеется воронкообразная яма 4-х метровой глубины – остатки, очевидно, колодца с затекшей туда землей. Северо-восточная части площадки (кв. Х-26 и соседние, рис. 2) занята небольшим курганообразным холмом, оказавшимся при исследовании братской могилой, возникшей в результате какого-то бедствия: покойники без вещей лежат на поверхности земли на спине головами на запад. Вероятно это могила времен какой-либо осады города, или какой-либо эпидемии: грандиозная чума, например, прокатилась по Руси в 1364 г., когда мор "пришел от низу из Бездежа на Нижний Новгород, оттуда – в Рязань, в Коломну, в Переяславль, в Москву" (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. Т. XI. С. 3, 4, 6).

С севера к детинцу примыкает окольный город, площадка которого (170 × 100 м) дугообразно обнесена валом, достигающим на западе 7 м высоты и глубоким рвом; уклон ее поверхности значителен – с северо-запада на юго-восток (25 и 15 м над уровнем реки). Если площадка детинца сохранилась полностью (там не было поздних строений, а в XIX в. был разбит помещичий сад), то площадка окольного города сохранилась много хуже. В XVIII–XIX вв. помещиками Гордзялковскими там был устроен двор, а в восточной части вал был срыт, культурный слой площадки перевезен на ее восточный край и на образовавшейся плоскости в 20 м^2 над рекой был возведен деревянный помещичий дом (ныне не сохранился). В северной части окольного города под валом выстроена помещиком небольшая кирпичная глаголеобразная в плане конюшня (рис. 2. кв. Е-12; Ж-11). Непосредственно за рвом, с северо-запада и юга укрепленной части Друцка примыкает обширный посад, следы которого отчетливо прослеживаются по цвету чернозема. Его площадь превышала площадь укрепленной части в 10–12 раз.

Курганный некрополь Друцка был некогда, видимо, обширен, членился, можно думать, на несколько частей. В 1873 г. напротив городища еще насчитывалось 48 насыпей (ближайшая деревня к

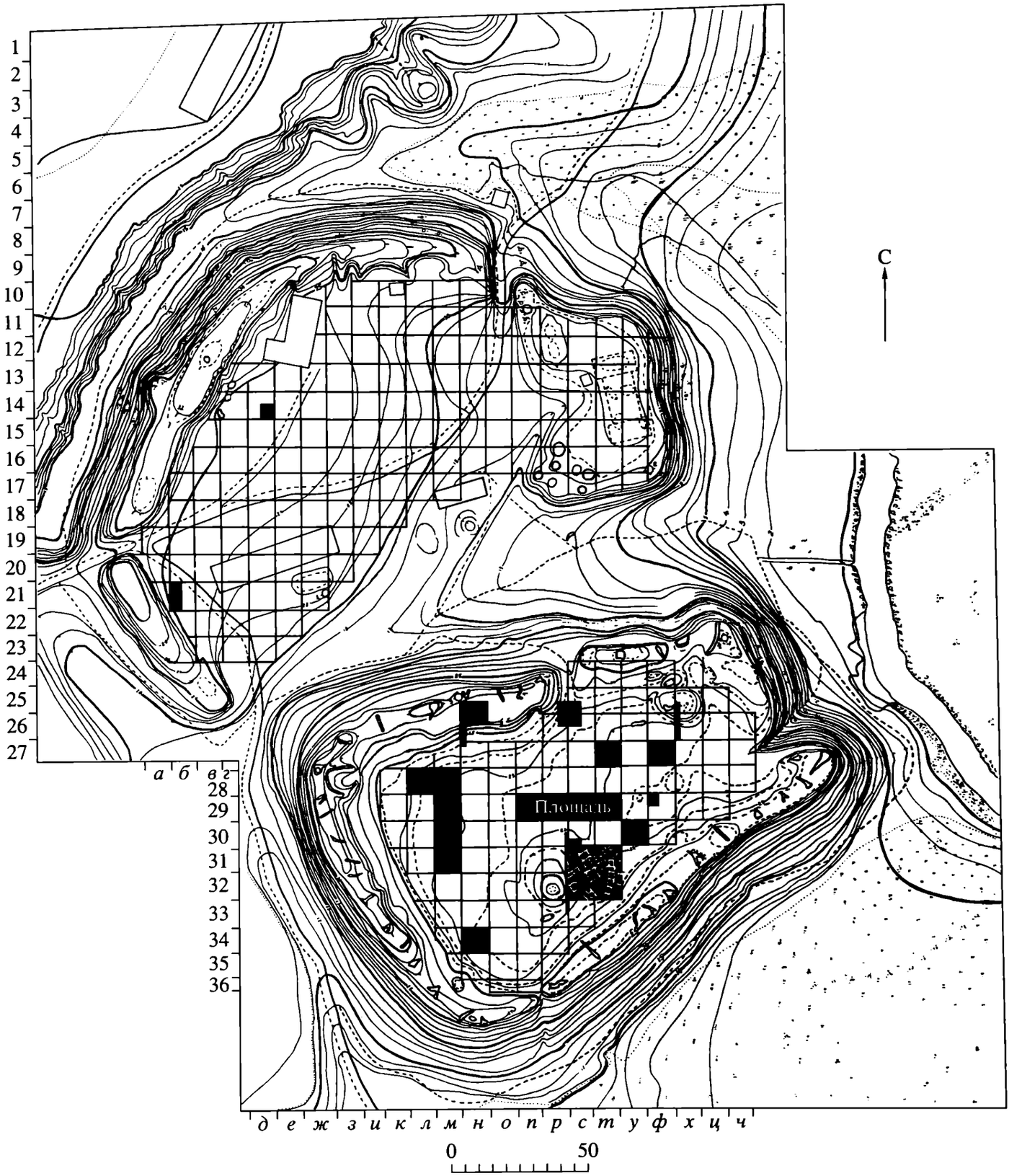

Рис. 2. План укрепленной части древнего Друцка (инструментальная съемка Полоцко-Прибалтийской экспедиции РАН 1956 г.). Сплошные горизонтали – через метр. Каждый квадрат разграфки равен одному ару на местности. Затушеванные участки – раскопанная площадь.

ним Сенчуки) (Спицын, 1903. С. 45), в 1930 г. – уже 11 (Каваленя, 1932. С. 190), ко времени наших работ в Друцке оставалось лишь 8 насыпей. Две сильно испорченные еще виднелись в 1956 г. на территори деревни, но в 1958 г. были срыты. У друцких выселок – д. Дубовое – ранее имелось 20 курганов (сохранились три, испорченных колодцем). Несколько довольно высоких насыпей

имеется у д. Новый Друцк. Вблизи Друцка продолжали хоронить и после того, как курганный обряд был оставлен, – к северу от памятника еще виднеются два каменных креста жальничного типа.

Археологические исследования в Друцке были начаты автором, как уже указывалось, в 1956 г. двумя разведывательными траншеями на детинце. Траншея I, заложенная вверху восточного склона древнего колодца, показала, что на памятнике неплохо сохраняется дерево, после 4-го штыка траншея была засыпана (в 1957 г. к ней был прирезан 100-метровый раскоп 1). Траншея 2 (2 × 16 м) пересекла холм в северо-восточной части детинца и выявила погребения братской могилы. Систематические работы начались в Друцке с 1957 г., когда был снят инструментальный план памятника и его площадка разбита на ары[2]. Каждый исследуемый ар получал номер раскопа. На плане памятника (рис. 2): раскоп I – ар С.31; раскоп II – С.32; раскоп III – Т.31; раскоп V – М.29; раскоп VI – Т.29; раскоп VIII – Т.32; раскоп IX – Р.29; раскоп X – П.29; раскоп XI – У.28; раскоп XIII – М.28; раскоп XIV – М.29; раскоп XV – М.30; раскоп XVI – М.31; раскоп XVII – М.26; раскоп XVIII – Р.34; раскоп XIX – Ч.27; раскоп XX – Х.27; раскоп XXI – О.28; раскоп XXII – у входа на детинец; раскоп XXIII – Е.21 (в окольном городе).

Работами выяснено, что культурный слой на детинце в центре залегает на глубину 6–7 штыков (рис. 3), в западной части площадки – на 5–7 штыков, в южной ее части – на глубине до 3-х и более. Во всех раскопах он состоит из следующих напластований. Верхний слой под дерном темно-серого цвета без остатков древесных строений, но насыщен золой и обоженными кусочками глины (разрушившиеся глинобитные печи), которые рассеяны по всему слою: прекратив существование, город долго стоял заброшенным. Второй слой имеет консистенцию, близкую к предыдущей, но цвет его не серый, а коричневатый – результат перегнивания дерева. Третий слой, особенно в южных раскопах, представляет наиболее солидное наслоение детинца, сохраняет остатки деревянных конструкций и содержит большинство вещей. Мощность его в центре около 15–20 см (раскоп X), 30 см в раскопах V и VI (рис. 3) и 1.1 м в раскопе II. Этот слой образовался вследствие перегнивания строительного древесного мусора и остатков сооружений. Необычайная мощность слоя в раскопах II и III объясняется еще и обилием навоза, скопившегося во дворах отдельных хозяев по внутренней стороне вала. Четвертый слой интенсивно черного цвета, он небольшой мощности, залегает непосредственно на материке, в раскопах у южного вала включает солидную, сравнительно, прослойку пожарища. Материк – серый, серо-желтый песок с многочисленными западинами небольшой величины. В раскопах I и III он залегает на глубине 11, 12 штыков, в раскопах V и VI – на 7-м штыке, в раскопах IX, X, как и в раскопах XIX и XX – на 5, 6 штыках, в раскопах XII–XIV – на 5–7 штыках, в раскопе XV – на 5-м штыке (в западной части) – на 6-м штыке (в остальной части), в раскопе XVI – то же. Раскоп XVII – на возвышенности внутренней стороны вала культурного слоя не содержал.

Остатков каких-либо конструкций на материке во всех раскопах почти не было, исключение составляют квадраты К, П, Ф, Щ раскопа IX, где были заметны следы какой-то ограды из забитых в землю до уровня материка столбов с впущеными в них горизонтальными бревнами. В южной чатси раскопа V видны были слабые следы той же ограды (уходила под южную стенку раскопа).

При обилии вокруг городища на разных расстояниях курганов, указывающих на древние села, особую важность приобретает вопрос о времени возникновения жизни как на городище, так и в окрестностях. Где жизнь возникла ранее – на городище, либо сначала здесь, на бойком пути из Днепра (у Копыси) в Двину (через Лукомль) поселились жители и уже в их среде возник замок – Друцк? Здесь требуется тщательное рассмотрение находок на материке детинца Друцка и материалов окрестных курганов.

На детинце, на материке лепная керамика встречается исключительно редко и датируется VIII–XI вв. (рис. 4, *16*), фрагмент ХХ.К.7[3]. У материка детинца обычны находки гончарных сосудов конца X–XI в. Таков мискообразный сосуд ХХ.М.7. Он имеет широкое отогнутое горло диаметром 16 см, с наклонным срезом по венчику, очень покатые плечи, стенки сплошь украшены горизонтальными "каннелюрами" (рис. 4, *17*; 5, *1*) (Алексеев, Сергеева, 1973. Рис. 14, *3*). Сосуд хорошо обожжен, в изломе светло-серый, дресва мелкая и средних размеров, звук черепка при ударе звонкий, поверхность сосуда желто-кирпичного цвета слабо заглажена, имеет небольшие следы копоти. Следов варки пищи не видно. Подобные "мискообразные" сосуды по терминологии В.А. Мальм (1959. С. 143), хорошо известны по древностям X–начала XI в. Звенигорода из раскопок Б.А. Рыбакова; Гнёздова (Седов, 1960. С. 15. Рис. 3, *5*) и еще выразительнее тоже из Гнездова – (Каменецкая, 1991. С. 154. Рис. 15, *7*), их много в курганах Московской области, особенно в По-

[2] Раскопки древних городов автор ведет по "арной" системе. Каждый раскоп по величине равен 1 ару с единообразными обозначениями 25 квадратов в каждом аре: северная линия квадратов обозначается буквами А–Д, западная – АЕЛРХ. Паспортные обозначения находок: римская цифра – номер раскопа, буква – квадрат, арабская цифра – штык (пласт). Постройки нумеруются по раскопу, где впервые обнаружены, например: – IV.15.

[3] Лепной фрагмент с материка У.А.6-7 оказался типичным для посуды верхнего слоя Тушемли-Банцеровщины V–VIII вв. (рис. 4, *18*).

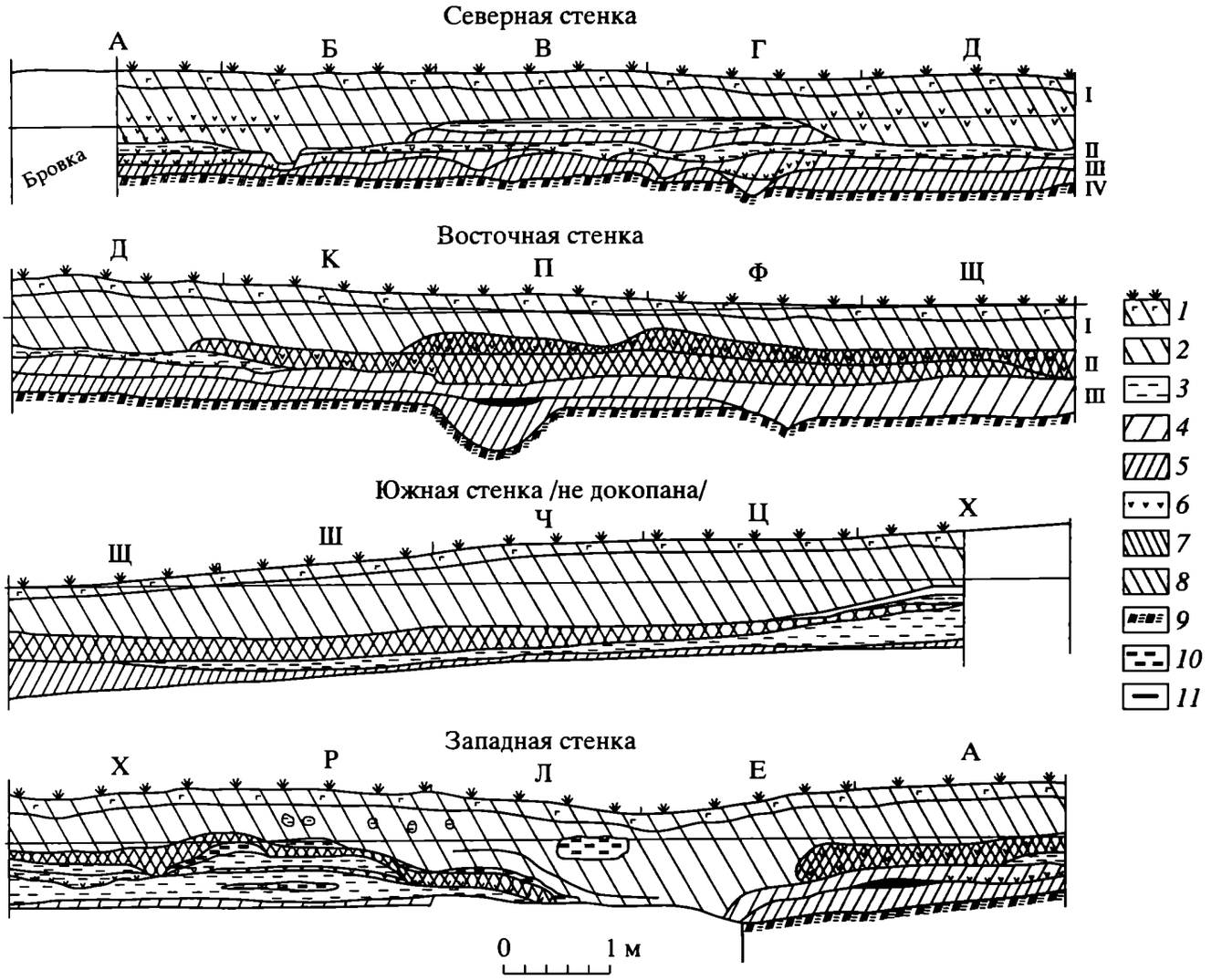

Рис. 3. Профили раскопа VI на детинце. Римские цифры – номера наслоений на памятнике (I–IV). Обозначения: *1* – дерновый слой; *2* – черный рыхлый культурный слой; *3* – розоватая глина; *4* – черный плотный слой; *5* – черный предматериковый слой; *6* – уголь; *7* – черный рыхлый слой с углем; *8* – темно-коричневый слой; *9* – материковая глина; *10* – светло-серая глина; *11* – древесные остатки.

дольском р-не (Мальм, 1959. С. 142), есть они и в Тимерёве (Мальм, 1963. С. 147. Рис. 26; Дубов, 1982. С. 195. Рис. 50, *3*) и даже в Плиснеске (Кучера, 1961. С. 149. Рис. 3, *5*). Лесной вариант прототипа этих сосудов есть в горизонтах E_I (IX–X вв.) и Д (X–начало XI в.) Старой Ладоги, причем в горизонте Д появляются первые гончарные сосуды (Станкевич, 1951. С. 234. Рис. 5, *7*). Близкий тип есть в горизонте Г (Станкевич, 1951. С. 221. Рис. 1. Тип II, *10*). На друцком детинце очень характерен фрагмент довольно большого сосуда ХХ.Х-Ц.7 с самого материка. Он был сделан на горчарном круге, срез манжетообразного венчика снабжен в середине небольшим выступом, плечики покатые, стенки снаружи сплошь покрыты "каннелюрами" (рис. 5, *2*). Цвет сосуда светло-серый, в изломе стенок (6–7 мм) видна крупная дресва. Эти сосуды есть в Новогрудке (например, в доме № 20 второй половины X в.). Ближайшая аналогия происходит из дома конца X–первой половины XI в. (Малевская, 1965. С. 89–91. Рис. 34, *3*, *5*, *15*). По аналогии с горшком из дома № 20 Новогрудка датируем X в. большой (диаметр устья 25 см) рифленый сосуд ХХ.И-К.7, найденный над самым материком (рис. 5, *9*). Из материковой западины происходит и часть рифленого сосуда ХХ.П.7 с манжетообразным венчиком (рис. 5, *5*; 6, *11*). Диаметр его устья – 13 см, сосуд сформован на круге, дресва средних и довольно крупных размеров, наружная поверхность с копотью – серо-черная, внутренняя – буро-желтая, бугристая, со следами варки пищи. Такие сосуды происходят из слоя конца X–начала XI в. городища на Менке (древнейшего Минска) (Штыхов, 1978. Рис. 47, *8*), из кургана у Новогрудка XI в. (Павлова, 1965. Рис. 38, *6*). В Полоцке такой сосуд был найден в слое X–начала XI в. (Штыхов, 1975. С. 84. Рис. 42, *1*) в Брячиславле (Браславе) в слое начала XI в. (Алексеев, 1960. С. 99. Рис. 46, *30*) и т.д.

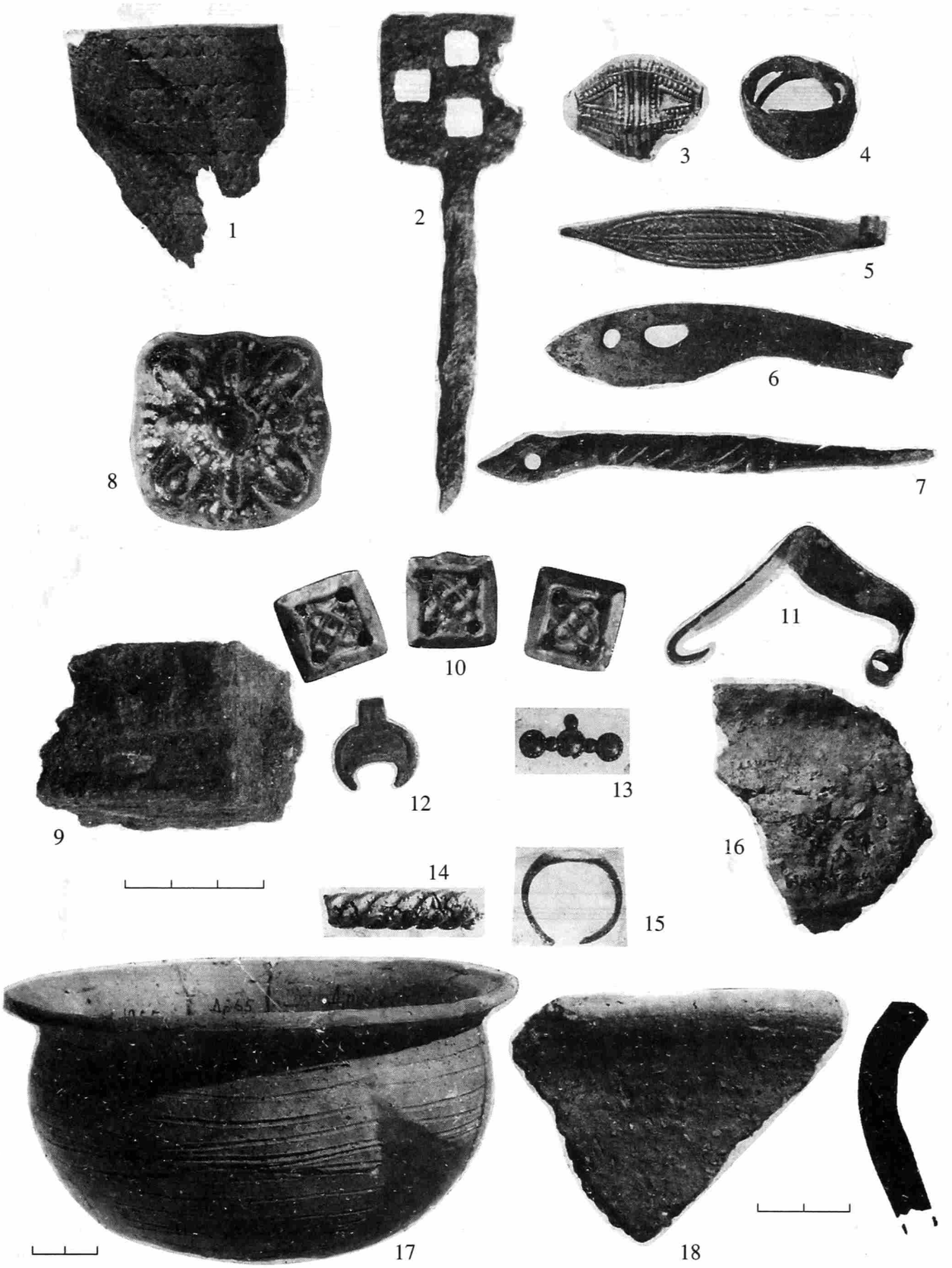

Рис. 4. Находки надматерикового слоя детинца.

1 – костяная пластина кочевнического колчана; *2* – железный ключ от замка типа "А" первого вида; *3* – себряная зерненая бусина; *4*, *15* – бронзовый и серебряный перстни; *5*, *11* – деталь серебряных гривен; *6* – петля колчана из кости; *7* – копоушка (кость); *8* – выпуклая головка серебряной булавки (увеличено); *9* – железный замок типа "А"; *10* – серебряные бляшки с орнаментом (увеличено); *12* – бронзовая лунница; *13* – бронзовая крестообразная подвеска; *14* – часть витой серебряной гривны; *16* – фрагмент лепного сосуда с материка; *17* – мискообразный гончарный сосуд (найден на материке); *18* – фрагмент венчика лепного сосуда типа "Верхнего слоя Банцеровщины-Тушемли" (V–VIII в.) (найден на материке).

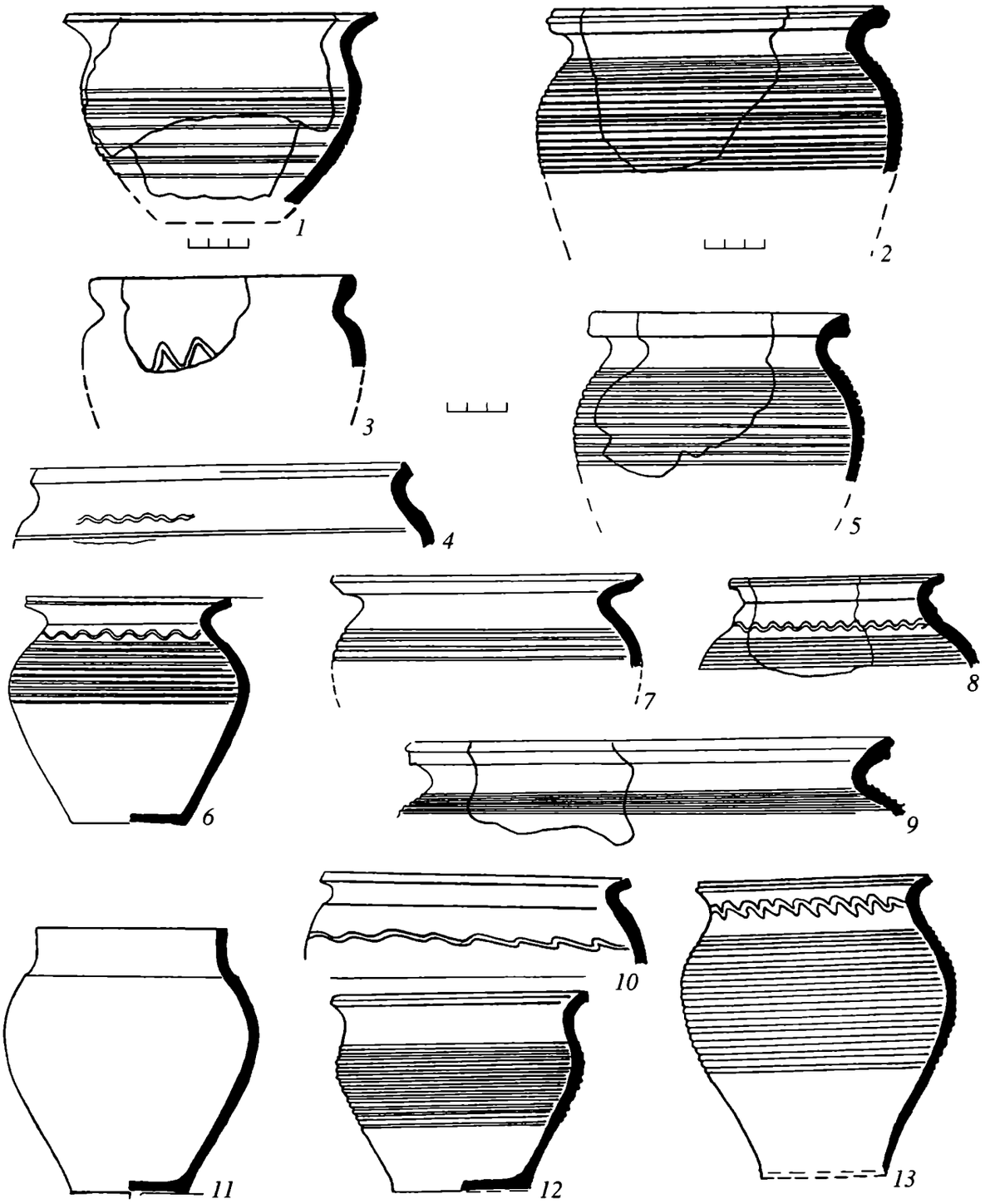

Рис. 5. Схемы сосудов с материка и из надматерикового слоя (*1–9*) и курганов у д. Синчуки под Друцком (*6*, *8*, *11–13*).

У материка найдены и другие предметы. Таковы серебряные нашивные бляшки с тисненым орнаментом в виде крестообразных пальметок (XX.III.7, рис. 4, *10*). Подобные есть в известном ингумированном мужском погребении Гнёздова второй половины X в., где погребенный связан с варяжской дружиной (Авдусин, Пушкина, 1989. Рис. 4, *8*). Эти украшения ученые связывают почему-то с "поясной сумкой", хотя это оголовье коня (Кирпичников, 1973. С. 90. Табл. VII) с датой X в. Подобные бляшки есть и в других гнёздовских курганах второй половины X–начала XI в. (Сизов, 1902. Табл. III, *25*), орнаменты там несколько иные. Они есть и в кургане Гульбище под Черниговом, X в. (Самоквасов, 1917. Рис. 58. № 3217). Подобные бляшки происходят и из-за ограды Елецкого монастыря в Чернигове – серебряные, с близким нашим бляшкам орнаментом. Б.А. Рыбаков (1949. С. 53, 54. Рис. 21 и 22) относит их к X в. Близкие бляшки от головного венчика из

кургана № 13 под Новогрудком авторы раскопок датировали (как и весь могильник) не позднее конца XI в. (Павлова, 1967. С. 38; Гуревич, 1983. С. 52).

Обратимся к датирующим предметам из 4-го (надматерикового) слоя детинца. Редкий кубический замок XIII.М.6-7 по классификации Б.А. Колчина – самый ранний и единственный на Руси – тип А (рис. 4, *9*), также ключ к этому типу замков с квадратной лопаточкой Х.Ж.6 (рис. 4, *2*). Аналогии им – в Черной могиле Чернигов – X в. (Самоквасов, 1917. С. 29. Рис. 34. № 3372, 3374); в среднем слое Брячиславля (Алексеев, 1960. Рис. 46, *17*) – начало XI в. Из ближайших земель укажем аналогии из Логожска, Мънеска (на р. Менка (Штыхов, 1978. Рис. 38, *1*; 44, *10*)). К концу X–середине XI в. относятся ключи типа А, но с круглой лопаточкой XX.Ж.7; XX.Е.6-7. Над материком найдена бронзовая лунница III.Н.12 (рис. 4, *12*), серебряная зерненая бусина (рис. 4, *3*), крестообразная подвеска Ш.Ш.12 (рис. 4, *13*). В том же самом слое, но приблизительно на штык выше лежал бронзовый усатый широкосрединный перстень IX.Х.6 (рис. 4, *4*), датирующийся X–XII в. (Недошивина, 1967. С. 258); часть бронзовой витой гривны XIV.М.6 (рис. 4, *14*); овальнощитковый серебряный перстень – тип, характерный, как иногда думают, только для Ленинградской и Псковской областей (Недошивина, 1967. С. 263), XIII.О.6 (рис. 4, *15*); бронзовый проволочный перстень XIV.Е.6; две "застежки" серебряных шейных гривен, одна – I.Д.11 с выпуклым орнаментом (рис. 4, *5*); другая – XIV.У.6 без орнамента, согнутая пополам (рис. 4, *11*) и более низкопробного серебра. Редкая находка – серебряная булавка с фигурной выпуклой головкой II.К.11 (рис. 4, *8* – деталь головки, целиком см.: Алексеев, 1966. Рис. 37, *19*). Подобные булавки есть в Агачкалинском могильнике Хазарской культуры, X в. (Смирнов, 1951. Рис. 50, *14*, *15*; 51, *7*, *8*); в кладе у д. Стражевичи, XI в. (Корзухина, 1954. С. 96. Табл. 21, *6*); в Стара Коурим (Чехия) близкая аналогия – тоже X в. (Henzel, 1965. S. 520. Fig. 454).

Из бытовых находок: ключ внутреннего замка III.С.11 (рис. 7, *7*); две пружины деревянного засова (обе – II.Ж.11, рис. 7, *9*, *10*); "крылатые" псалии Х.А.7.(рис. 7, *8*, *11*), в Новгороде их дата – XI в. (Медведев, 1959. Рис. 22, *2*). Интересна редкая находка – дубовая ось телеги II.П.11 (рис. 7, *13*). Сошник XIII.П.7 (рис. 6, *1*); долото XXIII.М.7 (рис. 6, *9*); часть дверного запора XI.Н.7 (рис. 6, *10*); калачевидное кресало III.Г.10 (рис. 6, *7*); выточенная на станке костяная поделка (пуговица?) XIX.3.6 (рис. 6, *4*), стальная игла (рис. 6, *5*), копоушка из кости Ш.Ж.10 (рис. 4, *7*).

Из 70 наконечников стрел на долю верхних отложений приходится 43. Стрелы же на материке единичны. Назовем их, а также и те, что найдены в предматериковом слое и те, что найдены выше, но имеют, как и они, раннюю дату: II.Н.12 (рис. 7, *5*) с материка; I.Ж.9-с предматерикового слоя; XV.*?1-3* (первая и третья – Алексеев, 1966. С. 266. Рис. 72, *14*, *15*). Эти стрелы – бронебойные, шиловидные, широко распространенные в конце IX–начале XI в. "лишь на юго-западе древней Руси" (Медведев, 1966. С. 57. Рис. 30, *6*) (возникает вопрос: кто мог тогда нападать на Друцк?). Наконечник стрелы III.Ж.7 (Алексеев, 1966. Рис. 72, *5*) с короткой головкой и длинной шейкой (99 мм) с упором – переотложен: эти стрелы датируются X–началом XII в. (Медведев, 1966. Табл. 17, *22*, *32*). Верхняя дата городища на Менке, где есть такой наконечник, – начало XI в. (Загорульский, 1982. Рис. 10, *1*). Там же есть и четыре шиловидные втульчатые стрелы (Загорульский, 1982. Рис. 10, *2–5*). Для этого же времени характерны двушипные стрелы в Друцке II.О.11 (рис. 7, *3*) и III.О.12 (рис. 7, *14*) – оба лежали в слое пожара 1116 г. Над пожаром стрела III.О.11 (рис. 6, *2*). Датируются они XI–XII вв. Подобные стрелы есть в Брячиславле (Браславе) – в слое XI–XII вв. (Алексеев, 1960. С. 99. Рис. 46, *18*), в Лукомле и на Менке – конец X–начало XI в. (Штыхов, 1978. Рис. 18, *14*; 44, *1*; 45, *2*). В Друцке между слоями 4 и 3 найдена бронзовая круглая подвеска (Алексеев, 1966. С. 162. Рис. 16) (рис. 6, *6*). Ее дальняя аналогия есть в 18-м ярусе Неревского раскопа в Новгороде (1161 г.) (Седова, 1981. Рис. 12, *4*, *5*). Также в слое пожарища найдено копье II.У.10 (рис. 7, *12*). Аналогии ему имеют дату XI–XII в. (Кирпичников, 1966. № 358). Вблизи пожарища найдены наконечники стрел: бронебойный пирамидальный III.П.10 (рис. 7, *1*) – XII в. (Медведев, 1966. Табл. 21, *20*, *21*); стрела (рис. 7, *2*) второй половины XI–XII вв. (Медведев, 1966. С. 85. Табл. 21, *37*). Бронзовый кистень V.В.9 (из ямы 5а) (Алексеев, 1966. Рис. 72, *2*) датирован А.Ф. Медведевым (личное сообщение) XII–XIII вв. Подобный найдены в Старой Рязани (Монгайт, 1961. Рис. 137, *3*). Ближайшая аналогия костяной петле от колчана XIV.У.6 (рис. 4, *6*) встречена на Белоозере (Голубева, 1973. Рис. 46, *14*). Из того же надматерикового слоя происходит тонкая костяная пластина колчана "кочевничевского" типа XIII.Х.7 (рис. 4, *1*), датирующаяся обычно XII–XIII вв. (ее нельзя сопоставлять с половцами, помогавшими Ярославу и Игорю Святославича Святославичам, как я ранее думал: она найдена почти на материке (Алексеев, 1962. С. 209). Над пожаром найдена вторая пластина I.II.10, украшавшая, видимо, колчан с резными "романскими" орнаментами (Алексеев, 1962. С. 208; 1966. Рис. 23). Несколько слов о бусах, обилие которых в Друцке заслуживает специального сообщения. Из 17 стеклянных лимоновидных желтых (X–начало XI в.) 13 относятся к нижнему слою и самому раннему последующему горизонту: I.И.11; I.Е.11; II.У.12; III.М.11; III.Н.10 – две IX Е.6; XIII.Т.6; XIi.К.5; XVI.Ч.6; XVI.Л.6.

Таковы находки ранних слоев друцкого детинца.

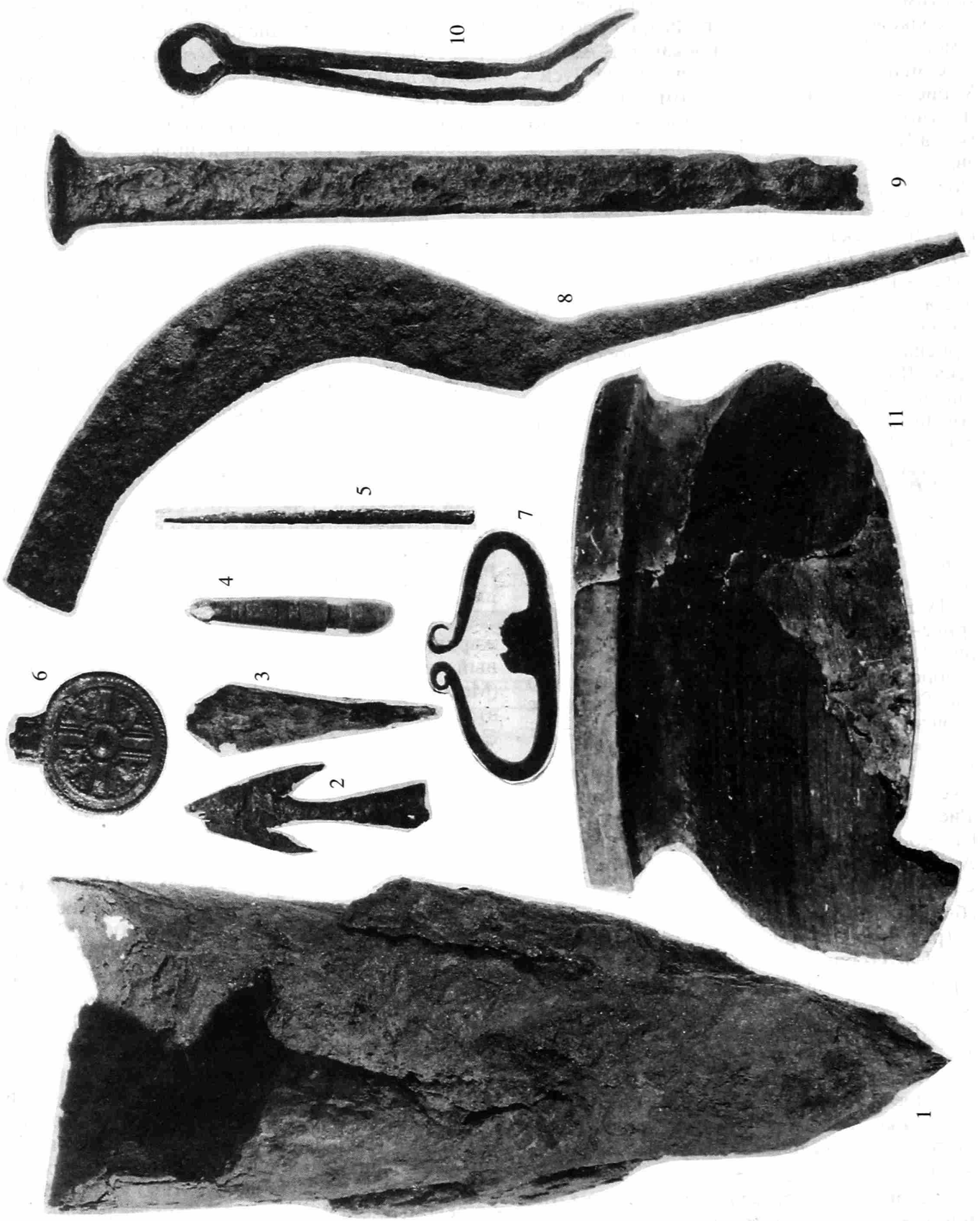

Рис. 6. Находки из нижнего слоя детинца (*1*, *2*, *4–8*, *10*) и Окольного города (*3*, *9*) *1* – сошник железный; *2*, *3* – наконечники железных стрел; *4* – костяная поделка; *5* – игла железная; *6* – бронзовая подвеска; *7* – кресало; *8* – серп; *9* – долото; *10* – часть дверного запора; *11* – часть рифленого сосуда.

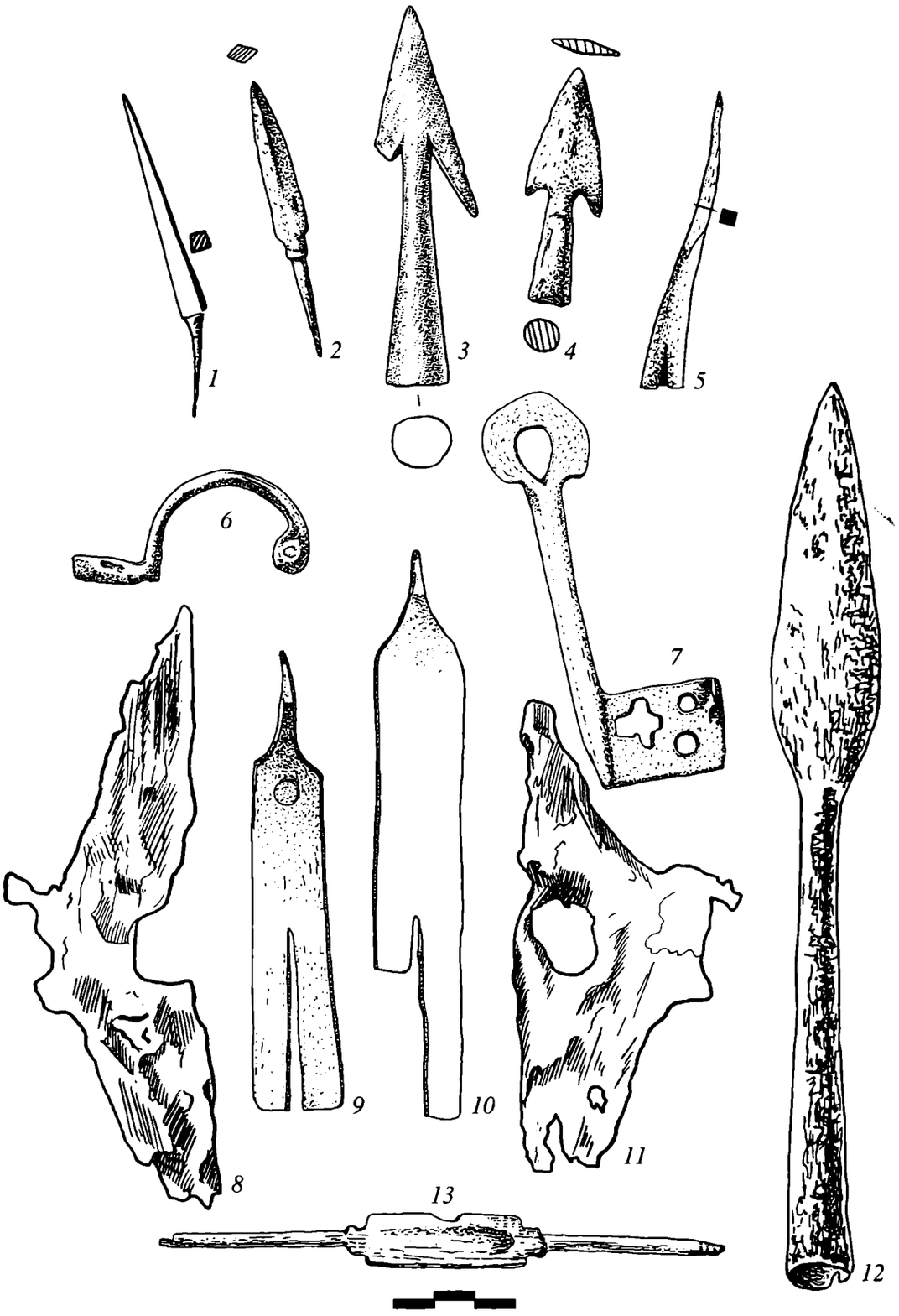

Рис. 7. Находки из слоя детинца. *1–5* – железные наконечники стрел; *6* – бронзовая фибула IV–V вв.; *7* – ключ нутряного замка; *8, 11* – железные псалии; *9, 10* – пружины нутряного засова; *12* – копье-сулица; *13* – ось телеги из дуба (длина – 120 см).

Итак, древнейшие раннесредневековые культурные отложения возникли на горе друцкого детинца в конце X–началеXI в. – в "Гнёздовское" время. Четко прослеживаемых построек этого времени почти не зафиксировано, лишь иногда удавалось проследить по слабым остаткам, что планировка тогда была хаотичной. Первоначальное поселение было уничтожено большим пожаром. В пожарище в северной части раскопа III выявились следы сгоревшего дома с остатками гли-

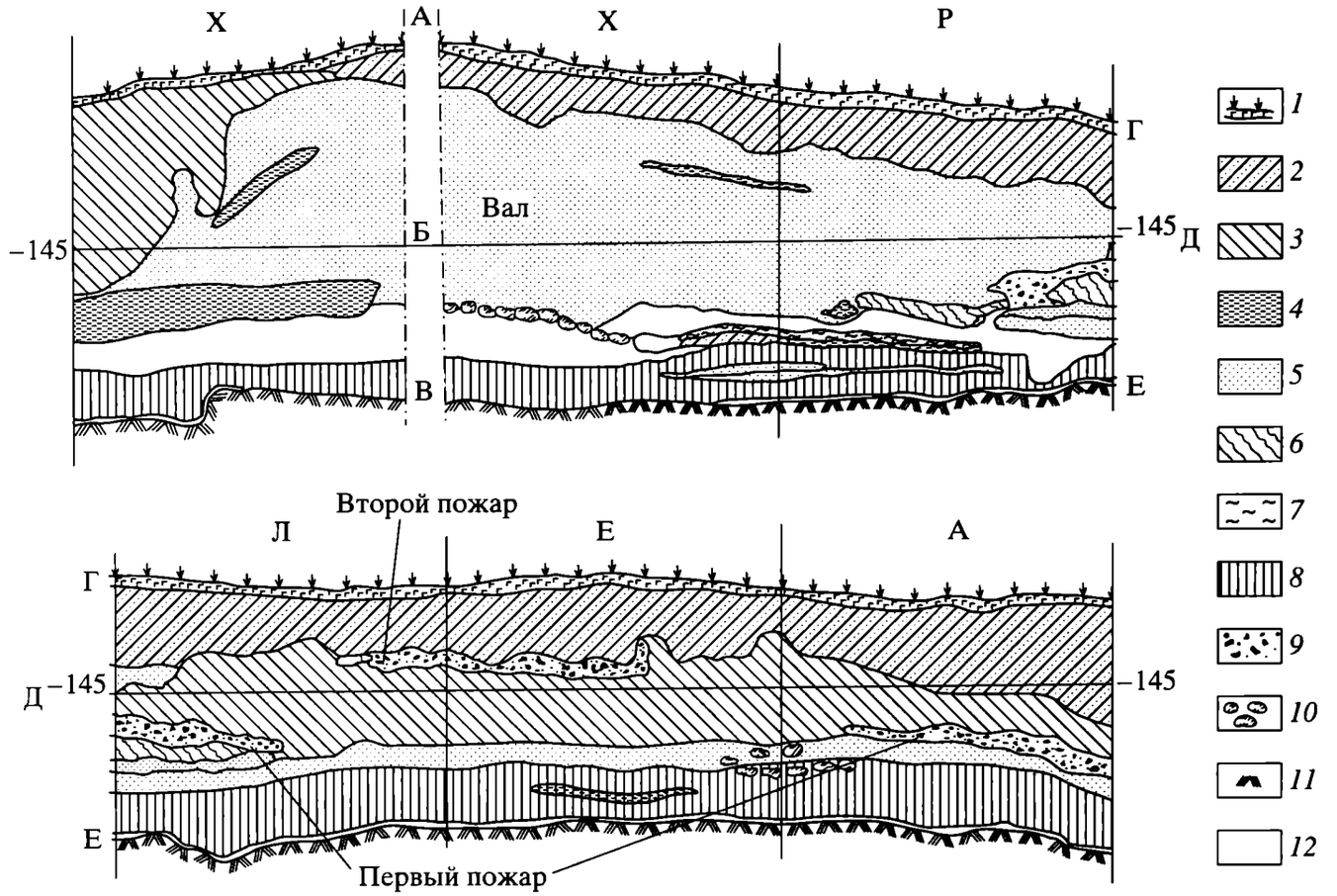

Рис. 8. Западный (по квадратам АЕЛРХ) и южный (квадрат Х) профили двухметровой ширины траншеи в Окольном городе (раскоп XXIII). *1* – Слой гумуса; *2* – светло-серый культурный слой с глиняной крошкой и угольками; *3* – темно-бурый культурный слой; *4* – глина; *5* – песок; *6* – серо-бурый, перемешанный культурный слой; *7* – древесный тлен; *8* – черный культурный слой, покрывающий погребенную почву; *9* – уголь; *10* – камни; *11* – материк; *12* – бурый слой.

нобитной печи и следами обгорелого пола. Мало вероятно, что первый друцкий пожар конца XI–начала XII в. связывается с деятельностью Владимира Мономаха, прошедшего Друцк "воюя" в 1078 г., о чем сообщает его Поучение. Конечно, это пожар 1116 г., когда в войне с минским Глебом Давид Святославич и Ярополк Изяславич "узя Дрьютескъ на щит", а Ярополк "сруби город Желди дрьючанам, их же бъ полонилъ..." (Повесть временных лет, 1950. С. 200, 201).

В этом пожарище найдены двушипные втульчатые стрелы II.О.11;II.?.11; II.О.11. Подобные наконечники известны из Новотроицкого городища (IX в.); Гнёздова (IX–начало XI в.); Торопца, Брячиславля (Браслава) и т.д. Ими пользовались "с VIII по середину XIII в. вдоль западных границ Руси", в ее центральной части они единичны (Медведев, 1966. С. 56). Шесть таких наконечников происходят из Минска (горизонты начала и середины XII в. – Загорульский, 1982. Табл. VIII, *1–3* и др.); есть они в Лукомле на селище (Штыхов, 1978. Рис. 18, *1*); на городище на Менке (Штыхов, 1978. Рис. 44, *1–3*); в древнем Берестье (Лысенко, 1985. Рис. 150, *6*, *7*); в Изяславле (Заяц, 1955. Рис. 40, *1*, *5*) и т.д. В пожарище найдены две бронебойные стрелы I.Т.11 (Алексеев, 1966. Рис. 72, *7*) и II.З.11 (аналогия последней – в Борковском могильнике X–начало XII в.; Медведев, 1966. Табл. 17, *11*). Из пожарища же происходит бронзовая монетовидная подвеска со сканью II.Л.11 (Алексеев, 1966. Рис. 37, *1*), датирующаяся XI–XII вв. (в Новгороде находка из 18 яруса, 1161 г. см.: Седова, 1981. С. 38. Рис. 12, *4*, *5*; Успенская, 1967. С. 111. Рис. 18, *6*).

Если гора на детинце была освоена в конце X–начале XI в., то когда же возвели окольный город? В 1958 г. к югу от конюшни Гордзялковского (ар Д.14, рис. 2) был заложен небольшой шурф, показавший наличие культурного слоя. В 1965 г. в южной части окольного города был заложен раскоп XXIII (ар В. 23) (рис. 2) и была вскрыта до материка западная линия квадратов АЕЛРХ. Стратиграфия здесь сходна с детинцем. Под дерновым слоем в среднем на глубине 40–50 см залегает слой длительного разрушения города – он светло-серый с глиняной крошкой и угольками. В квадратах Л и Е на глубине 10–15 см в основании этого слоя залегает угольная прослойка – результат гибели постройки (рис. 8). Ниже заметен второй слой серо-бурый, мощностью от 60–70 см

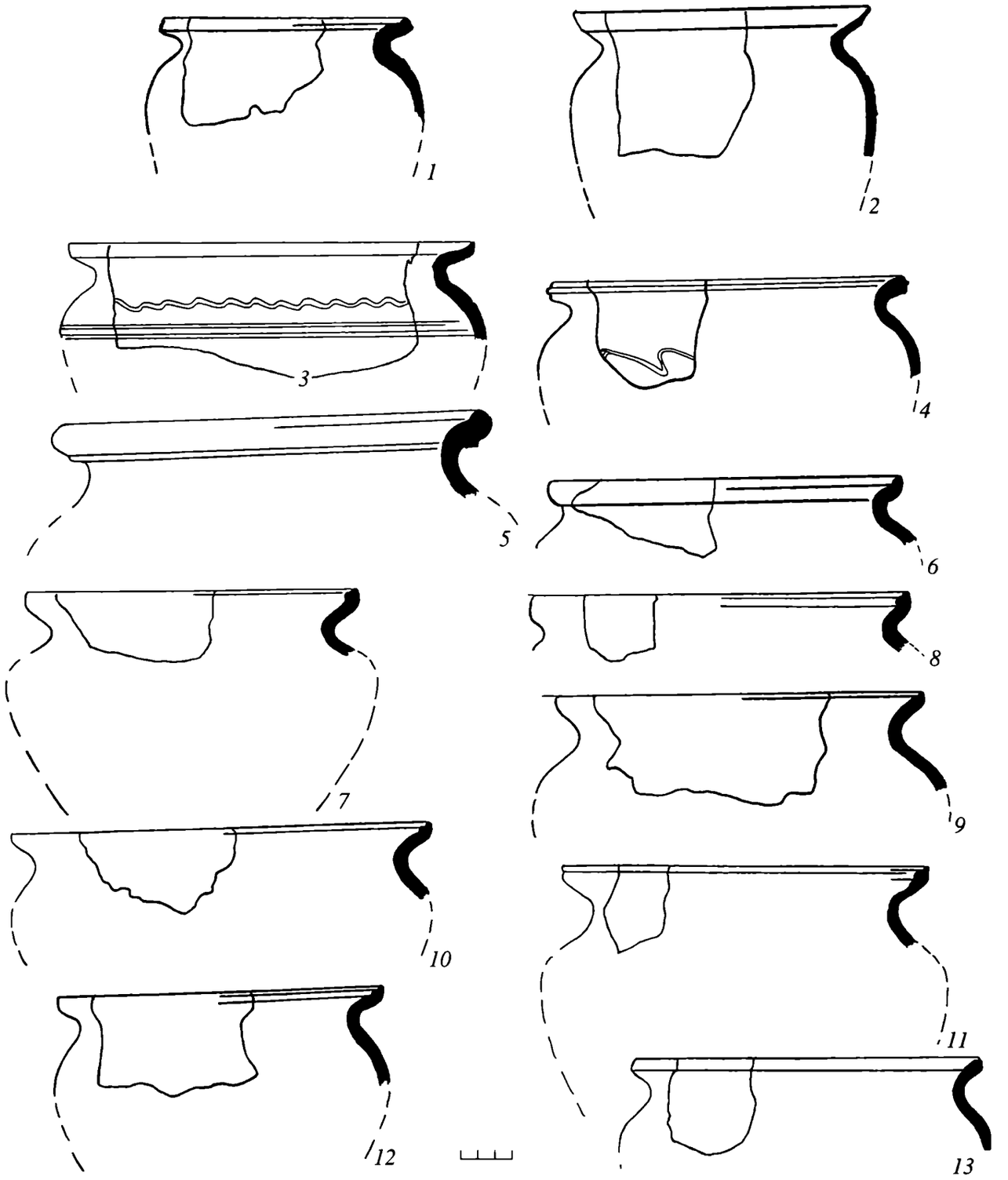

Рис. 9. Сосуды из раскопок окольного города Друцка. *1–6* – культурный слой; *7–13* – из засыпки вала.

в квадрате Л и до 20–30 см в квадрате А. Западнее квадрата Л второй слой заменяется сильно расплывшимся валом мощностью от 130 см, в квадрате Х, и 80 см в квадрате Р. Восточнее вал продолжается песчаным размывом равномерной толщиной в 20 см. (кв. Р в восточной части и квадраты Л, Е, А). Здесь эта прослойка подстилает непосредственно второй культурный слой, причем на ней в квадратах Р, Л и А прослежены остатки сгоревших построек в этом первом пожаре окольного города. "Размыв", о котором мы говорим, перекрывает третий культурный слой, лежащий на материке, причем в квадрате Х видно, что он уходит под вал. Мощность слоя здесь 20–25 см, в местах разрушенных построек – до 35–40 см (кв. Р), в кв. А мощность этого первоначального слоя – 40–50 см (рис. 8). В результате работ, направленных на специальное изучение вала вблизи детин-

ца (как в нашем случае), можно констатировать, что окольный город мощных укреплений не имел. Подобно тому, как это было на детинце, первоначальное поселение погибло в результате пожара, после которого и был насыпан мощный вал (его мы видим теперь).

Когда же возник окольный город? В слое, залегавшем на материке, не было тех вещей, которые попадались в первом слое детинца. Не было ни бусин-лимонок (лишь одна маловыразительная стеклянная бусина желтого цвета), ни глазчатых бусин, ни кубических замков и ключей к ним, ни мискообразных сосудов, сосудов с манжетообразным венчиком и т.д. Иначе говоря – ни одной вещи конца X–начала XI в. Керамика здесь более поздняя, чем на детинце. Таков, например, гончарный сосуд XXIIIЛ.8 (рис. 9, *5*), найденный у материка и датированный Г.П. Смирновой (в личной беседе) "XI–началом XII в., скорее – XI в.". Аналогичный сосуд из Пинска был отнесен Т.В. Равдиной (1966. С. 290. Рис. 3, слева, третий вверху) ко второй половине–концу XI в. Аналогию нашему горшку с материка окольного города (XXXIII.Л.8) та же исследовательница датировала серединой–второй половиной XI в. (Равдина. 1966. Рис. 3, средний, второй снизу). Сосуд XXIII.Е.8 (рис. 9, *2*) аналогию ему дает М.В. Малевская (1965. Рис. 34, *13*) по постройке № 13 из Новогрудка – второй половиной XI в. Ту же дату дает аналогичному сосуду из Пинска Т.В. Равдина (1966. Рис. 3, левый ряд, третий сверху). Аналогии сосуду с материка окольного города Друцка XXIII.Х.8 (рис. 9, *3*) датируют его тем же временем: второй половиной–концом XI в. М.В. Малевская (1965. Рис. 34, *10*) и Т.В. Равдина (1966. Рис. 3, левый ряд, третий сверху). Так же, видимо, следует датировать сосуды с материка XXIII.Е. (рис. 9, *6*) и XXIII.М.8 (рис. 9, *4*).

Переходя к дате укреплений окольного города, отметим, что разрез вала на месте въезда (рис. 10) в насыпи дал лишь сосуды XII в. (определение Г.П. Смирновой, рис. 9, *7*, *10*). Также датируются и аналогии им (Равдина, 1966. Рис. 2, нижний слева). Один сосуд из друцкого вала окольного города назван М.В. Малевской "Волынским типом" и датируется ею также XII в. Действительно, как здесь, так и у входа отчетливо видно, что вал насыпан на культурном слое мощностью 20–30 см и отделен от него пожарищем, которое мы отнесли к 1116 г. Остается заключить, что окольный город создан после 1116 г. на месте неукрепленного селища, возникшего у детинца во второй половине XI в.

В итоге история начального Друцка представляется в следующем виде. Кривичи продвинулись на территорию современной Белоруссии малыми племенными объединениями – "тысячами". Во второй половине X–начале XI в. они расселились на верхнюю Друть и образовали здесь скопление сел, ибо далее расселяться было нельзя – там осели двигавшиеся с юга дреговичи. Это было, очевидно, "малое племя", которое должно было иметь и свой племенной центр. По-видимому, центром кривичей на Друти в конце X в. и был Друцк, занявший Замковую гору (некогда населенную аборигенами, о чем свидетельствует находка фибулы V в. на материке, рис. 7, *6*). Это предположение допустимо, ибо урны из курганов, окружающих Друцк, датируются почти тем же временем, что и древнейшая керамика детинца (Алексеев, 1966. С. 43. Рис. 6). Все урны окрестных курганов – гончарные, урна из кургана № 3 у Синчуков (находка 7) имеет отгнутый венчик, на 2/3 покрыта рифлением, обжиг довольно хороший, в тесте – примесь песка, снаружи – цвет розового кирпича (рис. 5, *13*). Аналогичный сосуд найден в Черной могиле X в. (Самоквасов, 1917. Рис. 42. № 3441) Похожую урну представляет более приземистый рифленый сосуд из того же кургана (находка № 5, рис. 5, *2*), а также и находка 6 (рис. 5, *6*). Сосуд № 8 из того же кургана (рис. 5, *8*) идентичен горшкам черниговских курганов X в. (Рыбаков, 1949. С. 42. Рис. 15, нижний слева). В кургане у Волокитино Глуховской волости Черниговского уезда был найден сосуд, аналогичный синчуковскому (№ 4 из кургана 3, рис. 9, *11*; Самоквасов, 1917. Рис. 73, правый).

Подобным центром "малого племени" северных дреговичей ("тысячи") был, как я писал, и Менск на р. Менка в 16 км от современного Минска (Алексеев, 1998а, б, в). На теперешнем месте Минск был отстроен лишь в 1063–1066 годах (как выяснилось благодаря дендрохронологии – Загорульский, 1982. С. 148).

В Друцке детинец и окольный город были возведены в разное время – детинец в середине XI в., окольный город в его конце. Детинец отстоил Всеслав Полоцкий, занимаясь южными пределами своей земли. Захватив "менских дреговичей", он отстроил у них новую крепость с прежним названием Менск (Минск) и переселил туда жителей с Менки. Городище на Менке было в гуще "Менской тысячи"[1]. Окруженное низиной оно не годилось для большого феодального центра. Центр "Друцкой тысячи" имел к северу от детинца довольно большую возвышенность, и это позволило Всеславу создать окольный город (для княжеской дружины и т.д.) или, как его именовали летописи, "Острог". Итак, превращение Друцка в феодальный центр было связано, как и Минска, с деятельностью Всеслава Полоцкого. Как мы знаем, по смерти отца Всеславичи наследова-

[1] Как показал Б.А. Рыбаков (1982. С. 255), десятичный принцип членения обощества восходит к первобытно-общинному строю, его пережитки есть и в XV в. Дневнерусские княжества (у нас – Полоцкое) составляли "тьму". Следовательно, отдельные княжения-уделы (в прошлом племена, у нас – Минское и Друцкое и т.д.) – тысячи ("малые племена"), членившиеся на сотни и т.д. О новгородском (городском членении населения см.: Буров, 1994. С. 114 и сл.).

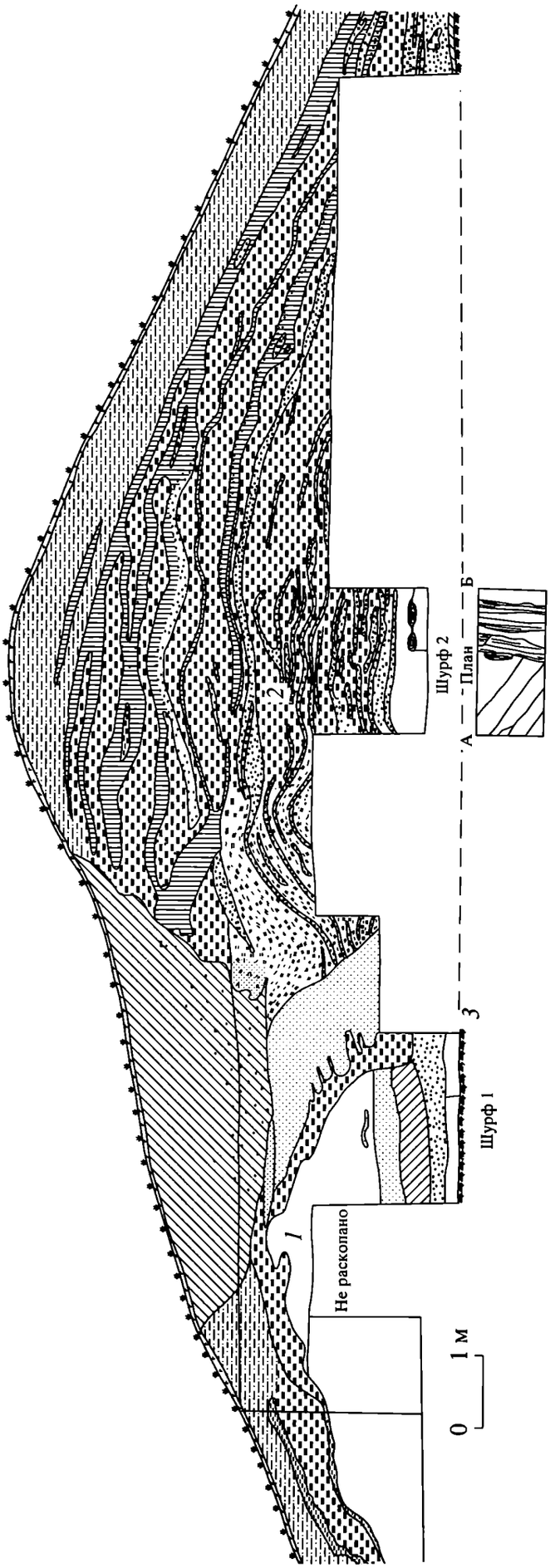

Рис. 10. Разрез вала окольного города Друцка с южной стороны въезда. *1* – первоначальный вал; *2* – дополнительный вал; *3* – культурный слой под валом.

ли его владения, расчленив их на уделы. Минский удел достался Глебу, друцкий – Рогволоду-Борису. Этот удел тянулся, судя по скоплениям курганных групп, вдоль границы с Турово-Пинским княжеством, на западе он доходил до Борисова, где Рогволод-Борис возвел пограничный форпост против воинственного брата Глеба (1102 г.) (Татищев, 1963. С. 123), на восток удел доходил до р. Оршица, у устья которой на той стороне Днепра Ярославичи коварно схватили Всеслава с сыновьями (1067 г.) (Повесть временных лет, 1950. С. 112), на севере удел граничил с владениями витебского князя (кого-то из братьев Рогволода, м.б., Святослава-Георгия) и, вероятно, князя Лукомльского (тоже одного из братьев Рогволода-Бориса).

Со смертью Всеслава (1101) началась новая жизнь в Друцке – эпоха его расцвета, но это уже особая тема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнего города. М., 1989.

Алексеев Л.В. Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960. Вып. 81.

Алексеев Л.В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // СА. 1962. № 4.

Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966.

Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XII вв. М., 1975.

Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западно-русских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. К 70-летию Б.А. Рыбакова. М., 1988.

Алексеев Л.В. "Менские дреговичи" и полоцкие князья // РА. 1998а. № 2.

Алексеев Л.В. Минск и Друцк // Славяне и их соседи. К 70-летию Э.М. Загорульского. Минск, 1998б.

Алексеев Л.В. "Меньск" и Минск // Культура славян и Русь. К 80-летию Б.А. Рыбакова. М., 1998в.

Алексеев Л.В., Сергеева З.М. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА. 1973. Вып. 135.

Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855.

Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1960.

Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. 1959. Т. XXVI.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. 1859. Т. VIII.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XII вв. М., 1973.

Гуревич Ф.Д. Погребальные памятники Новогрудка // КСИА. 1983. Вып. 175.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху средневековья. Л., 1982.

Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982.

Западно-русские летописи // ПСРЛ. 1907. Т. XVII.

Заяц Ю.А. Курганный могильник Изяславля // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Заяц Ю.А. Заславль в эпоху феодализма. М., 1995.

Зотов Р. О черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1882. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. II.

Каваленя О.З. Археалагічныя росшукі у вярхоуях рек Друці, Усяж-Букі Лукамкі // Працы Сэкцыі археолёгіі інстытуту гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Менск, 1932.

Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2. СПб., 1816.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. 1966. Е1-36. Вып. 2.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. 1973. Е1-36. Вып. 4.

Корзухина Г.Ф. Русские клады. Л., 1954.

Корф И.Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995.

Кучера М.П. Керамика древнего Плиснеска // Археологія. 1961. Вып. XII.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1927. Т. 1.

Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. 1980. Т. 35.

Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985.

Малевская М.В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104.

Мальм В.А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. 1959. Вып. 33.

Мальм В.А. Культовая и бытовая посуда ярославских могильников // Ярославское Поволжье. М., 1963.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие // САИ. 1966. Вып. Е1-136.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. 1949. Т. 25.

Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.

Никифоровская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35.

Павлова К.В. Раскопки могильника близ Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104.

Павлова К.В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110.

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. XI, XIII.

Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1950.

Погодин М.П. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1838.

Пожаров Г.П. Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.

Полоцкие грамоты XII–нач. XIV вв. Т. 3. М., 1980.

Полоцкие грамоты XII–нач. XIV вв. Т. 4. М., 1982.

Полоцкие грамоты XII–нач. XIV вв. Т. 5. М., 1985.

Равдина Т.В. Раскопки в Пинске // СА. 1966. № 1.

Раппопорт П.А. Очерки истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. 1956. № 52.

Родословная потомков Рюрика, князей Друцких-Горских, составленная из исторических преданий авторов польских, немецких и российских. СПб., 1821.

Романов Е.Р. О раскопках в Могилевской губернии // Древности. ТМАО. 1889. Т. XII. Вып. 1.

Романов Е.Р. Очерки Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. Витебск, 1898.
Русская историческая библиотека. СПб., 1910.
Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. Вып. 11.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.
Самоквасов Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917.
Северная почта. 1818. № 89.
Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. 1960. Вып. 92.
Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М., 1981.
Сергеева З.М. Курганы у д. Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР) // КСИА. 1969. Вып. 120.
Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.
Смирнов К.Ф. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.
Спицын А.А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИАК. 1903. Вып. 5.
Станкевич Я.В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. 1951. Вып 15.
Татищев В.Н. Российская история. Т. 2. М.; Л., 1963.
Тверской сборник // ПСРЛ. 1965. Т. XV.
Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.
Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
Хроника Быховца. М., 1966.
Хроника Литовская и Жемойтская // ПСРЛ. 1975. Т. XXXV.
Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. 1855. Т. 52.
Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975.
Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
Щёкатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1804.
Henzel W. Słowiańszczysna wcześnosredniowieczna. Warszawa, 1965.
Niesiecki. Kronika Polska. Metropolia Ruska. Lwów, 1728.
Tyszkiewicz E. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki, remiosl i t.d. dawniej Litwie i Rusi Litewskij. Wilno, 1849.

Ancient Drutsk (Written Sources, Topography, the Date of Origin) Towards the celebration of thousandth anniversary of Drutsk, 1001–2001

L. V. Alekseev

Summary

The ancient town of Drutsk had emerged in the area occupied by East-Slavic tribes of Krivichians, which moved to the territory of present Byelorussia in the 8th century from the basins of the Velikaya river and Pskov lake. While migrating in southerly direction they settled on the Upper Drut' river in the late 10th–early 11th cc. Initially Drutsk played the role of their tribal centre. Later it became a feudal centre in Polotsk principality, the local dynasty of descendants of prince Vseslav of Polotsk (1044–1101) ruling there. For the first time Drutsk was mentioned in Vladimir Monomach's sermon in connection with the events of 1078. In chronicles it was mentioned since 1092. In the 13th century Lithuania gained control over Drutsk and the whole of Polotsk princi-pa-lity. In 1436 the Drutsk princes became vassals of the Moscow prince Vasily the Blind. In the 16th century only "the Drutsk fields" were mentioned. According to the Drutsk Gospel (the 14th century) the earliest church was built there in 1001. The Drutsk hillfort is situated on high bank of the Drut' river, it comprises the citadel and the fortress encircled by non-fortified suburb. Not long ago the remains of kurgan cemetery could be seen. The excavations in Drutsk were started in 1956 by the author and lasted for 9 seasons. Inside the citadel the cultural deposit consisted of four layers, the lowermost one is dated back to the late 10th–early 12th cc., the uppermost one–to the 14th–15th cc. The finds from the lower layers are considered in the article. Practically no wooden constructions were discovered. The layer is dated back to the late 10th–early 11th cc. by pottery and individual finds. This date is confirmed by the pieces of weaponry. The fortress emerged in the second half of the 11th century as a result of prince Vseslav of Polotsk activity; the ramparts were erected in the early 12th century. The barrow mounds located in Drutsk vicinity have yielded incinerations deposited in wheel-made urns (the late 10th–early 11th cc.), that corresponds the early layers of the citadel. The later layers of Drutsk will be regarded in special publications.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 92–100

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СВИНЦОВЫЕ ТОВАРНЫЕ ПЛОМБЫ С ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДИЩ

© 2002 г. В. П. Лебедев*, В. Б. Клоков**

*Дзержинск, Новгородская обл.

**Волгоград

Из памятников сфрагистики, находимых при раскопках средневековых городов и городищ, наибольший интерес всегда вызывали печати, по которым созданы сводные каталоги (Янин, 1970; Янин, Гайдуков, 1998). Меньший интерес проявлялся к пломбам различного назначения, как правило, из свинца. Из них лучше изучены пломбы так называемого дрогичинского типа, датируемые XI–XIII вв. (Ершевский, 1985. С. 36; Перхавко, 1994. С. 211), но до составления их сводного каталога дело еще не дошло. Что касается пломб XIV–XVII вв. европейского происхождения, то здесь работа находится только на начальной стадии накопления данных. По сведениям, любезно предоставленным П.Г. Гайдуковым, библиография работ о находках пломб в Восточной Европе за 1953–1997 гг. насчитывает только 10 работ, в которых издано всего 16 пломб. В самое последнее время количество интересующих нас пломб резко увеличилось – за 1998–1999 гг. издано около 100 западноевропейских пломб (Зайцева и др., 1998. С. 114; Kvizikevicius, 1998. S. 433; 1999. S. 243; Квизикявичус, 1998. С. 210; Векслер, Зайцев, 1999. С. 242). В литературе по археологии Золотой Орды пока отсутствуют публикации о находках таких пломб, можно упомянуть лишь находку на Селитренном городище одной свинцовой вислой печати с изображением креста (Федоров-Давыдов, 1998. С. 42).

Целью данной работы является введение в научный оборот 49 товарных свинцовых пломб разных стран Западной Европы, найденных на территории некоторых джучидских городищ: 45 на Селитренном городище (на Ахтубе в 110 км выше Астрахани), 1 на Царевском (на Ахтубе в 100 км ниже Волгограда), 3 на Водянском (на Волге в месте ее сближения с Доном).

Место и условия находки пломб

По современным представлениям, на месте Селитренного городища находилась столица Золотой Орды г. Сарай. Городище с пригородами простирается на 12 км вдоль Ахтубы и на 3 км в другом направлении, хотя сплошная городская застройка прослеживается на 3–4 км вдоль берега. Пломбы были найдены с помощью металлодетектора. 42 из них составляли единый комплекс, размещенный на площади около 10 м^2 в 300 м к югу от Соленого озера. Вместе с пломбами найдено три дирхема Узбека и несколько анонимных пулов середины XIV в. Кроме того, еще три пломбы были обнаружены раздельно: № 43 в 350 м к юго-востоку от места скопления пломб, № 44 – в 300 м к западу и № 45 – в 200 м к востоку.

Царевское городище выше Селитренного на 200 км. Здесь золотоордынские поселения простирались почти непрерывной узкой полосой вдоль Ахтубы на 70 км. Область же сплошной застройки у г. Царев занимает площадь около 1.5 км^2. По сведениям источников, археологическим и нумизматическим данным, город здесь был основан в 30-х годах XIV в. и разрушен войсками Тимура в 1395 г. Относительно его названия споры ведутся с середины XIX в. К последнему десятилетию XX в. вопрос об имени города считался решенным: на месте Царевского городища располагалась вторая столица Золотой Орды – Сарай ал-Джадид (Баллод, 1923; Янина, 1970. С. 192; Егоров, 1985. С. 112; Федоров-Давыдов, 1994. С. 27). В самое последнее время, однако, главные аргументы этой точки зрения подвергнуты обоснованному пересмотру, и возродилось суждение, что столица в Золотой Орде была одна – Сарай, а на месте Царевского городища находился г. Гюлистан (Евстратов, 1997. С. 88; Варваровский, Евстратов, 1998. С. 177; Гончаров, 2000. С. 345).

Сохранившаяся часть Водянского городища занимает площадь 0.5 км^2, остальное смыто Волгой. Город здесь был основан в начале XIV в. и также разрушен Тимуром в 1395 г. И в этом случае нет единого мнения о названии города. По общепринятой точке зрения на месте Водянского городища находился г. Бельджамен, однако недавно высказано новое предположение, что город назывался по имени реки Идиль (Евстратов, 2000. С. 74). Пломбы найдены летом 1998 г., точное место находки не известно.

Рис. 1. Фотографии пломб: *1* – тип I л.с. № 2 / о.с. № 1; *2* – тип II л.с. № 11 / о.с. № 10; *3* – тип III № 16; *4* – тип IV № 28; *5* – тип V л.с. № 29; *6* – тип VI № 33; *7* – тип VIII № 29; *8* – тип X л.с. № 37.

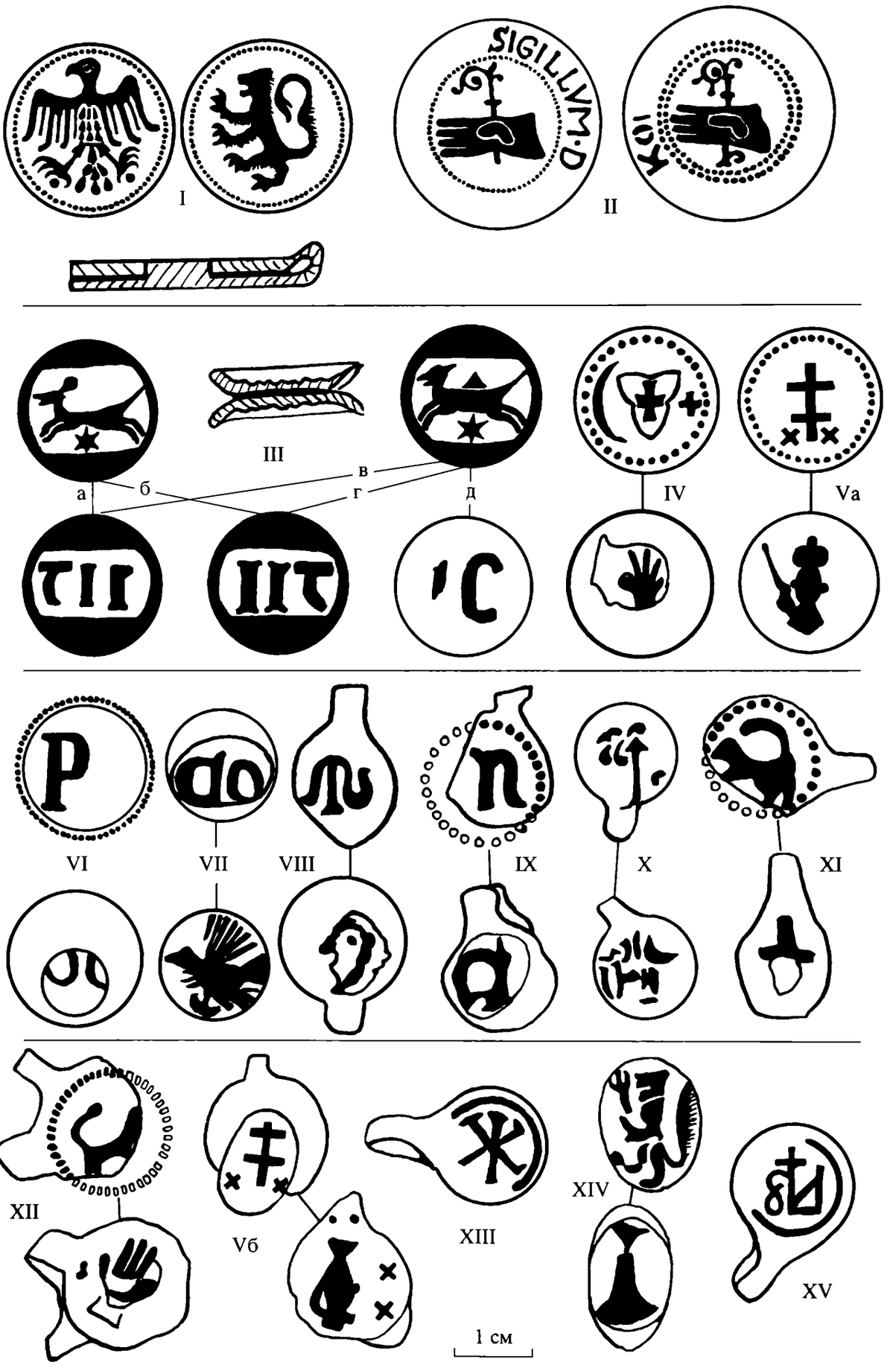

Рис. 2. Реконструкции изображений XV типов торговых пломб с золотоордынских городищ.

ОПИСАНИЕ ПЛОМБ

Большая часть пломб одинаковой конструкции независимо от размера. Они состоят из двух круглых пластин, соединенных узкой (около 5 мм) перемычкой. До пломбирования на одной из пластин имелся острый шип, а у другой отверстие. При пломбировании пластины складывались, шип протыкал пломбируемое изделие и входил в отверстие. При сдавливании пластин между двумя штампами шип расплющивался до размера отверстия, а на обеих сторонах оттискивались изображения. При описании пломб за лицевую сторону (л.с.) условно принималась цельная пластина, за обратную (о.с.) – составная. Для всех пломб указаны их размеры, а также по часовому циферблату ориентация вертикальных осей изображений обеих сторон относительно перемычки. На рис. 1 приведены фотографии некоторых пломб, а на рис. 2 даны рисунки реконструкции всех выявленных типов сюжетов на них. По виду сюжета пломбы разбиты на 15 типов, из которых 12 найдены в комплексе с Селитренного городища, один тип там же отдельной находкой и два на Водянском.

Комплекс пломб с Селитренного городища

Тип I. №1–9. Д = 22.5 × 23 мм. Рис. 1, *1*; 2, I.

л.с. В слитно-точечном ободке геральдический двуглавый орел, головой влево от зрителя.

о.с. В том же ободке стоящий на задних лапах лев с загнутым на спину хвостом. Ориентация сторон: 1/11, 2/6, 2/9, 3/9, 6/6, 6/9, 9/0, 9/8, 9/9.

Тип II. № 10–15. Д = (18–22) × (20–23) мм. Рис. 1, *2*; 2, II.

л.с. В круге из точек правая перчатка с жезлом (?), с украшением вверху. Вокруг фрагмент латинской надписи: ...SIGILLUM.D.... Внешний ободок не виден.

о.с. В двойном ободке из точек тот же сюжет, в круговой легенде сохранились только две буквы: ...KO... Ориентация сторон: 6/?, 7/?, 7/?, 8/8, 9/6, 9/? (У двух пломб нет о.с., у двух других лишь ее фрагменты.)

Тип III. № 16–27. Д = (9–15) × (14–17) мм, 1 экз. 18.5 × 19.5 мм. Рис. 1, *3*; 2, III, а–г.

л.с. Во вдавленном овале выпукло бегущий влево зверек (куница?) и звездочка под ним; у восьми экземпляров на спине зверька треугольный выступ, у остальных четырех его нет, у одного на кончике уха – шарик.

о.с. Во вдавленном овале три буквоподобных знака, иногда в зеркальном исполнении. Этот массовый тип пломб не имеет перемычки.

Тип IV. № 28. Д = 16 × 18 мм. Рис. 1, *4*; 2, IV.

л.с. В центре фигурный треугольник с равноконечным крестом, слева полумесяц, справа маленький крест, снаружи точечный круг.

о.с. Сохранилась центральная часть (расплющенный шип) с изображением ладони с расставленными пальцами.

Ориентация сторон: 1/6.

Тип V. № 29–32. Д = 13 × 15; 15 × 19; 16 × 18, 10 × 13 (обл.) мм.

Рис. 1, *5*; 2, V, а

л.с. В ободке из точек патриарший крест, у основания по крестику с двух сторон, ориентированных под углом 45° к оси креста.

о.с. Нечеткое изображение, похожее на кувшин (?). Ориентация сторон: 11/12, 12/12, 12/?, ?/12.

У пломбы № 30 л.с. и о.с. поменялись местами, у № 31 изображения оттиснуты на перемычке.

Тип VI. № 33. Д = 14. Рис. 1, *6*; 2, VI.

л.с. В двойном круге, внешний слитноточечный, буква Р, смещенная влево от центра.

о.с. На выступе в центре, вероятно, остатки двух букв, кольцевая часть пломбы утрачена.

Тип VII. № 34. Д = 14. Рис. 2, VII.

л.с. Неясное изображение (летящая влево птица?).

о.с. На выступе в форме овала 8 × 12 мм две латинские буквы ao (a в алфавите XIII–XIV вв. соответствует современной букве c) (Потин, 1993. Табл. 12).

Тип VIII. № 35. Д = 12 × 13 мм. Рис. 1, *8*; 2; VIII.

л.с. Трехзубцовая тамга, крайние зубцы изогнуты.

о.с. На выступе нечеткое изображение (может, голова человека влево?). Ориентация сторон 12/6.

Тип IX. № 36. Д = 12 × 13. Рис. 2, IX.

л.с. Видна половина буквы или тамги в точечном круге.

о.с. В центре неясное изображение. Ориентация 12/?

Тип X. № 37. Д = 14 × 15 мм. Рис. 1, *8*; 2, X.

л.с. Жезл (?) с украшениями на конце.

о.с. Плохо сохранившееся, неопределенное изображение. Ориентация: 6/?

Тип XI. № 38. Д = 14 × 12.5 мм. Рис. 2, XI.

л.с. В точечном ободке зверь влево с загнутым на спину хвостом.

о.с. Видна часть изображения в виде буквы T, возможно, конец креста.

Тип XII. № 39–40. Д = 11 × 10, 13 × 16.5 мм. Рис. 2, XII.

л.с. Как на л.с. типа XI, но зверь вправо.

о.с. В центре на выступе кисть руки или перчатка. Обе пломбы с двумя перемычками. Ориентация 3/3, 2/?

Обломки пломб

№ 41. Половина пломбы с выступом в центре. Д = 15 × 9 мм. На выступе изображение перчатки.

№ 42. Половина пломбы с отверстием в центре, без изображений вокруг. Д = 15, отверстие – 8 мм.

Одиночные пломбы с Селитренного городища

Тип III. № 43. Аналогична пломбе на рис. 2, III, в.

Тип Vб. № 44. Д = 15 × 18 мм. Вес 3.55 г. Рис. 2, V, а. Дополнительно к рисунку пломбы типа Va здесь справа от кувшина два косых крестика.

Тип XIII. № 45. Д = 14 мм, вес 4.7 г. Рис. 2, XIII.

л.с. В круге знак из трех скрещенных стержней с утолщениями на концах (похож на русскую буквы Ж).

о.с. Без изображений.

Пломбы с других городищ

Царевское городище

Тип I. № 46, вес 11.2 г. Во всем как рис. 2, I.

Водянское городище

Тип II. № 47. Во всем аналогична рис. 2, II.

Тип XIV. № 48. Овал 10 × 16 мм, без перемычки. Вес 3.57 г. Рис. 2, XIV.

л.с. Стоящий на задних лапах лев (?).

о.с. Неясное изображение (вулкан?).

Тип XV. № 49. Д = 17 мм, вес 4.4 г. Рис. 2, XV.

л.с. в круге тамгаобразный знак или монограмма.

о.с. Без изображения. Ориентация: 5 ч.

Первичный анализ пломб

Пломбы, найденные на золотоордынских городищах, двух конструкций: цельные обе стороны без соединительной перемычки – типы III и XIV (14 экз.); пломбы с перемычкой включают все остальные типы (35 экз.). Пломбы сильно отличаются по размерам – от 10–15 до 22–25 мм. Пломбирование производилось, как правило, не сопряженными штампами обеих сторон.

По характеру сюжетов изображений большая часть пломб уверенно западноевропейского происхождения: типы I–VII, XI, XII (всего 40 пломб). Считается, что ими пломбировались ткани европейского производства. Однако по остальным типам такой уверенности нет. Изображения на пломбах VIII, IX типов аналогичны джучидской тамге на монетах второй половины XIV–начала XV в., а пломбы XIII и XV типов могут быть и русскими (буква Ж и княжеский знак?). В то же время аналогичные знаки можно встретить и на европейских гербах, табулированных В. Рентсманом (Rentsman, 1876): знак на пломбах VIII, IX типов – taf. 16, № 195, 196; Ж-образный знак пломбы XIII типа – элемент герба № 198, taf. 27. Не нашелся на гербах аналог лишь изображению на пломбе XV типа, а по свидетельству специалистов нет ему аналога и в Византийской сфрагистике.

При сравнении публикуемых пломб с пломбами из древних русских и литовских городов обнаружилось, что чаще других встречается сюжет пломб II типа – "перчатка–жезл". По-видимому, наиболее близкие изображения имеются на двух пломбах из Новгорода (Колчин, Хорошев, 1978. С. 135–173). На четырех пломбах из Москвы (Векслер, Зайцев, 1999. С. 242) и одной из Литвы (Kvizikevicius, 1999. S. 243) этот же сюжет обрамлен легендой с готическим шрифтом. Видимо, то же изображение есть еще на одной пломбе из Москвы – "рука и ключ" (Рабинович, 1964. С. 132. Рис. 63). Одноглавый орел, близкий к орлу пломб I типа, помещен на пломбе, найденной в слое первой половины XV в. в крепости Орешек, но о.с. у нее не сохранилась (Кильдюшевский, 1983. С. 110). Патриарший крест, но в другом виде и с другими о.с., чем у типа V, помещен на трех пломбах из Литвы и одной из Новгорода (Kvizikevicius, 1998. S. 433). Буква "Р" (тип VI) имеется на одной пломбе из Литвы (Kvizikevicius, 1999. S. 243).

Аналогий остальным типам пока не обнаружено.

Не являясь специалистами в сфрагистике, авторы обратились к активному исследователю западноевропейских торговых пломб Линасу Квизикявичусу (Институт истории Литвы, Вильнюс) с просьбой высказать свое мнение по атрибуции издаваемых пломб. По его мнению, большинство пломб датируется XVI–XVII, изредка концом XV в. Эту точку зрения поддержал и московский археолог В.В. Зайцев. Выступая в дискуссии на VIII Всероссийской нумизматической конференции (Москва, 2000), он продлил границу бытования подобных пломб до XVIII в. включительно. По некоторым типам пломб Линас Квизикявичус любезно указал и возможное их происхождение: тип I – такая комбинация гербов государства (орел) и города (лев) могла быть у городов Камбре, Франция; Тешки, Чехия в XV–XVII вв.; Левенберг и Львов в Польше (XV–XVII вв.); тип II – города Поперинг в Нидерландах или Кведлинбург в Германии (XVI в.); тип III – г. Артуа, Фландрия (конец XVI–XVII в.); тип V – г. Ипр, Нидерланды (вторая половина XVI–XVII в.); тип VI – Англия, контролеры сукна (XVII в.).

Такая поздняя датировка пломб вошла в противоречие со временем жизни городов, на чьих городищах они найдены. Поэтому в следующем разделе будут подробно рассмотрены свидетельства о времени наивысшего расцвета городов Нижнего Поволжья и времени угасания жизни на них.

Время жизни золотоордынских городов, располагавшихся на месте Селитренного, Царевского и Водянского городищ

При отсутствии прямых данных о датировке пломб важное значение приобретает установление времени их снятия с опломбированных ими материалов. В данном случае, когда речь идет о золотоордынских городищах, вопрос ставится по-другому. Известно (Федоров-Давыдов, 1994. С. 24–33), что все новые города Золотой Орды создавались на пустом месте и закончили свое существование вместе с гибелью самого государства или

раньше. В полной мере это относится к нашим трем городам, поэтому для ответа на вопрос о времени снятия пломб нужно установить период наивысшей экономической жизни в них и даты их гибели.

Одной из важнейших сторон жизни золотоордынских городов было наличие в них активного денежного обращения – серебряных дирхемов, обслуживавших в первую очередь междугороднюю торговлю, и медных пулов – основного средства местного обращения. Земля джучидских городищ скрывает в себе огромное количество монет – частично случайно утерянных населением за время жизни города, частично захороненных под завалами разрушенных домов во время междуусобиц "смутного времени" 1360–1380 гг. и особенно при захвате городов войсками противника. Речь идет не о кладах, состоящих, как правило, исключительно из дирхемов, а о монетах случайного залегания, которые на 90–95% – пулы.

Хронологический состав собранных на городищах монетных комплексов характеризует динамику денежного обращения в находившихся на их месте городах. На рис. 3 приведены графики распределения монет, найденных на Селитренном, Царевском и Водянском городищах от даты чеканки. Медные монеты не всегда датировались, но к настоящему времени даты выпуска большинства типов установлены с точностью до 5–10 лет. Поэтому с такой периодичностью и построены графики. Для Селитренного городища (рис. 3*в*) использованы монетные комплексы, изданные Ф.В. Баллодом (1923) и А.А. Кротковым (1930). Первый описан очень кратко, поэтому чередование пиков на его графике более широкое, но он в 2.5 раза больше, чем подробнее изданный второй комплекс. Из графиков видно, что наибольшая активность денежного обращения в Сарае наблюдается в 1330–1390 гг. В комплексе А.А. Кроткова совсем нет монет XV в., но в полуторатысячном комплексе имеется небольшое число монет первой половины и очень мало монет второй половины XV в. Так дело обстояло в Нижнем Поволжье не везде. На небольшом селище Каменный Бугор, в 5 км от Селитренного, картина другая (рис. 3*г*). Наибольшая активность обращения пулов наблюдается в первой трети, а дирхемов – в середине XV в. (Лебедев, Клоков, 2001). Низкая активность денежного обращения в Сарае в XV в. вызвана тимуровским погромом 1395 г., после которого жизнь в нем возродилась лишь в незначительной степени. Завершили разрушение Сарая набег вятичей 1472 г. и захват его русско-крымским отрядом в 1480 г., а в 1502 г. прекратило существование и само ханство Большая Орда.

Через полвека, в 1556 г., завершилось существование и Астраханского ханства, и все Нижнее Поволжье вошло в состав Российской империи. Вскоре, в 1558 г., на правом берегу Волги в 12 км от развалин его прежней столицы Хаджи-Тархана стала строиться русская пограничная крепость Астрахань. Кирпич для нее привозился на судах из развалин Сарая. Сохранились летописные свидетельства о царском указе 1578 г., предписывавшем "ломать мизгити и полати в Золотой Орде и тем делати Астрахань" (ПСРЛ, 1978. Т. 34. С. 196). Продолжалось это и в XVII в. – в записи от 1631 г. сообщается: "застроена Астрахань каменной, велено кирпич брать на Ахтубе и Ханскую мечеть и дом ханский сломать, чтобы было на построение довольно как белого камня, так и железа от Ахтубы" (Паллас, 1778. С. 143).

Российское освоение района городища началось при Петре I, когда останки Сарая стали использоваться для получения селитры. Здесь был построен завод с небольшой крепостью для его охраны, но уже 70 лет спустя П.С. Паллас не застал ни завода, ни крепости, лишь "на 10 верст вдоль по Ахтубе, в ширину на версту или две, ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий. (...) Доселе целые суда нагружались кирпичем и перевозились в Астрахань".

Дополнительной иллюстрацией к описанной ситуации на развалинах Сарая в XVII–XVIII вв. являются 5 монет из комплекса Ф.В. Баллода с Селитренного городища: польская монета Сигизмунда I 1548 г., две российские копейки Михаила Федоровича, полушка Петра I 1722 г. и 20 коп. Екатерины II 1780 г. Находка всего пяти случайно попавших на городище монет за три века независимо подтверждает полное отсутствие деловой жизни на месте столицы Золотой Орды в XVI–XVIII вв.

График на рис. 3*б* для Царевского городища построен суммарно по пяти изданным комплексам (Федоров-Давыдов, 1963. С. 190; Янина, 1970. С. 196), а для Водянского – по данным работы авторов (Клоков, Лебедев, 2000. С. 56). Графики подтверждают сведения источников: после тимуровского разгрома 1395 г. обоих городов денежное обращение, а следовательно, и жизнь на них не восстановились. Только в 1734 г. рядом с Водянским городищем, но не на нем, был основан казачий поселок (ныне город) Дубовка.

Таким образом, импорт западноевропейских тканей золотоордынскими городами Нижнего Поволжья и снятие с них пломб вероятнее всего могло иметь место в середине – второй половине XIV в., но никак не в XVI–XVII вв., когда их руины служили каменоломнями для осваивающего новые места русского населения.

Теперь уместно кратко рассмотреть сведения средневековых источников о путях и объемах торговли текстилем между Западной Европой и нижневолжским регионом Золотой Орды, обзор которых можно найти в работе А.Г. Еманова (1995. С. 47–52, 92, 93).

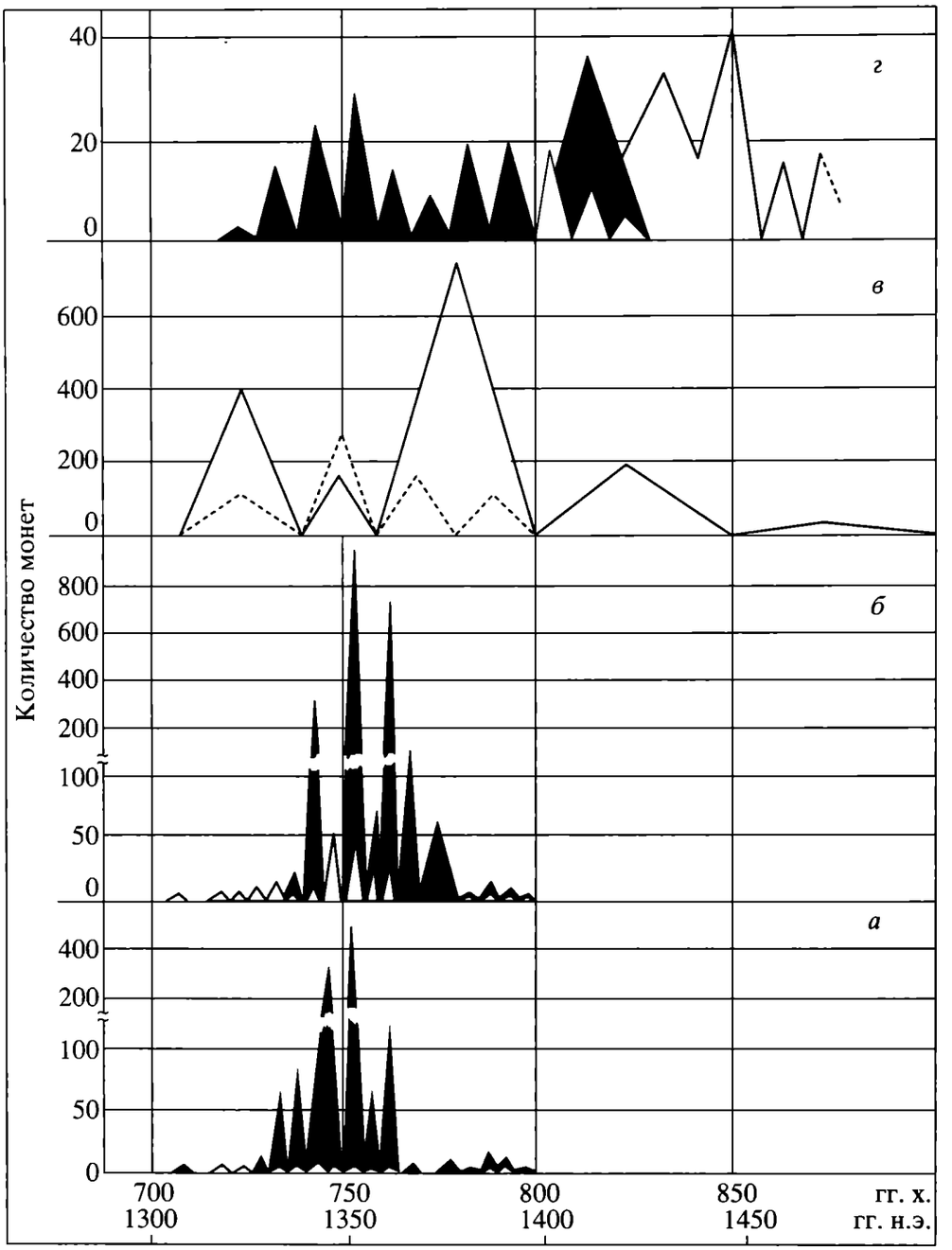

Рис. 3. Распределения джучидских монет, находимых на золотоордынских городищах, по времени их выпуска. *а* – Водянское городище. 51 дирхем (белые пики), 1234 пула (черные пики) (Клоков, Лебедев, 2000. С. 58–147); *б* – Царевское городище 216 дирхемов, 2197 пулов. Суммарный график по всем изданным монетным комплексам (Федоров-Давыдов, 1963. С. 190; Янина, 1970. С. 194–208); *в* – Селитренное городище. Сплошная линия – 1544 монеты (Баллод, 1923); пунктир – 660 монет (Кротков, 1930. С. 3–42); *г* – Селище Каменный Бугор. 138 дирхемов, 170 пулов (Лебедев, Клоков, 2001).

Как известно, северной ветвью знаменитого "шелкового пути" из Китая в Европу в XIII–XV вв. была дорога через Хорезм, Нижнее Поволжье, итальянские причерноморские концессии, главной из которых был г. Кафа в Крыму. По этому же пути на восток шли европейские товары. На первом месте в этом обратном потоке был текстиль. Основными видами текстиля с XIII в. стали тонкие шерстяные сукна фландро-французского и итальянского производства. Ткани привозились в Кафу, где они распределялись по нескольким направлениям, одно из которых: Тана (Азак)–Хаджи Тархан–Сарай–Сарайчук–Хорезм. Самые ранние сведения о ввозе сукна в Кафу относятся к 1281 г., а для 1289–1291 гг. сохранились подробные количественные данные в актах Ламберте ди Самбучито. Тогда в Кафу поступило текстиля из Европы на 900 тысяч аспров, из которых 1/5 была отправлена в Сарай. Указывалась и номенклатура тканей, в частности, элитные сукна Малине из Фландрии, особо ценные шампанские и шалонские сукна из гг. Шалон-сюр Мари и Витри-ле

Франсуа во Франции, ломбардские ткани из Милана. Иногда сукно привозилось и из Германии. Подобных сводок о поступлении тканей в XIV в. не сохранилось, но, по данным разрозненных свидетельств за 1338–1348 гг., объем поставок тканей в это время стал еще больше. В "Куманском кодексе" начала XIV в. упоминаются ткани из Орлеана, Наварры, Кремона, Асти, Фобриана и Остуни.

Кроме шерстяных тканей из Европы вывозились и ткани из конопли, льна, хлопка – бумазея и холстин из Генуи и Перуджи. В широкий поток европейских тканей на восток вливался и ручеек русского текстиля – легчайшая отбеленная льняная ткань, производство которой не было известно на востоке (может быть, пломба XV типа и является вещественным аргументом этого "русского следа" на дороге западноевропейского текстильного экспорта?!).

В XV в. черноморско-средиземноморский торговый путь стал испытывать все большие трудности, а после падения Византии в 1453 г. и захвата турками Кафы в 1475 г. морской путь европейским товарам в Золотую Орду был перекрыт. Да и в самом Нижнем Поволжье к концу XV в. уже не стало городов-импортеров.

Материальные следы торгового пути из Западной Европы в Нижнее Поволжье через Причерноморье прослеживаются и археологами. Это причерноморская и средиземноморская керамика, в том числе с оттиснутыми клеймами с греческими и латинскими буквами, венецианские стеклянные изделия, элементы европейской воинской атрибутики и т.д. (Федоров-Давыдов, 1998. С. 41). Представленные в данной статье западноевропейские товарные пломбы являются материальными свидетельствами текстильного импорта городами Золотой Орды и в первую очередь ее столицей г. Сарай в XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды. Казань, 1923. Репринт: ТА. 1998. № 1 (2), 2 (3).

Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.

Векслер А.Г., Зайцев В.В. О находке западноевропейских пломб при раскопках на Гостином Дворе в Москве // Тез. докл. VII Всероссийской нумизмат. конф. в Ярославле. М., 1999.

Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2001.

Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на месте Селитренного и Царевского городищ // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Ч. II. Саратов, 1997.

Евстратов И.В. Идиль – монетный двор Золотой Орды // Тез. докл. VIII Всероссийской нумизмат. конф. М., 2000.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. На материале Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Ершевский Б.Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология // ВИД. 1985. Вып. XVI.

Зайцева О.Е., Синчук И.И., Филонов Б.О. Пломбы XVI–XVIII вв. из Диены и Друи // Тез. докл. VI Всероссийской нумизмат. конф. СПб., 1998.

Квизикявичус Л. Товарные свинцовые пломбы для тканей // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. 1998. Т. IV.

Кильдюшевский В.И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА. 1983. Вып. 183.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 3. Нижний Новгород, 2000.

Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижневолжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов, 1930.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты из юго-восточных окраин Сарая // ТА. 2001. № 1-2 (6-7).

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. 1778. Ч. II (цит. по: Баллод Ф.В., 1923).

Перхавко В.Б. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.

Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. СПб., 1993.

ПСРЛ. 1978. Т. 34 (цит. по: Егоров В.Л., 1985).

Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I, II. М., 1970.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. III. М., 1998.

Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.

Kvizikevicius L. Svininiai audeclu antspaudai // Lietuvos archeologija. 1998. T. 15.

Kvizikevicius L. Svininiu antspaudu radiniai Vilniye – XVI–XVIII a. importiniu audeclu prekybos atspindvs // Lietuvos archeologija. 1999. T. 18.

Rentsman W. Numismatische Wappen Lexicon. 1876.

West-European Lead Goods' Seals from the Golden Horde Hillforts

V. P. Lebedev, V. B. Klokov

Summary

In the article 49 lead goods-seals of West European origin are published. They were found at the Golden Horde fortified settlements on the Lower Volga. 15 different subjects are represented on the seals; some of the images are close to those depicted on similar lead seals originating from the medieval deposits of Russian and Lithuanian towns. Such seals are known to be used for protection of West European textiles, the finds from Russia and Lithuania usually date back to the 15th–17th cc. In the article a wide range of numismatic and historigraphic data is drawn and analysed, that permits the authors to suggest the 14th c. as a period of functioning of the seals from the Golden Horde hillforts.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 101–112

ДИСКУССИИ

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ САРМАТСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

© 2002 г. А. С. Скрипкин*, В. М. Клепиков*, М. Г. Мошкова**

*Волгоградский университет
**Институт археологии РАН, Москва

Из трех ранее выделенных сарматских культур, пожалуй, только первая из них, раннесарматская, в большей степени исследовалась на предмет установления более дробной ее периодизации (Мошкова, 1963. С. 8; 1974. С. 10). Особенно остро этот вопрос стал обсуждаться в последнее время. Такое внимание исследователей к раннесарматской культуре вызвано, как нам представляется, двумя обстоятельствами. Во-первых, был сделан вывод о сохранении основных черт раннесарматской культуры вплоть до рубежа эр, что увеличило время ее бытования на целый век. Естественно, что за такой длительный срок кочевническая культура должна была претерпеть изменения, которые следовало зафиксировать путем выделения отдельных этапов или разделения ее на самостоятельные культуры. Во-вторых, стал очевиден существенный хронологический разрыв между исчезновением скифских курганов в Северном Причерноморье и появлением здесь сарматских захоронений, приходящийся в основном на III в. до н.э. (Полин, 1992; Симоненко, 1993; Полин, Симоненко, 1997. С. 87–98). Это нарушало стройную концепцию развития раннесарматской культуры, поскольку считалось, что III–II в. до н.э. являются временем ее расцвета, а носители ее были главными виновниками гибели Скифии, заняв вслед за этими событиями причерноморские степи.

С.В. Полин, анализируя археологическую ситуацию к востоку от Дона, счел возможным заявить, что существование прохоровской культуры в III–II вв. до н.э. не вызывает сомнения, однако фактических оснований для выделения комплексов этого времени на упомянутой территории нет, так же, как и в Северном Причерноморье. Следовательно, не подтверждается тезис М.Г. Мошковой о расцвете прохоровской культуры в это время (Полин, 1992. С. 80).

Сложность выделения сарматских памятников III в. до н.э. прекрасно осознается и авторами данной статьи, поскольку практически отсутствуют опорные памятники этого времени, особенно причерноморские, на которых традиционно строилась хронология "савромато-сарматских" древностей.

Такая ситуация вынуждала исследователей с большим вниманием отнестись к разработке относительной хронологии раннесарматской культуры на основании ее собственных материалов. Эта задача облегчалась тем, что памятники IV и II–I вв. до н.э. выделялись с достаточной долей вероятности. Необходимо было определить специфику и характер промежуточного пласта памятников, которые бы заняли эту, казавшуюся пустой, нишу. Здесь следует оговориться, что приводимые нами даты в определенной мере условны. Действительное время хронологических горизонтов, конечно, строго не ограничено указанными веками.

Метод выделения сарматских памятников III и, возможно, какой-то части II вв. до н.э. был предложен В.М. Клепиковым в его кандидатской диссертации, а затем подтвержден в ряде его работ, вышедших позже (Клепиков, 2000а. С. 116–124; 2000б. С. 87–94; 2000в. С. 97–106). Суть его заключается в следующем. Разные типы вещей во времени распространяются не одинаково. Так, если взять сарматские памятники IV в. до н.э., то некоторые типы вещей в них могли существовать и в более раннее время, другие исключительно в это время, третьи могли продолжать жить и позже. То же самое можно сказать и о вещевом материале сарматских памятников II–I вв. до н.э. При такой ситуации, если в одном комплексе встречаются типы вещей, известные в IV в., но неизвестные в погребениях II–I вв., и известные во II–I вв., но неизвестные в IV в., то они претендуют быть датированными промежуточным временем, то есть тем самым неуловимым III в. до н.э. Такая методика позволила В.М. Клепикову выделить для Нижнего Поволжья серию из 62 сарматских комплексов этого времени.

Этот вполне логичный прием был оценен как несостоятельный В.Ю. Зуевым, который заявил: "я выступаю за констатацию **полного отсутствия** памятников III – первой половины II вв. до н.э. в Волго-Уральском регионе, называя этот период разграничительным между "скифской" и "сарматской" эпохами" (Зуев, 1999а. С. 306).

Идея В.Ю. Зуева явно заимствована из работ С.В. Полина и А.В. Симоненко, посвященных анализу археологической ситуации в Северном

Причерноморье, и экстраполирована на Поволжье и Южное Приуралье без должной проработки массового материала с указанных территорий.

В основе категоричного тезиса В.Ю. Зуева лежит передатированный им эпонимный памятник: четыре кургана у сел. Прохоровка, раскопанные в начале XX в. крестьянами, доследованные С.И. Руденко и опубликованные М.И. Ростовцевым. Последняя их совокупная датировка рубежом IV–III вв. до н.э. была признана В.Ю. Зуевым не соответствующей материалам погребений этих курганов. Знакомство с архивными материалами позволило ему несколько изменить характер распределения вещей по курганам и разделить их территориально и хронологически на две группы: южную (кург. 1, 2) и северную (кург. 3, 4). Первую он датировал рубежом II–I вв. до н.э. с возможным омоложением даты до середины I в. до н.э.; вторую – второй половиной V – рубежом V–IV вв. до н.э. Таким образом, хронологический разрыв между сооружением курганов первой и второй групп составил, по мнению В.Ю. Зуева, более двух веков (Зуев, 1999б. С. 12–16). Далее В.Ю. Зуев приходит к выводу о том, что эти две различающиеся по времени группы курганов у с. Прохоровка должны принадлежать разным культурам. Погребения в курганах 3 и 4 отнесены им к филипповской культуре, датирующейся V–IV вв. до н.э., а погребения в курганах 1 и 2 – к собственно прохоровской культуре, начало которой В.Ю. Зуевым четко не определяется, поскольку называются и середина, и последняя треть, и даже конец II в. до н.э. В таблице одной из его статей предложены общие хронологические рамки этой культуры – конец II–I в. до н.э. (Зуев, 1998а. С. 50).

Изложенные выше выводы В.Ю. Зуева в отношении прохоровских курганов вызывают целый ряд возражений, которые не позволяют нам присоединиться к ним. Сейчас, например, трудно установить, кто был более прав относительно распределения вещей по курганам. С.И. Руденко, который в начале XX в. доследовал курганы, общался с живыми участниками раскопок и отмечал, что по имеющимся у него фотографиям "каждый из кладоискателей опознал свои вещи и рассказал, при каких обстоятельствах они были найдены. Все предметы оказались налицо, за исключением перстня и золотых серег" (Ростовцев, 1918. С. 3), или В.Ю. Зуев, изучавший этот нюанс по архивным данным в конце того же века.

В.Ю. Зуев в ряде своих публикаций отмечал, что первым, обратившим внимание на несоответствие материалов прохоровских курганов распространенному мнению об их датировке, был С.В. Полин. Он же впервые высказал мнение, что и топографически они не представляют единства, а подразделяются на две группы, объединяющие курганы 1, 2 и 3, 4, что затем было повторено В.Ю. Зуевым. Однако В.Ю. Зуев нигде почему-то не говорит о том, что С.В. Полин не считал эти группы абсолютно различающимися между собой хронологически. Более того, в отличие от В.Ю. Зуева, С.В. Полин датирует курган 2 не рубежом II–I вв. до н.э., а IV в. до н.э., приводя в подтверждение этому ряд убедительных данных. Например, в этом кургане в качестве ритуальной пищи была найдена обезглавленная туша овцы, что, по замечанию С.В. Полина, является чуть ли не обязательным элементом савроматской традиции. Не позже III в. до н.э. он датировал и бронзовое зеркало из этого кургана, и обычай класть копья в погребения. Кроме того, он отмечал архаические черты меча из того же комплекса. Заметим при этом, что изменения в распределении находок, проделанные В.Ю. Зуевым, практически не затронули кургана 2, за исключением добавления нескольких обломков гривны, которые для его датировки ничего не дают. С.В. Полин датировал прохоровские курганы 2, 3, 4 V–IV вв. до н.э., оставив открытым вопрос о конкретной дате кургана 1 (Полин, 1992. С. 76, 77).

Таким образом, С.В. Полин, выделив две группы среди прохоровских курганов, не считал их абсолютно различающимися во времени. Хотелось бы отметить, что планиграфическое деление прохоровских курганов на две группы весьма условно. Исходя из плана расположения курганов у с. Прохоровка, составленного С.И. Руденко, курган 3 находился приблизительно на одном и том же расстоянии от курганов 2 и 4 (Ростовцев, 1918. Рис. 2). Скорее всего, это одна группа курганов, располагавшаяся вытянутой цепью по водоразделу, что характерно для сарматских курганных могильников. Это подчеркивал и С.И. Руденко. Объединяет все четыре кургана также то, что все они были насыпаны над основными сарматскими погребениями, а это в большей мере характерно для савроматского и раннепрохоровского времени. Для сарматских памятников II–I вв. до н.э. типично подавляющее преобладание впускных погребений (Скрипкин, 2000а. С. 137–149).

В.Ю. Зуев высказался за отсутствие памятников III – второй половины II в. до н.э. не только в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, но практически на большей части евразийского степного пояса, включая Западную и Южную Сибирь, Алтай, Кавказ, повторив в ряде своих публикаций одну и ту же фразу о периоде III – первой половины II в. до н.э., который был "малопродуктивным временем для формирования каких-то устойчивых традиций в культуре кочевников всего степного мира, которые смогли бы отразиться в археологических источниках" (Зуев, 1998а. С. 48; 2000а. С. 96).

Причиной такой ситуации, по В.Ю. Зуеву, является охватившее этот промежуток времени активное передвижение кочевников, приведшее к

общей дестабилизации, завершившейся к последней трети II в. до н.э. (Зуев, 2000а. С. 96). В.Ю. Зуев нигде специально не говорит о причинах такой длительной дестабилизации, причем из контекста ряда его статей следует, что речь идет отнюдь не о запустении степи, поскольку кочевники по ней активно передвигались. Двигаясь с востока, они разгромили Скифию, совершали походы в Парфию и Индию. То есть, с политической точки зрения, их деятельность в течение этих почти двух веков была вполне продуктивной, а вот с археологической, на всем степном пространстве от Северного Причерноморья до Алтая почему-то – "малопродуктивной", не оставившей ни одного памятника III – первой половины II в. до н.э. Кочевники гибли в сражениях, умирали своей смертью, но по какой-то неясной причине не совершали погребений.

Вряд ли следует говорить о всеобщей активности евразийского кочевого населения и наступившей в связи с этим дестабилизации в III в. до н.э. Во всех периодизациях культур раннего железного века Южной Сибири и Алтая благополучно присутствует III в. до н.э. (Степная полоса..., 1992). Дестабилизация в Северном Причерноморье в III в. до н.э., которая сейчас вполне убедительно выглядит по археологическим материалам, была, видимо, инспирирована племенами Волго-Уральского и, возможно, Кубанского регионов, но последствия этих событий не стоит распространять на весь евразийский степной пояс. Существенные изменения на значительном евразийском степном пространстве происходят во II в. до н.э., когда появляется большое число новых названий кочевых объединений в Средней Азии и Восточной Европе. Эти события могут быть связаны с усилением с самого конца III в. до н.э. хунну, созданием ими мощной державы, оказывавшей постоянное давление на кочевой мир, располагавшийся к западу от нее. Однако очевидная активность кочевого мира в это время, зафиксированная в ряде письменных источников, не привела к исчезновению археологических памятников кочевников этого времени, наоборот, они отражают реалии своего времени (Скрипкин, 2000б. С. 17–40). И в последующее время, включая не только ранний железный век, но и средневековье, отмечались периоды повышенной активности кочевников, их переселения на значительные расстояния, но столь обширные археологические хиатусы, подобные сконструированному В.Ю. Зуевым, неизвестны даже для эпохи знаменитого гуннского нашествия.

Закрепив за прохоровскими курганами 1 и 2, и только за ними, право быть эталонными и эпонимными, В.Ю. Зуев датировал уже обновленную в определенной мере культуру с последней трети II по конец I в. до н.э., то есть временем несколько большим одного века. Таким образом, все кочевнические памятники Поволжья и Приуралья, которые, если только они не датируются V–IV вв. до н.э., должны относиться к этому, указанному В.Ю. Зуевым для прохоровской культуры, времени. Если попытаться перечислить все раскопанные раннесарматские памятники, среди которых имеются такие крупные могильники, как Старые Киишки, Бишунгарово, Покровка, Бережновка, Быково, Калиновка и многие другие, то счет их явно перевалит за тысячу комплексов. К тому же, если учесть, что мы имеем дело с выборкой, а генеральная совокупность предполагает во много раз большее число раннесарматских погребений, то счет их пойдет уже на многие тысячи. Поскольку вновь открываемые раннесарматские памятники, по В.Ю. Зуеву, будут тщательно обходить хиатус, датируемый III – первой половиной II в. до н.э., и в большей мере пополнять число погребальных комплексов конца II–I в. до н.э., то следует констатировать, что после "непродуктивного" периода наступает весьма продуктивный в археологическом отношении период – всеобщий мор кочевого населения Волго-Уральских степей.

Пытаясь опровергнуть выделение сарматских памятников, осуществленное В.М. Клепиковым, В.Ю. Зуев предпринимает некоторые статистические подсчеты распределения сарматских памятников Поволжья по векам IV, III, II–I, используя данные самого В.М. Клепикова, а также Б.Ф. Железчикова и А.С. Скрипкина (Статистическая обработка..., 1997), которые, по его мнению, должны показать всю абсурдность вышеуказанной затеи. Он сравнивает 72 комплекса IV в. до н.э. и 62 комплекса III в. до н.э., выделенных В.М. Клепиковым, с 532 комплексами II–I вв. до н.э. Последняя цифра 532 получена Зуевым способом простейшего арифметического расчета. Из общего количества погребений III–I вв. до н.э., выделенных Скрипкиным для статистического анализа погребального обряда памятников этого времени, он вычетает 62 комплекса, датированных В.М. Клепиковым III в. до н.э. Эта якобы неравномерность распределения сарматских комплексов во времени напомнила В.Ю. Зуеву стеклянную колбу песочных часов с узким перехватом, ассоциирующимся у него с III в. до н.э. Эта "тоненькая нить, – пишет В.Ю. Зуев, – связующая, по предположению В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, памятники IV и II вв. до н.э., должна демонстрировать непрерывающееся единство "раннесарматской (прохоровской) культуры" данной эпохи в целом" (Зуев, 2000а. С. 89). Первое, на что в этом пассаже В.Ю. Зуева хотелось бы обратить внимание, – это некорректность его подсчетов, поскольку в них фигурируют цифры комплексов разного характера. Для IV и III вв. до н.э. приводится количество узко датированных комплексов без учета вероятного фона. А для памятников II–I вв. до н.э. за вычетом комплексов,

датированных Клепековым только III в. до н.э. дается общая цифра погребений, которые были включены А.С. Скрипкиным в базу данных по Поволжью. База составлялась А.С. Скрипкиным с ориентировкой на широкую дату III–I вв. до н.э., в которой многие погребения невозможно датировать более точно. Поэтому, вычтя из общего числа 62 комплекса, уверенно относимых к III в. до н.э., неверно считать оставшиеся 532 датирующимися только II–I вв. до н.э. Ведь, как правило, время большинства археологических культур или каких-либо хронологических пластов памятников определяется по ограниченному количеству комплексов, имеющих относительно точные даты. Они и определяют хронологические границы культуры или группы памятников, остальные же включаются в них по общей схожести погребального обряда, отдельных категорий вещевого материала и других данных. Таким образом, если попытаться выделить среди сарматских памятников погребения, достаточно точно датирующиеся II–I вв. до н.э., то их также окажется немного. А.С. Скрипкину в пределах Азиатской Сарматии удалось выделить 43 комплекса этого времени (Скрипкин, 2000а. С. 137–149). Именно эти строго датированные комплексы и должны определять характер каждого из хронологических периодов той эпохи, которую мы называем раннесарматской. Общее число таких комплексов в каждом из периодов будет не столь велико, как хотелось бы, но мы всегда должны помнить о том обширном контексте, в котором они присутствуют. А что касается песочных часов, образно использованных В.Ю. Зуевым для сравнения с археологической ситуацией в Поволжье в IV–II вв. до н.э., то это его чистейшее изобретение, к тому же очень неудачное по отношению к его же собственной концепции о дискретности сарматских культур, поскольку песок в этих часах пересыпается один и тот же.

Попытку В.Ю. Зуева обосновать дискретный характер существования культур скифо-сарматского круга, объясняемый миграционной моделью развития культурных процессов в Южном Приуралье и, надо полагать, в Нижнем Поволжье, следует признать очень неудачной. Термин "дискретный" (от лат. discretus) означает прерывистый, состоящий из отдельных частей. Если строго придерживаться его значения, то следует признать, что в указанном достаточно обширном регионе в течение большей части I тыс. до н.э. несколько раз происходила полная смена культурных стереотипов. Однако этот тезис не находит подтверждения при рассмотрении конкретного массового археологического материала. При всем различии савроматской и сарматских культур, исследователи практически всегда отмечали и наличие сходных черт между ними.

Показательной в этом отношении является IV Международная конференция по проблемам сарматской археологии и истории, состоявшаяся в мае 2000 г. в Самаре и собравшая практически всех ведущих специалистов по этой тематике. В докладах и дискуссиях идея В.Ю. Зуева не получила поддержки. В двух выпусках материалов по итогам работы конференции опубликовано много статей, в которых рассматриваются вопросы преемственности в развитии различных этапов раннесарматской культуры и между разными сарматскими культурами с использованием не только археологических, но и антропологических материалов.

На основании типологического анализа археологического материала А.Д. Таиров отмечал преемственность в развитии раннесарматской культуры Южного Урала, так же, как и между разными этапами кочевнической культуры Южного Зауралья (Таиров, 2000а. С. 16–28; 2000б. С. 5–14). Аналогичные выводы содержатся в статьях Н.С. Савельева и Д.В. Мещерякова по Южному Уралу и В.М. Клепикова относительно Поволжья (Савельев, 2000. С. 41–52; Мещеряков, 2000. С. 53–59; Клепиков, 2000а. С. 116–124). А.С. Скрипкин отмечал, что отдельные черты материальной культуры и погребального обряда, выявленные для памятников II–I вв. до н.э., получают дальнейшее развитие в среднесарматской культуре (Скрипкин, 2000а. С. 137–149). А.В. Симоненко выявил в Северном Причерноморье не резкие смены ранней, средней и поздней сарматских культур, а их последовательное сосуществование во времени (Симоненко, 2000а. С. 158–164; 2000б. С. 187–204). Сходную ситуацию на Нижнем Дону для ранне- и среднесарматской культур отмечал В.П. Глебов (2000. С. 170–186).

Весьма важными для реконструкции этногенетических процессов являются данные антропологических исследований. Несмотря на отмечавшуюся гетерогенность сарматского населения Южного Приуралья и Поволжья специалисты не сочли возможным говорить о каких-то кардинальных сменах его здесь. Признавая возможность миграций, они подчеркивали роль субстратного компонента для этнических процессов в указанных районах (Яблонский, 2000. С. 29–40; Балабанова, 2000а. С. 105–115; 2000б. С. 95–113). Кроме того, преемственность между савроматской и раннесарматской культурами прослеживается даже в технологии изготовления лепной керамики (Иванова, 2000. С. 135–154).

В.Ю. Зуев, критикуя В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина за поддержку ими в совместной статье (Клепиков, Скрипкин, 1997. С. 28–40) идеи непрерывного существования раннесарматской культуры и возможности выделения памятников III в. до н.э., подвигает читателей к мысли, что указанные авторы являются сторонниками эволюционного ее развития. После чего остается полшага до признания их приверженцами исклю-

чительно автохтонной концепции развития сарматских культур. Ведь не зря же В.Ю. Зуев заявляет, что "А.С. Скрипкин, сделавший очень много для постановки "проблемы III в. до н.э.", явно идет по пути ревизии собственных взглядов" (Зуев, 1999а. С. 307).

Для В.Ю. Зуева еще раз объясняем свою позицию. Признание преемственности между сарматскими культурами, равно как и между отдельными периодами раннесарматской культуры, не обозначает исключительно их эволюционного, автохтонного развития. Авторы не отрицают в общей истории сарматов роли миграций, которые находят отражение как в археологическом, так и в антропологическом материалах; они выступают против "дискретного напластования разных культур скифо-сарматского типа". Миграции приводили к всплеску инновационных явлений, но сохранение традиционного культурного фона сглаживало резкость изменений в переходе от одной сарматской культуры к другой. Именно этот фактор затрудняет достаточно точное определение времени начала практически каждой из сарматских культур, что и вызывает наибольшее количество споров среди исследователей. Что касается раннесарматской (прохоровской) культуры, то она или отдельные ее культуроопределяющие элементы с течением времени стали носить, если так можно выразиться, "интернациональный" характер. Территория ее распространения постепенно расширялась, охватив ко II в. до н.э. обширные пространства, на которых обитало большое количество кочевнических объединений. Раннесарматская культура не была статичной, она изменялась во времени и в пространстве. Сейчас все более отчетливо вырисовывается ее региональная специфика в таких районах как Южное Приуралье, Поволжье и Дон, Северный Кавказ, Северное Причерноморье. Вряд ли все процессы, связанные со становлением первой сарматской культуры и ее распространением, совершились в одночасье, как это следует из сочинений В.Ю. Зуева.

В одной из своих статей В.Ю. Зуев (1999а. С. 305–324) специально обращается к совместной работе В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина (1997. С. 28–40) с целью опровержения приведенных в ней данных о датировке ряда сарматских погребений Поволжья III в. до н.э., дабы сохранить непорочность хиатуса, приходящегося, по его мнению, на это время. В упомянутой статье им приведено описание ряда сарматских комплексов с иллюстрациями из списка, указанного В.М. Клепиковым и А.С. Скрипкиным, после каждого из них делается вывод о несостоятельности отнесения этих комплексов к III в. до н.э.

Знакомство с этими выводами у любого специалиста по сарматской археологии может вызвать удивление относительно их объективности. Нам же представляется одно из двух: либо такая тема, как "сарматская археология", еще недостаточно глубоко освоена В.Ю. Зуевым, либо он решил разыграть своих коллег.

Посмотрим, что собой представляют эти опровержения.

Визенмиллер II, курган 4, погребение 3 (Рыков, 1926. С. 29, 30). В.Ю. Зуев пишет, что мечи из этого парного погребения (кстати, имеется рисунок только одного фрагментированного меча) имеют типичную форму клинка и перекрестия для мечей без навершия, датирующихся I в. до н.э. Из сказанного им абсолютно неясно, какие аналогии сарматских мечей, датирующихся исключительно I в. до н.э., он имеет в виду. Если это мечи без металлического навершия, которые имеют ромбическое перекрестие, иногда выполненное из бронзы, то их суммарная дата более широкая. Появляются они во II в. до н.э., вероятно, со второй его половины, известны они и в I в. н.э. (Скрипкин, 2000б. С. 17–40). Однако меч из Визенмиллера ничего общего с ними не имеет, так как его клинок постепенно сужается от перекрестия к его окончанию. Мечи же с ромбическим перекрестием отличает узкий клинок, стороны которого по большей его длине параллельны и сужаются в его нижней части. Важно еще и то, что П.С. Рыков отмечал массивность клинка меча из рассматриваемого погребения и наличие у него "стержневого навершия", которое у В.Ю. Зуева превратилось в "стержневую рукоять". Скорее всего, этот меч имел встречающееся у раннесарматских мечей прямое стержневидное навершие, которое не может быть датировано исключительно I в. до н.э.

Принципиальное значение В.Ю. Зуев придает колчанным наборам наконечников стрел из этого погребения в связи с тем, что с погребенным старшего возраста был положен колчан преимущественно с бронзовыми наконечниками стрел, а с другим – молодым – с железными, подчеркивая, что с первым погребенным был найден и фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю. Этим самым, видимо, В.Ю. Зуев хотел сказать, что колчан с набором бронзовых стрел, как и погребение в целом, не могут датироваться ранее II в. до н.э.

Далее он утверждает, что описанные П.С. Рыковым гробовища из этого погребения "также весьма характерны для погребений II–I вв. до н.э.".

Все перечисленные доказательства В.Ю. Зуева не имеют под собой никакой серьезной основы, поскольку он не указывает, о каких датированных аналогиях идет речь в отношении конструкций гробовищ и почему бронзовые зеркала с валиком по краю непременно должны датироваться II–I вв. до н.э. Безусловно, можно найти сарматские погребения с вышеназванными атрибутами, более или менее уверенно датирующимися этим временем, благо в это время появляются отдельные категории находок с относительно точной

датой, но где доказательства в пользу того, что названные гробовища или бронзовые зеркала не появляются у сарматов в более раннее время? Тем более, что известно захоронение в могильнике "Близнецы" (к. 2, п. 1), в котором, несмотря на разграбление, были обнаружены уникальный круглодонный шаровидный сосуд с тальком, два бронзовых наконечника стрел и обломок зеркала с утолщенным валиком. Сохранившийся инвентарь и погребальный обряд – почти квадратная дромосная яма и диагональное положение погребенного, что не встречается в могилах II–I вв. до н.э., разрешают датировать это захоронение временем не позднее, чем III, а скорее даже IV в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 45; 1975. С. 48–53). У В.Ю. Зуева нет ничего, кроме святой веры в то, что сарматские погребения III в. до н.э. не существуют. Ну, а с верующим не только трудно, но и бесполезно спорить. Тем не менее, доказательства есть, они общеизвестны, о чем речь пойдет ниже.

Усатово, курган G5, погребение 11 (Синицын, 1947. С. 100–103). В качестве возражения В.М. Клепикову и А.С. Скрипкину в отношении даты этого комплекса В.Ю. Зуев приводит доказательства, которые приводят читающего просто в недоумение. Он придумывает наличие в этом погребении кинжала с кольцевым навершием, хотя в описании И.В. Синицына предельно ясно сказано, что в погребении находился один меч с серповидным навершием, которое располагалось "под правой кистью", что прекрасно видно и на чертеже (Синицын, 1947. С. 101. Рис. 70). Абсолютно никакой основы под собой не имеет и его утверждение о датировке большинства погребений из этого кургана (погр. № 1, 2, 3, 5, 7, 10, 12) II–I вв. до н.э. Материал из них весьма невыразителен в хронологическом отношении. Погребение 10, например, вообще не содержало вещей. Это как раз тот случай, когда их можно датировать III–I вв. до н.э.

Непонятно, что имел в виду В.Ю. Зуев, отметив, что И.В. Синицын в качестве аналогии деревянным конструкциям сарматских гробовищ, в том числе и из данного погребения, приводил гробовища Кенкольского могильника. Во-первых, в середине 40-х годов он просто ничего другого привести не мог. А во-вторых, при чем здесь Кенкольский могильник – памятник первых веков нашей эры, коль В.Ю. Зуев тщится доказать дату сарматских погребений усатовского кургана G5 II–I вв. до н.э.

Усатово, курган F19, погребения 2, 3, 4, 5 (Синицын, 1947. С. 60–65). Здесь удивляет то, что кинжалы с серповидными навершиями (погр. 2, 4), типичные для прохоровской культуры, В.Ю. Зуев датирует "рубежом II–I вв. до н.э.", как, вероятно, и длинный меч того же типа из погребения 2. Можно было бы только позавидовать такой сверхточной дате этой категории сарматского оружия, если бы она имела под собой объективную основу. В данном случае В.Ю. Зуев опирается на непогрешимость своих разработок по хронологии четырех Прохоровских курганов, которые, к сожалению, весьма субъективны.

Ссылка на то, что бронзовые наконечники стрел из погребений 2 и 3 не дошли до наших дней, не играет никакой роли в опровержении точки зрения В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, ибо речь не идет об уточнении их типов, а важна сама встречаемость в указанных погребениях бронзовых наконечников стрел, поскольку в колчанных наборах хорошо датированных памятников II–I вв. до н.э. они не известны (Скрипкин, 2000а. С. 137–149).

Бережновка II, курган 85, погребение 2 (Синицын, 1960. С. 86) также датируется В.Ю. Зуевым без всяких оснований II–I вв. до н.э. по фрагментам бронзового зеркала с валиком по краю диска. Нигде специально им не разрабатывались типология и хронология сарматских зеркал и аргументированно не опровергалась имеющаяся точка зрения о появлении указанного выше типа зеркал в более раннее время. В раннесарматское время преобладающим типом зеркал с валиком по краю диска являлись те, которые имели клиновидный стержень для оформления ручки (Скрипкин, 1990. С. 94, 95). Чаще всего, видимо, эти зеркала представлены фрагментами в сарматских погребениях. На Кубани такие зеркала датируются III–I вв. до н.э. Известна их встречаемость там в комплексах с пантикапейской монетой первой половины III в. до н.э. и с античной керамикой второй половины III – первой половины II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 21). Причем обычно появление этого типа зеркал на Северном Кавказе рассматривается как результат сарматского влияния (Абрамова, 1999. С. 101–103), что уже позволяет говорить об их существовании у самих сарматов в III в. до н.э.

Ровное, курган 4, погребение 15 (Синицын, 1966. С. 41, 42). Трудно представить, на каком основании В.Ю. Зуев заявляет, что железные наконечники стрел с длинной втулкой, которые в этом погребении найдены вместе с бронзовыми наконечниками, позволяют датировать его не позднее IV в. до н.э. В одном из сарматских погребений у хут. Алитуб на Дону железных наконечников с выступающей втулкой было обнаружено 70 штук (Шилов, 1975. С. 141). Датируется это погребение по бронзовой сковородке типа "Айлесфорд" I в. до н.э. (Petrovszky, 1993. S. 138). Отдельные экземпляры втульчатых железных наконечников стрел встречаются в сарматских погребениях даже в I в. н.э. (Беспалый, 1992. С. 177). Хронологический разброс этого типа наконечников стрел достаточно широк. В данном комплексе дата железных втульчатых наконечников стрел коррелируется нахождением их вместе с бронзовыми базисными втульчатыми наконечниками, которые

характерны для более позднего времени существования бронзовых наконечников стрел.

Неверно представление В.Ю. Зуева о хронологической позиции остальных впускных в этот курган сарматских погребений, которые он датирует V–IV вв. до н.э. (погр. № 3, 4, 9, 10, 16, 18). В большинстве своем они сооружены в узких прямоугольных ямах с южной ориентировкой костяков. Для погребений же V–IV вв. до н.э. в Нижнем Поволжье наиболее типичны просторные ямы с восточной или западной ориентировкой костяков. Вещи из упомянутых погребений хотя и маловыразительны, тем не менее они вполне вписываются, особенно керамика, в тот круг находок, который характерен для сарматских комплексов с широкой датой III–I вв. до н.э.

Калиновка, курган 19, погребение 17 (Шилов, 1959. С. 376, 377). При чтении доводов В.Ю. Зуева в пользу опровержения той даты, которая приведена в работе В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина для этого погребения, возникает желание отдать должное богатой фантазии, позволившей ему усмотреть в раннесарматском мужском погребении 17 и среднесарматском женском погребении 13 захоронение мужа и подхоронение к нему жены. В.Ю. Зуев пишет, что яма погребения 13 точно повторяет пропорции входной ямы погребения 17. Из описания и чертежа в публикации В.П. Шилова, автора раскопок, видно, что это не так. Можно говорить только о частичном наложении ямы более позднего погребения на яму более раннего. Причем В.В. Шилов отмечал, что яма погребения 13 нарушила входную яму подбойного погребения 17 (Шилов, 1959. С. 374). К тому же женское погребение примерно на метр располагалось выше мужского. Кроме того, в центре этого кургана, где располагалось погребение 17, выявлено целое скопление перекрывающих друг друга погребений (кроме упомянутых, еще № 6, 10, 22). Для ряда калиновских курганов вообще характерно бессистемное нагромождение перекрывающих друг друга погребений.

Спрашивается, как можно было объединить два явно различных в хронологическом отношении погребения в один комплекс? Ведь В.Ю. Зуев даже не подумал над тем, имеются ли случаи встречаемости мечей с серповидным навершием, которых известно сотни, с зеркалами так называемого "бактрийского типа", которых в сарматских погребениях найдено несколько десятков. Следовало бы ему привести и случай бесспорных датировок в сарматских погребениях этих зеркал рубежом II–I вв. до н.э. А реальность такова, что бесспорных находок в одном комплексе мечей и зеркал указанных типов неизвестно. При массовости их находок отсутствие нахождения их вместе свидетельствует о хронологическом несовпадении основных периодов их существования. Даже если такие случаи и обнаружатся, то статистический показатель их сопряженности будет очень низким, не дающим возможности говорить о сколько-нибудь длительном времени их сосуществования. Независимо от датировки восточных образцов зеркал "бактрийского" типа в европейском ареале их распространения большинство из них датируется I в. н.э.

Далее В.Ю. Зуев утверждает, что фрагмент зеркала из погребения 17 "имеет точнейшую аналогию в инвентаре погребения кургана 2 Прохоровского могильника", которое он датирует рубежом II–I вв. до н.э. Опять же это утверждение не совсем верно. Во-первых, в калиновском погребении сохранилась только часть зеркала, что не позволяет окончательно судить о его первоначальной форме. Во-вторых, диаметр диска калиновского зеркала, по данным В.П. Шилова, 12.5 см, то есть оно небольшого размера. Зеркало из Прохоровского кургана 2, наоборот, большое, его диаметр около 20 см, судя по масштабу в публикации В.Ю. Зуева (2000б. С. 323. Табл. VII. Рис. 4). В различных типологиях сарматских зеркал размерный признак обычно используется для выделения вариантов различных их типов, и эти варианты зачастую по-разному датируются (Скрипкин, 1990. С. 88–97; Марченко, 1996. С. 14–20). Большие зеркала типа обнаруженного в прохоровском кургане 2 наиболее характерны для комплексов, датируемых V–IV вв. до н.э. Кстати, как отмечалось выше, С.В. Полин как раз и датировал этот прохоровский курган IV в. до н.э. Не исключено, что зеркало из калиновского погребения является уже поздним вариантом более ранних зеркал этого типа. И в-третьих. В одной из последних статей В.Ю. Зуева (2000в), посвященной прохоровским курганам, где, как он считает, представлено бесспорно первоначальное распределение вещей по погребениям, одно и то же зеркало фигурирует дважды, но в разных курганах. В первом случае его фотография помещена среди находок кургана 2 (Зуев, 2000б. Табл. VII, *4* – оно, действительно, из этого кургана). Во втором – оно же, но в графическом исполнении, связано с курганом 3 (Зуев, 2000б. Табл. VIII, *6* – крайнее правое). Однако в публикации М.И. Ростовцева в кургане 3 было только два целых зеркала, а не три, третье представлено обломком (Ростовцев, 1918. С. 17. Табл. IV, *4–6*). Все они – два целых и обломок изображены и у В.Ю. Зуева (2000б. Табл. VIII, *6* – крайнее левое, центральное и обломок), но крайнее правое зеркало на этой таблице является прорисовкой фотографии зеркала из кургана 2, совершенно верно помещенного В.Ю. Зуевым на таблице VII, *4*. Таким образом все три большие плоские зеркала с ручками из Прохоровки (курганы 1, 2, 3 – по М.И. Ростовцеву и 2, 3 4 – по В.Ю. Зуеву) имеют в центральной части диска небольшое углубление (это отмечено и на рисунках в статье В.Ю. Зуева – табл. VIII, *6*; IX,

12) – деталь, характерную для ранних зеркал этого типа (Сара, Ак-Булак: Смирнов, 1964. Табл. 35Б, *8*; 38, *17*), которая пока ни разу не встречена на зеркалах из комплексов позднее IV в. до н.э.

Мы рассматривали аргументы В.Ю. Зуева в отношении хронологии сарматских комплексов, датируемых в статье В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина III в. до н.э., не выборочно, а в той последовательности, которая приведена в его публикации. Не имеет смысла дальше останавливаться на опровержении его выводов по оставшимся комплексам, поскольку все написанное о них В.Ю. Зуевым того же уровня, а его доказательства во многом повторяются.

Жанр статьи В.Ю. Зуева в "Stratum(e)" можно определить как "археологическое фэнтези". Не выдерживающие сколько-нибудь серьезной критики выводы, тем не менее, позволили ему утверждать, что приведенные им "примеры наглядно показывают, насколько слабо выглядят аргументы" В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина в пользу существования сарматских памятников III в. до н.э. (Зуев, 1999а. С. 319). Скорее всего, эта оценка имеет прямое отношение к его собственной попытке доказать обратное.

Некоторые обобщающие заключения В.Ю. Зуева в его статье просто ставят в тупик. Вот один из примеров его глубокой мысли. "Эти невзрачные и бедные комплексы, которые разительно отличаются от памятников IV в. до н.э. (речь идет о комплексах, датируемых в статье В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина III в. до н.э. – *авторы*), являются прототипами для всей прохоровской культуры II в. до н.э. и служат прототипами для собственно прохоровских погребений южной группы этого могильника. Доказать такой тезис, я думаю будет еще труднее, чем отсутствие памятников III в. до н.э. – ведь иначе нельзя интерпретировать эту картину, если признать правильность дат, предложенных мной для Прохоровки" (Зуев, 1999а. С. 319, 320). Бесспорно, здесь трудно что-либо доказывать или опровергать, поскольку в этом пассаже невозможно уловить мысль автора.

Негативно оценивая методику выделения сарматских памятников III в. до н.э. В.М. Клепикова, В.Ю. Зуев упрекает его в том, что он исходит из старых представлений о датах сарматских памятников предшествующего и последующего времени. Но, чтобы критиковать за это В.М. Клепикова, надо доказать, что старые даты отдельных категорий вещей, на которые он опирается в своей работе, неправильны. Нельзя же исходить только из того, что все, сделанное в сарматской археологии до тебя, неверно. И В.Ю. Зуев приводит один из примеров собственных разработок, которые, по его мнению, позволяют усомниться в традиционных датах отдельных типов клинкового оружия и его эволюции. Так, в доказательство отсутствия связи между так называемыми мечами "переходного" и прохоровского типов он приводит кажущиеся ему безупречными аргументы: 1 – несовстречаемость в комплексах этих двух типов; 2 – их присутствие в достаточно удаленных друг от друга по времени памятниках: первых в V–начале IV в. до н.э., вторых – не ранее II в. до н.э.; 3 – преемственность между этими типами мечей основана лишь на внешнем сходстве.

Несмотря на убежденность В.Ю. Зуева, все эти доказательства весьма поверхностны. Он почему-то не задается вопросом, с какими другими типами мечей совстречаются мечи переходной формы. Они ведь не совстречаются и с теми типами мечей, которые бесспорно существовали в V–начале IV в. до н.э. Да и вообще, встречаемость двух длинных мечей в одном сарматском комплексе большая редкость. Чаще находятся вместе мечи и кинжалы, но такая практика относительно широко начинает распространяться явно позже IV в. до н.э.

Утверждение В.Ю. Зуева о значительном разрыве между "переходными" и прохоровского типов мечами ничем не подтверждается, кроме признания им всеобщего хиатуса и своих датировок курганов у Прохоровки. Опровергая датировку мечей "переходного" типа IV в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 24; Мошкова. 1962. С. 227), В.Ю. Зуев предлагает свою дату – V–начало IV в. до н.э., и ссылается при этом на то, что в инвентаре комплексов с "переходными" мечами подавляющее число вещей относится к V в. до н.э. В качестве аргументации своего утверждения он дает ссылку на неудачно скомпонованную таблицу (Зуев, 1998б. С. 144. Рис. 1), которая ничего не решает в дискуссии о времени существования мечей "переходного" типа. За исключением погребения из Южноуральска, датированного по набору бронзовых наконечников стрел, жертвеннику и другим находкам концом V–IV в. до н.э. (Хабдулина, Малютина, 1982. С. 78, 79), все остальные комплексы, которые приводит В.Ю. Зуев, как раз по подавляющему числу вещей, сопутствующих мечам "переходного" типа, относятся ко времени IV в. до н.э. В состав этих комплексов входят бронзовые наконечники стрел, круглодонная керамика, в большинстве случаев с тальком, и другие предметы, характерные для IV в. до н.э. Погребальный обряд этих комплексов также не противоречит их дате IV в. до н.э. Поэтому единственный случай датировки меча "переходного" типа концом V–IV в. до н.э. не является достаточным основанием для датировки всех "переходных" мечей V в. до н.э. Он свидетельствует лишь об одном – эти мечи могли уже появиться к концу V в. до н.э., но были характерны именно для IV в. до н.э. Разработанные К.Ф. Смирновым типологические ряды бронзовых наконечников стрел пока еще никем не опровергнуты. Не предложена новая схема типологии бронзовых наконечников стрел, а также других предметов и са-

мим В.Ю. Зуевым, а посему удревнение этих мечей не аргументировано им и не доказано.

И наконец, полевые исследования последних лет принесли неопровержимые доказательства существования мечей "переходного" типа в IV в. до н.э. В одном из курганов Ново-Мусинского могильника был обнаружен комплекс, в состав которого входили меч "переходного" типа, бронзовые наконечники стрел и гераклейская амфора конца IV в. до н.э. (Васильев, Сиротин, 2001). Также опрометчиво заявление В.Ю. Зуева о появлении клинкового оружия прохоровских форм на рубеже II–I вв. до н.э. (Зуев, 1998б. С. 149). В это время, а может быть и чуть раньше, действительно происходит появление нового типа клинкового оружия у сарматов – длинных мечей без металлического навершия с коротким ромбическим железным или бронзовым перекрестием. Следует отметить, что они ни разу не были обнаружены вместе с колчанными наборами, в которые входили бы бронзовые наконечники стрел (Скрипкин, 2000а. С. 137–149; 2000б. С. 17–41). Мечи с серповидным навершием (прохоровского типа) появляются в более раннее время и существуют в течение длительного времени, о чем говорит не только массовость их находок, но и характер материала, с которым они встречаются, в частности, бронзовые наконечники стрел. Начало их генезиса относится еще к скифскому времени. Так, в Актюбинской области на реке Илек в могильнике Бесоба среди находок из кургана 1, датируемого концом VI–второй половиной V в. до н.э., был обнаружен кинжал, имеющий типичное для клинкового оружия этого времени бабочковидное перекрестие и серповидное навершие (Кадырбаев, Курманкулов, 1977. Рис. 2, *8*). В том же районе в кургане Жалгызоба в погребении встречено два меча, один из которых имел брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие, а второй – "удлиненное асимметричное перекрестие бабочковидной (?) формы и рогатковидное навершие", причем второй меч, так же, как и кинжал из 2 прохоровского кургана, имел двутавровую рукоять. Датируется это погребение, вероятно, рубежом VI–V вв. до н.э. (Гуцалов, 2000. С. 53. Табл. 72). В погребении 3 из одиночного Линевского кургана в Оренбуржье меч с серповидным навершием был обнаружен с колчаном, в котором находилось 82 экземпляра бронзовых наконечников стрел и только один железный. Ни в одном сарматском погребении, датирующемся достаточно точно II–I вв. до н.э. фибулами и некоторыми категориями импортов, ничего подобного не отмечалось. Кроме того, это погребение в Линевском кургане было перекрыто более поздним женским погребением 4, в котором найдены железный браслет в полтора оборота и обломки каменного "блюда-жертвенника", форма которого полностью восстанавливается и которое несколько напоминает находку из Прохоровского кургана 4, датируемого В.Ю. Зуевым, как известно, V–началом IV в. до н.э. Железные же браслеты в полтора оборота считаются наиболее типичной находкой для сарматских погребений IV в. до н.э. (Клепиков, 1998. С. 29–32).

И уж совсем нелепо выглядит утверждение В.Ю. Зуева о том, что мечи переходного и прохоровского типов разделяет промежуток времени в "триста лет истории" (Зуев, 1998б. С. 148). Если вспомнить, что мечи с кольцевым навершием и без навершия с коротким, обычно ромбическим, перекрестием начинают распространяться также во II–I вв. до н.э. (хотя со временем появления мечей с кольцевым навершием у сарматов пока не все ясно), а мечи переходного типа завершают развитие клинкового оружия скифского времени, то получается, что в течение трех веков в распоряжении кочевников волго-уральских степей не было каких-либо мечей вообще. Правда, остаются еще мечи так называемого "синдо-меотского" типа, которые, как полагал К.Ф. Смирнов, были известны у сарматов в IV–начале III в. до н.э. (Смирнов, 1980). Это время их существования подтверждается и материалами Кубани (Марченко, 1996. С. 231). Но дата этих мечей должна быть неприемлемой для В.Ю. Зуева, поскольку наличие сарматских памятников III в. он отрицает, а датировку их IV в. до н.э. считает недостаточно обоснованной. Непонятно одно, чем были вооружены те кочевники, которые пришли явно с востока в начале III в. до н.э. и устроили погромы в Северном Причерноморье, или полчища кочевников, стоявших в конце III в. до н.э. на границах Греко-Бактрии и угрожавших, согласно Полибию, как ей, так и Парфии, или сарматы царя Гатала, известные по данным того же Полибия, упомянутые им в связи с событиями 179 г. до н.э., и главное – куда все это подевалось, как сами кочевники, так и их оружие? Весьма странная получается ситуация: степь была занята могущественными группировками кочевников и, как следует из письменных источников, часто слышен был звон мечей, но ни единого следа для современной археологии они умудрились не оставить. Вот такой получается хиатус с виртуальным оттенком. На сей день из всего написанного по данной теме В.Ю. Зуевым трудно понять, сколько все это длилось, то ли полтора века, то ли целых три. К тому же, согласно всем этим умозаключениям В.Ю. Зуева, на несколько веков в степях пресекается и курганная традиция погребения. Затем она вдруг возрождается, сохраняя основные свои традиции: класть вместе с погребенным посуду, бронзовые зеркала, напутственную пищу, мечи и колчаны со стрелами, которые довольно часто имели бронзовые наконечники, каким-то образом повторяющие старые типы.

Никакого реального значения не имеют приведенные в этой статье В.Ю. Зуева таблицы, претендующие наглядно показать несостоятельность утверждений В.М. Клепикова о возможности выделения сарматских памятников III в. до н.э., поскольку отражают только одним им разделяемую идею о том, что в IV в. до н.э. все существовавшие ранее типы вещей исчезают, а во II–I вв. до н.э. появляется совершенно новый набор вещевого материала, не имеющего никакого отношения к предыдущему (Зуев, 1999а. С. 322. Табл. 1, 2). Довольно часто В.Ю. Зуев сам себе противоречит, особенно это касается дат. Так, например, он утверждает, что бронзовые ворворки исчезают в конце IV в. до н.э. (Зуев, 1999а. С. 323). Во-первых, откуда вдруг стала известна В.Ю. Зуеву такая точная дата исчезновения этой категории находок при том, что в другой своей работе он вообще сомневается в убедительности датировок сарматских погребений в Поволжье и Приуралье IV в. до н.э. (Зуев, 2000в. С. 77). Во-вторых, почему ворворки не могли существовать и некоторое время после IV в. до н.э.? Но здесь затрагивается святое для В.Ю. Зуева – хиатус III в. до н.э. Далее абсолютно непонятно, почему бытование железных ножей, оселков и пряслиц на всем протяжении раннесарматской культуры "приводит разработки Клепикова к непреодолимому логическому противоречию" (Зуев, 1999а. С. 322). Указанные категории находок встречаются в кочевнических погребениях от савроматского времени до конца позднесарматской культуры, так что должно из этого следовать? В археологии много примеров длительного существования отдельных типов вещей.

Большинство статей В.Ю. Зуева, вышедших в последнее время, отличает суперкритическое отношение к работам своих коллег. Проявляя постоянную заботу об объективности их доказательств, он нисколько не заботится о прочности собственной доказательной базы. Достаточно всего нескольких штрихов, чтобы показать ущербность одного из основных положений в его концепции о вновь выделенной им прохоровской культуре, датируемой концом II–I в. до н.э. Все доказательство его строится на весьма спорной датировке двух Прохоровских курганов и десятка погребений, которые, по мнению В.Ю. Зуева, обнаруживают сходство с ними по ряду находок (Зуев, 1999б. С. 16, 17). Курган 2 Прохоровского могильника не может быть датирован рубежом II–I вв. до н.э., о чем уже говорилось выше. Что касается кургана № 1, то давно ожидаемая статья В.А. Лившица, появившаяся наконец в 2001 г. (Лившиц, 2001), как нам представляется, не внесла окончательной ясности в вопрос датировки кургана. Высказывания В.А. Лившица в этой статье достаточно противоречивы. На с. 161 он пишет: "Палеографические характеристики прохоровских надписей, судя по опубликованным в работе Ростовцева (Ростовцев, 1918. С. 16. Табл. 1) фотографиям и фотоматериалам, хранящимся в архивном фонде Я.И. Смирнова... не дают возможности определить сколько-нибудь точную дату этих надписей". А на с. 169 мы читаем: "Я считаю возможным датировать надписи на прохоровских фиалах – по палеографическим данным и "псевдопадежной" орфографической форме tsty в первой надписи – II или, скорее, I в. до н.э. Следует при этом учитывать, что сами сосуды могут быть значительно старше пунктирных надписей, начертанных владельцами сосудов. Прохоровские фиалы могли быть изготовлены во II или даже в III в. до н.э., но в курганное погребение, где они были найдены превращенными в конские фалары, фиалы могли быть помещены вряд ли ранее I в. до н.э., скорее всего даже в I в. н.э.".

Из десяти других комплексов, приведенных В.Ю. Зуевым для обозначения фона двум прохоровским курганам, большинство действительно датируется II–I вв. до н.э. Сарматских погребений с чертами раннесарматской культуры этого времени можно выделить гораздо больше (Скрипкин, 2000а. С. 137–149), но это не значит, что сотни других погребений, в вещевой материал которых входят бронзовые зеркала с валиком по краю, мечи с серповидным навершием, колчаны с бронзовыми и железными наконечниками стрел, целый ряд типов керамики должны непременно датироваться тем же временем. Наблюдение за совстречаемостью отдельных типов названных категорий вещей свидетельствует о более длительном их существовании. Выделение в настоящее время раннесарматских комплексов, убедительно датированных II–I вв. до н.э., отсекает более ранний пласт сарматских погребений из числа тех, которые ранее датировались совокупно III–I вв. до н.э.

Подводя итог всему изложенному выше, мы присоединяемся к тем словам, которые были сказаны Л.Т. Яблонским в отношении проблемы исчезновения сарматских памятников III в. до н.э. как результата археологического мифотворчества или несовершенства сравнительно-типологических и хронологических разработок (Яблонский, 1999. С. 41, 42). В.Ю. Зуев, хотя и взял это высказывание Л.Т. Яблонского в качестве эпиграфа к одной из своих статей, но, к сожалению, не внял ему, превратив таким образом в антиэпиграф (Зуев, 2000а. С. 85–104).

Бесспорно, что в изучении раннесарматской культуры достаточно много проблем, число которых с более углубленным ее изучением не сокращается, а увеличивается. Ближайшей задачей является тщательное ее изучение по отдельным регионам с независимыми типологическими и хронологическими разработками, которые можно объективно сравнить между собой. Это позволит на новом уровне перейти к исследованиям обобщающего характера (Мошкова, 2000. С. 101–104).

Такие разработки должны опираться на весь материал каждого из районов, где располагаются памятники раннесарматской культуры, а не на выхваченные из своего контекста отдельные комплексы, которым придается статус эталонных, определяющих специфику того или иного периода или культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение раннесарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Балабанова М.А. Динамика краниологии кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в IV–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000б.

Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.

Васильев В.Н., Сиротин С.В. Ново-Мусинский курган 3 // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. III.

Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э. // Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

Зуев В.Ю. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения проф. Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г. Тез. докл. СПб., 1998а.

Зуев В.Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Матер. междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998б.

Зуев В.Ю. О путях решения "проблемы III в. до н.э." в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999а. № 3.

Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999б.

Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000б.

Зуев В.Ю. К вопросу о выделении памятников III в. до н.э. в Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000в.

Иванова Н.В. Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.

Клепиков В.М. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 1998. Вып. 1.

Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Клепиков В.М. К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000б.

Клепиков В.М. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000в.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Сборник науч. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Азов, 1997.

Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Мещеряков Д.В. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962. № 115.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Д1–10.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М.Г. Сарматская археология в XX в. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. Ижевск, 2000.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Полин С.В., Симоненко А.В. Скифы и сарматы // Донские древности. 1997. Вып. 5.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. № 37.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Отдельный оттиск. Саратов, 1926.

Савельев Н.С. Курганы Биашевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000б.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // УЗСГУ. 1947. Т. XVII. Вып. ист.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78.

Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000б. Вып. 3.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Смирнов К.Ф. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М., 1997.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000а.

Таиров А.Д. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000б.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. 1982. Вып. 170.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в XXI в. н.э. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тез. докл. конф., посв. 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М., 1999.

Яблонский Л.Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.

Petrovszky R. Studien zu römischen Bronzegefässen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 1993. Band 1.

On an Attempt to Modernize the Chronology of Sarmatian Archaeology

A. S. Skripkin, V. M. Klepikov, M. G. Moshkova

Summary

The problem of the 3rd c. BC in Sarmatian archaeology turned to be extremely urgent after the Scythian sites had been re-dated from the 4th–3rd to the 4th c. BC, since the Scythian associations were traditionally interpreted as the base of Savromatian and Sarmatian archaeology. The conclusions suggested by Ukrainian archaeologists on the absence of the Scythian sites dated to the 3rd c. BC in the North Pontic steppes were extrapolated by a St. Petersburg scholar V.Yu. Zuev to the coeval early Sarmatian associations of the Volga and Urals regions. As the main argument V.Yu. Zuev put forward questioned new dates of Prokhorovka mounds, once suggested by him. The scholar simply ignores any facts that contradict his conclusions, or views them from the extremely subjective and incorrect positions. The manner of dispute suggested by the St. Petersburg scholar in his recent works is criticized in the article.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 113–121

ИСТОРИЯ НАУКИ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ: РАБОТЫ АРХИТЕКТОРА М.А. ЩУРУПОВА (1838 г.)

© 2002 г. Н. А. Яковлев

Санкт-Петербург

В 1843 г. произошло крупнейшее событие XIX в. в отечественной археологии – открытие Ф.Г. Солнцевым древних фресок Софийского собора в Киеве. Сенсацией в истории исследований храма стала и находка профессором А.В. Праховым в начале 1880-х годов целого ансамбля мозаик в главном куполе собора и расчистка росписей в крещальне.

Открытие и реставрация фресок и мозаик Софии Киевской отражены в литературе достаточно ярко и подробно. Тем не менее более внимательное прочтение даже ранее известных архивных документов и выявление новых обнаружило ряд нестыковок и неточностей и потребовало кардинально изменить взгляд на историю первого периода изучения собора. Не умаляя заслуг Солнцева и Прахова, мы позволили себе, тем не менее, усомниться в заслуженности их лавров как первооткрывателей, по крайней мере, части древностей собора и попробовали восстановить справедливость по отношению к другому исследователю Софии Киевской – Михаилу Арефьевичу Щурупову[1].

Первое обращение к художественным богатствам Софийского собора произошло в 1810 г. во время историко-археологической экспедиции К.М. Бороздина (Поленов, 1971. С. 62–67; Славина, 1983. С. 40; РНБ ОР. F-IV-204/3). Первым же исследователем Софийского собора по праву считают митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), чье "Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии" (Болховитинов, 1825) стало хрестоматийным. Указав на основные изменения в архитектуре собора, Болховитинов высказал лишь предположения о древнем облике храма. Считалось, что живопись в соборе принадлежит "новейшему времени".

Летом 1837 г. конференц-секретарь Академии художеств В.И. Григорович, возвращаясь из отпуска, осмотрел по поручению Оленина древние храмы Киева. Его внимание привлекли мозаики двух киевских соборов: Софийского и Михайловского в Златоверхом монастыре. Григорович писал, что рисунки, сделанные во время путешествия Бороздина, "не совершенно точные", и предположил, что "снятие верных рисунков с (...) мозаик Софийского собора и Михайловского монастыря было бы не безполезно для истории художеств в России" (Отчет Императорской Академии..., б.г. С. 20). Следствием этого отчета стала программа президента Академии художеств А.Н. Оленина, изложенная в письме министру императорского двора Волконскому от 7 октября 1837 г.: "Находя полезным собирать по возможности изображения всего любопытного по части искусства в России я полагаю: ученика г. Солнцева Щурупова (...) отправить будущей весной в Киев для снятия планов, фасадов, разрезов древнейших церквей тамошних, а равно и для срисовывания (...) старинной живописи и мозаики (...) Григоровичем в рапорте упомянутых" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2204. Л. 11 об.).

А.Н. Оленин стоял тогда у истоков "художественной археологии" (Лисовский, 1978. С. 51). Давно увлекавшийся "древностями", он энергично занимался организацией графической фиксации памятников старины, поручив ее в 1825 г. талантливому "рисовальщику" Ф.Т. Солнцеву. Начиная с 1830 г. Солнцев большую часть времени проводил в поездках по стране, зарисовывая всевозможную церковную утварь, оружие, старинные одежды и т.д. в многочисленных древлехранилищах монастырей, храмов и московских дворцов. Особое внимание художник уделял обмерам памятников древнего зодчества.

Расширение исследований требовало привлечения других художников или подготовки для Ф.Г. Солнцева помощников. В своих воспоминаниях Солнцев пишет, что по его просьбе Оленин в 1834 г. назначил "по моему выбору, учениками двух воспитанников Академии (...) Вольского и Щурупова (...) Оба они были аквалеристы" (Солнцев, 1876. С. 267). Выбор Солнцевым академиста Щурупова был неслучаен. После прохождения первых общеобразовательных курсов мо-

[1] М.А. Щурупов (1815–1901) академик, профессор архитектуры, занимался в основном церковным строительством. Наиболее значительные сооружения: три приходских храма в Петербурге (не сохранились); ансамбль построек Свято-Троицкой Реконьской пустыни и собор Похвалы Богородицы Леушинского монастыря в Новгородской губернии (не сохранился), Воскресенский собор в Токио, Андреевский собор на Афоне. Проектировал памятники, занимался ваянием (в том числе надгробие К.П. Брюллова в Риме).

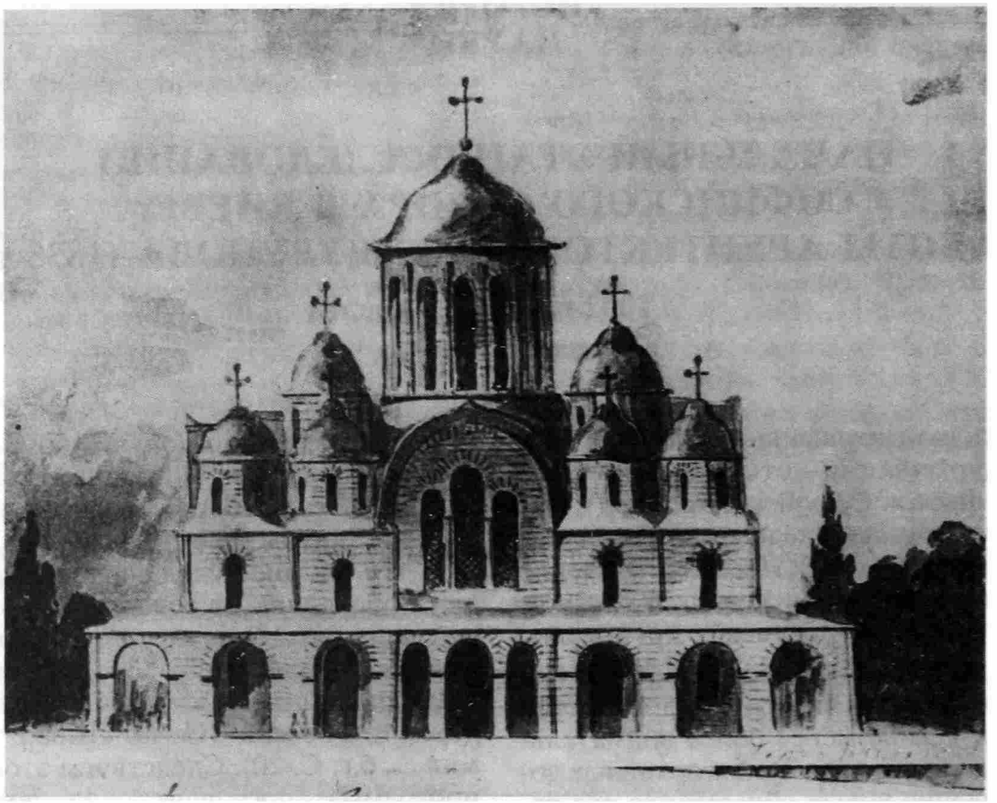

Рис. 1. М.А. Щурупов. Киевский Софийский собор. Эскиз к проекту реставрации. Западный фасад. 1838 г.

лодой человек проявил незаурядные способности. Оленин писал в 1835 г.: "Щурупов оказался наиболее имеющим дарования к рисованию, особенно верному и точному в малейших подробностях, что необходимо при срисовании древностей" (РГИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2215. Л. 26). После окончания Академии Щурупова оставили в классе древностей для усовершенствования, а через два года он был послан в Киев.

3 июня 1838 г. в Киевских губернских ведомостях было напечатано о прибытии из Петербурга чиновника "14 класса Щурупова". В очерке И.Н. Божерянова "Михаил Арефьевич Щурупов", написанном в 1884 г., по всей видимости, со слов зодчего, присутствует его любопытное воспоминание, наверное, единственный "живой" рассказ об этой работе в соборе: "Среди своих занятий Щурупов только раз был оторван он них и напуган даже всемогущим в Киеве генерал-губернатором Бибиковым. (*Он. – Н.Я.*), приехав в храм, заметил художника, стоявшего у самых дверей, который, углубленный в рассматривание кладки стены, не только не поклонился ему, но даже, не замечая генерал-губернатора, не посторонился. Бибиков послал адъютанта узнать фамилию незнакомца, а также спросить почему он не считает долгом кланяться генерал-губернатору. Для объяснения пришлось на другой день ехать художнику лично и дело кончилось тем, что Бибиков приказал хотя изредка бывать у него" (П.П., 1884. С. 412).

В декабре, после напряженной полугодовой работы, Щурупов выехал в Петербург. "Художественная газета" отметила его приезд следующими строками: "Мы ничего еще не можем сообщить о трудах г. Щурупова, возвратившегося недавно из Киева, куда он ездил для собрания археологических снимков и рестаураций. Люди, которые имели случай познакомиться с плодами его путешествия уверяют, что он привез с собою весьма много любопытного" (Художественная летопись, 1838. С. 771).

Нами выявлены документы, отразившие деятельность архитектора в 1838 г. в Киеве. Их можно разделить на две группы: к первой, архивным источникам, относятся рапорты Щурупова и два рисунка Софийского собора, отправленные в Петербург Оленину 17 июня и 6 августа (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2204; РНБ ОР. Ф. 575. Д. 510) (рис. 1, 2), "Счет художника 14 кл. М. Щурупова издержанных денег на открытие древнего вида Киево-Софийского собора и на материалы для рисунков с 1 июня по 1 декабря 1838 года" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2472), и несколько архивных документов непосредственно о поездке в Киев. Ко второй категории относятся ряд упоминаний об этой командировке в печатных источниках 1839–1840 гг.

В первом пункте "Счета художника 14 кл. М. Щурупова" значится: "Вынуто земли рвами в нескольких местах церковной Киево-Софийской ограды, в которых отыскано две мраморные ко-

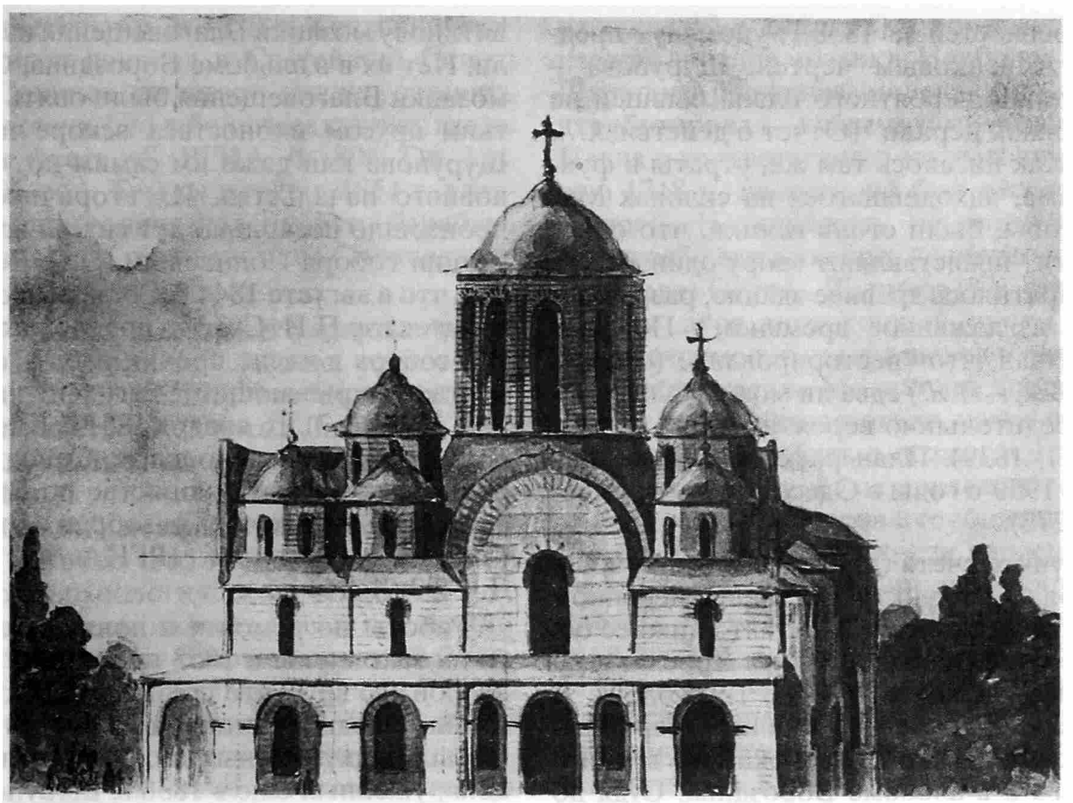

Рис. 2. М.А. Щурупов. Киевский Софийский собор. Эскиз к проекту реставрации. Южный фасад. 1838 г.

лонны, две капители, камни с высечкою карнизов и древних рам из мрамора и поставить сии камни в приличное место. 340 руб.". Об этих работах Щурупов писал в рапорте Оленину 6 августа 1838 г.: "Мною найдены в земле мраморные значительной величины камни с высечкою карниза и в оных украшения характера гробницы Ярослава и отрезок четвертой колонны. Все сии памятники древнего зодчества по моему предложению вынуты из земли и ключарем собора отыскано для сохранения их место в кладовой". (Щурупов имел в виду помещение крещальни – пристройки в юго-западном углу собора, к тому времени заброшенной и превращенной в кладовую.) В отчете Академии художеств за 1838–1839 гг. отмечалось: "Художник Щурупов, посланный в Киев (...) отыскал древние украшения и некоторые обломки мраморных частей" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2476. Л. 16). Мраморы, найденные Щуруповым, пролежали в крещальне Софии Киевской 60 лет, пока на их "особенную важность" не указал на Харьковском археологическом съезде 1902 г. Д.В. Айналов, занимавшийся проектом восстановления западного портика собора (Айналов, 1905. С. 7). Среди перечисленных им фрагментов – колонны, капители, остатки от облицовки арки (скорее всего, по Щурупову это – "камни с высечкою карнизов и древних рам"), т.е. те самые, упомянутые в "счете". В 1880-е годы к мраморам, найденным в раскопках 1838 г., были присоединены и сложены в крещальню обломки древнего декоративного убранства, собранные во время земляных работ по устройству отопления собора. Уже в наше время М.К. Каргер отмечал большое значение вмешательства А.В. Прахова, озабоченного "сохранением этих драгоценных фрагментов" (Каргер, 1961. С. 184). Не преуменьшая роли Прахова и Айналова в сбережении и исследовании мраморов Софии Киевской, следует помнить, что именно Щурупов первым обнаружил и сохранил фрагменты древнего каменного убранства собора. Находка Щуруповым древних мраморов вблизи Софийского собора не осталось незамеченной современными исследователями, не придавшими, правда, этому факту большого значения. (См.: Нельговский, 1973. С. 57).

Щурупов проводил раскопки не только в усадьбе собора. Он принял участие в работах близ Михайловского Златоверхого монастыря. Найденные здесь А.С. Анненковым остатки фундаментов и четырехугольного столба с фрагментами фресковой живописи отождествлялись с церковью Дмитрия Солунского. В отчете в Петербург от 6 августа Щурупов писал, что Анненков не смог выдержать прямую линию раскопа и, уклонившись тем самым от стены храма, не нашел далее ничего, кроме "нескольких слоев древнего мусора". Приглашенный Иннокентием, епископом Чигиринским, продолжить работу Щурупов сделал новые рвы, вскрыл полностью фундаменты храма и снял "вчерне" план. Действительно, в отчете Временного комитета для

изыскания древностей за 1838 г. упомянут представленный Анненковым чертеж Щурупова – "опыт начертания вероятного плана бывшей на сем месте древней церкви" (Отчет о действиях..., 1839. С. 73). Как писалось там же, утраты в фундаментах храма, находившегося на склонах Михайловской горы, были столь велики, что они в большей части "представляют взору один мусор, в который обратилось древнее здание, разрушенное и почти изглаженное временем". Поэтому Комитет признал, что "реставрирование (*сделанное Щуруповым. – Н.Я.*) едва ли может быть произведено с убедительною вероятностию" (Отчет о действиях..., 1839). План раскопанной церкви был найден в 1950-е годы в Одесском музее (Каргер, 1961. С. 272).

В пятом пункте счета (для логики повествования мы располагаем пункты сметы в измененном порядке) Щурупов записал: "Открыто нижнее основание гробницы Великого Князя Ярослава, на разобрание пола и заделку онаго 12 рублей". В начале XIX в. нижняя часть гробницы (саркофага) была закрыта. Такой она показана в книге Болховитинова и в альбоме Бороздина. Судя по словам Щурупова, он, заинтересовавшись уходившей глубоко под пол гробницей, вскрыл пол, исследовал и, по-видимому, зарисовал ее, а затем восстановил все в прежнее состояние. В приложении к шестой тетради "Галереи Киевских достопримечательных видов и древностей" Н. Сементовского, изданной в 1859 г., есть рисунок гробницы. Ее основание по-прежнему закрыто, но теперь уже новыми чугунными плитами, уложенными в соборе при реставрации 1843–1853 гг. В этот период пол вскрывался еще раз, так как в "Древностях Российского государства" (1871) подготовленных к изданию Солнцевым, гробница великого князя показана полностью.

В четвертом пункте сметы работ Щурупов писал: "Открыта за иконостасом мозаичная картина благовещения. Для удобного срисовывания требовалось разобрать иконостас. 85 руб.". Речь идет о двух мозаиках с сюжетом Благовещения на восточной паре столбов центрального подкупольного барабана. В академическом отчете за 1838–1839 гг. в перечне сделанного Щуруповым в Киеве отмечено: "открыл некоторые давно забытые (*мозаики. – Н.Я.*), которые были закрыты иконостасом" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2476. Л. 16). Эта работа имеет подтверждение и у М.А. Максимовича. Он написал в "Киевлянине" (1840): "Кроме того, в алтаре открыты в прошлом году еще две древние мозаические картины, заслоненные иконостасом: на одной изображена Пречистая Дева, прядущая веретеном, а на другой благовествующий Архангел Гавриил" (Максимович, 1877. С. 109, 110). Следует учесть, что текст "Обозрения старого Киева" подписан 1839 г., т.е. "в прошлом году" – это 1838 г. Болховитинову мозаики Благовещения известны не были. Нет их в в альбоме Бороздина. Судя по всему, мозаики Благовещения были опять закрыты третьим ярусом иконостаса вскоре после отъезда Щурупова или даже им самим по указанию церковного начальства. Их вторичное "открытие" произошло несколько лет спустя во время реставрации собора Солнцевым. П.Г. Лебединцев писал, что в августе 1844 г. Солнцев и епархиальный архитектор П.И. Спарро предложили после осмотра собора в числе прочих работ "опустить иконостас, закрывающий Благовещение" (Лебединцев, 1879. С. 7). 16 января 1851 г. Киевский митрополит Филарет доносил в Синод: "Исправлен древний соборный иконостас по Высочайше утвержденному рисунку, разобран и отбит от обветшавшей штукатурки" (РГИА. Ф. 796. Оп. 124. Д. 1433. Л. 244 об.).

Работы по ремонту и понижению иконостаса были закончены к 1853 г., а в 1888 г. был снят и второй его ярус, что полностью открыло весь ансамбль мозаик в алтаре и на восточной паре крещатых подкупольных пилонов; мозаик, впервые обнаруженных еще в 1838 г. Щуруповым.

В третьем пункте счета Щурупов писал: "В главном куполе церкви открыто древнее мозаическое изображение головы Спасителя, Ангела, Апостола Петра и Андрея, для удобного срисования устроены были леса. 70 руб.". О существовании когда-то мозаик в куполе и барабане центральной главы было известно давно. П.А. Пушкарев упомянул (Л-в П., 1884. С. 163) самое раннее свидетельство – антиохийского патриарха Иоакима, видевшего в 1653 г. мозаики в куполе – изображения Господа-Вседержителя с ангелами и 12 апостолов. Болховитинов, считая, что разрушенная Батыем центральная глава была восстановлена лишь в XVII в. Петром Могилой, даже не предлагал под куполом древних мозаик. В 1854 г. протоиерей И. Скворцов писал: "В самом верху купола среднего, как приметили бывшие там близко, был образ Господа Еммануила (...), а ниже его четыре большие Ангела. Между 12-ю окнами, вероятно, было тоже самое, как и ныне, т.е. 12 Апостолов, только все это в древности было из мозаики" (Скворцов, 1854. С. 16). По словам Лашкарева, с пола собора разглядеть поверхность купола было трудно. Примерно такое же описание, как и Скворцов, дал в 1856 г. С.П. Крыжановский: "В куполе (...) почти вся мозаика осыпалась, остались только небольшие остатки ее и следы, образовавшиеся отпадением мозаической массы и камешков. По этим остаткам и следам можно заметить, что прежде мусиею (...) изображен был Иисус Христос в исполинском размере, а по сторонам его стояли 4 ангела" (Крыжановский, 1856. С. 235).

Интересно, что Солнцеву, так обстоятельно исследовавшему собор, мозаики главного купола

остались неизвестными. В 1849 г. Киевский митрополит Филарет доносил в Святейший Синод: "Академик Солнцев полагает также оставить прежнюю живопись (...) в большом куполе, где не было древних фресков" (РГИА. Ф. 896. Оп. 124. Д. 1433. Л. 206 об.). Тем не менее в 1851 г. главный купол и внутренняя поверхность барабана были расписаны под руководством Солнцева заново.

Летом 1884 г. во время очистки живописи в соборе А.В. Прахов, воспользовавшись устроенными до самого верха лесами, исследовал подкупольное пространство. Как писал Лашкарев, "его просвещенный и опытный глаз привел к предположению" (Л-в П., 1884. С. 164), что под слоем масла "скрывается" мозаика, что и подтвердила промывка. В декабре 1885 г. Прахов докладывал в Московском археологическом обществе, что ему "посчастливилось открыть новые и, конечно, последние мозаики в св. Софии Киевской: Христа, Ангела и ап. Павла в главном куполе" (Прахов, 1887. С. 5, 7). Уже в наши дни Г.И. Вздорнов отмечал: "Открытие новых мозаик имело первостепенное научное значение, поскольку теперь окончательно определился весь фонд уцелевших мозаик. (*Они. – Н.Я.*) произвели сильнейшее впечатление на современников, интересовавшихся искусством Древней Руси" (Вздорнов, 1986. С. 134).

Так что же открыл Щурупов в 1838 г.? Его собственноручная запись в "счете" об устройстве лесов "для удобного срисования" однозначно свидетельствует, что Щурупов смог подняться под самые своды и действительно установил наличие древних мозаик под куполом. Это подтверждается и перечнем открытых мозаик – Спасителя, Ангела, апостолов Петра и Андрея. Разночтение в именах апостолов с сохранившимися и вторично обнаруженными в 1884 г. мозаиками не опровергает открытия Щурупова. Судя по всему он не расчищал полностью подкупольное пространство и даже не ставил вопрос об этом, так как основной целью его работы в Киеве было восстановление древнего облика Софии Киевской. Как зодчий, Щурупов интересовался в первую очередь архитектурой собора. Исследуя сохранность древних стен и проводя для этого зондаж, в том числе и главного купола, Щурупов скорее всего случайно наткнулся на фрагменты мозаики (хотя можно предположить, что острый глаз молодого человека уже с пола увидел что-то, подвигнувшее его на строительство лесов). Благодаря выборочным расчисткам Щурупов установил, что сохранилось конкретно – образ Спасителя в центре, мозаика Ангела под ним и изображения двух апостолов между окнами. Причем ошибка в определении числа апостолов и в их именах может быть объяснена следующим образом. В 1838 г. внутреннюю поверхность барабана покрывала масляная живопись, описанная Болховитиновым (изображения 12 апостолов) и композиционно повторявшая древние мозаики. Наиболее вероятно, что Щурупов, расчищая маленькими фрагментами, атрибутировал найденную мозаику апостола Павла в соответствии с закрывавшей ее живописью 1718 г., на которой был изображен апостол Андрей. Наткнувшись на мозаичную надпись "Петрос", единственно уцелевшую от мозаики апостола Петра, Щурупов не стал расчищать дальше этот межоконный проем и несколько преждевременно сделал вывод о сохранности всего изображения. Можно предположить, что в 1838 г. еще существовали какие-то фрагменты этой мозаики, сбитые позже, в 1850-х годах во время живописного поновления собора. Любопытно, что и Лашкарев в сообщении об открытии Прахова перечисляет среди найденных мозаик – "в пролетах меж окнами два апостола" (Л-в П., 1884. С. 164). О надписи "Петрос", сохранившейся к концу XIX в., упомянул в докладе в 1885 г. сам Прахов (Прахов, 1887. С. 7); в середине XX в. этой надписи уже не было (Белецкий, 1960. С. 188). Во втором пункте счета записано: "Открыто 8 древних куполов Киевского Софийского собора, на отбивку штукатурки и устройство лесов (...) 60 руб.". Эта работа была только частью исследования древней архитектуры собора, которое Щурупов начал сразу по приезде в Киев. Анализируя кладку стен, он установил прежде всего "разнохарактерность" отдельных частей собора, то, что его древние стены "находятся так сказать защищенными от наружных взоров вновь выведенными пристройками в разные времена". В рапорте Оленину от 17 июня он писал: "Еще желание мое было усмотреть в самом строении, что именно Батый разрушил и что уцелело от его корысти". Получив разрешение работать под кровлей, Щурупов обнаружил "шесть древних малых куполов". Древность глав была подтверждена следующим образом. Отбивая в отдельных местах стен штукатурку, "даже у самого верхнего карниза", Щурупов установил, что кладка древнейшей части собора идентична кладке центрального и малых куполов. Открытие опровергало мнение Болховитинова, считавшего, что от Батыева разорения и непогоды собор "лишился всей верхней части своего здания" (Болховитинов, 1825. С. 32). Не был известен митрополиту и внешний облик Софийского собора – "сколько с начала над храмом было куполов" (Болховитинов, 1825. С. 41). Щурупов высказал догадку, что предание о разрушении Батыем верхней части собора основывалось на снятии татарами только золоченых листов кровли. Можно предположить, что Щурупов не "афишировал" свои открытия, так как, например, Максимовичу обнаружение малых куполов осталось неизвестным. Однако анализ разреза Софийского собора, вычерченного Ивановым для альбома Бороздина (опубликован, напр.: Кре-

сальный, 1960. С. 42, 43), позволяет предположить, что для его выполнения художник должен был обследовать чердачные помещения, а, следовательно, и обнаружить малые купола под кровлей.

Продолжая исследования стен собора и сравнивая их кладку с кладкой Золотых ворот и церкви св. Ирины, Щурупов пришел к выводу, что строители Древней Руси не штукатурили здания. Тщательность работы на требовала этого. Кроме того, внимательный анализ кладки стен, сводов и куполов Софии Киевской позволил ему определить последовательность пристроек к самому древнему ядру собора. Это дало возможность Щурупову составить первый в истории исследований Софии Киевской проект ее реставрации. Главным методом, которым пользовался Щурупов в своей работе, было освобождение стен от позднейших наслоений и зондаж кладки. Полвека спустя именно этот метод начал успешно применять Лашкарев (Славина, 1983. С. 91). Тщательный анализ кладки здания и сейчас основа реставрации, археологических и историко-архитектурных исследований.

Пять лет спустя после работ Щурупова в Киеве и малые купола Софии были "открыты" заново Солнцевым. Он писал в рапорте министру императорского двора В.Ф. Адлербергу 20 июня 1857 г.: "Я тщательно осматривал Софийский собор (*в 1843 г. – Н.Я.*) и нашел под новою крышею старые купола" (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 209. Ч. 3. Л. 59). В 1844 г. после осмотра собора Солнцев вместе с епархиальным архитектором Спарро предложили понизить крышу, открыть тем самым шесть малых куполов и растесать в них ранее заложенные окна. О нахождении малых куполов под кровлей стало широко известно. О них писал Н. Сементовский: "Весьма старинные древние куполы (...) находятся под крышею (...) Еще в 1850 г. видел я эти остатки древности" (Сементовский, 1852. С. 123), позже Н.В. Закревский в своем "описании Киева" и другие. О работах же, проведенных в 1838 г. Щуруповым, не знал ни один из этих авторов. Сведения о возможной находке куполов нам неизвестны. Малые купола были открыты при частичном понижении кровли только в конце 1880-х годов, тогда же в них были восстановлены оконные проемы.

Выше было упомянуто о составлении Щуруповым первого в истории его изучения проекта реставрации Софийского собора. В рапорте Оленину от 6 августа архитектор писал: "Занятие мое при Софийском соборе продолжается (...) отыскиванием древнего вида храма". Результатом этих поисков были многочисленные рисунки, ставшие основой для воссоздания его древнего вида. Представленные Оленину вместе с отчетом о командировке, они были оценены достаточно высоко. В отчете Академии художеств за 1838–1839 гг. после перечисления сделанного Щурупо-

вым в Киеве говорилось: "но что всего важнее: открыл какие именно изменения потерпело это здание в течение восьмивекового своего существования, так что он получил возможность возобновить эту церковь в чертежах в том виде, в каком она быть могла при Ярославе" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2476. Л. 16 об.). Вместе с копией одной из мозаик собора и рисунком его внешнего вида Щурупов показал проект реставрации на академической выставке 1839 г. Представленное было очень благожелательно принято критикой. Корреспондент "Художественной газеты" писал: "Прекрасная реставрация Киево-Софийского собора знакомит любителя с тем периодом отечественного зодчества, когда оно находилось в младенчестве, и не имея еще определенного характера, ходило на помочах своего первого наставника – Византии. Мозаики (*скопированные Щуруповым. – Н.Я.*) принадлежали к числу немногих, сохранившихся образцов, напоминающих художество Византийское. После этого излишне говорить, что труды г. Щурупова заслуживают полного внимания любителя древностей" (Взгляд на выставку..., 1840. С. 32). Журнал Министерства народного просвещения отмечал в "копии с древней мозаики (...) терпение и совершенно точное подражание подлиннику" (Выставка в Академии..., 1840. С. 86). "Библиотека для чтения" поднимала шкалу оценки еще выше: "Труд огромный важный, о предмете родном, отечественном, интересном для нашей истории" (Успехи архитектуры..., 1840. С. 140). Рисунки Щурупова были удостоены и Высочайшей награды: показанные Министром двора, Николаю I они понравились, и их автор получил бриллиантовый перстень в 1500 рублей.

К сожалению, рисунки, представленные на выставке, и почти все эскизы, привезенные из Киева (только Оленину был представлен 31 рисунок), не найдены до сих пор (о "длительных поисках в различных местах", не увенчавшихся успехом, писал Каргер (Каргер, 1961. С. 271); поиски, предпринятые нами, также пока не дали результатов). В РГИА сохранились две акварели с проектом реставрации западного и южного (надпись под вторым неточная "Norte") фасадов собора (эскизы). Рисунки не подписаны. Но, учитывая, что они приложены к рапортам Щурупова Оленину, а под одним из них стоит надпись – "Киев 1838 июнь", можно с уверенностью признать их автором Щурупова. Насколько известно, летом 1838 г. только он занимался исследованиями Софийского собора и мог прислать подобные рисунки в Академию художеств. Сравнивая их с целым рядом конструкций фасадов древней Софии, сделанных учеными XX в. (Кресальный, 1960. С. 221–234) на основе длительного и всестороннего изучения ее архитектуры, отметим следующее. Щурупов совершенно правильно выделил основное ядро собора на первом этапе его строительст-

ва, как пятинефную конструкцию, увенчанную тринадцатью куполами. Также правильно он установил наличие открытой одноэтажной галереи, окружавшей собор с трех сторон (кроме восточной) и первоначальное отсутствие северной и южной башен для выхода на хоры[2].

Целый ряд воссозданных Щуруповым элементов конструкции храма или его декора не нашли подтверждения у современных исследователей. В частности, гигантское тройное окно центрального нефа на западном фасаде, килевидное завершение закомары, купола "со скуфейками" (Каргер, 1961. С. 122) и некоторые другие. Причины ошибок в проекте реставрации Щурупова очевидны, и можно, наоборот, только поразиться – какую грандиозную работу выполнил он один, без помощников, достаточно детально исследовав громадное здание за короткий летний сезон.

Воссоздание фасадов Софийского собора в проекте Щурупова было первым подобным опытом в истории изучения храма и в корне отличалась от большинства других реставраций периода "художественной археологии". Их основной метод – метод вольной стилизации, предлагал возобновление утрат или реконструкцию несуществующего вообще здания "во вкусе" данной постройки или архитектуры времени ее создания. Лишь в 1840-е годы в проектах, выполненных с большей долей творческой фантазии, все сильнее начинает присутствовать элемент научного обоснования тех или иных архитектурных форм. Считается, что вершиной "археологического" подхода к реконструируемому объекту стали работы С.А. Иванова. Его реставрации конца 1840-х – середины 1850-х годов явились "первыми отечественными научно обоснованными реконструкциями, в которых элемент догадки базировался не на субъективном понимании гармонической "сути" того или иного памятника, а на натурном изучении и фиксации" (Нащокина, 1988. С. 205). Проект реставрации Софийского собора, опиравшийся на те же методы, был выполнен Щуруповым по крайней мере на 10 лет раньше.

По непонятным причинам эта работа была забыта. Общепринято стало считать, что автором первого проекта реставрации Софийского собора являлся Солнцев. "Реконструкция Солнцева, несмотря на все ее несовершенство, имела все же несомненно крупное научное значение, представляло первую попытку графического осмысления первоначального архитектурного образа храма. (*Она. – Н.Я.*) толкнула научную мысль вперед, к дальнейшей разработке архитектурный теории памятника" (Каргер, 1961. С. 122). Подобные слова можно найти в целом ряде исследований, посвященных архитектуре древнего Киева или конкретно Софийскому собору.

В 1885 г. Прахов сообщил в Императорском Московском археологическом обществе об очистке им древних фресок в крещальне Софийского собора. Об этом событии Вздорнов пишет следующее: "Прахов расчистил живопись крещальни (...), обнаруженную годом раньше (*в 1881 г. – Н.Я.*) при архитектурной реставрации паперти. Здесь, наряду с плохо уцелевшими изображениями сорока севастийских мучеников и святителей, открылась композиция "Крещение" (Вздорнов, 1986. С. 135). Слова об обнаруженных в 1881 г. фресках не совсем точны, так как они были известны и ранее. Лебединцев писал о предложении, высказанном еще в 1844 г. Солнцевым и Спарро, "открыть извнутри собора древнюю живопись" (Лебединцев, 1879. С. 7), которая была найдена на стенах и на своде в кладовой (см. выше), находящейся с западной стороны левого входа в собор. Фрески предлагалось "исправить или добавить, что повреждено" (Лебединцев, 1879. С. 7). Об этих же фресках писали Скворцов в 1854 г. (Скворцов, 1854. С. 12) и "Киевские епархиальные ведомости" в 1862 г. (О наружности..., 1862. С. 212). Таким образом наличие уцелевших древних фресок было известно достаточно широко. И тем не менее Н. Окунев, обстоятельно исследовавший крещальню в начале XX в., повторил еще раз версию об обнаружении живописи только в 1881 г. (Окунев, 1915. С. 113, 116). Однако ни одному из вышеперечисленных исследователей не был известен рапорт, посланный Щуруповым Оленину 6 августа 1838 г., с самым ранним из известных упоминаний о сохранившейся древней живописи Софийского собора. Щурупов писал: "В кладовой недавно открыл альфресковую живопись с изображением 40 мучеников, Крещения Иисуса Христа, Иоанна Богослова от времени едва сделались приметными черты сих святых". Это дает нам повод считать, что знаменитые фрески Софии Киевской были открыты не в 1843 г. Солнцевым, а на 5 лет раньше – молодым выпускником Академии художеств Михаилом Арефьевичем Щуруповым. Любопытно подтверждение этого, которое находится в путеводителе Сементовского "Киев, его святыни, древности, достопамятности" (Киев, 1864). В нем автор привел "летопись Киева" с расположенным в хронологическом порядке перечнем наиболее важных событий в жизни города. Под 1839 г. значится "первоначальное открытие в Софийском соборе древних фресок". Что имел в виду Сементовский, если учесть, что 1843 г. он вообще не указал в "летописи" как официальную дату первых расчисток Солнцева?

Следует сказать еще несколько слов, уточняющих общепринятую историю открытия фресок,

[2] Отметим, что реконструкция первоначального облика Софийского собора – проблема, не решенная до конца по сей день. Сегодня преобладает мнение, что собор строился не в два этапа, а по единому плану; это делает ошибки в реставрации Щурупова существенными; о современных мнениях по архитектуре собора см., напр.: Высоцкий, 1989. С. 24, 25.

в которой честь их открытия приписывается Солнцеву. Основывается она исключительно на воспоминаниях художника. Солнцев писал: "Еще в первую поездку в Киев (*весной 1843 г. – Н.Я.*) заметил в куполах под крышею живопись, которая показалась мне очень древнею, и немедленно сообщил об этом митрополиту (...) стал заниматься в соборе и сделал в нем чрезвычайно любопытные археологические открытия" (Солнцев, 1876. С. 287). Как следует из архивных документов, первая поездка Солнцева в Киев состоялась в апреле "по случаю предположенного возобновления живописи в соборной церкви Киево-Печерской лавры" (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2756. Л. 1). Вторая командировка была летом. 18 июня он прибыл в Киев, а через полтора месяца вернулся в Петербург. В рапорте от 22 июня он впервые упомянул Софийский собор: "Приступил к срисовыванию русских древностей, хранящихся в Софийском соборе Киево-Печерской лавре и других церквах" (РГИА. Ф. 472. Оп. 17. Д. 11. Л. 7 об.). В очередном рапорте Волконскому, написанном после возвращения, 10 августа, Солнцев доложил только об исправлении живописи в лавре. Ознакомившись по докладу Министра двора с результатами поездки художника, Николай I приказал вновь командировать его для работы в лаврском Успенском соборе. Кроме того, он пожелал услышать отчет Солнцева в Киеве, во время своего предстоящего визита на юг в сентябре. В одной из автобиографий (дата не установлена) Солнцев написал о том, что, ожидая Николая I, он рисовал фасады и разрезы собора, его мозаики и древности. На встрече с императором он "осмелился показать ему, что быв на чердаках собора нашел в закрытых крышею 13 куполах древнюю живопись и везде в других местах, и что она покрыта щекотуркой, которую можно отбить" (ИРЛИ РАН. РО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 19. Л. 8 об.). Известно, что встреча состоялась 19 сентября. На ней Солнцев представил свою первую записку о плачевном состоянии живописи Софийского собора и ее исправлении. Он предлагал "очистить где можно штукатурку, покрывающую в некоторых приделах древнюю живопись Альфреско, (*которую. – Н.Я.*) по возможности возобновить" (РГИА. Ф. 796. Оп. 124. Д. 1433. Л. 2 об.). Так на самом высоком уровне было доложено о существовании росписей XI в., что повлекло за собой "Высочайший" интерес к этому предмету, создание Комитета, печально знаменитую солнцевскую реставрацию фресок, долгую и запутанную историю издания увража, посвященного древностям Софийского собора, их повторную реставрацию, т.е. достаточно известные события, которые не являются уже предметом нашего исследования.

Таким образом, можно предположить, что в 1843 г. фрески были "найдены" между приездом Солнцева в августе в Киев и встречей его с Николаем I в сентябре, а не весной, как писал Солнцев в воспоминаниях. Но им ли была найдена живопись и где? 2 ноября 1843 г., т.е. по свежим следам, в "Северной пчеле" была опубликована корреспонденция Крыжановского о находках в соборе. Местом, где были обнаружены фрески, автор называл Антониево-Феодосийский придел, причем утверждал, что существование их было давно известно, а по-настоящему "открыли" ее лишь когда ключарь собора Тимофей Сухобрусов обратился за помощью к Солнцеву. С теми или иными вариациями эта версия была повторена Скворцовым (1854), Закревским (1868) и Сементовским в 1864 г. Причем последние двое настаивали, что "честь открытия принадлежит ключарю собора (...) который ранее еще (...) был вполне убежден, что такое письмо находится во всем храме. Мысль свою (*он. – Н.Я.*) сообщал многим посетителям храма" (Сементовский, 1864. С. 98). По Закревскому "Солнцев (*согласился с. – Н.Я.*) мнением, выраженным давно уже и другими знатоками, что под слоями извести должны находиться фрески". (Закревский, 1868. С. 806). Сементовский был одним из первых, кто критически отнесся к "реставрации" Солнцева и совершенно справедливо отнял у последнего лавры открытия древней живописи Софийского собора. Он предложил вычеркнуть фамилию Солнцева из торжественной надписи о возобновлении собора, помещенной в 1851 г., внутри, над аркой, и заменить фамилией Сухобрусова. Тем не менее даже после таких публикаций Солнцев настаивал в "Воспоминаниях" на своем приоритете. В 1879 г., через три года после их выхода, Лебединцев поправил Солнцева, указав, что в куполах под крышею на было древней живописи, а древние фрески были обнаружены Сухобрусовым в приделе преподобных Антония и Феодосия (Лебединцев, 1879. С. 1, 2).

Так кто же истинный первооткрыватель древностей Софийского собора? Сухобрусов, который показывал любопытствующим проезжим древние лики, "выглядывавшие" из-за грязной побелки, или Солнцев, который не только заинтересовался тем, что представил ему Сухобрусов, но и принялся за обследование живописи. А может быть, все-таки Щурупов? Будучи командированным в Киев, т.е. находясь на службе, он, как и положено, доложил своему начальству – Оленину, о своих открытиях: мозаиках, росписях и древних куполах. Причина, по которой горячо любящий старину Оленин не обратил внимание на рапорты Щурупова, нам не ясна[3].

В 1840 г. Щурупов уехал в Италию. Первой целью своей пенсионерской поездки он, окрыленный успехом на академической выставке 1839 г.,

[3] Нами найдено только два рапорта Щурупова в Академии художеств. Вполне вероятно, что их было больше, и в одном из них Щурупов писал о фресках, показанных ему Сухобрусовым.

называл ознакомление со знаменитыми мозаиками Равенны. Судьбе было угодно, чтобы он провел в Италии не 6 лет, как обычно пенсионеры Академии художеств, а целых 16. Оказавшись снова в России, он никогда не возвращался в своем творчестве к реставрации древних памятников. Работы Щурупова в Киеве в 1838 г. были забыты, но в некоторых его некрологах ("Исторический вестник", "Петербургский листок") было напечатано: "В последние годы жизни принимал участие в реставрации Киево-Софийского собора". Подтверждения этому нами не найдено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айналов Д.В. Мраморы и инкрустации Киевского Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. 3. М., 1905.

Белецкий А.А. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Лазарев В.Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

Болховитинов Е. Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825.

Взгляд на выставку художественных произведений 1839 г. // Художественная газета. 1840. № 1.

Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986.

Высоцкий С.А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989.

Выставка в Академии художеств 1839 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 25. Отд. II.

Закревский Н. Описание Киева. Т. 2. М., 1868.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961.

Кресальный Н.И. Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1960.

Крыжановский С. Киевские мозаики // Записки Императорского археологического общества. 1856. Т. VIII.

Л-в П. Открытие мозаик в главном куполе Киево-Софийского собора // Киевская старина. 1884. Т. 10.

Лебединцев П. Возобновление Киево-Софийского собора в 1843–1853 гг. Киев, 1879.

Лисовский В.Г. Из истории "художественной археологии" в России // Проблемы развития русского искусства. Сборник трудов Института им. И.Е. Репина. Вып. X. Л., 1978.

Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. 2. Киев, 1877.

Нащокина М.В. К истории русской академической школы первой половины XIX в. (Архитектурные "реставрации" античных памятников) // Советское искусствознание. 1988. № 24.

Нельговский Ю.А. Мраморы Софии Киевской // София Киевская. Материалы исследований. Киев, 1973.

О наружности К. Софийского собора в древнем его виде // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 7.

Окунев Н. Крещальня Софийского собора в Киеве // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. X. Пг., 1915.

Отчет Императорской Академии художеств за 1836–1837 гг., б.г.

Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1839. Ч. 21. Отд. III.

Поленов Д.В. Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России, с гг. Ермолаевым и Ивановым, в 1809–1810 годах // Труды I археологического съезда в Москве, 1869. Т. 1. Приложения. М., 1871.

П.П. Михаил Арефьевич Щурупов, профессор архитектуры // Русская старина. 1884. Т. XLII.

Прахов А.В. Киевские памятники византийско-русского искусства // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. 1887. Т. 11. Вып. 3.

Сементовский Н. Киев и его достопамятности. Киев, 1852.

Сементовский Н. Киев, его святыни, древности, достопамятности. Киев, 1864.

Скворцов И. Описание Киево-Софийского собора по обновлении его в 1843–1853 гг. Киев, 1854.

Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983.

Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. XVI.

Успехи архитектуры в России в последнее трехлетие // Библиотека для чтения. 1840. Т. 38. Раздел III.

Художественная летопись // Художественная газета. 1838. № 19–24.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 122–136

ПУБЛИКАЦИИ

КУРГАНЫ С СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ ЧУЧЕЛ КОНЕЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

© 2002 г. В. А. Могильников

Институт археологии РАН, Москва

Погребальный ритуал, как известно, является важнейшим показателм этнокультурной принадлежности и широко используется при проведении этнических реконструкций. В указанном регионе на верхнем Алее при исследовании археологических памятников в зоне Гилевского водохранилища в 1971–76 гг. нами были выявлены четыре типа подкурганных захоронений конца VIII–первой половины XI в. Это – ингумации в сопровождении головы и конечностей (чучела или шкуры коня); ингумации в сопровождении целого остова коня; ингумации без конских останков; захоронения на уровне древнего горизонта или в неглубоких ямах останков кремации, совершенной вне места погребения. При этом конструкции насыпей у разных типов погребений различались. Основная цель данной статьи – публикация материала курганов, содержавших останки трупоположений в сопровождении головы и конечностей коней (чучела или шкуры) и определение их места среди кочевнических древностей юга Западной Сибириконца I тыс. н.э. Забегая вперед, отметим, что в рассматриваемом нами регионе верхнего Алея погребения с сопроводительными захоронениями головы и конечностей коня, частично сосуществуя с другими отмеченными выше типами захоронений, в то же время являются более ранними по отношению к основной массе погребений с целым остовом коня и трупосожжениями, что видно из рассмотренной ниже планиграфии некрополей.

Среди исследованных нами памятников на верхнем Алее погребения с костями головы и конечностей коня достоверно обнаружены в трех курганах: Гилево V, курганы 5, 6 и Корболиха VII, курган 1. Кроме того, возможно, к этому же типу относились курганы Гилево XI, курганы 1, 2, Гилево XII, курган 4, Корболиха X, курган 5, но из-за их сильной разграбленности говорить об этом уверенно нельзя, вследствие чего эти курганы здесь не рассматриваются.

Курганы 5, 6 Гилево V занимали наиболее возвышенную часть могильника Гилево I–V (памятник насчитывал 42 кургана, вытянутых в общем направлении С–Ю вдоль гребня мыса, цепью, подразделявшейся на пять неравных отрезков, пронумерованных римскими цифрами I–V). при этом доминирующее положение занимал курган 5, самый крупный в некрополе и стоящий на наиболее высоком месте. Отсюда открывался широкий вид на пойму Алея вверх и вниз по течению. Вероятно, отсюда же, с кургана 5 начинался этот некрополь. Насыпи курганов земляные. В некоторых из них попадались отдельные камни или камни образовывали подобие несомкнутых выкладок в один ряд рваного камня.

Курган 5 с округлой земляной насыпью диаметром 20 м, высотой 0.65 м, в центре – грабительская воронка 7 × 0.53 м (рис. 1). Под центром – подпрямоугольная могильная яма 4.6 × 3.15 м, глубиной в материке 0.6 м, 0.9 м от уровня погребенной почвы, с почти вертикальными стенками, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ (рис. 2). Выкид в виде прослойки суглинка располагался на древнем горизонте вокруг могильной ямы, имея наибольшую толщину до 0.3 м с северной стороны. Яма была перекрыта продольным бревенчатым накатом, опиравшимся на слеги, уложенные поперек могилы. Из-за сильного разграбления точно определить конструкцию перекрытия, как и детали устройства захоронения, невозможно.

Погребение парное, возмужалый мужчина 20–35 лет и молодая женщина 14–19 лет (определения Н.Н. Мамоновой в отделе антропологии Института этнологии и антропологии РАН) в сопровождении шкур, костей ног и черепов, двух коней. Из расположения их в юго-западном углу могилы можно полагать, что шкуры или чучела коней были уложены друг за другом вдоль западной-юго-западной и южной-юго-восточной стенок и были направлены головами на юго-восток и северо-восток (рис. 2). В юго-западном углу, возле ног коней, частично накрывая одну из них, лежал железный котел, распавшийся от коррозии на части (рис. 2, *1*), вследствие чего его точная форма не устанавливается.

Большинство костей людей и предметов инвентаря перемешаны при ограблении и оказались у северо-восточной стенки могилы. Здесь лежали обломки двух черепов, плечевая, локтевая, лучевая, большая берцовая кости, разрозненные позвонки, ребра, коленная чашечка и обломки других костей человека, а также – кости ноги лошади и обломки перекрытия. Из преимущественного расположения костей верхней части скелета у восточно-северо-восточной стенки можно счи-

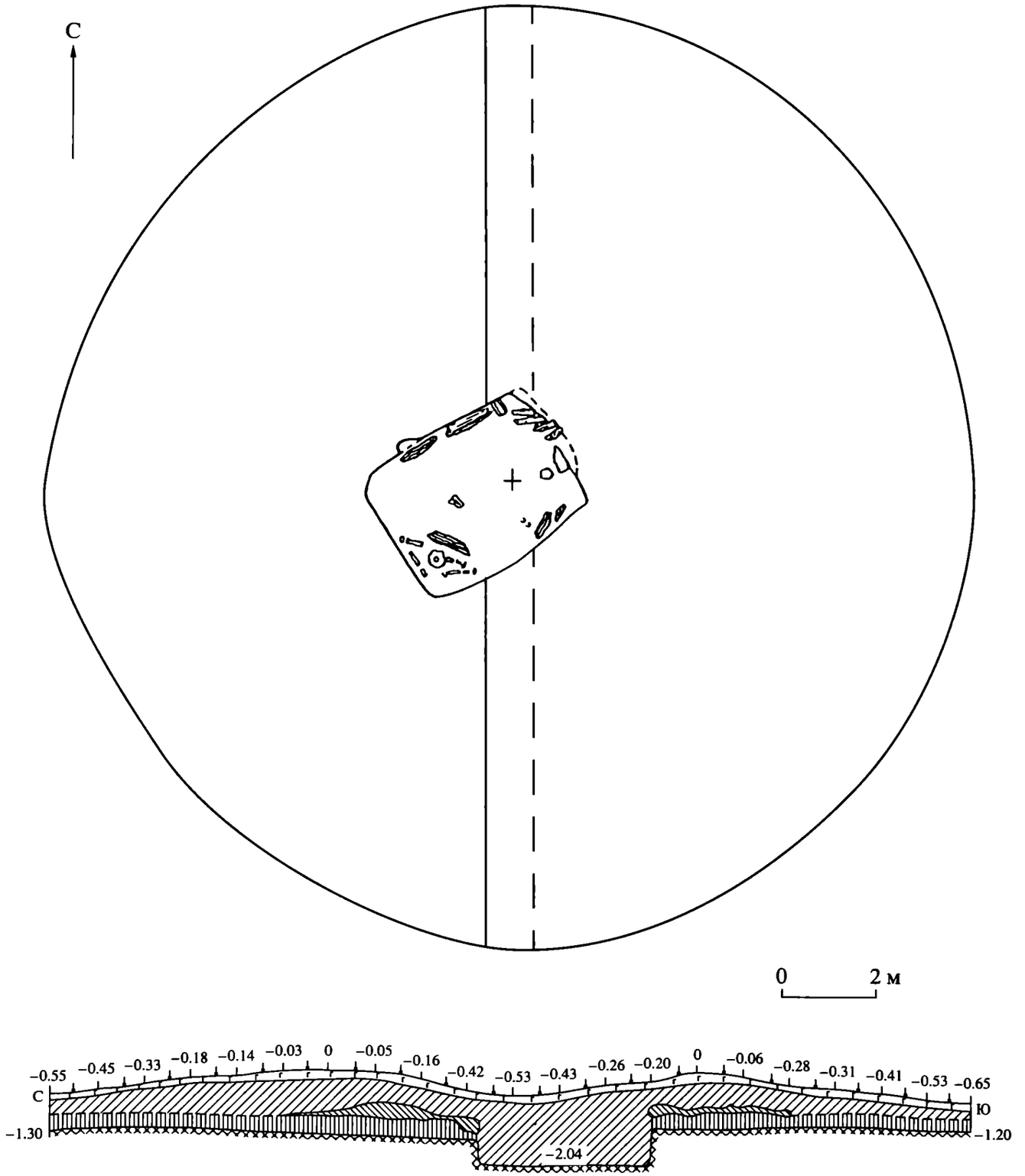

Рис. 1. Гилево V, курган 5. План и разрез.

тать, что погребенные были уложены головами на восток–северо-восток.

Инвентарь, включавший предметы вооружения, быта и конского снаряжения, сохранился фрагментарно и главным образом у дна могилы. Почти в центре ее найдена втулка от наконечника копья (рис. 3, *20*). Преимущественно у северо-восточной стенки встречены разбросанные трехлопастные наконечники стрел и три четырехгранных наконечника бронебойных с головками квадратного сечения (рис. 3, *1–7*, *9–14*), кусочки бересты, очевидно, от колчана, панцырная пластина (рис. 3, *8*),обломки клинка и фрагмент рукояти палаша (рис. 3, *15*), нож с остатками дерева на клинке от ножен (рис. 3, *17*), звено железных одно-кольчатых удил, бронзовая сердцевидная бляшка

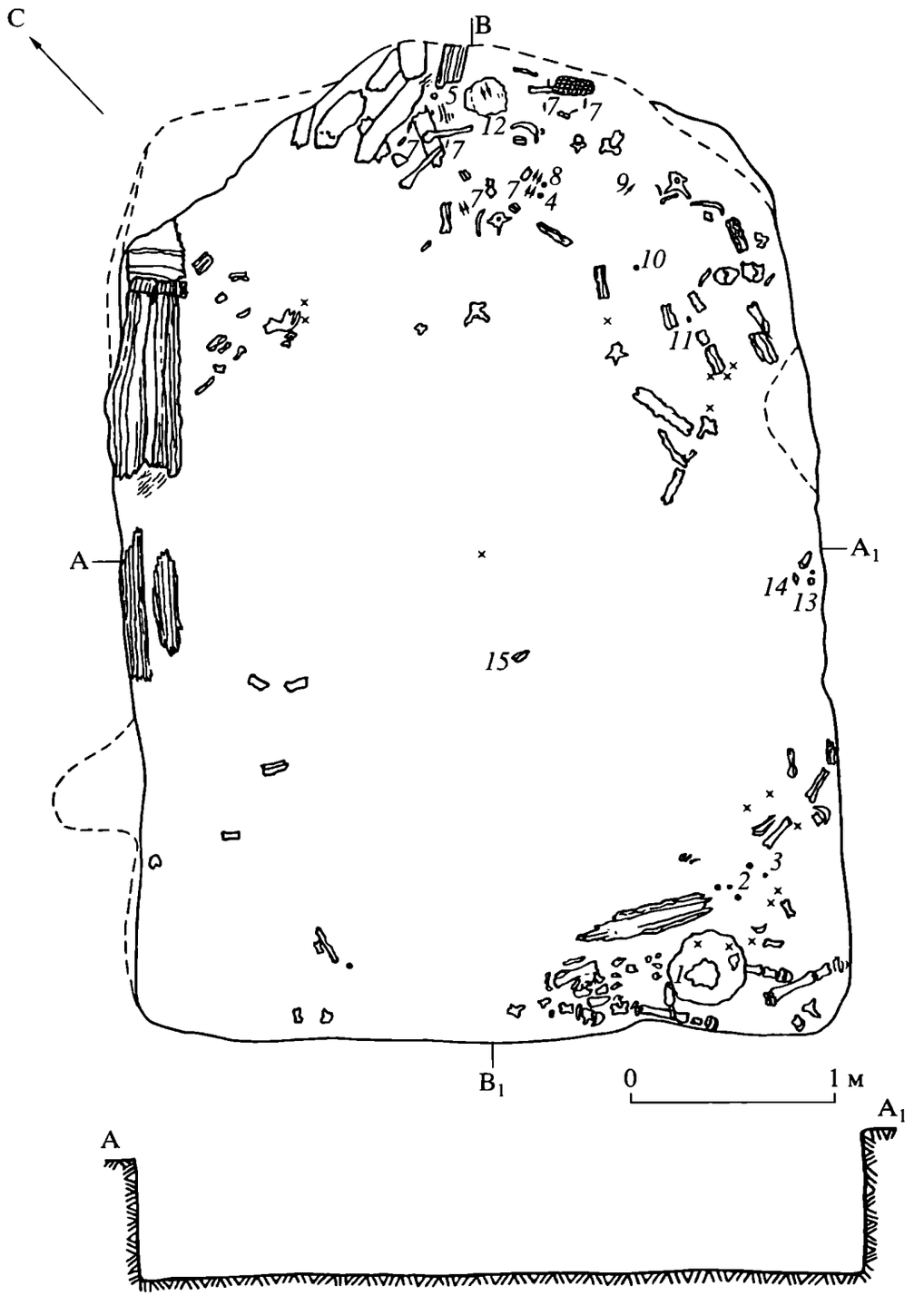

Рис. 2. Гилево V, курган 5. План и разрез погребения (*1* – котел; *2–4*, *8* – сбруйные накладки и наконечники ремней с золотой инкрустацией; *5* – сердцевидная медная бляшка; *6* – кусочек шелковой ткани; *7* – наконечники стрел; *9* – нож с остатками ножен; *10* – пряжка; *11* – обломки палаша; *12* – остатки колчана; *13* – кольцо от сбруи; *14* – обрывок ремня; *15* – втулка копья).

с остатками ремня (рис. 3, *16*), две овальные, вероятно, уздечные пряжки (рис. 3, *18*, *23*), обломок дужки с частью подножки от стремени (рис. 3, *31*), кусочки кожи и тонкой шелковой ткани. Посредине, у южной стенки, найдены железное кольцо (рис. 3, *28*), кусочки ремня, вероятно, от сбруи, а возле конских ног в юго-западном и юго-восточном углах – костяная подпружная пряжка (рис. 3, *30*), обломок железной трапециевидной рамки, вероятно, также от подпружной пряжки (рис. 3, *19*), два железных кольца, вероятно, от уздечки, гвоздь, возможно, от оковки седла (рис. 3, *27*, *28*, *32*), а также – железные наременные накладки и наконечники со спиральным и решетчатым узором, выполненным золотой инкрустацией (рис. 3, *21*, *22*, *24*, *25*, *29*). В разных местах заполнения обнаружены неопределенные обломки железных предметов, в том числе, вероятно, от стремян.

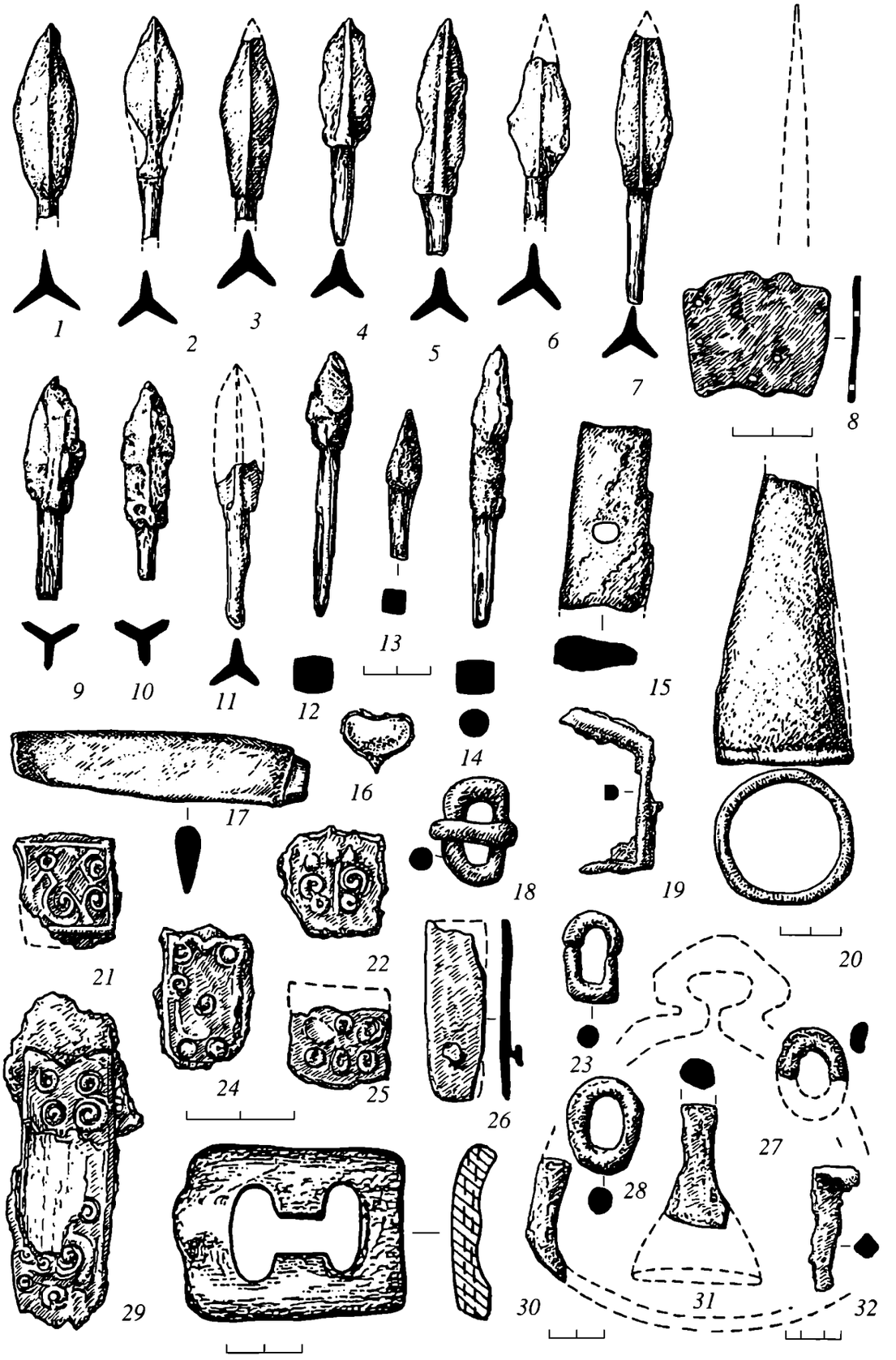

Рис. 3. Гилево V, курган 5. *1–15, 18–20, 23, 26–28, 31, 32* – железо; *16* – медь; *17* – железо с остатками дерева от ножен; *21, 22, 24, 25* –железо с золотой инкрустацией; *30* – кость.

Курган 6, земляная насыпь диаметром 8 м, высотой 0.2 м, в центре – грабительская воронка 3 × 0.4 м. Под центром – подтрапециевидная могильная яма 2.4 × 1.6 м (СВ) – 2 м (ЮЗ), глубиной в материке 0.4 м, 0.7 м от уровня древней поверхности, ориентированная по линии СВ–ЮЗ (рис. 4, А). Продольные стенки ямы на уровне дна имели подбои, увеличивавшие ее ширину на 0.4–0.45 м. У север-

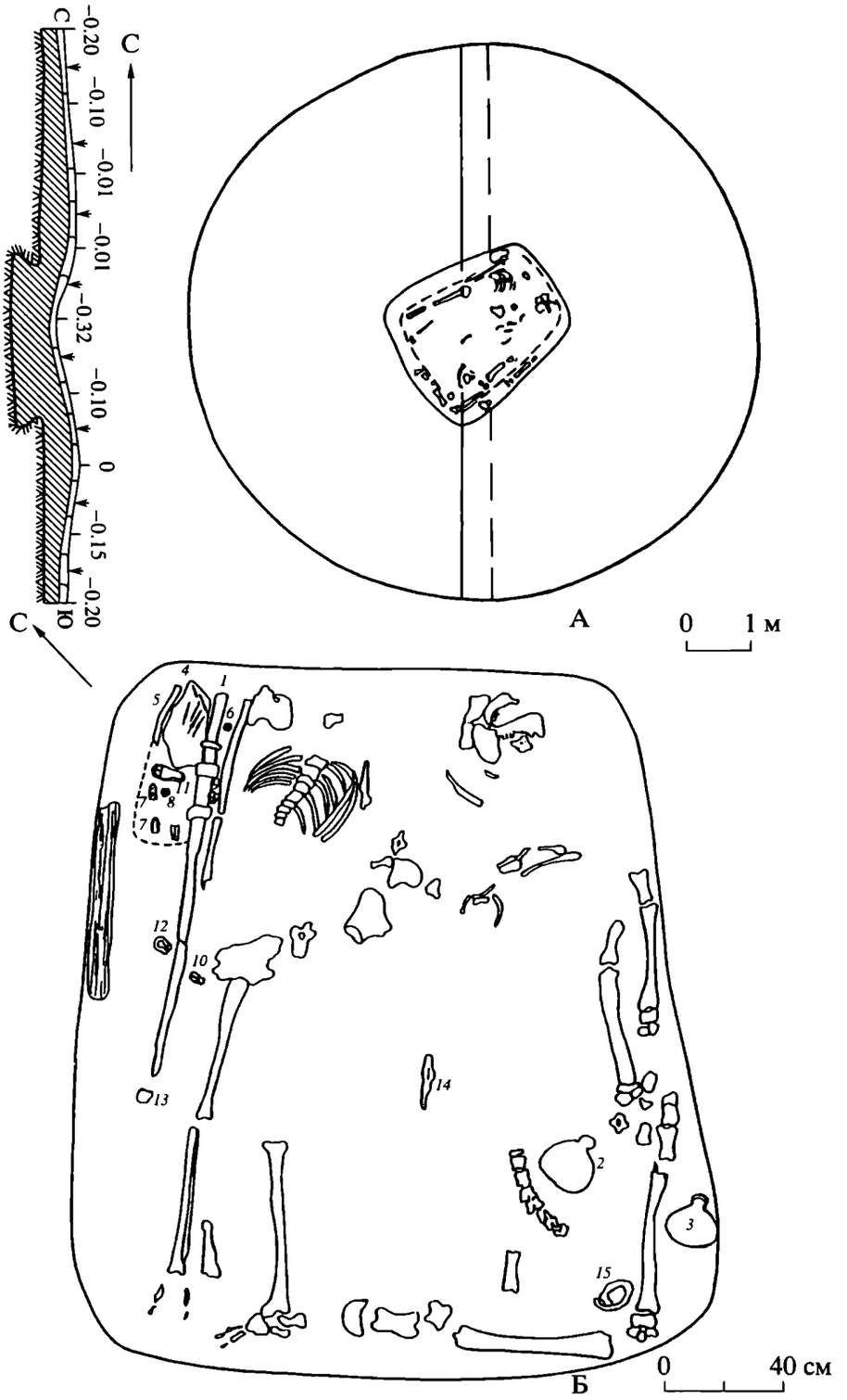

Рис. 4. Гилево V, курган 6. А – план и разрез; Б – план погребения (*1* – палаш; *2*, *3* – стремена; *4* – берестяной колчан с наконечниками стрел; *5* – фрагменты ножа (?); *6*, *8* – круглые серебряные бляшки; *7* – два наконечника ремней для подвешивания колчана; *9*, *10* – пряжки от подвесных ремней палаша; *11* – пряжка для подвешивания колчана; *12* – подпружная пряжка; *13* – наконечник ножен палаша; *14* – обломки удил (?); *15* – железное кольцо от пут (?).

ной–северо-западной стенки ямы сохранилось дерево от продольного перекрытия. Вдоль этой стенки ямы на спине, вытянуто, головой на восток–северо-восток лежал костях мужчины 20–35 лет, частично потревоженный при ограблении. В первоначальном положении сохранились кости правой ноги и правое крыло таза, а также берцовые и стопы левой ноги (рис. 4, Б). Часть ребер и позвонков были несколько смещены, но имели анатомическое взаиморасположение. Исходя из последнего, можно думать, что ограбление произошло через несколько лет после захоронения, когда связки еще не совсем распались. Фрагменты разбитой черепной коробки, отдельные позвонки, ре-

бра были смещены в юго-восточную часть и к центру могилы. Преимущественно в юго-восточной, расширенной части могилы было помещено сопроводительное захоронение останков коня – черепа с частью шеи и четырех ног (чучела или шкуры). При этом кости трех ног, двух передних и одной задней, лежали вдоль южной–юго-восточной стенки могилы копытами на северо-восток, т.е. аналогично ориентировке человека, а другая задняя нога покоилась вдоль западной–северо-западной стенки, почти под прямым углом к первой (рис. 4, Б). У шкуры или чучела она была как бы откинута в сторону. В свободное пространство угла между ногами была помещена голова коня с частью шеи, от чего в анатомическом порядке сохранились семь шейных позвонков коня, а череп при ограблении был отброшен в юго-восточную часть могилы. В юго-западном углу, поверх чучела коня, над его правой задней ногой было положено седло, от которого сохранились два стремени, восьмерковидной формы с широкой прогнутой вниз подножкой, одно из которых рассыпалось при извлечении (рис. 4, Б, *2*, *3*; 5, *18*). Тут же, в углу, у коленных суставов задних ног коня находилось распавшееся железное кольцо, возможно, от пут (рис. 4, Б, *15*), а почти в центре могилы, между костями ног человека и коня – разрушенный коррозией железный предмет, вероятно, остатки удил (рис. 4, Б, *14*). Со сбруей также связаны оказавшаяся у северной–северо-западной стенки могилы, рядом с палашом, роговая подпружная пряжка (рис. 4, Б, *12*; 5, *16*) и обломок железного овального кольца или пряжки (рис. 4, *15*), встреченный в заполнении.

Прочий инвентарь относится к экипировке погребенного в кургане воина. Вдоль правой руки погребенного лежал палаш в деревянных ножнах с железным наконечником и двумя обоймами, за которые он, вероятно, подвешивался (рис. 4, Б, *1*; 5, *19*). Крепление к поясу, очевидно, производилось с помощью двух ремешков с пряжками из медносеребряного сплава (рис. 5, *9*). Одна из них лежала около обойм, а вторая – близ нижнего конца палаша (рис. 4, Б, *9*, *10*), что, надо полагать, соответствовало местам крепления ножен. Возле рукояти палаша лежала круглая розетковидная бляшка также из медно-серебряного сплава (рис. 4, Б, *6*; 5, *8*), возможно, украшавшая портупею или темляк палаша. В северном углу, рядом с палашом был положен берестяной колчан, сохранившийся фрагментарно (рис. 4, Б, *4*). В нем помещались не менее десяти стрел наконечниками вверх, сильно поврежденных коррозией. Все сохранившиеся наконечники трехлопастные с формой пера, близкой листовидной (рис 5, *1–6*, *11*). Поверх колчана, в средней его части лежала пряжка из медно-серебряного сплава с железным язычком (рис 4, Б, *11*; 5, *7*), служившая, очевидно, для подвешивани колчана. Под пряжкой сохранились фрагмент ремня и береста от колчана (рис. 5, *7а*). В области нижней части колчана лежали два наконечника ремней с гофрированной поверхностью и розетковидная бляшка, аналогичная бляшке, найденной около рукояти палаша (рис. 4, Б, *7*, *8*). Они были отлиты из упомянутого выше металла и, вероятно, украшали подвесные ремешки. Возможно, металл – это алтайское серебро, в котором велика естественная примесь меди. Сбоку, вдоль края колчана лежала разрушенная коррозией железная пластина (рис. 4, Б, *5*), представлявшая остатки окантовки или, возможно, железный нож (рис. 5, *14*). В заполнении были встречены также костяная накладка и обломок приостренного заполированного предмета из рога (рис. 5, *12*, *17*).

Корболиха VII, к. 1,– одиночный курган с диаметрами 9.6 м (С–Ю) и 8 м (З–В), высотой 0.5 м, стоявший на поднимавшемся гребнем возвышении коренного правого берега р. Алея, в основании которого лежат коренные скалистые породы, образовавшие этот гребень, подходя близко к поверхности земли, содержавшей здесь в почве много щебенки. Терраса полого понижается на юг, к пойме Алея. Вследствие этого южная пола насыпи кургана была более низкая и расплывшаяся, чем северная. В центре насыпи – грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0.5 м (рис. 6). Насыпь сложена из земли и камней, образовывавших выкладку подпрямоугольной формы размером около 6 × 6.6 м в 1–2–3 ряда рваного камня, ориентированную сторонами по линии СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ. Края выкладки частично окантованы более крупными камнями, а с северо-западной стороны имеется подобие прохода к могильной яме или камни выкладки были здесь выкинуты при ограблении кургана. Под центром выкладки – подпрямоугольная, с округленными сторонами, почти квадратная могильная яма размером 2.6 м (ЮЗ–СВ) × 2.5 м (СЗ–ЮВ), глубиной 1.05 м от древней поверхности, 0.75 м от уровня материка, ориентированная по линии ВСВ–ЗЮЗ. Для расширения ямы северная и южная ее стенки на уровне дна были подкопаны подбоями, врезавшимися в северную стенку на 0.25 м, в южную – на 0.2 м (рис. 6). Центральная часть могилы полностью перекопана при ограблении, вследствие чего, а также из-за легкой воздухо- и влагопроницаемости черноземно-щебенчатого грунта кости человека не сохранились. Вдоль западной, южной и частично северной стенок, частично заходя в подбои, лежали друг за другом кости ног и остатки черепов трех коней, представлявшие, судя по всему, уложенные в могилу чучела. При этом в могиле они располагались аналогично размещению целых туш коней. Все были взнузданы и оседланы, с удилами в зубах и с седлами, положенными на место спины, на что указывает попарное расположение стремян около костей ног (рис. 7). Череп и удила у среднего коня не сохра-

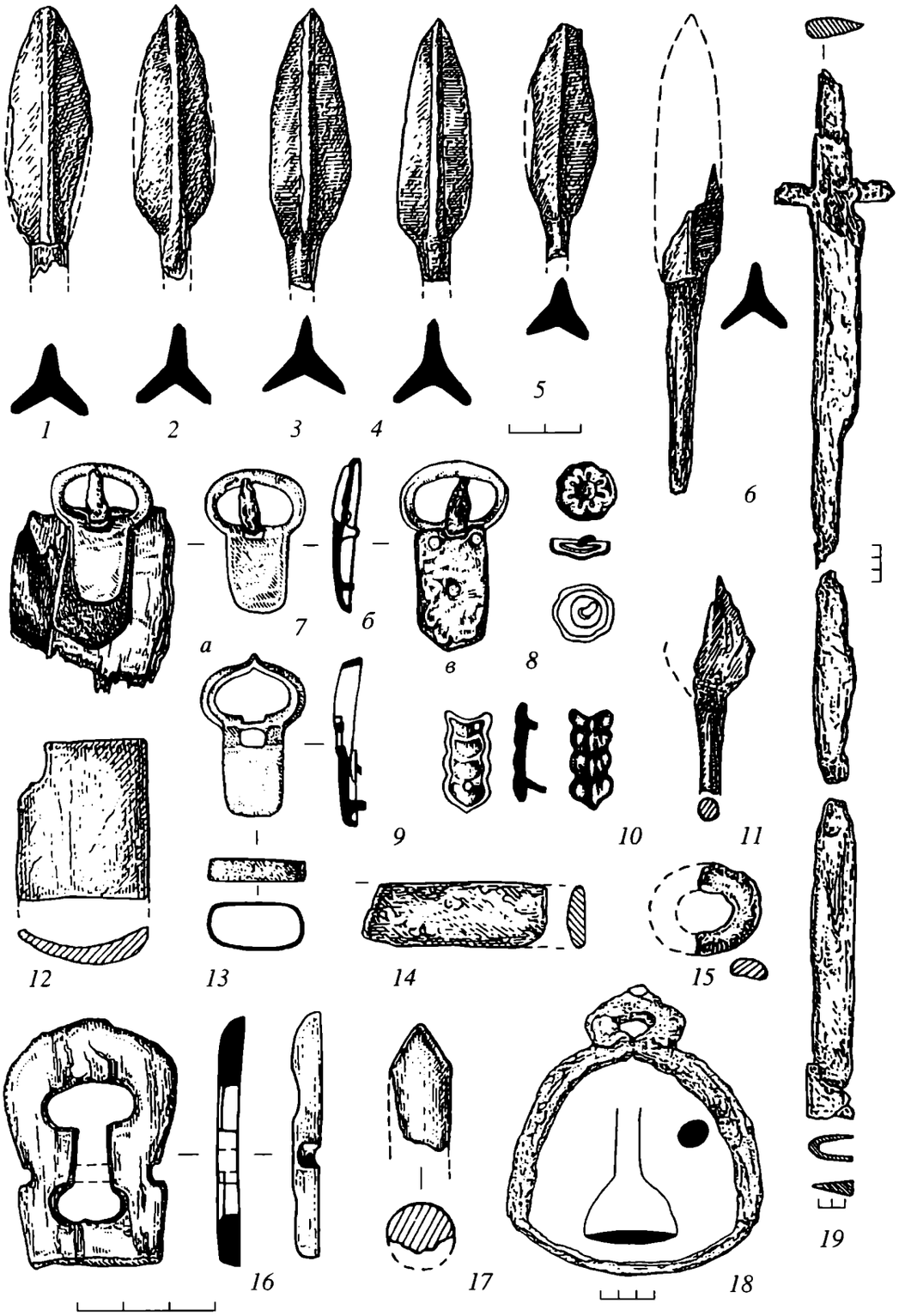

Рис. 5. Гилево V, курган 6, *1–6, 11, 14, 15, 18, 19* – железо; *7–10, 13* – медно-серебряный сплав; *12, 16, 17* – кость. *8–10, 13, 15, 18* – по 2 экз.

нились, так как были выкинуты при ограблении и частичном разрушении этого скелета, поскольку он не попадал в подбой (рис. 7). Псалии у удил отсутствовали (рис. 8, *15*; 9, *14*). Вероятно, они были деревянные. Удила 8-видные, соединенно-крюковые с витыми стержнями и дополнительным кольцом для повода. В эти кольца у одного экземпляра удил было вставлено еще по кольцу (рис. 9, *14*), предназначавшемуся, вероятно, для крепления чумбура.

По бокам черепа коня 1, лежавшего вдоль южной–юго-восточной стенки мордой на восток–северо-восток, находились бронзовые пряжка, наконечники ремней, обоймы и железные кольца

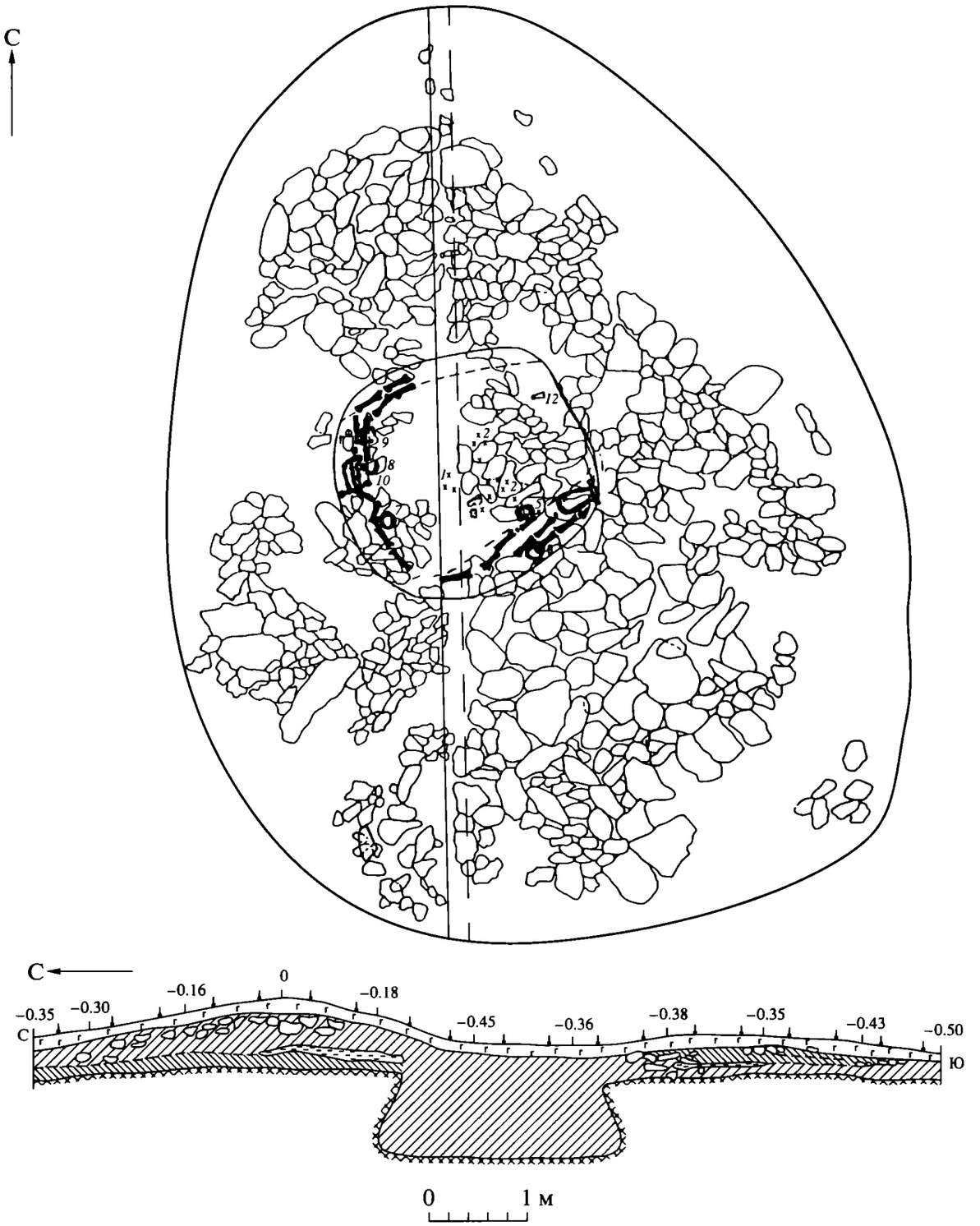

Рис. 6. Корболиха VII, курган 1. План и разрез.

от уздечки (рис. 7, II; 8, *2–14*). При этом железные кольца служили подобно тройникам распределителями ремней, а пряжка – для регулирования длины и застегивания нащечного ремня. От седла этого коня сохранились два 8-видных стремени и возле левого из них – три гладких медных наконечника ремней (рис. 7, I, *9*, *10*; 8, *9–11*, *17*, *18*), которые, по-видимому, относились к ремням седла.

От второго чучела коня, лежавшего вдоль западной–юго-восточной стенки, сохранились кости правых передней и задней ног и находившееся возле них стремя (рис. 7, *1*, *6*; 9, *12*). Обломок второго, аналогичного по форме 8-видного стремени (рис. 8, *16*) был откинут в сторону. В зубах третьего коня, помещавшегося у северо-западного угла и обращенного мордой на юг, были 8-видные удила с парами дополнительных колец для повода и чумбура (рис. 7, I, *7*; 9, *14*), а возле костей ног – сохранившиеся в обломках пара железных 8-видных стремян (рис. 7, I, 5; 8, *19*, *20*) и находившиеся

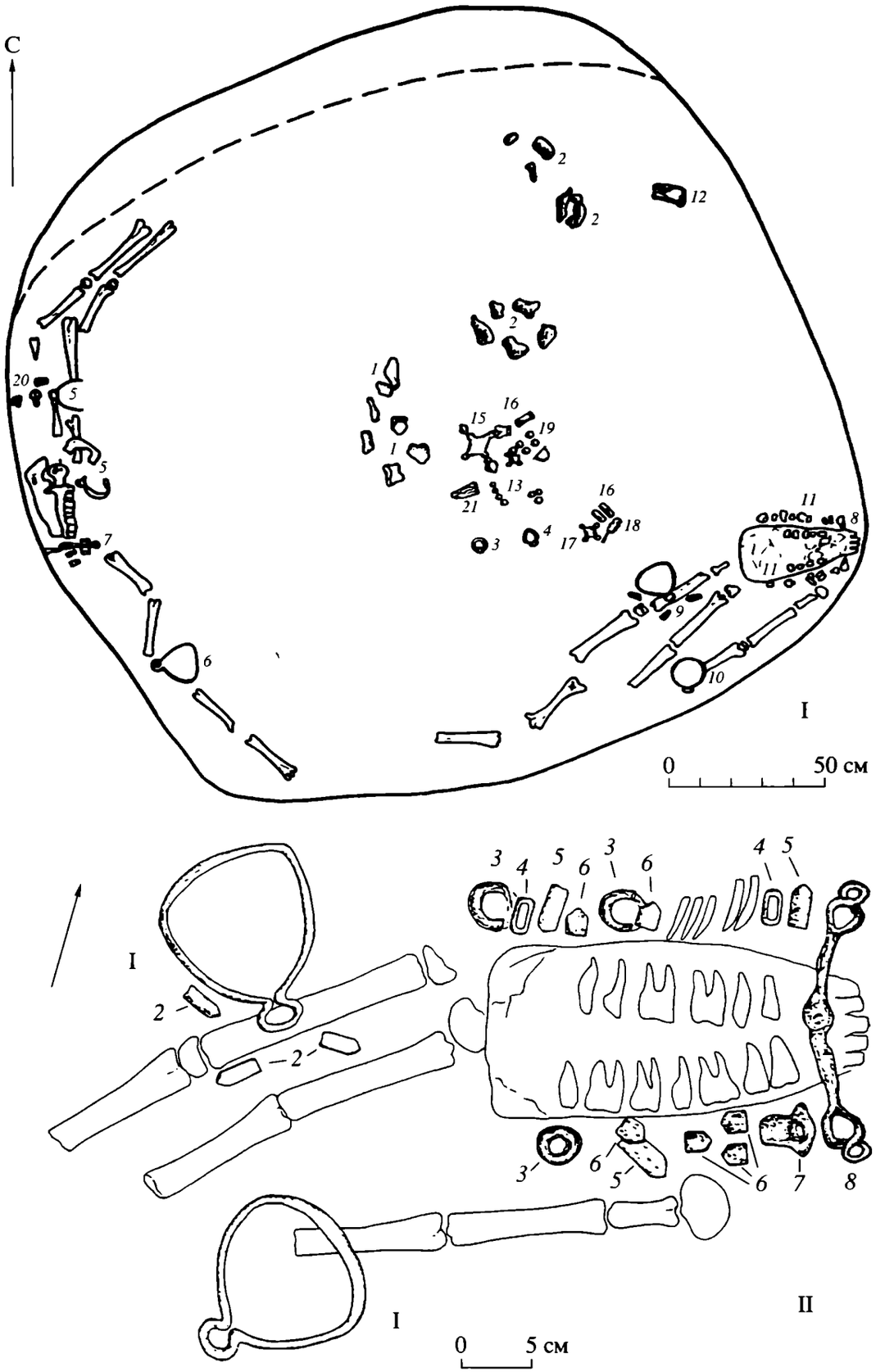

Рис. 7. Корболиха VII, курган 1. I – план погребения (*1* – глиняный сосуд; *2* – обломки железного котла; *3*, *4* – перстни; *5*, *6*, *10* – стремена и их обломки; *7*, *8* – удила; *9* – три наконечника ремней; *11* – кольца (3 экз.), обоймы (2), наконечники ремней (9) и пряжка уздечного набора; *12* – тесло; *13*, *19* – бусы; *14* – ручка стеклянного сосуда; *15* – колт; *16* – игольники (3 экз.); *17* – сердцевидные бляхи (4 экз.); *18* – копоушка; *20* – пряжка и наконечники ремней); II – расположение сбруйной гарнитуры возле головы и ног лошади в юго-восточной части могилы (*1* – стремена; *2* – три наконечника ремней седла; *3–8* – уздечный набор (*3* – три кольца; *4* – две обоймы; *5*, *6* – наконечники ремней (*5* – три длинных, *6* – шесть коротких); *7* – пряжка; *8* – удила). *1*, *3*, *7*, *8* – железо; *2*, *4–6* – медь.

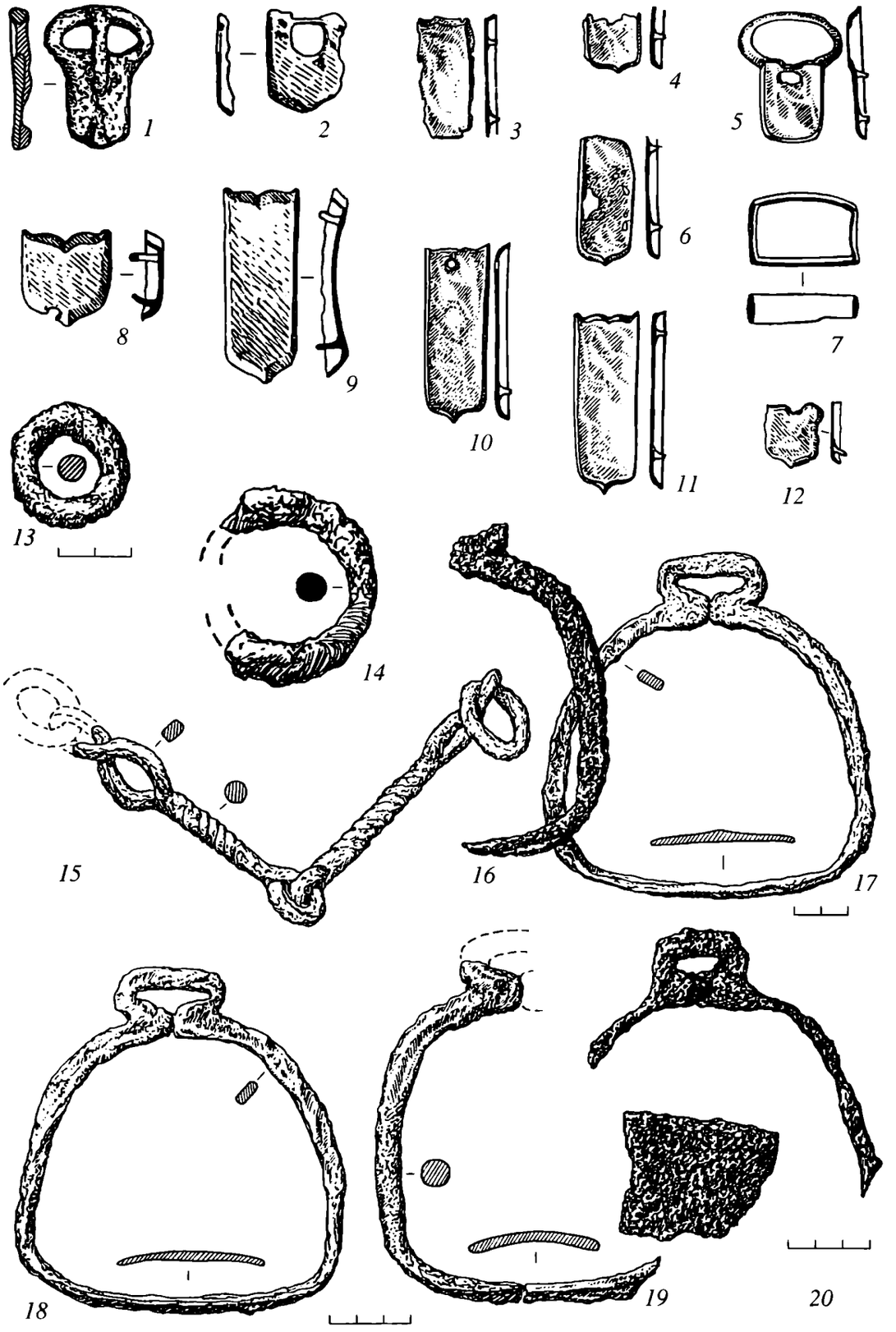

Рис. 8. Корболиха VII, курган 1. Предметы конского снаряжения. *1*, *13–20* – железо; остальное – медь.

около одного из стремян железная пряжка неподвижно-щитковая и пара медных наконечников ремней (рис. 7, I, 20; 8, *1*, *8*, *9*), которые, очевидно, относились к приторочным ремням седла. Кости всех коней были плохой сохранности, превратились почти в тлен и рассыпались.

Как отмечено, кости человека не обнаружены и, очевидно, не сохранились. Остатки инвентаря найдены в центральной части, преимущественно у дна могилы. Близ центра лежали остатки грубого лепного горшка с двумя отверстиями под венчиком, вероятно, для подвешивания (рис. 10, *12*). Тут

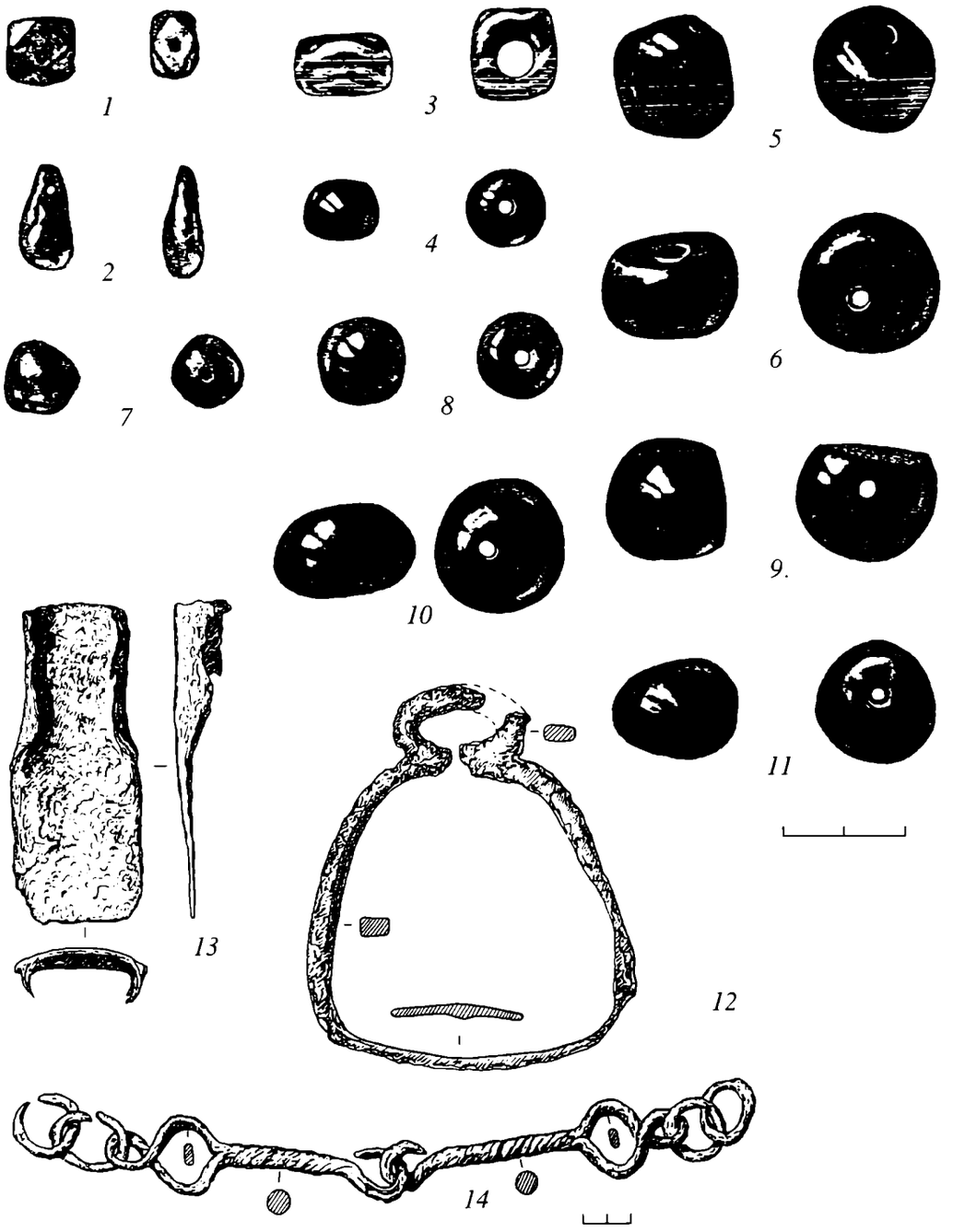

Рис. 9. Корболиха VII, курган 1. *1*, *2* – сердолик; *3* – стекло; *4–11* – гешир; *12–14* – железо.

же находились бесформенные обломки железного котла, разрушенного коррозией. В южной половине могилы компактно лежали два серебряных (?) щитковых перстня (рис. 10, *4*; один сохранился плохо), серебряные позолоченная бляха с растительным орнаментом (половина какого-то изделия), копоушка, два игольника – ? (рис. 10, *1*, *5*, *14*, *15*), а также находившиеся несколько к северу от них шесть бусин, в том числе две сердоликовые – 12-гранная и каплевидная, кубовидная стеклянная полосатая и четыре черных полированных шаровидных гешировых (рис. 7, I, *13*, *16–18*; 9, *1–4*, *6–8*). К северу от этого скопления предметов встречена еще группа вещей, включавшая две серебряные орнаментированные бляхи от одного предмета, типа коробочки, в том числе одна в обломках (рис. 10, *2*, *3*), подобные указанной выше (рис. 10, *1*), но с другим узором, а также ручка стеклянного сосуда, латунный игольник и серебряный позолоченный колт (?), или зажим для кистей, возле которого лежали четыре серебряные сердцевидные подвески, которые, очевидно, подвешивались за отверстия, к колту, или зажиму (рис. 7, I, *15*, *16*, *19*; 10, *6–10*, *15*). Тут же находились пять гешировых бусин, в том числе две подшаровидные и три подшаровидные со срезанны-

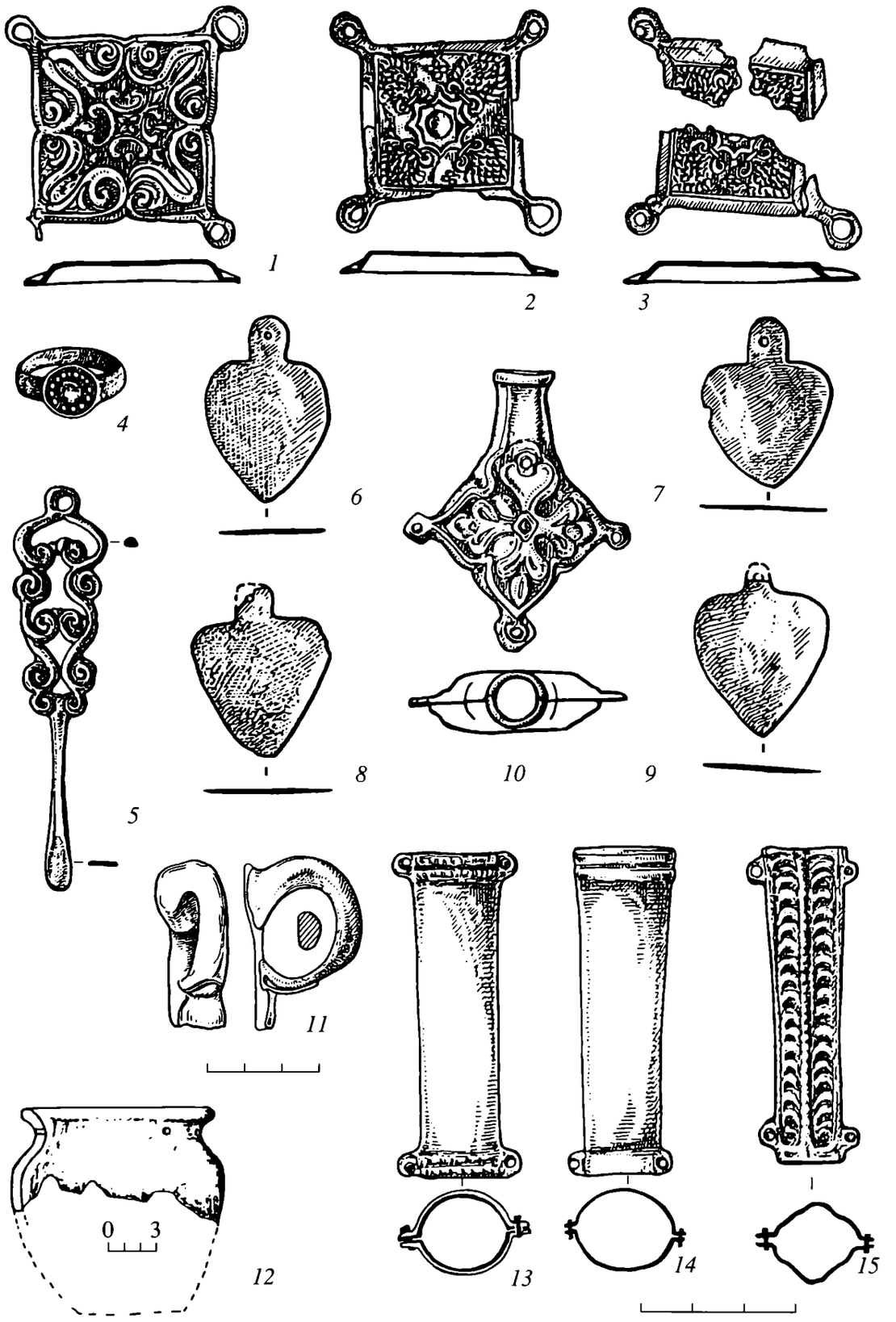

Рис. 10. Корболиха VII, курган 1. *1–9,13, 14* – серебро; *10* – серебро с позолотой; *11*– стекло; *12* – глина; *15* – латунь.

ми краями (рис. 7, I, *19*; 9, *5*, *6*, *9–11*). Около восточно—северо-восточной стенки могилы лежало железное втульчатое тесло, или корнекопалка (рис. 7, I, *12*; 9, *13*). В заполнении могилы попадались кусочки дерева, вероятно, от перекрытия могилы, конструкция которого не устанавливается. Кусок дерева встречен также около скопления вещей у дна ямы (рис. 7, I, *21*).

При общей неординарности и богатстве инвентаря этого погребения (украшения и предметы

была из серебра, сердоликовые и гешировые бусы, железный котел, стеклянный сосуд) привлекает внимание отсутствие предметов вооружения. Тесло, или корнекопалка, это орудие труда. Свойственный женским захоронениям набор инвентаря позволяет предполагать, что здесь погребена знатная женщина или во всяком случае захоронение устроено в ее честь. В то же время наличие трех сопутствующих экипированных сбруей чучел коней позволяет думать, что имело место захоронение трех особ – знатной женщины и ее спутников или спутниц, или устроенный в их память кенотаф. В отличие от этого в курганах 5, 6 Гилево V совершены захоронения воинов со специфичным для них инвентарем, включавшим палаши, лук и колчан со стрелами, копье (курган 5) с их гарнитурой и сопутствующими захоронениями чучел коней с экипировкой.

Описанные курганы, объединяясь таким общим элементом погребального ритуала, как сопутствующие захоронения чучел, голов и ног, коней, имеют между собой ряд других черт сходства и различия. Курганы 5 и 6 Гилево V имели земляные насыпи диаметром соответственно 20 и 8 м, высоту 0.65 и 0.2 м. Курган 1 Корболихи VII отличала овальная каменно-земляная насыпь с диаметрами 9.6 м (СЮ) × 8 м (ЗВ), высотой 0.5 м, скрывавшая подпрямогольную выкладку 6.6 × 6 м, ориентированную сторонами по линии СВ–ЮЗ/СЗ–ЮВ, края которой были частично окантованы более крупными камнями. Под центрами курганов располагались подпрямоугольные могильные ямы (в кургане 6 Гилево V – подтрапециевидная в связи с расширением для помещения чучела коня) размерами 4.6 × × 3.15 × 0.9 м, 2.4 × 1.6–2 × 0.7 м и 2.6 × 2.5 × 1.05 м, ориентированные ВСВ–ЗЮЗ/СВ–ЮЗ. В кургане 5 Гилево V стенки ямы были вертикальными, а в кургане 6 Гилево V и кургане 1 Корболиха VII в продольных стенках были устроены подбои, врезавшиеся в стенки на 0.2–0.25 м на одном уровне с дном ямы, что увеличивало ее ширину на 0.45–0.5 м. В подбои частично помещали чучела коней и инвентарь. Усопшего укладывали вдоль северной (ССЗ, СЗ) стенки на спине, вытянуто, головой на восток–северо-восток и северо-восток, что следует из расположения останков скелета в кургане 6 Гилево V, а также – преимущественного расположения костей верхних частей скелетов у северо-восточной стенки в парном погребении кургана 5 Гилево V. Чучела коней или шкуры укладывали вдоль южной (ЮЮВ) и западной (ЗЮЗ) стенок передней частью туловища на восток–северо-восток, в соответствии с ориентацией погребенного. В кургане 1 Корболихи VII чучела коней лежали вдоль западной–юго-западной и южной–юго-восточной стенок, как бы следуя друг за другом. Перед забоем кони были взнузданы, на что указывает положение удил в зубах коней и уздечных бляшек по бокам черепа в кургане 1 Корболихи VII (рис. 7, II) в соответствии с их положением на ремнях оголовья. Седла клали в области спины, вследствие чего стремена в ненарушенных захоронениях оказались возле костей ног, а наконечники и пряжки от приторочных и других седельных ремней – между стременами (рис. 7). Примечательно, что у костей ног коней в курганах 5, 6 Гилево V были оставлены плюсны и предплюсны с копытами, в кургане 1 Корболихи VII также еще кости предплечья и локтевые (рис. 2; 4, Б; 7). В кургане 6 Гилево V голова была уложена вместе с частью шеи, на что указывают сохранившиеся in situ шейные позвонки (рис. 4, Б).

Примечательно, что все описанные курганы с чучелами коней характеризует богатый инвентарь и представляют они захоронения элиты общества – воинов и знатной женщины. При этом в кургане 5 Гилево V находился полный комплект вооружения, включавший палаш, копье, лук со стрелами, панцырь или его часть, а сам курган выделялся и своими размерами и тем, что занимал наиболее высокую точку в некрополе Гилево I–V. Возможно, с этого кургана начал функционировать этот могильник. Курган 1 Корболихи VII, в инвентаре которого преобладали украшения, как отмечено, связан с захоронением знатной женщины и состоявших с ней в каких-то отношениях лиц.

Рассматриваемые курганы неодновременны. Более ранними являются стоявшие рядом курганы 5, 6 Гилево V. Встреченные в кургане 6 Гилево V пряжки, портупейные бляшки и наконечники ремней (рис. 5, *7–10*) аналогичны таковым из кургана 2 Сростки I, 1930 г., где вместе с ними встречена тюргешская монета 766–780 гг. (Гаврилова, 1965. Рис. 11, *1*, *17*, *26*, *36–38*), что говорит в пользу датировки кургана концом VIII–началом IX в. и скорее всего не позже первой половины IX в. Об этом же говорит и форма роговой подпружной пряжки с округлым мысом (рис. 5, *16*), восходящая к пряжкам катандинского типа VIII–первой половины IX в. (Гаврилова, 1965. Табл. XXXI, *50*, *51*; Могильников, 1997. Рис. 9, *2*, *3*), а также палаш (рис. 5, *19*), подобный салтовским VIII–IX вв. (Плетнева, 1967. Рис. 43, *1*, *2*). По округлости дужки и большей прогнутости подножки стремена из кургана 6 Гилево V (рис. 5, *18*) более архаичны, чем стремена из Корболихи VII (рис. 8, *16–20*; 9, *12*), что говорит за более позднюю дату погребения Корболихи VII. Однако хронологический разрыв между ними невелик, поскольку в комплексе Корболихи VII есть вещи, аналогии которым представлены в памятниках VIII–IX вв. Орнаментальные композиции в виде прямоугольной розетки с умбоном в центре и с растительными и криволинейными узорами на серебряных изделиях (рис. 10, *1–3*, *10*) подобны орнаментам на предметах культуры чаатас VIII–IX вв. (Кызласов, Королов, 1990. Табл. XV, *27*, *35*; XVI, *20*, *21*). Сердцевидные подвески (рис. 10,

6–9) подобны подвескам из курганов Капчалы II этого же периода (Левашова, 1952. Рис. 1, *28*, *29*) и салтовских древностей (Плетнева, 1967. Рис. 46, *14*). Гладкие неорнаментированные бляхи и пряжки уздечной гарнитуры (рис. 8, *2–12*) сохраняют традицию неорнаментированности блях и пряжек катандинского этапа, хотя в основном имеют уже новые формы, присущие ранним памятникам сросткинской культуры – приостренный носик, завершение в виде фигурной скобки, и в сравнении с катандинскими они мельче. Встреченные в комплексе два серебряных перстня с металлической жуковиной в окружении ложной зерни (рис. 10, *4*) подобны перстням из памятников салтовской культуры середины–второй половины IX в., продолжавших существовать и в X в. (Плетнева, 1967. С. 140, 143. Рис. 136). В свете приведенных аналогий наиболее вероятной датой курган 1 Корболихи VII является середина–вторая половина IX, возможно, начало X в. Появление камня в конструкции насыпи этого кургана может быть связано с контактами с продвинувшимися сюда кимаками, для курганов которых были типичны каменные ограды и выкладки.

На территории северо-западных предгорий Алтая, смежной с микрорайоном верхнего Алея, курганы конца VIII–X вв. с сопутствующими захоронениями шкур коней единичны. Ближайшими являются расположенные в 25–30 км на восток курган 1 некрополя Белый Камень Рубцовского р-на Алтайского края и курган 3 Шепчихи I Змеиногорского района (Тишкин, 1993а. С. 91. Рис. 2; 1993б. С. 233–236). А.А. Тишкин (1993б. С. 245) датировал курган 1 Белого Камня концом VIII–первой половиной IX в. и отметил его близость к курганам Корболиха VII и Гилево V. Курган 3 Шепчихи I отнесен им к кругу памяников сросткинской культуры VIII–X вв. В действительности все перечисленные курганы относятся к одному кругу памятников, локализующихся в относительно узком районе степных северо-западных предгорий Алтая. При этом по ритуалу и инвентарю наиболее близки между собой пары Корболиха VII и курган 1 Белого Камня, курган 6 Гилево V и курган 3 Шепчихи I. В кургане 1 Белого Камня, как и в Корболихе VII, представлены сопроводительные захоронения трех чучел коней, три пары 8-видных стремян со слегка прогнутой широкой подножкой, четыре комплекта 8-видных удил, а также – шесть медных неподвижно-щитковых пряжек с железными язычками, медные наконечники ремней с приостренным носиком и завершением в виде фигурной скобки, сердцевидные бляшки, мелкие бляшки-оправы арочной формы (Тишкин, 1993б. Рис. 1–4). При этом примечательно,что наряду с численно преобладающими гладкими бляшками и наконечниками представлены отдельные экземпляры с растительным орнаментом, в том числе "с перевязью" (Тишкин, 1993б. Рис. 3, *12–14*), который получил широкое распространение, по-видимому, не ранее конца IX в. К этому надо добавить, что в кургане 1 Белого Камня имеются предметы с поздними чертами – пикообразный наконечник копья и комплекс наконечников стрел, включающий помимо преобладающих трехлопастных и трехгранных два плоских вытянуто-ромбических наконечника (Тишкин, 1993б. Рис. 1, *1*, *2*, *23*). Это позволяет считать курган 1 Белого Камня чуть более поздним по отношению к кургану Корболихи VII и соответственно датировать его второй половиной IX–началом или даже первой половиной X в. Этому не противоречат имеющийся здесь комплекс наконечников стрел и роговая подпружная пятиугольная пряжка с мысовидным носиком и двутавровой прорезью (Тишкин, 1993б. Рис. 1, *2*, *32*).

Курган 3 Шепчихи I также несколько моложе кургана 6 Гилево V. По ритуалу их сближает ориентировка на восток погребенных в Шепчихе I и на восток–северо-восток в Гилево V, а также расположение в том и другом курганах костей ног лошади около юго-западного угла могильной ямы. За более позднюю дату Шепчихи I кургана 3 говорит приостренный носик роговой подпружной пряжки, а также присутствие в комплексе трехгранных боеголовковых наконечников стрел (Тишкин, 1993а. Рис. 2, *6*, *7*, *9*, *19*), которые типологически более поздние, чем листовидные трехлопастные наконечники, и роговой подпружной пряжки с округлой головкой из кургана 6 Гилево V (рис. 5, *1–5*, *16*). Наиболее вероятно, что курган 3 Шепчихи I синхронен кургану 1 Белого Камня и также может быть датирован второй половиной IX–первой половиной X в. Каменно-земляная насыпь этого кургана с выкладкой из трех слоев камней поверх земли, как и каменно-земляное сооружение кургана 1 Белого Камня, а также расположение этих курганов на некрополях вместе с погребениями с целом остовом коня под подобными же каменно-земляными насыпями указывает на взаимосмешение и интеграцию носителей ритуала погребения с чучелом коня с племенами кимаков, хоронивших с целым конем под курганами с каменно-земляными конструкциями, большинство которых относится к концу IX–первой половине XI в. Неполный скелет коня (кости черепа, таза, задних и передних ног), чучело-?, находился справа от скелета мужчины-воина с богатым инвентарем в кургане 6 Кзыл-Ту IX–X вв. в Верхнем Прииртшье (Плотников, 1981. С. 111). Единичные погребения в сопровождении чучела коня представлены на Саяно-Алтае (Катанда II, большой курган 1, 1954 г., впускные могилы 2, 3; Саглы-Бажи III, курган 22 (Гаврилова, 1965. С. 69; Грач, 1967. С. 106, 107, 109–111).

Большое число погребений IX–X вв. в сопровождении костей головы и конечностей (шкуры) коней выявлено в степном и лесостепном между-

речье Иртыша и Оби, включая на севере Барабинскую лесостепь. В наиболее крупном могильнике этого времени Чулым II, расположенном в пограничье Барабы и Кулунды, исследовано 39 погребений с черепами и костями ног коня, или 53.2% вскрытых здесь могил этого периода (Бараба..., 1988. С. 54). Подобные погребения открыты также в Центральной Барабе на некрополях Преображенка-3 второй половины VIII–первой половины IX в. (Молодин и др., 1981. С. 123–136. Рис. 1, 2, 4; Бараба..., 1988. С. 76. Рис. 33), а также – в Базово 1, 2, Сопка 2, Ходунеково конца I–начала II тыс. н.э. (Бараба, 1988. С. 76–86. Рис. 34, *1*, *2*; 36; 37).

Исходя из параллелей ритуалу в восточноевропейских степях и в Закаспии (Кригер, 1993; Плетнева, 1958. Рис. 7, *2*), мы склонны связывать погребения в сопровождении чучела коня в степях предгорий Алтая и Западной Сибири с огузами, которые в VIII–IX вв. проживали в данном регионе, а со второй половины IX–X вв. постепенно смешиваются с кимако-кыпчаками и частично отступают на север и запад. В Барабинской лесостепи этот предположительно огузский этнос перекрывал местное угро-самодийское население потчевашской культуры и постепенно ассимилировал его (Могильников, 1990. С. 34–36). Столь далекое проникновение огузов на север происходило, очевидно, отчасти под давлением кимаков, занявших во второй половине IX–X вв., степные предгорья Алтая и Верхнее Прииртышье, на что указывают широко распространившиеся с этого времени погребения с конем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1967. № 114.

Кригер В.А. Огузские курганы в междуречьи Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Кызласов Л.Р., Королов Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. № 24.

Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века. Автореф. ... дис. докт. ист. наук. М., 1990.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

Плотников Ю.А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Шепчиха I // Культуры древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993а.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993б.

Barrows Accompanied by Stuffed Horses' Burials in North-western Altai Piedmont

V. A. Mogilnikov

Symmary

The finds from barrow-mounds dated back tothe late 8th–9th–early 10th cc. excavated by the author on the Upper Alei in the North-Western Altai piedmont are published inthe article. The burials were accompanied by horse skulls and legs (stuffed skins). The burials belonged to the social elite, among them warriors and a woman of high rank containing rich grave goods. The burials in question partly preceded and were partly coeval with the graves where whole horses' skeletons were discovered. The latter were attributed to the Kimakes. The same is the chronological position of the burials under discussion concerning the group of cremation burials attested to the ancient Khakassesthat conquered the Altai in the 40-s of the 9th c. The author suggests to consider the described burials accompanied by stuffed horses as related to the Turks-Oghuzes. He points to the analogies of similar burial rite in the adjacent territory of Sayan-Altai mountains and the area between the Irtysh and Ob' rivers.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 137–147

ПУБЛИКАЦИИ

НОЖИ ДРЕВНЕГО БЕЛООЗЕРА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2002 г. В. И. Завьялов

Институт археологии РАН, Москва

Город Белоозеро расположен на водоразделе Беломорского, Волжского и Балтийского бассейнов. С древнейших времен эта территория связана с историей и культурой прибалтийских и вычегодско-пермских финно-угорских племен. Памятник находится на правом берегу реки Шексны в трех километрах от ее истока из Белого озера. Белоозеро возникает как поселение веси, отражая в то же время, по мнению исследователей, в своей культуре славянские, болгарские и скандинаво-прибалтийские элементы (Голубева, 1973. С. 197). Приток славянского населения начинается уже в X в.; в основном это были выходцы из новгородских земель, что во многом объясняет весьма ранние политические связи Белоозера с Новгородом. Появление населения из южных областей, вызванное татарско-монгольским нашествием, приходится на более позднее время – вторую половину XIII в. (Голубева, 1973. С. 194–197). Во второй половине XI в. город прочно входит в состав Ростово-Суздальской земли. В середине XIII в. Белоозеро становится удельным княжеством. Это время наивысшего, но непродолжительного расцвета города. В середине XIV столетия город опустошили две эпидемии чумы. В 1398 г. новгородская рать сожгла Белоозеро. Последующие известия летописи касаются только нового города – современного Белозерска (Древняя Русь..., 1985. С. 89).

Значительные раскопки памятника были проведены в 1949–1965 гг. Л.А. Голубевой. Всего вскрыто около 7000 м^2. Мощность культурного слоя колеблется от 0.8 до 1.8 м. Он относительно хорошо консервирует дерево и другие органические остатки, а также предметы из черного металла. Итоги работ Белозерской экспедиции были обобщены Л.А. Голубевой в монографии "Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв."

После завершения в 1965 г. крупномасштабных исследований Белоозерской экспедицией ИА АН СССР под руководством Л.А. Голубевой системное обследование Белоозера возобновилось в 1990 г. Белозерским отрядом Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН под руководством Н.А. Макарова. За время, прошедшее с 1965 г., условия существования памятника значительно изменились в связи с реконструкцией Волго-Балтийской системы и подъемом уровня воды в Шексне и Белом озере. Затопленной оказалась прибрежная полоса шириной 45–150 м, что составило более 60% территории памятника. Произошло частичное заболачивание площади памятника (Макаров, Захаров, 1990. С. 44). Поднятие уровня грунтовых вод сделало невозможным проведение археологических раскопок. Разрушение культурного слоя ведет к вымыванию огромного количества находок. Возобновление в 1990 г. работ на Белоозере и было вызвано прежде всего необходимостью спасения уникального вещевого комплекса. Особенности происхождения находок, их перемешанность, нестратифицированность, трудность в выделении комплексов чрезвычайно усложняют обработку этого материала и снижают его ценность для исторических построений. Но ключевая роль Белоозера в средневековой истории огромного региона заставляет продолжать изучение памятника. А поскольку подъемный материал является в настоящее время основным источником новых знаний по истории Белоозера, необходимо было повысить его информативные возможности. Этим целям отвечает проведение широких исследований предметов из черного металла на основе металлографического метода.

Уже на ранних этапах своего существования Белоозеро представляло собой поселение, базирующееся на ремесле и торговле. Существенную роль в его жизнедеятельности играли черная металлургия и металлообработка. Развитию этих производств во многом способствовали местные сырьевая и топливная базы.

Кузнечное производство в Белоозере документировано находками остатков шести кузниц. Прослеживается преемственность в работе мастерских (три из них сменяли друг друга на одном и том же месте) и сосредоточение металлургического производства в одном районе города (Голубева, 1973. С. 119). Производственные комплексы сопровождались находками шлаков, руды, обломков сопел, обмазки и кузнечного инвентаря: клещей, молотков, напильника.

Общее количество категорий железного инвентаря Белоозера составляет более 60 наименований. Представлены все классы изделий: орудия труда, оружие, предметы быта. По числу категорий, их разнообразию и количеству находок из черного металла коллекция из Белоозера вполне сопоставима с коллекциями из таких ведущих

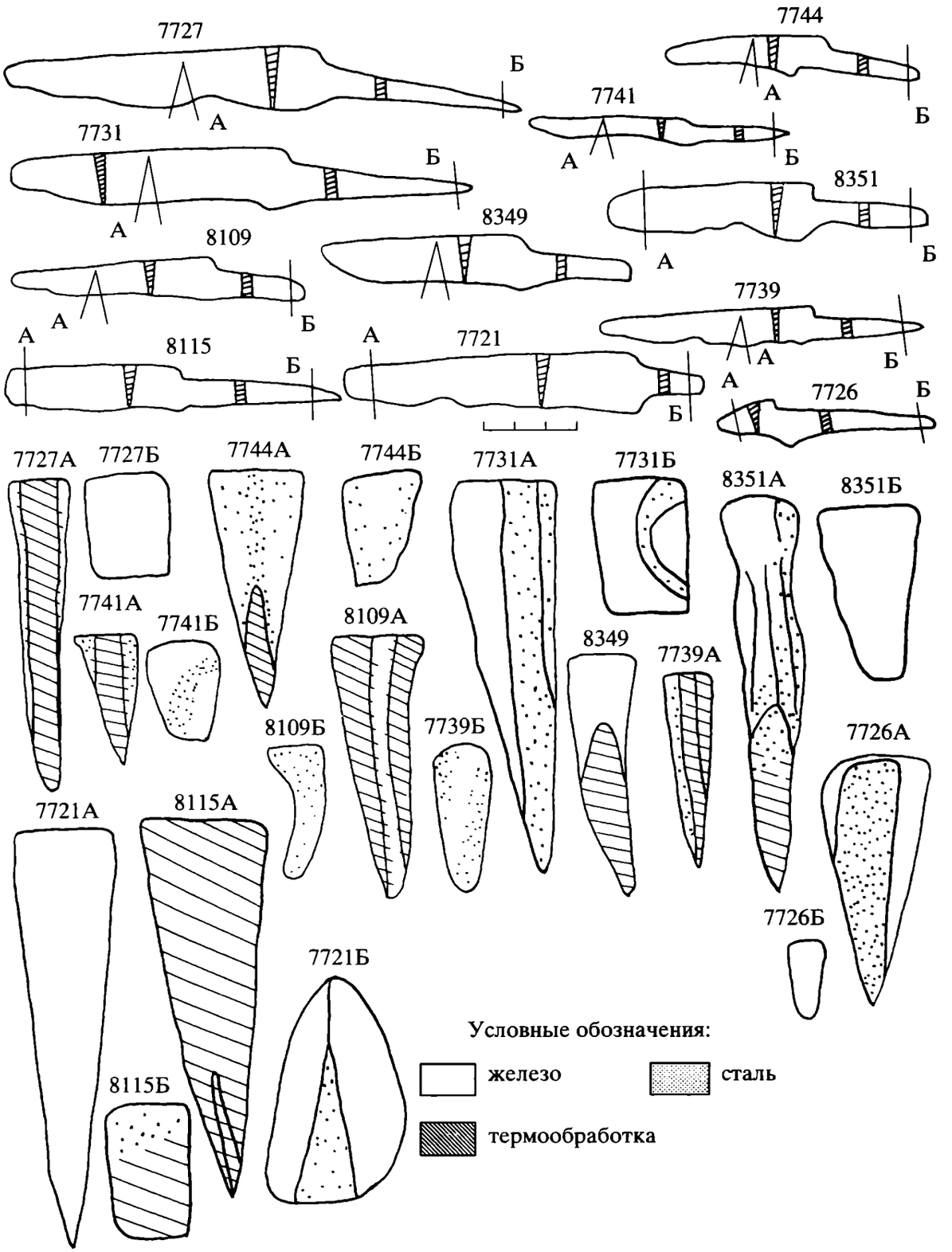

Рис. 1. Схемы ножей, изготовленных по технологиям трехслойного пакета и вварки.

восточноевропейских ремесленных центров как Новгород, Киев, Смоленск, Суздаль.

Для металлографического исследования были отобраны все железные предметы из сборов 1992–1994 гг. Общее количество поковок составило 173 единицы. Исследованы почти все известные в Белоозере категории железного инвентаря. Коллекция кузнечных изделий, по мнению авторов раскопок, относится к XI–XIV вв.[1]

Как уже неоднократно отмечалось в исследованиях по археологической металлографии, наи-

[1] Пользуюсь случаем и выражаю благодарность Н.А. Макарову и С.Д. Захарову за предоставленный материал.

больший интерес, с точки зрения технико-технологического изучения кузнечной продукции, представляют ножи. Именно этому универсальному орудию труда и посвящена настоящая статья.

Ножи составляют самую многочисленную категорию железных предметов. Металлографически изучено 73 орудия. По функциональному назначению все ножи относятся к универсальным, переход от клинка к черенку оформлен уступами. Большинство ножей принадлежит ко II и лишь незначительное количество орудий может быть отнесено к IV группе по классификации Р.С. Минасяна. Примечательно отсутствие ножей первой группы, связываемой с носителями финно-угорского этноса, хотя всеми исследователями неоднократно подчеркивалось наличие в городе финского населения.

При изготовлении ножей применялось десять технологических схем.

Трехслойный пакет (рис. 1). Как известно, эта технология получила наиболее широкое распространение в северорусских землях в X – первой половине XII вв. В исследованной коллекции она зафиксирована на шести экземплярах. Четкая схема, сравнимая по качеству исполнения с "классической" технологией, обнаружена на четырех образцах (рис. 1, ан. 7726, 7727, 7739, 7741). Эти орудия отличает высокое качество сварки (ширина сварных швов 0.0075–0.025 мм). Микротвердость боковых железных полос, как правило, повышенная – 206–350 кг/мм^2, что указывает на применение фосфорного железа. Один из четырех ножей откован целиком из трехслойной заготовки, о чем свидетельствует схема шлифа с черенка орудия (рис. 1, ан. 7741Б). У трех других орудий трехслойными были только клинки, а черенки оставались цельнометаллическими (рис. 1, ан. 7726Б, 7727Б, 7739Б).

Из остальных орудий этой технологической группы один нож уступал по качеству вышеперечисленным образцам: для средней полосы кузнец использовал среднеуглеродистую сталь с содержанием углерода 0.2–0.3%. Термообработке этот нож не подвергался (рис. 1, ан. 7731).

Нож 8109 может быть отнесен к группе трехслойных лишь условно. Его клинок сварен из трех полос, но качество работы и подбор материала говорят о недостаточно высоком профессионализме кузнеца. При изготовлении ножа кузнец неверно расположил полосы металла, в результате чего в центре оказалось железо с микротвердостью 181 кг/мм^2, а по бокам – сталь (рис. 2, *1*). Из-за этого на режущей кромке оказалось сравнительно мягкое железо, что практически сводило на нет преимущества трехслойной технологии. Подобные ошибки, впрочем, далеко не единичны и зафиксированы в коллекциях с других памятников (Завьялов, 1988. С. 131; Завьялов, Розанова, 1990. С. 156; 1992. С. 123). Большинство ножей с

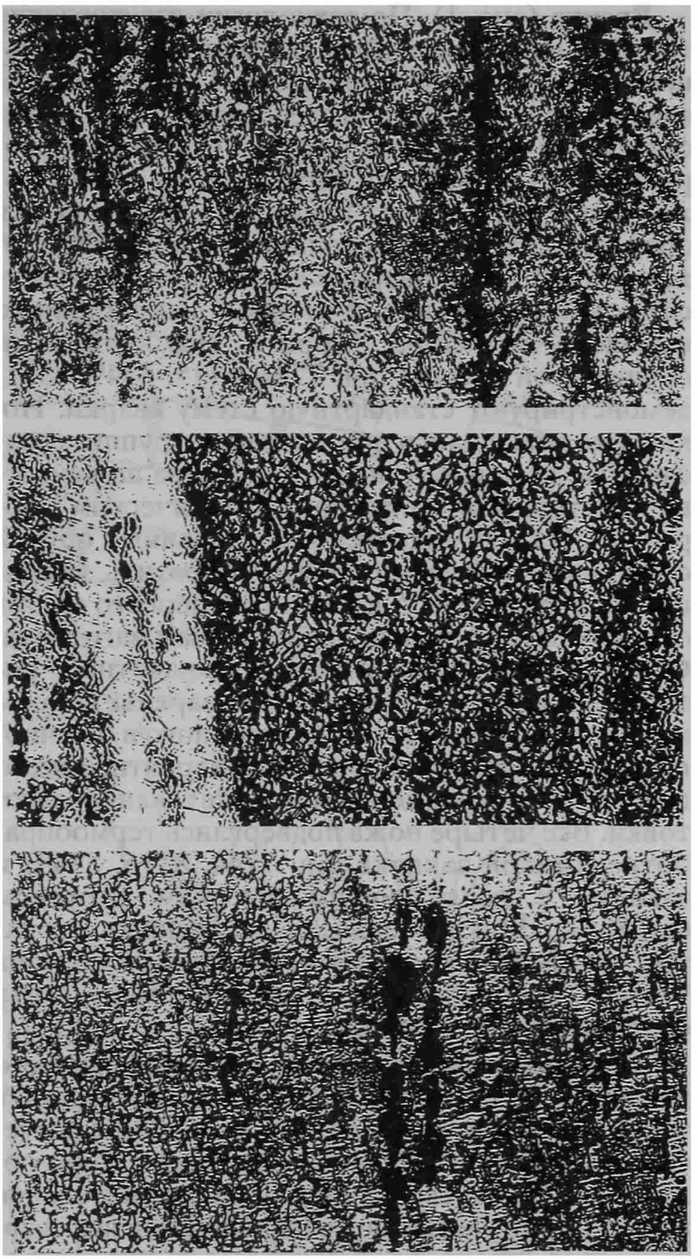

Рис. 2. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 8109А, сварные швы; *2* – ан. 7733Б, сварные швы; *3* – ан. 8111А, феррит. Увеличение ×150, травлено ниталем.

трехслойными клинками в исследованной коллекции были представлены второй типологической группой. Ошибки, возникавшие при изготовлении трехслойных ножей наряду с применением более привычной для мастеров формы, указывают на определенные сложности при освоении этой технологии и, вероятнее всего, являются попытками кузнецов периферийного ремесленного центра повторить сложную и "модную" технологическую схему.

Четыре ножа данной группы были термообработаны – подвергнуты резкой закалке (структуры мартенсита). Однако микротвердость стали оказалась недостаточно высокой: 322–514 кг/мм^2. Это свидетельствует об использовании среднеуглеродистой (возможно, сырцовой) стали.

Вварка (рис. 1). По технологии изготовления трехслойному пакету близка схема вварки стального лезвия в железную основу. Группа ножей с вварными лезвиями в исследованной коллекции составляет пять экземпляров. Следует оговориться, что технологии изготовления одного ножа этой группы (рис. 1, ан. 7721 определяется предположительно, поскольку орудие имеет плохую сохранность. Вварное лезвие прослеживается только на черенке, в то время как на клинке выявлена структура феррита. Все остальные орудия этой группы (ан. 7744, 8115, 8349, 8351) демонстрируют стандартную схему вварки. Но, как уже отмечалось при описании группы трехслойных ножей, орудия из Белоозера по качеству изготовления уступают "классическим" образцам. Из особенностей исследованных орудий с вварными лезвиями следует обратить внимание на образцы 8115 и 8351. Для первого из них основой послужила цельностальная заготовка. Основа другого ножа откована из пакетного металла. При этом в пакет были сварены полосы малоуглеродистой стали, фосфорного и обычного железа. Такой подбор сырья вероятнее всего говорит о преднамеренном пакетовании заготовки. Все четыре ножа подверглись термообработке: резкой закалке (ан. 7744, 8115, 8349) и закалке с последующим высоким отпуском (ан. 8351). Микротвердость закаленных структур – 420–464 кг/мм^2, за исключением образца 7744, у которого микротвердость мартенсита была выше – 464–642 кг/мм^2.

Торцовая наварка (рис. 3). Обнаружено всего два ножа со стальными лезвиями, наваренными в торец на железную основу (ан. 7742, 8346). Качество выполнения кузнечных операций у обоих ножей невысокое, сварка велась продолжительное время: на это указывают расплывчатый вид сварных швов, плохо просматриваемых под микроскопом даже после травления специальными реактивами. Лезвие орудия 8346 подверглось закалке с последующим низким отпуском (структура троостита).

V-образная наварка (рис. 3). В этой технологической схеме изготовлены два ножа (ан. 7723, 8348). Оба орудия термообработаны: нож № 7723 подвергнут резкой закалке, нож № 8348 отожжен (возможно, отжиг произошел случайно). Основа ножа № 7723 была откована из пакетной заготовки.

Косая боковая наварка (рис. 3). Самую многочисленную технологическую группу – 17 экземпляров – составляют ножи, изготовленные по схеме косой боковой наварки стального лезвия на железную основу. Широкое распространение этой технологической схемы в древнерусских городах по данным Новгорода начинается в XIII в. (Колчин, 1982. С. 163; Завьялов, Розанова, 1990. С. 179).

В этой технологической группе выделяется орудие № 7745, основа клинка которого изготовлена в технике сварочного дамаска (рис. 3). На шлифе с полного поперечного сечения клинка обнаружено чередование полос фосфорного железа и мягкой (0.2–0.3% углерода) стали так, что на плоскости клинка они должны были составлять определенный узор из светлых и темных полос. На полученную таким образом основу наварено стальное лезвие. Заключительной операцией по улучшению рабочих качеств ножа была резкая закалка лезвия (на мартенсит). Большинство специалистов сходится во мнении, что ножи с клинками из сварочного дамаска – самые редкостные и дорогие экземпляры. Несмотря на многочисленные исследования ножей (а к настоящему времени опубликованы результаты нескольких тысяч анализов), в Центральной Европе структура дамаска зафиксирована лишь на 35 орудиях (Pleiner, 1973. S. 249–251). Известны подобные ножи и в Древней Руси: один происходит из Новгорода (Колчин, 1959), восемь из Полоцкой земли (Гурин, 1987. С. 29–31) и шесть из Изяславля (Вознесенская, 1990. С. 89). Классическим временем производства таких ножей считается XIII в., хотя известны и более ранние ножи XI–XII вв. (Pleiner, 1973. S. 249–251). Неясным остается вопрос о центрах изготовления дамасских ножей. Что касается экземпляра из Белоозера, то пока нет никаких оснований считать его местным изделием.

Анализ одного ножа с косой наваркой (ан. 8361) показал, что это производственный брак. У данного орудия на основу, откованную из неравномерно науглероженной стали (содержание углерода на отдельных участках достигает 0.4–0.7%), наварено лезвие из железа. Лезвие отличается более тщательной, по сравнению с основой, проковкой. Но, несмотря на высокое качество изготовления (сварки и проковки лезвия), рабочие качества данного орудия были невысокими.

Исполнение ковочных и сварных работ при производстве ножей с косой наваркой не отличалось высоким качеством. Примечательно, что в большинстве случаев лезвие наваривалось только на клинок. Лишь у ножей №№ 8107 и 8354 на черенке была обнаружена стальная наварная полоса (ан. 8107Б, 8354Б). 10 ножей этой группы были термообработаны: семь подверглись резкой закалке, один – мягкой закалке и два – закалке с последующим низким отпуском.

Пакетование заготовки (рис. 4). Три ножа были откованы из пакетных заготовок (ан. 7733, 8340, 8347). Последовательное чередование железных и стальных полос, четкие, параллельные сварные швы указывают, что в этом случае мы имеем дело с преднамеренным пакетованием заготовки (рис. 2, *2*). Все три ножа подверглись тер-

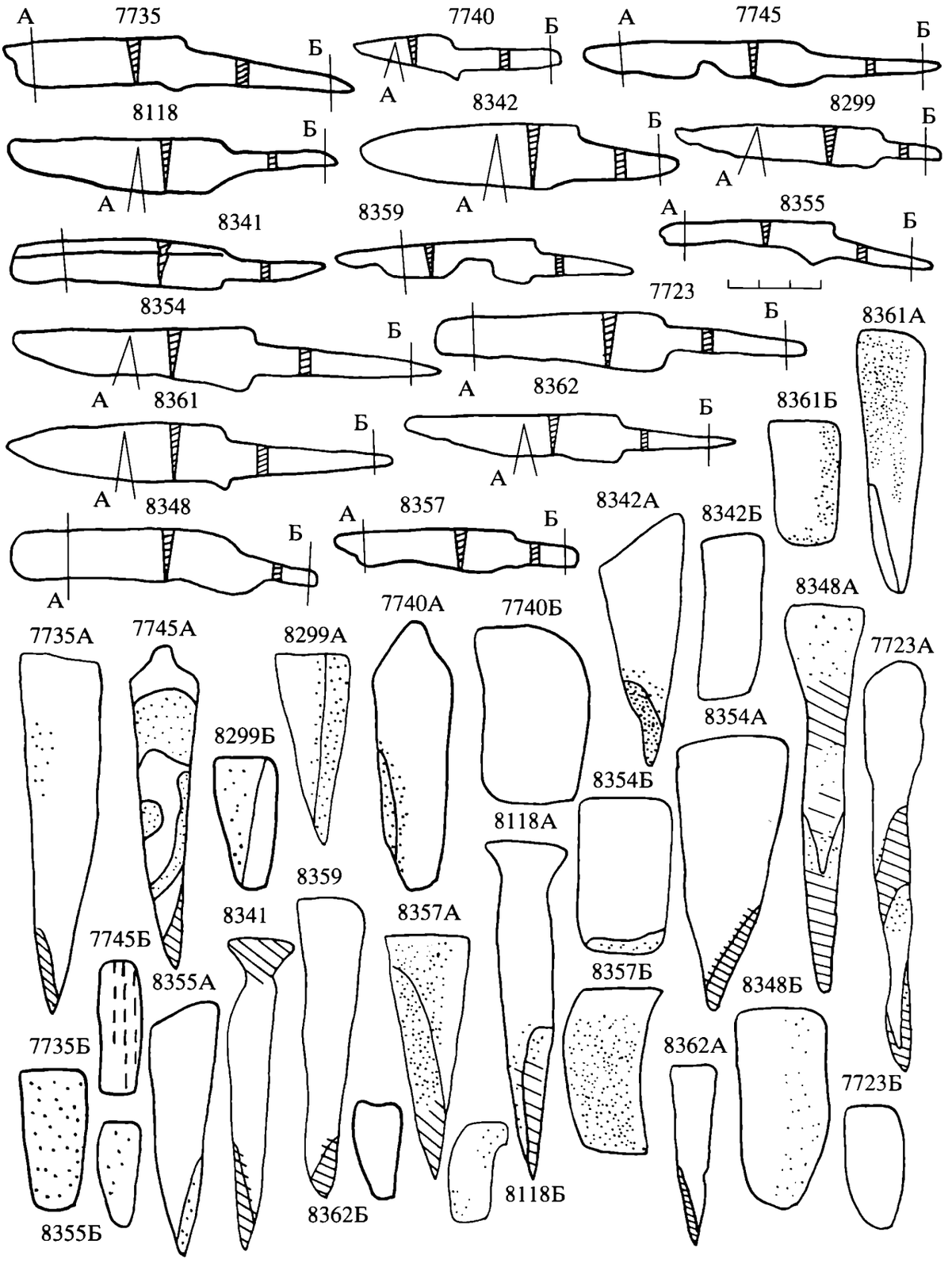

Рис. 3. Схемы ножей, изготовленных по наварным технологиям. Условные обозначения см. на рис. 1.

мообработке. Следует отметить, что ножи из пакетного металла хотя и присутствуют почти во всех коллекциях из древнерусских памятников, но составляют в них от 1 до 6%, и лишь в Полоцкой земле доля таких ножей составляет немногим более 8% (Розанова, 1990. С. 93).

Ножи из цельнометаллических заготовок (рис. 5). Ножи, откованные целиком из железа или стали, составляют более половины всей коллекции – 39 экземпляров. На 15 из них обнаружена ферритная структура. Два железных ножа имели крайне плохую сохранность, что не исклю-

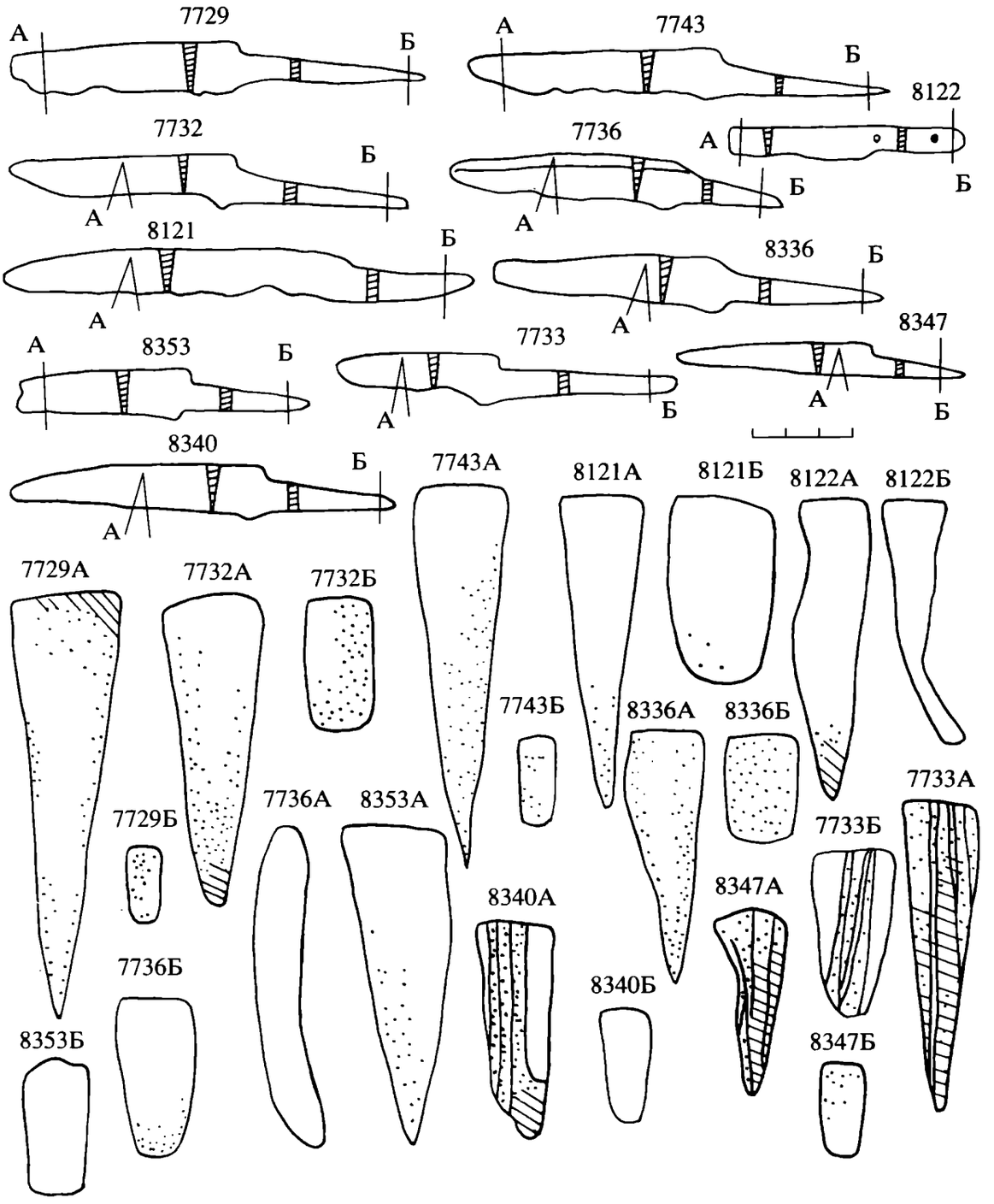

Рис. 4. Схемы ножей, изготовленных с применением цементации и откованных из пакетных заготовок. Условные обозначения см. на рис. 1.

чает возможности их изготовления по более сложной технологии (ан. 8112, 8352). Отличительной особенностью шести железных ножей (ан. 8108, 8110, 8339, 8344, 8350, 8352) была повышенная (выше 206 кг/мм^2) микротвердость феррита. Феррит всех этих ножей характеризуется также крупнозернистостью, а на трех из них (ан. 8339, 8344, 8350) обнаружены участки фосфорной ликвации. Сочетание указанных факторов несомненно свидетельствует, что эти ножи были откованы из фосфорного железа. В феррите остальных железных ножей преобладают зерна средних размеров, а микротвердость, как правило, не превышает 193 кг/мм^2.

Среди железных ножей следует отметить два орудия, основа которых сварена из двух полос однородного металла (ан. 8108, 8111). Сварка в обоих случаях проведена на низком уровне (рис. 2, *3*).

Из цельностальных заготовок откованы 13 ножей. Сталь пяти из них сырцовая, была получена непосредственно в металлургическом горне

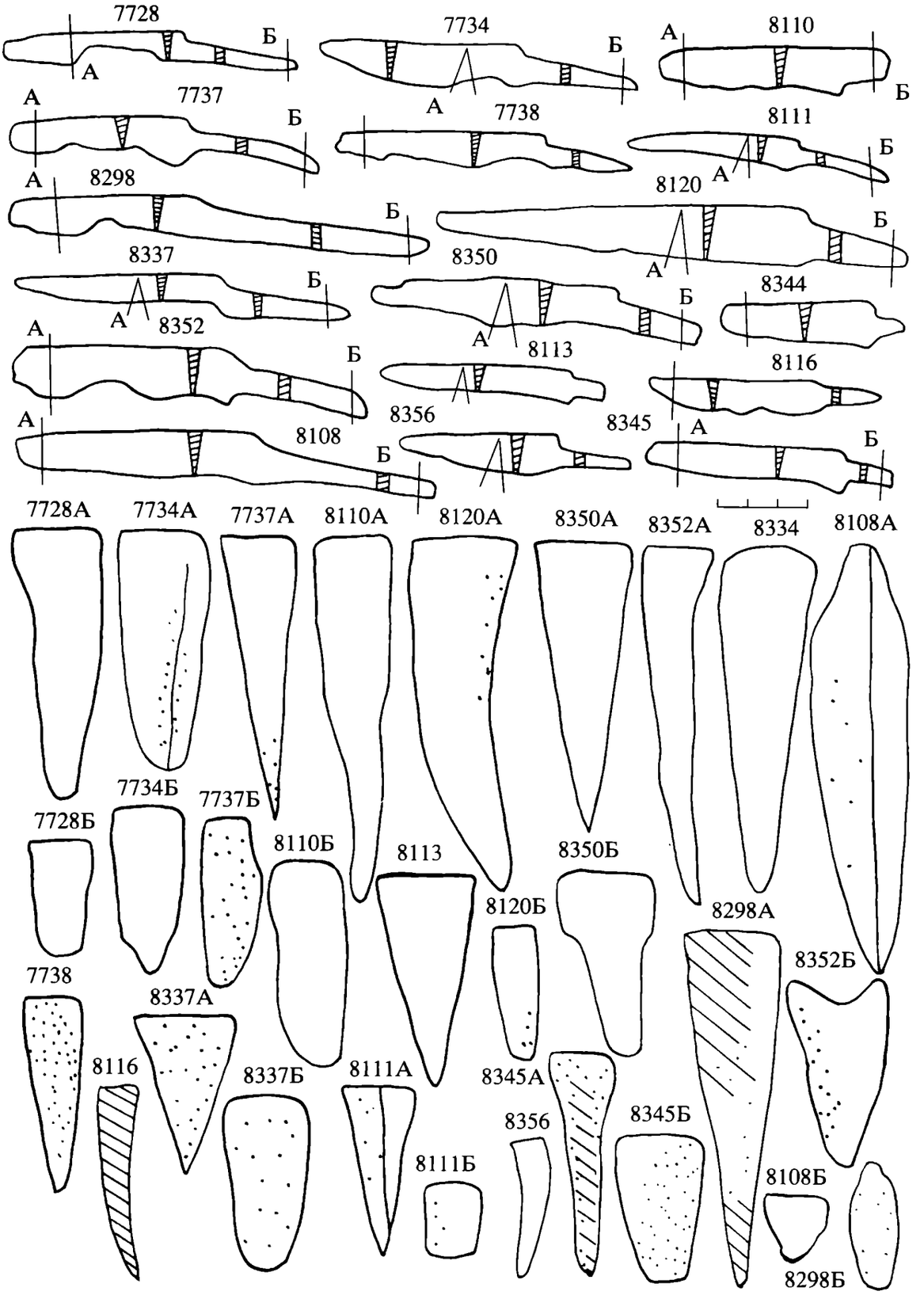

Рис. 5. Схемы ножей, откованных из цельнометаллических заготовок. Условные обозначения см. на рис. 1.

(ан. 7722, 7737, 7738, 8298, 8337). Сырцовая сталь характеризуется неравномерным распределением углерода и невысоким (до 0.3–0.4%) его содержанием (рис. 6, *1*). Один из ножей этой группы (ан. 8298) подвергся резкой закалке. По своей форме среди ножей из сырцовой стали выделяется орудие № 8337. Оно относится к четвертой группе по классификации Р.С. Минасяна и в данном случае, скорее всего, имеет место копирование формы "модных" в IX–XI вв. орудий. Метал-

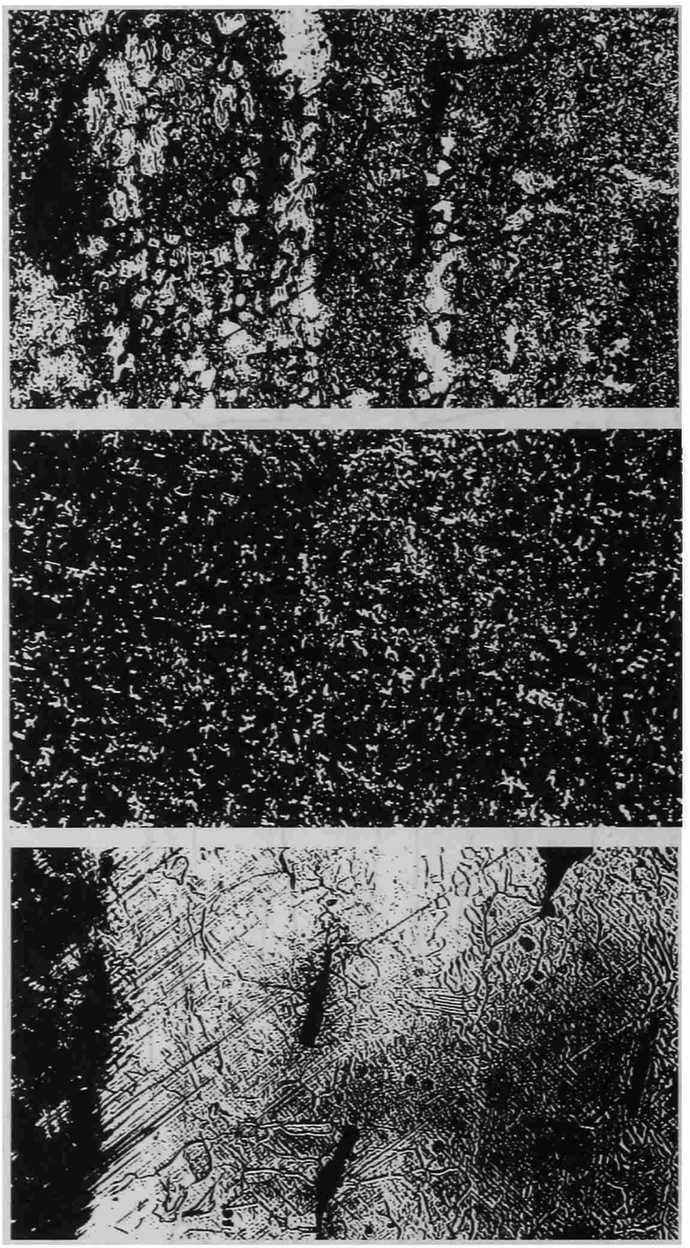

Рис. 6. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 8337А, сырцовая сталь, феррит с перлитом; *2* – ан. 8106Б, цементованная сталь, феррит с перлитом; *3* – ан. 7735А, феррит. Увеличение ×150, травлено ниталем.

лографическими исследованиями ножей установлена довольно устойчивая связь этого типа с технологической схемой трехслойного пакета. Однако исследованный нож свидетельствует в пользу уже высказывавшегося в литературе мнения, что распространение определенного типа ножей не всегда влечет за собой и копирование присущей этому типу технологии.

Восемь ножей были откованы из цементованной стали, полученной при специальном науглероживании заготовок (ан. 7724, 7725, 8106, 8116, 8343, 8347, 8358, 8360). Содержание углерода в металле составляет от 0.3 до 0.5%, его распределение равномерно (рис. 6, *2*). Шесть ножей термообработаны: три подверглись резкой закалке (ан. 7724, 8116, 8360), два закалены с последующим высоким отпуском (ан. 8343, 8347) и один отожжен (ан. 8106). Что касается последнего орудия, то отжиг мог носить непреднамеренный характер.

Цементация (рис. 4). Рабочие качества десяти ножей были улучшены с помощью химико-термической обработки. Применялись все виды цементации: односторонняя (ан. 7736, 7743, 8104, 8121, 8122, 8353), двусторонняя (ан. 7732, 8336), и сквозная (ан. 7729, 8345). У основной массы образцов содержание углерода на лезвии составляет 0.3–0.4%, а у образцов № 7726, 7729, 7743 оно доходит до 0.6–0.8%. Термообработка зафиксирована на четырех ножах: резкая закалка (ан. 7729, 8122) и закалка с низким отпуском (ан. 7732, 8345). Интересно отметить, что метастабильная структура на образце № 7729 обнаружена только на обушке. Основа ножа № 7743 была откована из пакетного металла.

Как видно из приведенных результатов металлографических анализов, сырьем для поковок служили кричное железо (как обычное, так и фосфорное), сырцовая и цементованная сталь. Очень редко в качестве основы изделия использовались пакетные заготовки. В основном заготовки орудий отковывались из цельнометаллических полуфабрикатов. Железо и сырцовая сталь сильно засорены шлаковыми включениями. Железо характеризуется неравномерной зернистостью феррита с преобладанием зерен средних размеров (рис. 6, *3*). Цементованная сталь в отношении шлаков значительно чище (рис. 7, *1*).

Важнейшим элементом по улучшению рабочих свойств железных орудий является термическая обработка. Среди ножей термообработанными оказались 35 экземпляров (48%). Использовались все виды термической обработки, но преобладала резкая закалка (применялась в 63% случаев).

Большинство исследованных образцов демонстрирует высокое качество сварки. Сварные швы имеют вид белых линий, почти не содержат шлаковых включений (рис. 7, *2*). Лишь в одном случае (ан. 8357А) шов оказался почти полностью забит шлаками (рис. 7, *3*).

Распределение технологических схем исследованных ножей представлено на рис. 8. Уместно напомнить, что в результате металлографического анализа 15 ножей из раскопок Л.А. Голубевой, проведенного Г.А. Вознесенской, обнаружено применение всего двух технологических схем: торцовой наварки (12 экземпляров) и косой боковой наварки (три экземпляра) (Голубева, 1973. С. 124). Как видно из приведенных результатов анализов коллекции из раскопок 90-х годов, представленные данные позволяют существенно скорректировать полученные ранее выводы. При этом не только увеличилось количество известных в Белоозере технологических схем, но и из-

менилось соотношение между технологическими группами косой и торцовой наварки. Обращает на себя внимание высокий процент ножей с цементованным лезвием (15%), цельножелезных (21%) и цельностальных (ножи из качественной стали – 11%, а вместе с ножами из сырцовой стали – 18%) в исследованной коллекции. До настоящего времени такая высокая доля орудий, изготовленных с применением "архаичных" технологий, встречалась только на памятниках Южной Руси (Розанова, 1990. С. 93). Вероятно, значительное число железных ножей объясняется в немалой степени условиями формирования коллекции – все исследованные предметы являются подъемным материалом, который подвергался более сильному воздействию коррозии, чем предметы, происходящие из культурного слоя. Следствием этого могла стать утрата орудиями стального лезвия. Следует отметить, что из 15 железных ножей лишь 8 имели хорошую сохранность. В то же время достаточно высокой оказалась и доля ножей с наварными лезвиями и, особенно, изготовленных в технике косой боковой наварки (23%).

Как уже отмечалось, характер коллекции не позволяет датировать железные предметы более узко, чем хронологические рамки самого памятника. Однако благодаря металлографическим исследованиям можно выделить наиболее ранние ножи, которые были изготовлены в технологиях трехслойного пакета и вварки. Они составляют небольшую часть – всего 11 экземпляров (чуть больше 16%). Эти орудия, несомненно, следует отнести к раннему периоду существования памятника (XI–XII вв.). Большинство ножей этих групп представлены орудиями, технология изготовления которых имитирует классические образцы (попытка воспроизвести технологическую схему). Данное обстоятельство позволяет отнести такие поковки к продукции местных ремесленников. Изделия, изготовленные по наварным технологиям, могут быть датированы периодом их широкого распространения на древнерусских памятниках (XII–XIV вв.). При этом время бытования такой большой группы, как ножи с косой наваркой, может быть еще более уточнено. По материалам Новгорода известно, что эта технологическая схема широко распространяется с начала XIII в. (Завьялов, Розанова, 1990. С. 179). Таким образом, вполне правомерно говорить о появлении основной массы таких ножей в Белоозере не ранее первой половины XIII в. Часть коллекции, представленная технологиями цементации и выковки из цельнометаллических заготовок, к сожалению, не может быть хронологически детализирована, поскольку эти технологии имеют широкую датировку. Лишний раз подчеркну типологическую однородность исследованной коллекции. Ножи, которые по форме могут быть датированы X–XII вв. (прежде всего орудия четвертой груп-

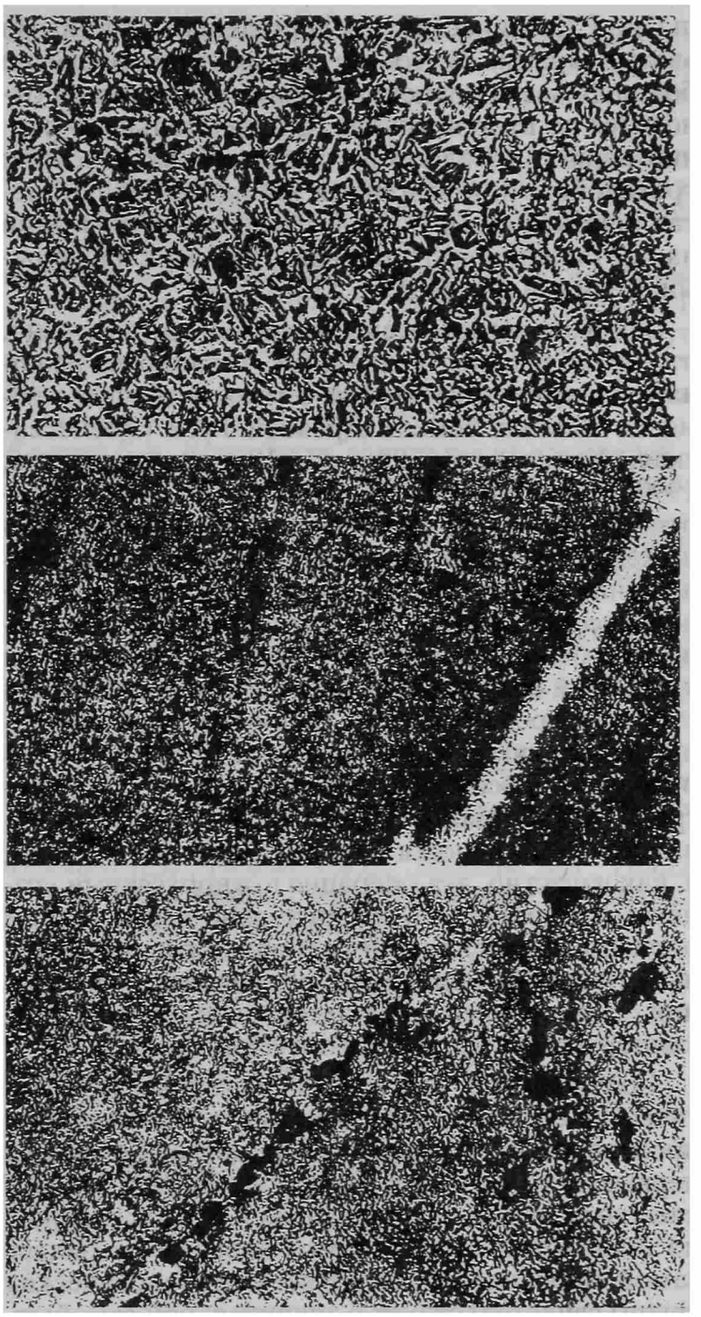

Рис. 7. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 7735Б, феррит с перлитом; *2* – ан. 8351А, сварной шов; *3* – ан. 8357А, сварной шов. Увеличение ×150, травление: *1* – ниталем, *2–3* – реактивом Стэда.

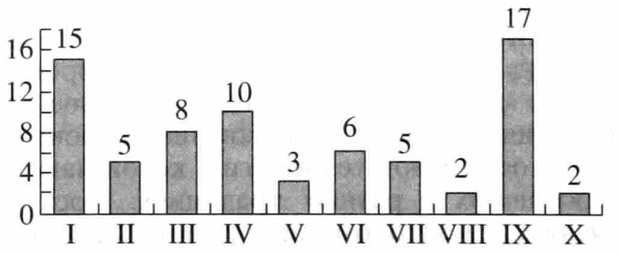

Рис. 8. Распределение ножей из Белоозера по технологическим схемам. I – из железа; II – из сырцовой стали; III – из цементованной стали; IV – цементация; V – пакетование; VI – трехслойный пакет; VII – вварка; VIII – торцовая наварка; IX – косая наварка; X – V-образная наварка.

пы, по Р.С. Минасяну) представлены единичными экземплярами. В то же время типологически большая часть коллекции белозерских ножей относится ко второй группе. Следовательно, в ранний период в Белоозере присутствовали ножи с трехслойными и вварными клинками, цельнометаллические схемы и цементация присутствовали на протяжении всего периода, а ножи с наварными лезвиями бытовали в XII–XIV вв.

Многолетними исследованиями установлено, что преобладание "архаичных" технологий на ножах является характерной чертой кузнечного ремесла Южных земель Древней Руси (Вознесенская, Коваленко, 1985. С. 108; Вознесенская, 1990; Вознесенська и др., 1996. С. 166, 167). По соотношению технологических схем изготовления ножей Белоозеро занимает промежуточное положение между памятниками южнорусских и северорусских земель. Поэтому безоговорочно относить белоозерский материал к той или иной кузнечной традиции вряд ли правомерно. С одной стороны, среди ножей из Белоозера весомую долю составляют орудия с наваркой (при явном преобладании косой боковой наварки), с другой – среди "архаичных" технологий значительную долю составляют ножи с цементованным лезвием, а, как известно, эта операция южнорусскими кузнецами применялась сравнительно редко. Таким образом, следует говорить о своеобразии кузнечных традиций Белоозера, развившихся на местной основе и впитавших отдельные элементы как южнорусских, так и северорусских традиций.

Соотношение "архаичных" и сварных технологических схем приводит к выводу о значительном преобладании в кузнечном ремесле Белоозера первых. В то же время значительная доля ножей с наварным лезвием (группа ножей, изготовленных по технологии косой боковой наварки, оказалась самой многочисленной из всех технологических групп) свидетельствует о значительной самобытности технического строя кузнечного ремесла Белоозера, в котором сочетались и южнорусские, и северорусские традиции. Как видим, материал из Белоозера при типологическом единообразии поковок демонстрирует широкое разнообразие технологических схем. При этом ни одну схему нельзя считать доминирующей. По всей видимости, это указывает на существование в городе нескольких мастеров, отличавшихся по своей квалификации (именно высококвалифицированные кузнецы осваивают технологию косой наварки), и работавших в разных традициях. Последнее объясняется притоком населения в Белоозеро в XI–XII вв. и середине XIII в. Факт появления пришлого населения на основании анализа кузнечной продукции был зафиксирован нами (правда, в значительно меньшем объеме) и при широкомасштабных исследованиях кузнечной продукции из Новгорода (Завьялов, Розанова, 1990. С. 169).

Интересно сопоставить полученные данные по кузнечному ремеслу Белоозера с материалами других городов Северо-Востока Руси. В настоящее время мы располагаем сопоставимыми количественно синхронными коллекциями из стольного города Суздаля (Розанова, 1991) и Ярополча Залесского (Хомутова, 1978). Результаты исследований позволяют констатировать высокий профессионализм во владении техникой кузнечного производства, совершенное знание многих технических приемов, большой опыт проведения термической обработки кузнецами Северо-Восточной Руси. Развитие ремесла здесь шло по линии специализации. Орудия становились разнообразнее, наряду с универсальными орудиями появляются и специализированные. Уже в X в. был хорошо освоен процесс получения качественной стали. Он оставался стабильным на всем протяжении домонгольского периода (Розанова, 1991. С. 218, 219). Материалы Белоозера свидетельствуют, что получение качественной стали оставалось стабильным и в последующее время. Почти все изделия, на рабочих частях которых требовалась твердая поверхность, имели стальные лезвия. Такие орудия составляют в Суздале и Ярополче 89%, в Белоозере их доля несколько ниже, но достаточно высока – около 85%.

Что касается применения технологических схем, то на памятниках Ростово-Суздальской земли четко выявляется тенденция применения сварных конструкций (около 67%). Исключение составляет Ярополч Залесский, кузнечное ремесло которого имеет много общих черт с ремеслом Южной Руси (Терехова и др., 1997. С. 288, 289). И хотя коллекции ростово-суздальских памятников представлены в большей части несколько более ранним временем (X–XIII вв.), полагаю, что сопоставление наиболее характерных черт кузнечного ремесла вполне правомерно. Как видно из приведенных результатов металлографических анализов, характерной чертой коллекции ножей из Белоозера было почти равное количество орудий, изготовленных в "архаичных" и сварных технологиях, при незначительном преобладании первых.

Существенные отличия материалов из Белоозера наблюдаются и в применении термообработки. Если в Суздале и Ярополче термически обработанные изделия среди стальных составляют соответственно 93% и 79.6%, то в Белоозере их доля не превышает 63%.

Итак, можно констатировать, что технический строй белоозерского кузнечного ремесла был во многом самобытен и не находился в тесной связи ни с кузнечеством стольного Суздаля, ни с ремеслом других городов княжества. На мой взгляд, это объяснимо прежде всего значительной удаленностью города от основных кузнечных центров Древней Руси (как Новгорода, так и Суздаля), что привело к консервации в кузнечном ре-

месле Белоозера "архаичных" технологических схем и широкому распространению такого несложного приема улучшения рабочих качеств орудий, как цементация. В то же время в кузнечном ремесле Белоозера нашли отражение традиции как Северной Руси (проявившиеся прежде всего в распространении косой наварки), так и Южной Руси. Весьма вероятно, что южнорусское влияние связано как с перемещением населения, практиковавшимся владимиро-суздальскими князьями, так и (в большей степени) с притоком южнорусского населения после татаро-монгольского нашествия.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 00-01-00100а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вознесенская Г.А. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Вознесенская Г.А., Коваленко В.П. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XI вв. Киев, 1985.

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. Київ, 1996.

Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.

Гурин М.Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1987.

Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

Завьялов В.И., Розанова Л.С. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.

Завьялов В.И., Розанова Л.С. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Макаров Н.А., Захаров С.Д. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15414.

Розанова Л.С. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Розанова Л.С. Кузнечная продукция и техника ее производства на северо-востоке Руси в X–XIII вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.Н., Толмачева М.М. Очерки по истории железообработки Восточной Европы. М., 1997.

Хомутова Л.С. Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий // Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

Pleiner R. K vyvoji slovanské nozirské techniky v Cechach // Archeologické rozhledy. 1973. XXI.

Knives from Ancient Beloozero: Technological Aspect

V. I. Zav'yalov

Summary

The town of Beloozero had emerged in the area marked with early contacts of the Slavic and Finnic tribes. From the very beginning the town's development was based of manufacturing and trade. The remains related to metallurgy and metal-working were discovered in the central part of the site. Manufacturing assemblages were accompanied by finds of slags, ore, nozzles' and plaster fragments, as well as the blacksmiths' tools: tongs, hammers, and file. The article is devoted to archaeometallurgical investigation of knives' collection from Beloozero comprising 73 items. Ten technological patterns were applied for manufacturing knives: three-fold welding structure, welding-in; frontal, oblique and V-shaped welding-on, carbonization, producing from pile-welded blank, solid iron, bloomery steel, carbonized steel. The most numerous are the knives produced with the application of oblique side welding of steel cutting edge on iron core – 17 samples. The analyses undertaken prove that the technical characteristics of the Beloozero blacksmiths' trade was rather specific. Archaic technological patterns survived there, first of all carbonization, widely applied to improve the tools' quality.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 148–154

ПУБЛИКАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА "МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ"

© 2002 г. Т. Д. Панова

Музей-заповедник "Московский Кремль"

Цель данной публикации – продолжить введение в научный оборот материалов архивного собрания музея-заповедника "Московский Кремль" (Отдел рукописных, печатных и графических фондов). В состав собрания входят разнородные рукописные, печатные и графические материалы о случайных находках (XIX – сер. XX вв.) и археологических наблюдениях (втор. пол. XX в.) в Кремле, а также интересные данные о древностях других древнерусских центров (например, описи находок при раскопках графа Уварова в районе г. Владимира).

Публикация археологических материалов из архива начата недавно с рисунков академика живописи А.Ф. Солнцева (1801–1893), далеко не все произведения которого увидели свет: за долгую жизнь художник зафиксировал огромное число русских и не только русских древностей, часть которых утрачены безвозвратно или значительно изменились под влиянием времени (Панова, 1996; Богатская, Панова, 1999).

Наиболее активно А.Ф. Солнцев посещал древние русские города в 1830–1860-х годах. Среди его неопубликованных материалов были древности Владимира (план Успенского собора: 38078 КП; хранившиеся в нем серебряный ковш, шлем и стенобитная стрела: 37757 КП; Дмитровский собор и детали его декора: 38076, 38077, 38079, 38081 КП; панагия из ризницы Рождественского монастыря: 38714 КП) и городов Владимирской земли, таких как Суздаль (фасад башни Спасо-Евфимьевского монастыря: 37754 КП), Юрьев-Польской (план города "с окрестными селениями": 38373 КП) и Александрова слобода (колокольня Успенского монастыря и отдельные хранившиеся в монастыре предметы: 37712 КП; знаменитые Васильевские врата: 37705 КП). В архиве много также рисунков древностей Новгорода Великого, особенно Софийского собора и происходивших из него церковных предметов (частью опубликованы: Древности..., 1842–45. Отд. I, 24–25; Отд. VI, 20, 27–29). Среди неопубликованных – рисунки Софийской колокольни (фасад, профиль и планы ярусов, 38214 КП); корсунского паникадила (38321 КП); клобука архиепископа Василия (45700 КП); панагии XV в. с композицией Вознесения (45553 КП); деревянных врат времени Ивана Грозного (38087–38090 КП); отдельных памятников архитектуры (38200 КП). Несколько листов посвящены памятникам Пскова (вид на Троицкий собор: 38262–38263 КП; Спасо-Преображенский собор и часовня Мирожского монастыря: 38093 КП) и Чернигова (план и фасад Преображенского собора: 37713, 37714 КП; потир, кадило, панагия и кресты Елецкого монастыря: 37747, 37733 КП; крест, кадильница и панагия из Троице-Ильинской обители: 37745 КП). В Смоленске много внимания уделено укреплениям (Шейная башня, Королевская стена и редуты: 45687 КП) и видам города (общие виды: 48202–48205 КП; Резницкая улица и часть колокольни Успенского собора: 45685 КП), вид Смоленска от Одигитриевской церкви к Авраамиеву монастырю: 45686 КП; вид от развалин Смядынского монастыря на церковь Архангела Михаила: 45688 КП; руины Борисоглебской Смядынской обители и гроб князя Давида Ростиславича: 45689 КП; фасад и план церкви Архангела Михаила 1190 г.: 45690 КП; панорама Вознесенского (?) монастыря: 45684 КП). Из неопубликованных листов по Москве и Подмосковью сохранились изображения крепостных сооружений Серпухова, Коломны и Зарайска (гр. 3968) и план Троице-Сергиевой лавры (41925 КП) (другие древности Лавры, изображенные на листе 38198 КП, и рисунки с личных вещей Сергия Радонежского, 38705–38706 КП, были опубликованы).

Разумеется, каждая серия рисунков, а подчас и каждый из листов, требуют отдельной публикации. Поэтому мы ограничимся на этот раз одной группой документов, связанных с Москвой. Во вторую часть статьи включаются сведения о находках кладов в Кремле в 1939–1940 гг. Те и другие материалы до сих пор были абсолютно неизвестны.

I

В составе огромного фонда А.Ф. Солнцева наше внимание привлекла группа рисунков с надписей намогильных плит XVII в. Захоронения принадлежали одной семье рода Огаревых; по-видимому, художник скопировал их на каком-то из московских кладбищ, но, к сожалению, никак не обозначил место, с которого происходят эти па-

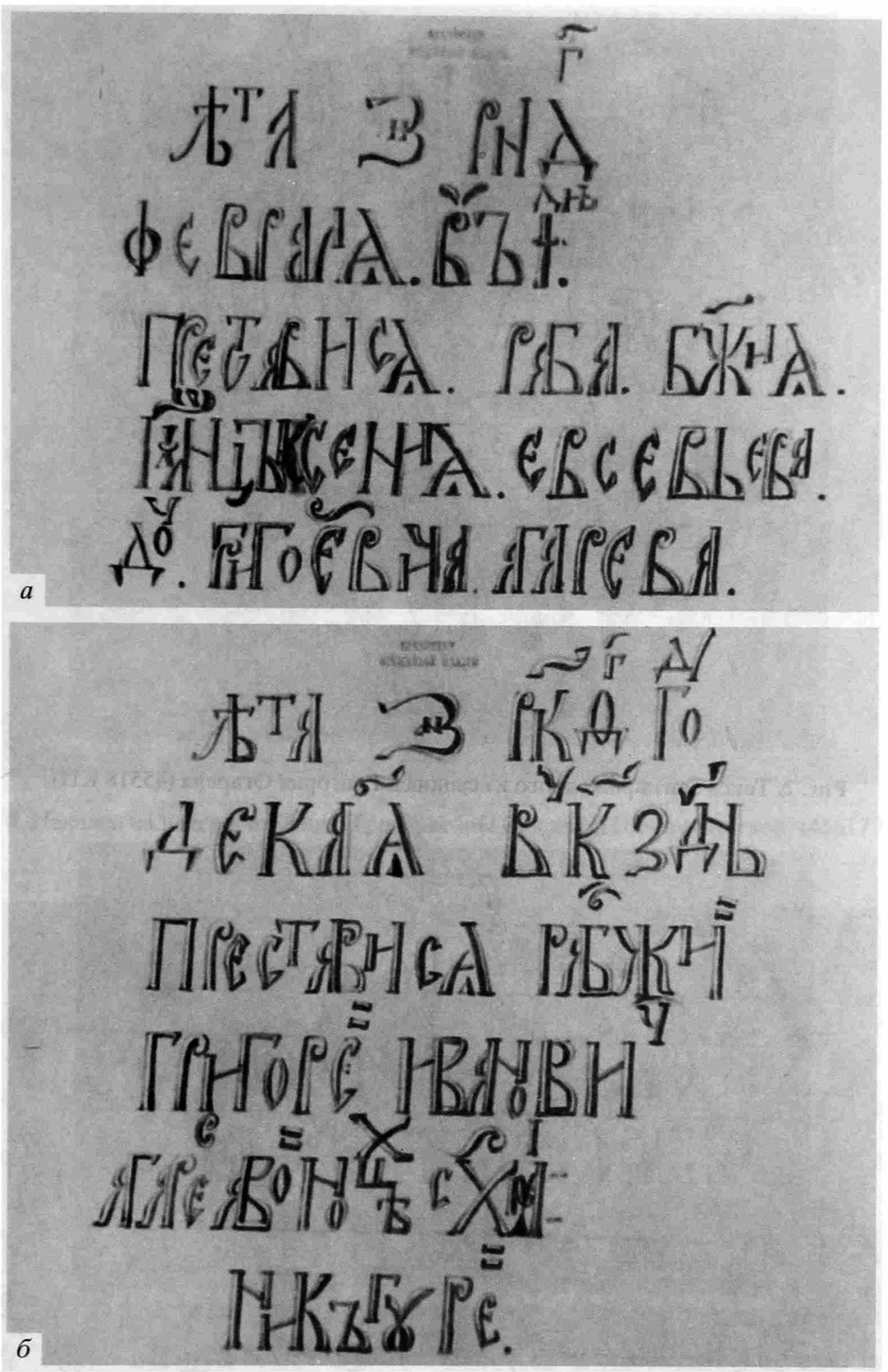

Рис. 1. *а* – Эпитафия Ксении Евсеевны Огаревой (45520 КП); *б* – эпитафия Григория Ивановича Огарева (45521 КП).

мятники. Учитывая потенциальную информативность текстов средневековых эпитафий для генеалогии и социальной истории, ввести их в круг источников по истории московского некрополя представляется важным.

А.Ф. Солнцев срисовал надписи девяти надгробий, самая ранняя из которых датируется 1620, а самая поздняя – 1676 г. Памятники содержат имена представителей трех поколений семьи Огаревых. Первым в этом ряду стоит Григорий Огарев (рис. 1*б*). Текст шестистрочной эпитафии звучит так: "Лета 7129 году // декабря в 26 день // преставися раб божий // Григорий Иванович // Агарев а во иноцех схим // никъ Гурей" (45521 КП). Через семь лет, в 1627 г., умирает один из сыновей Григория Ивановича, но его имя на плите не сохранилось: "Лета 7135 году // июля в 11 день // преставися раб божий младенец // … Григорьев // сына Ивановича // Агарева:" (рис. 2; 45518 КП). Кроме умершего малолетним сына, на семейном участке Огаревых были похоронены и другие дети Григория Ивановича – сын Сергей и дочь Анна. Сергей

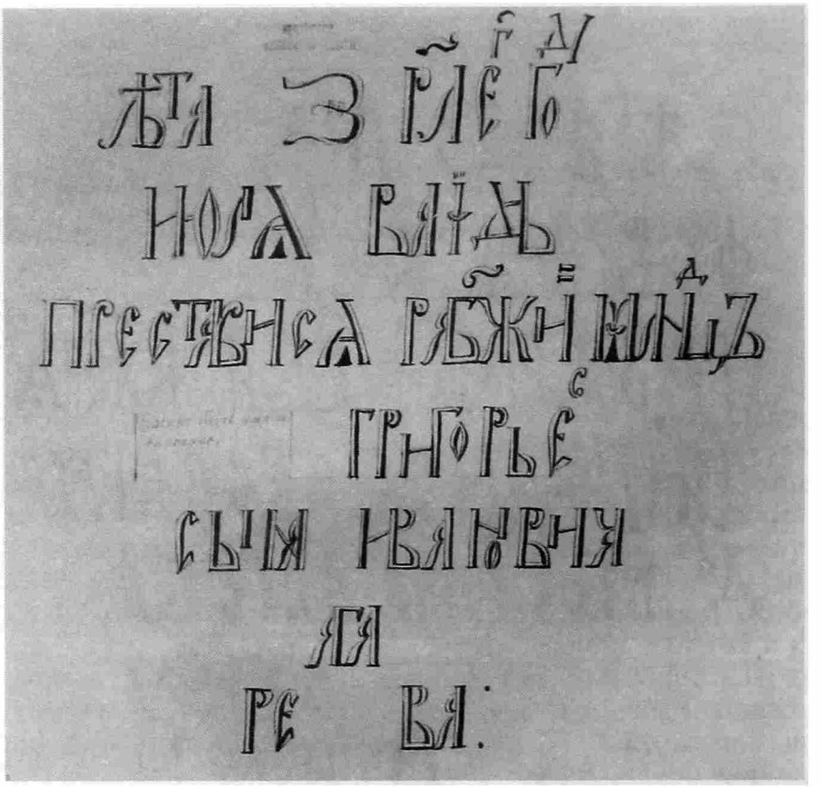

Рис. 2. Текст эпитафии одного из сыновей Григория Огарева (45518 КП).

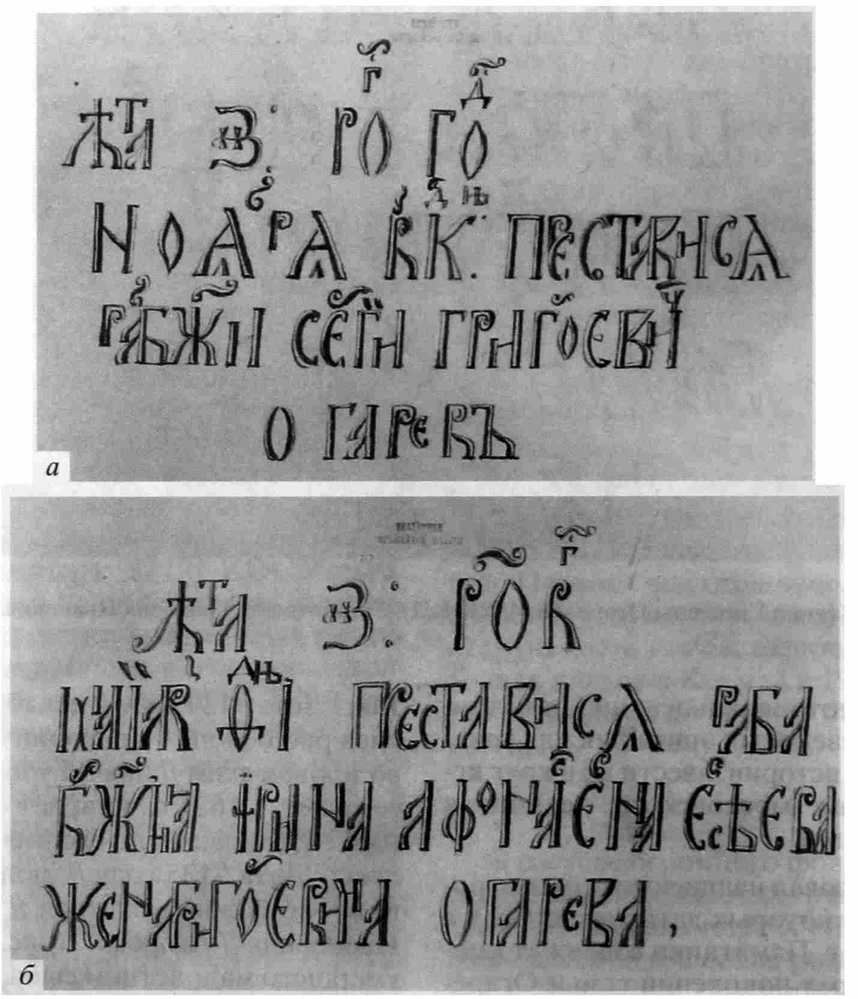

Рис. 3. *а* – Эпитафия Сергея Григорьевича Огарева (45522 КП); *б* – эпитафия Ирины, жены Евсевия Огарева (45523 КП).

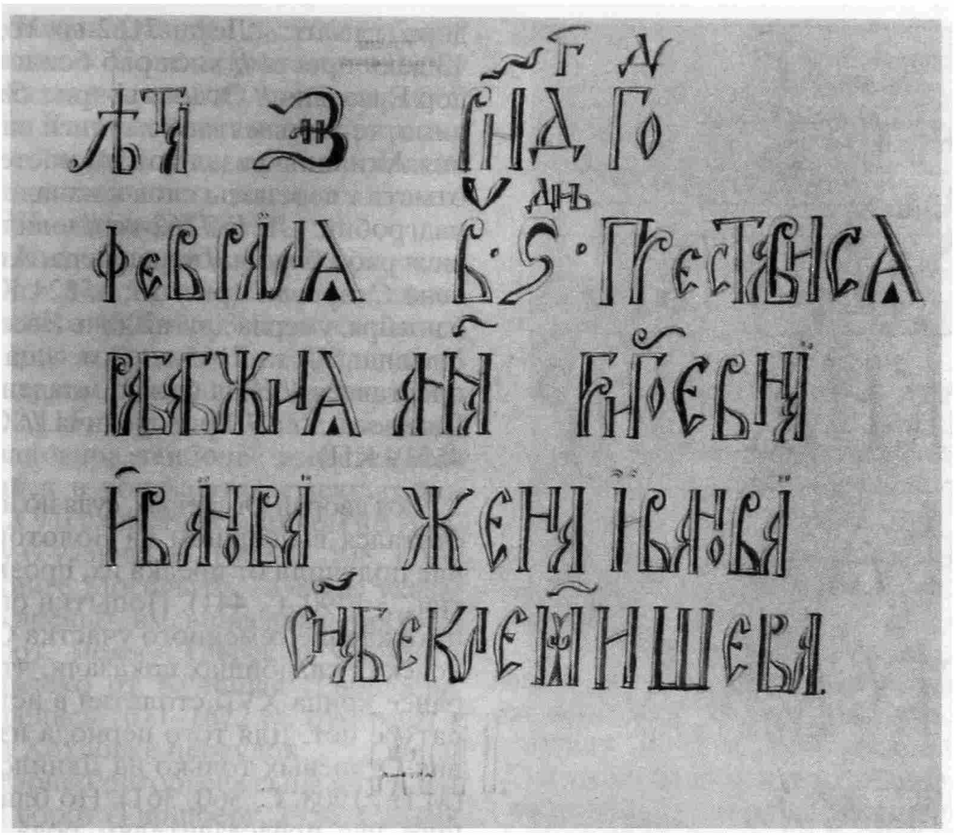

Рис. 4. Надпись на надгробии Анны Григорьевны Огаревой (Беклемишевой) (45517 КП).

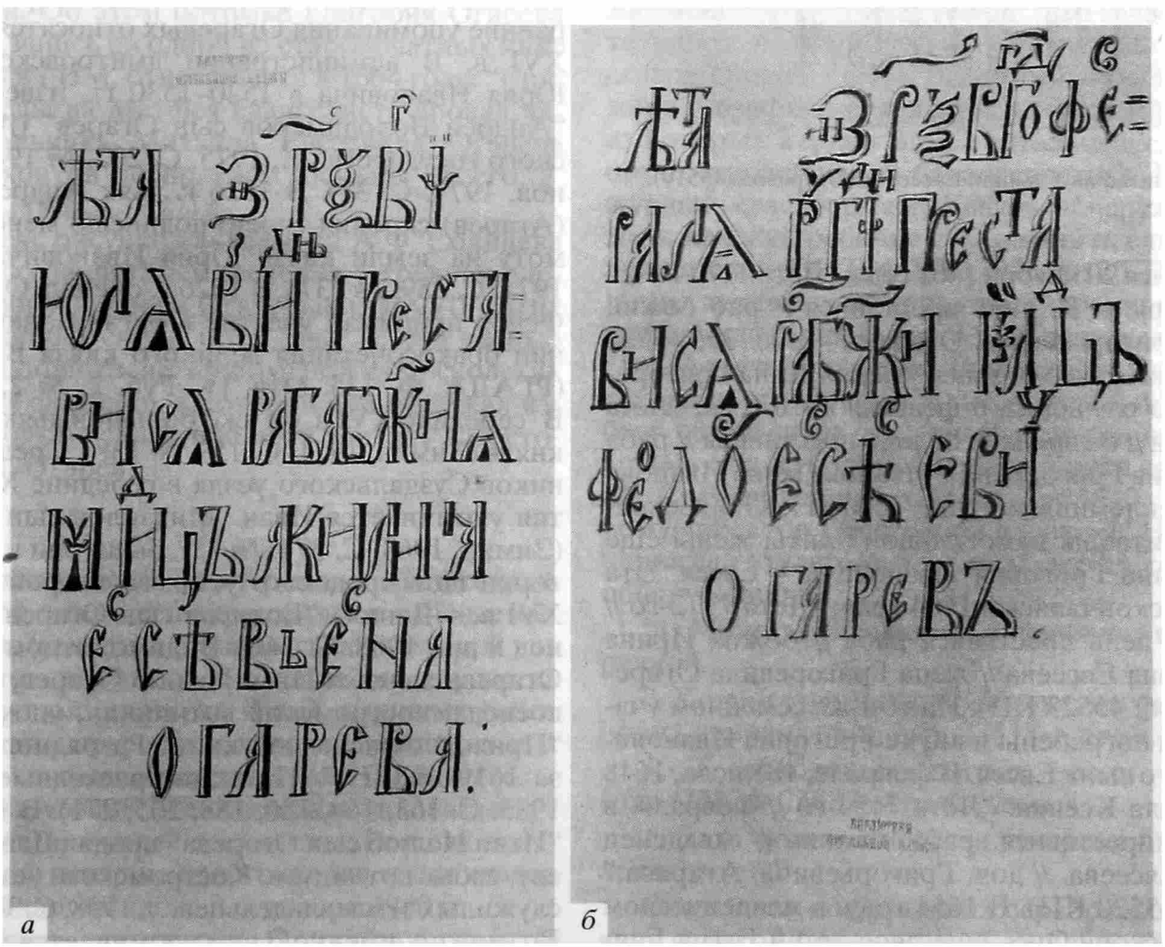

Рис. 5. *а* – Текст эпитафии Федора Евсеевича Огарева (45525 КП); *б* – надпись на надгробии Акилины Евсеевны Огаревой (45524 КП).

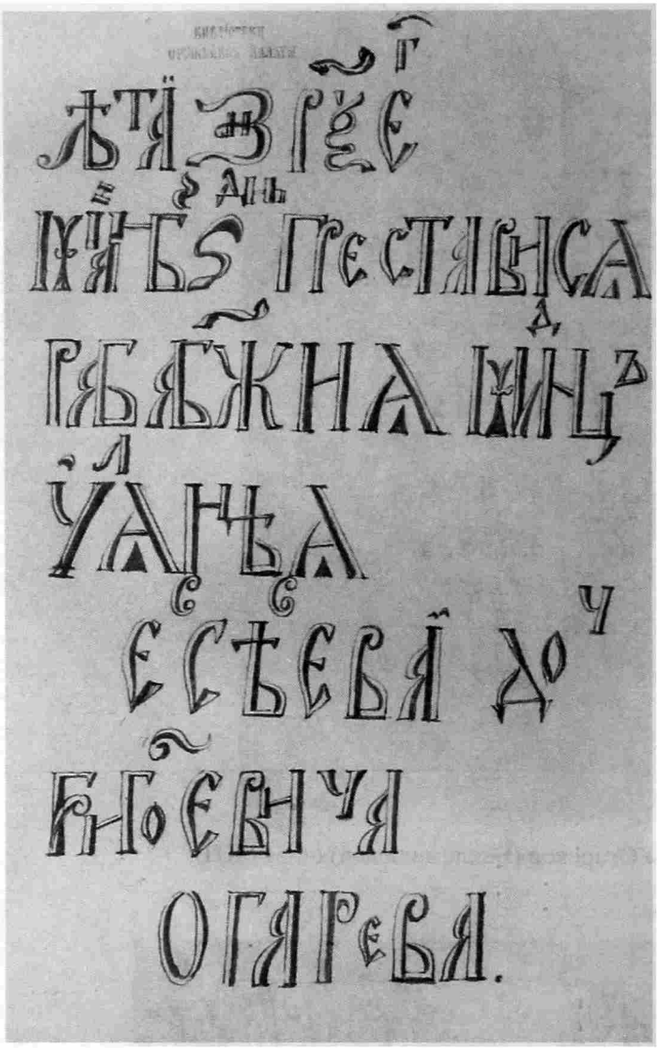

Рис. 6. Эпитафия Ульянии Евсеевны Огаревой (45519).

скончался 20 ноября 1661 года: "Лета 7170-го году // ноября. в К. день преставися // раб божий Сергий Григорьевич // Огаревъ" (рис. 3*а*, 45522 КП). Значительно позднее умерла Анна Григорьевна – это случилось 6 февраля 1676 года: "Лета 7184-го год // февраля в. S. день преставися // раба божия Анна Григоревна // Иванова жена Иванова // сына Беклемишева" (рис. 4; 45517 КП). Сохранилась эпитафия намогильной плиты жены еще одного сына Григория Ивановича – Евсея. Эта женщина скончалась в 1664 году: "Лета 7172-го // маия в 19 день преставися раба // божия Ирина Офонасевна Евсеева // жена Григоревича Огарева" (рис. 3*б*; 45523 КП). На том же семейном участке были погребены и внуки Григория Ивановича, дети его сына Евсея. В феврале, 10 числа, 1648 года умерла Ксения: "Лета 7154-го // февраля. в 6 день. // преставися. раба. божия. // младенец Ксения. Евсеева. // доч. Григорьевича. Агарева." (рис. 1*а*; 45520 КП). В 1654 году, в младенческом возрасте, скончались еще двое детей Евсея Григорьевича – 13 февраля сын Федор и 8 июля – дочь Акилина. Эпитафия намогильной плиты Федора гласит: "Лета 7162-го году фев- // раля 13 день преста // вися раб божи младенец // Феодор Евсеевич // Огаревъ" (рис. 5*а*; 45525 КП). Видимо, текст памятной надписи на плите захоронения Акилины резал тот же мастер – он необычно отметил переносы слов в начале эпитафии обеих надгробий: "Лета 7162-го // юля в 8 день преста- // вися раба божия // младенецъ Акилина // Евсевьевна Огарева:" (рис. 5*б*; 45524 КП). В 1656 году, 6 ноября, умерла другая дочь Евсея Григорьевича – Ульяна: "Лета 7165-го // месяца ноября в 6 день преставися // раба божиа младенецъ // Ульянея // Евсевева доч // Григоревича // Огарева" (рис. 6; 45519 КП).

Род дворян Огаревых, судя по известиям XVIII в., считался вышедшим из Золотой Орды: "Название получили от предка их, прозв: Огарь" (Известия..., 1790. С. 441). Попытки определить местонахождение семейного участка Огаревых на московских кладбищах показали, что сведений о них ранее конца XVII столетия в исторической литературе нет. Для того периода известны погребения Огаревых только на Даниловском кладбище (М.Н., 1908. С. 360, 361). Но близких интересующим нас представителям рода Огаревых среди них нет. Не располагая на сегодняшний день подробным исследованием по истории рода Огаревых, попытаемся проследить его корни. Самые ранние упоминания Огаревых относятся к началу XVI в. В администрации дмитровского князя Юрия Ивановича в 1520–1530 гг. известен дьяк "Андрей Володимеров сын Огарев" (Акты русского государства..., 1975. С. 202. № 198; Каштанов, 1974. С. 31). В 1526 г. дьяк Андрей Огарев (Агарев) скрепил своею подписью меновую грамоту на земли князя Юрия Ивановича (Зимин, 1971. С. 259. № 137). В 1526 г. один из Огаревых – Федор принимал участие в организации церемонии бракосочетания великого князя Василия III (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Руб. 2. № 2, 6, 9, 14). В середине XVI в. он уже большой дьяк великого князя (Зимин, 1971. С. 159. № 138). Среди вотчинников Суздальского уезда в середине XVI столетия упоминается Иван "Михайлов сын Огарева" (Зимин, 1963. С. 374. № 73), были они и на территории Новгородского уезда во второй половине XVI в. – Данила "Борисов сын Огарев" (Каштанов и др., 1968. С. 246). Видимо, отцом Григория Огарева являлся Иван Нелюб Огарев, дворянин, воевода, костромской вотчинник, упомянутый в "Приходно-расходной книге Разрядного приказа за 1619\1620 гг." (Приходно-расходные книги..., 1983. С. 163, 164, 186, 188, 205, 271). В 1602/03 гг. "Иван Нелюб сын Огарева" продал Даниле Строеву свою вотчину в Костромском уезде (Акты служилых землевладельцев..., 1998. С. 344. № 400). Возможно, именно о нем упоминается в документах рубежа 60–70-х годов XVI в., когда была зафиксирована купля священниками Успенского со-

бора Кремля "у Ивана Огарева за 200 рублей" сельца Андреевского в Повельском стане Дмитровского уезда (Акты московских монастырей..., 1984. С. 254, 255). Логично связывать Григория Огарева, умершего в 1620 году, с линией Ивана Нелюба Огарева, деятельность которого приходится на конец XVI – начало XVII вв.

Сам Григорий Иванович упомянут в Боярском списке 1588–1589 гг. в составе жильцов, идущих с государем, а в Списке 1602–1603 гг. и в Росписи русского войска 1604 года уже как служащий по Владимиру с окладом в 250 четей (Боярские списки..., 1979. Ч. I. С. 115, 197; Ч. II. С. 5). Среди детей Григория Ивановича наиболее известен сын Евсей, числившийся в документах сыскных комиссий в 60 годы XVII столетия сыщиком по Алатырю и Арзамасу (Гудзинская, 1969. С. 108, 116).

В росписной книге Москвы за 1638 год указаны дворы пяти Огаревых, имевших владения близ Чертольских ворот, между Тверской улицей и Дмитровкой, недалеко от Кулишек (Гиршберг, 1954. С. 119). Перепись 1671–1672 гг. отмечает в Белом городе "на Хохловке переулок...", а в нем двор "стряпчего Юрьи Григорьева сына Огарева" близ Покровских ворот (Гиршберг, 1954. С. 119), еще одного сына Григория Ивановича Огарева. Во второй половине XVII в. упоминается стольник Михаил Евсеевич Огарев, внук Григория Ивановича. Об этом потомке Григория Огарева сообщает запись на одной из старопечатных книг из собрания ГИМ, относящаяся к 1664 году: "Сию книгу беседы на Матфея евангелиста продал человек стольника Михаила Евсеевича Огарева Степан Яхонтов по приказу государя своего..." (Записи..., 1962. С. 327).

Комплекс рисунков академика А.Ф. Солнцева сохранил до наших дней сведения о трех поколениях дворянского рода Огаревых (на XVII в.), их судьбе, брачных связях и т.д. (рис. 7). Эти данные помогут дополнить историю одной из московских дворянских фамилий, к которой принадлежал известный поэт и революционный деятель XIX столетия Н.И. Огарев.

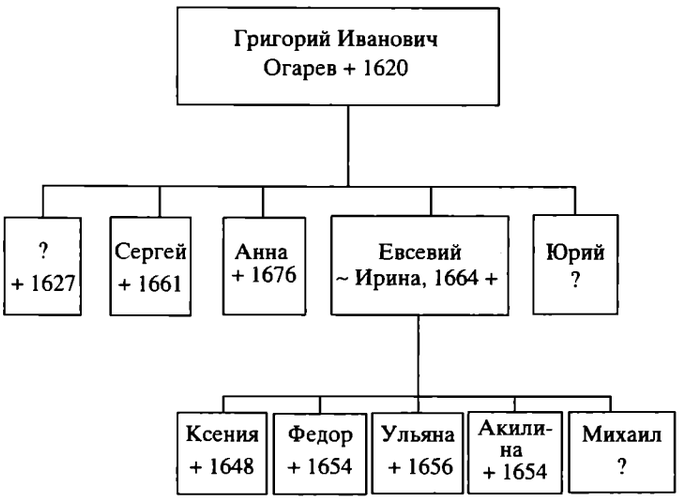

Рис. 7. Родословная таблица семьи Григория Огарева. XVII в.

II

В истории московского Кремля в XX столетии был период, когда его территория в течение нескольких десятилетий оставалась недоступной для исследователей. Между тем жизнь этого участка Москвы продолжалась, во время земляных работ здесь делали интересные находки, часть из них хранится и сегодня в фондах музея. С обстоятельствами обнаружения отдельных находок нас могут познакомить архивные документы. Вот как представляют они историю одного из монетных кладов Кремля, обнаруженного 3 сентября 1940 г.

В тот день директору Оружейной палаты Н.Н. Захарову были переданы монеты, "которые при раскопочных работах на территории Кремля были найдены, примерно, на глубине пяти метров от плоскости уровня поверхности земли, на расстоянии 100 м от кремлевской стены со стороны Спасской башни и расстоянии 2.5 м от начала мостовой со стороны здания УКМК" (ОРПГФ МК. 1956. Ф. 20. Д. 6. Л. 10).

Обстоятельства находки изложены в докладной дежурного помощника коменданта Кремля Якунина от 3 сентября 1940 г.: "В 11–45 на объекте работ по устройству колодцев на большом сквере против УКМК рабочими... было обнаружено в графине старинные монеты и 8 слитков, из которых 2 сдано Вам, а остальные сданы майору государственной безопасности т. Гогуа. Дежурный красноармеец Лаптев обнаружил после того, как уже рабочие стали пилить слиток и доложил мне" (ОРПГФ МК. 1956. Ф. 20. Д. 6. Л. 11). Итак, архивные материалы сохранили важную информацию как о месте находки клада, так и о глубине его заложения. Выясняется и то обстоятельство, что первоначально монетный комплекс был разделен на две части и шесть слитков из восьми (и часть монет) попали в руки сотрудника ГБ. Сохранился акт от 3 сентября 1940 г., по которому директор Оружейной палаты Н.Н. Захаров принимал эту находку в фонды музея, со списком обнаруженного:

"1. Монеты находились в глиняном кувшине с ручкой.

2. Количество монет 91 штука, весом 119.6 гр. (фонд нумизматики, охр. 23835. – *прим. авт.*).

3. 2 серебряных слитка, весом 194.1 гр. (охр. 23836–23837. – *прим. авт.*).

4. Дата монет относится ко времени XIV столетия.

Общий вес поступивших серебряных монет и двух слитков Государственной Оружейной палатой определяется в 313.7 гр. Из них один слиток в трех местах пропилен напильником на глубину

приблизительно 1 мм, а 2 монеты с плоскости спилены. Дата определена специалистами нумизматами Государственного Исторического музея.

Директор ГОП Захаров

Пом. дежурного ГОП сержант ГБ Баянов

Реставратор ГОП Кривцов" (ОРПГФ МК. 1956. Ф. 20. Д. 6. Л. 9).

Очень важно, что до нас дошло и дополнение к акту 6 от 3 сентября 1940 г. Оно было составлено 6 сентября того же года, когда майору ГБ Гогуа пришлось вернуть взятые им ценности из найденного клада: "К акту 6 о кладе, найденном 3. IX. 40 г. в количестве 91 монеты и двух слитков, найден на глубине 5 м" (ОРПГФ МК. 1956. Ф. 20. Д. 6. Л. 12).

"Акт 7. Составленный 6 сентября 1940 г. секретарем заместителя коменданта МК сержантом ГБ тов. Печенкиным и помощником директора Государственной Оружейной палаты сержантом ГБ тов. Баяновым в том, что первый сдал, а второй принял часть найденного клада от 3. IX. – 1940 года монет 7 штук весом 8.8 гр., слитков 6 (шесть) весом 564.0 гр." (ОРПГФ МК. 1956. Ф. 20. Д. 6. Л. 13). Так закончилась история одного из кремлевских монетных кладов. Вместе с изъятыми первоначально семью монетами (охр. 23838–23844) и шестью слитками серебра (охр. 23845–23850) он состоит из 98 монет и восьми слитков. Клад является одним из уникальных нумизматических комплексов, поскольку в нем представлены как русские серебряные слитки (полтины), так и золотоордынские серебряные монеты (остается сожалеть, что компетентное мнение о нем не успел высказать в печати известный исследователь Г.А. Федоров-Давыдов, изучавший его в 1999 г.). Интересно, что в 1939 г. возле Спасских ворот Кремля был найден еще один клад золотоордынских серебряных монет XIV века в количестве 91 штуки весом 184.84 гр. В нем представлены монеты ханов Джанибека, Бердибека, Хызра и др. (общая информация о кладе любезно предоставлена С. Зверевым, научным сотрудником Оружейной палаты музеев Кремля).

Собранные в архиве музея-заповедника "Московский Кремль" документы демонстрируют возможности, связанные с их использованием в научной работе, такие как включение в оборот утраченных, казалось бы, памятников московского некрополя и восстановление истории находок, обнаруженных на территории Кремля в сталинские времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984.

Акты русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. II. М., 1998.

Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань // РА. 1999. № 1.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979.

Гиршберг В.Б. Надписи из Георгиевского монастыря // Тр. ГИМ. 1954. Вып. 5.

Гудзинская А.П. Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник // АЕ–1967. 1969.

Древности государства Российского. М., 1842–45.

Записи на книгах старой печати XVI–XVII вв. // АЕ–1961. 1962.

Зимин А.А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1506–1612 гг.). АЕ–1962. 1963.

Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. 1971. Т. 87.

Известия о дворянах Российских. СПб., 1790.

Каштанов С.М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ–1973. 1974.

Каштанов С.Н., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ–1966. 1968.

М.Н. Московский некрополь. Т. 2. СПБ., 1908.

Панова Т.Д. Каменный саркофаг из Борисоглебского собора на Смядыни // РА. 1996. № 3.

Приходно-расходные книги Разрядного приказа 1619–1621 гг. М., 1983.

Materials on Archaeology from the Archives of "The Moscow Kremlin" Museum–Reserve

T. D. Panova

Summary

In the article the materials preserved in academician painter A.F. Solntsev's (1801–1893) archive are published. They represent the drawings of the inscriptions placed on tomb stones of the 17th c. A.F. Solntsev recorded the inscriptions on nine stone slabs, the earliest one is dated back to 1620, the latest one to 1676. The monuments mention the names of three generations of the members of the Ogarevs' noble family. Known Russian poet and revolutionary leader of the 19th c. N.I. Ogarev was a representative of this family. The archive documents are also considered, which permit to reconstruct whereabouts of a coin hoard discovery in the territory of the Moscow Kremlin in 1940. The hoard is a unique numismatic association of the 14th c., comprising both Russian silver ingots (poltinas), and the Golden Horde coins.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 155–162

ПУБЛИКАЦИИ

ЛОПАРЕВСКИЙ КЛАД ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ И ДЕНЕЖНЫХ СЛИТКОВ XIV в.

© 2001 г. Н. А. Хан

НИО "Вятская археологическая экспедиция", Киров

Современное кладоведение благодаря усилиям многих поколений нумизматов, археологов и историков стало одним из самостоятельных разделов исторической науки. Клады рассматриваются как единый археолого-нумизматический комплекс, ситуационно отражающий состояние материальной и финансово-экономической ситуации, направление и интенсивность международных торгово-экономических связей. Специалисты редко получают в руки клады как чистые закрытые комплексы, поэтому для определения хронологической и пространственной атрибуции часто возникает необходимость в реконструкции того или иного памятника денежного обращения.

История нумизматики знает немало подобных примеров, тем более что первые сообщения о находках, особенно в дореволюционной печати, были далеки от совершенства. Одним из таких кладов является Лопаревский клад золотоордынских монет и денежных слитков, обнаруженный в 1890 г. в Вятской губернии. Кладу, что называется, "не везло" с первой о нем публикации (ОАК, 1893. С. 117, 118, 136, 137), сопровождавшейся неточностями в упоминании о числе распределенных Императорской археологической комиссией слитков и разночтением числа монет в сравнении с данными архивов. Для нас, однако, важно, что он первоначально состоял из 22 слитков (в том числе одного ладьеобразного) и 127 золотоордынских монет XIII–XIV вв.: Токта – 3; Узбек – 9; Джанибек – 64; Бердибек – 14; Кульна/Кулпа – 5; Навруз – 3; Хызр – 10; Ордумелик – 1; Мюрид – 8. Стертые – 10 (Ильин, 1921. № 30; Федоров-Давыдов, 1960. № 69)[1].

Архивные документы показывают, что сметливые крестьяне расчленили найденный клад, предъявив властям сначала "22 плитки и 128 монет", а затем доставили еще 2 слитка (Ильин, 1921. № 31, 32). "22 плитки и 128 монет" были доставлены шестью крестьянами, утверждавшими, что нашли их в 200 саженях от д. Лопаревской на правом покатом берегу речки Реневской (правый приток р. Белая правого притока р. Вятка (рис. 1) при распашке нови (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1244. Л. 26 и об.). По данным 1875 г., на кайско-глазовской дороге существовал лишь Простенишинский (Макартятский, Лопари) починок (Список..., 1876. № 2245) и только на крупномасштабной карте Глазовского уезда, изданной в 1898 г., указана д. Лопари[2]. Становится очевидным, что слиток, найденный в том же 1890 г. близ починка Простанишинского (Ильин, 1921. № 31; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1244. Л. 37, 51), и ладьеобразный слиток, предъявленный ИАК в 1894 г., происходящий из д. Лопаревка (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 23. Л. 41; Ильин, 1921. № 32), были найдены вместе в 1890 г.[3] Размер слитковой части клада составляет, таким образом, 24 денежные единицы.

ИАК выплатила вознаграждение "настойчивым" крестьянам за 22 слитка и 128 монет (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1244. Л. 53 и об.), как, впрочем, и за остальные 2 слитка. Здесь следует заметить, что число 128 явилось следствием бюрократического недоразумения[4].

В настоящее время локализовать клад возможно лишь приблизительно в окрестностях заброшенной д. Ренево Омутнинского района Воронинского сельского округа Кировской области. Ближайший археологический памятник к месту условной локализации клада находится в 20 км на ССЗ в пос. Залазна и датируется XI–XV вв.[5] (рис. 1, врезка).

Делопроизводители ИАК обычно зарисовывали поступавшие находки, благодаря чему нумизматика располагает рисунками всех 24 слитков клада (Архив ИИМК. Ф. 1. 1890 г. Д. 163. Л. № 4; Д. 182. Л. 3 и об.; 1984 г. Д. 214. Л. 2), сделанных в натуральную величину, абрисность которых, однако, позволяет установить одно немаловажное обстоятельство: слитки (21 экз.), известные по публикации А.А. Ильина как слитки новгородского типа, – "короткие", длиной от 12 до 13 см, и это неудивительно, поскольку в кладе присутствуют монеты XIV в.

[1] Монеты определялись В.Г. Тизенгаузеном. Скорее всего, как мы попытаемся показать ниже, старшие монеты клада представлены пореформенными монетами Токты, т.е. монетная составляющая клада состоит только из монет XIV в.

[2] В настоящее время деревня не существует (Кировская область..., 1998).

[3] Слитки предъявили И.П. и Н.Я. Лопаревы.

[4] Общая сумма вознаграждения составила 139 р. (111 + 13 + + 15).

[5] Каталог памятников Кировской области составлен М.Н. Бойчук. Автор благодарит составителя за возможность ознакомиться с неопубликованной работой.

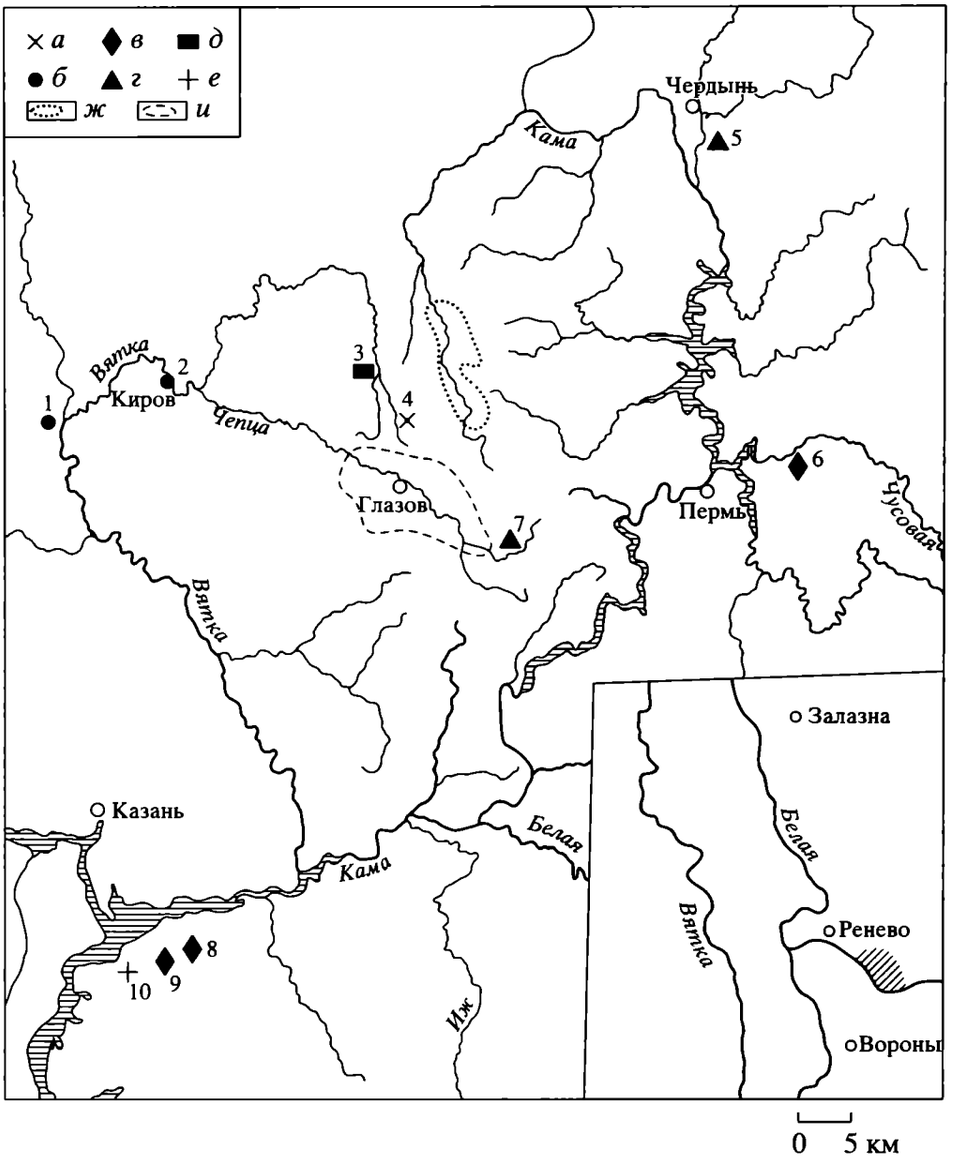

Рис. 1. Лопаревский клад и нумизматическая ситуация в Вятско-Камском ареале в XIV в. *а* – Лопаревский клад; *б* – отдельные находки джучидских монет из археологических раскопок; *в* – клады, содержащие ладьеобразные слитки; *г* – клады джучидских монет в бассейне средней Камы, зарытые до 1380 г.; *д* – Турушевский клад X в.; *е* – клад Ташкерьмень 1882 г. с двухслойными слитками; *ж* – границы верхнекамского варианта родановской культуры; *и* – границы чепецкой археологической культуры. *1* – Ковровское городище (раскопки Л.Д. Макарова); *2* – Хлыновский кремль (раскопки Л.П. Гуссаковского); *3* – Трушевский клад; *4* – Лопаревский клад; *5* – с. Редикора Чердынского у. 1883 г.; *6* – с. Варейко Пермского у. 1884 г.; *7* – п. Савинский Глазовского у. 1890 г.; *8* – с. Русское Утяшкино Чистопольского у. 1895 г.; *9* – сл. Петропавловская Чистопольского у. 1895 г.; *10* – д. Ташкерьмень 1882 г. (По А.А. Ильину, М.П. Сотниковой и И.Г. Спасскому, Г.А. Федорову-Давыдову).

Известно, что русские поздние слитки обращались в XIV – первой половине XV в. Они отличались от предшествующих палочковидных не только длиной (10–14 см), но и выгнутой "горбатой" спинкой, на что впервые обратил внимание Н.П. Бауэр. Их исполняли как монолитными, так и двухслойными при стабильном весе около 200 г. и высокой пробе 900–960. Двухслойные слитки отливались только в Новгороде (Сотникова, 1981. С. 224; Янин, 1969/1970. С. 328; 1985. С. 114). Они отождествляются с "рублем новгородским" письменных источников (Янин, 1979. С. 251).

Открытие слитков, отливавшихся в два приема – заслуга, принадлежащая М.П. Сотниковой (Янин, 1969/1970. С. 328), и было бы перспективным выявить в составе клада слитки данного типа, тем более что в низовьях Камы был обнаружен клад Ташкермень (рис. 1, *10*), содержащий в своем составе по меньшей мере два слитка, отлитых в два приема (Ильин, 1921. № 44; Сотникова, Спасский, 1979. № 38). Однако мы располагаем фотоизображением только одного слитка, опубликованного А.В. Орешниковым (1908. С. 2. Табл. IV, *5*), качество которого позволяет утверждать, что это был монолитный слиток. Его вес составляет 42 зол. 75 долей (181.83 г). На боковой стороне отчетливо видны четыре насечки, что в свою очередь позволяет, используя методику М.П. Сотниковой, по-

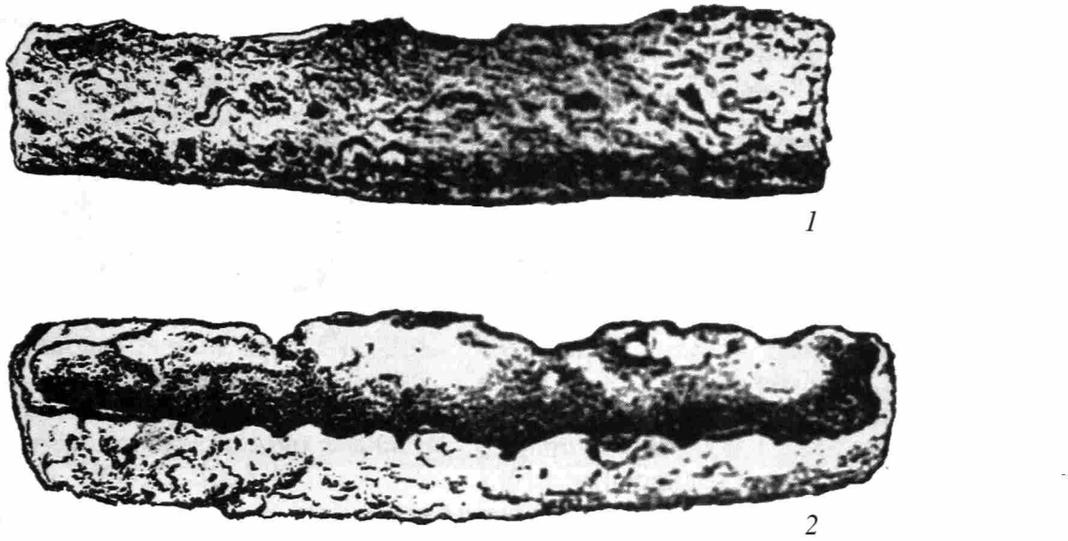

Рис. 2. Ладьеобразные слитки из Лопаревского клада. *1* – слиток, предъявленный ИАК в 1894 г. (ГЭ); *2* – слиток из находок 1890 г., направленный ИАК в Вятку. Прорисовки Н.А. Суслова (Архив ИИМК).

казавшей, что надписи и нарезки являлись рабочими пометами ливцов и служили указанием доли угара от первоначального веса сырья, установить количество сырья, использованного для отливки данного слитка (Сотникова, 1961. С. 88). Следуя за Сотниковой, устанавливаем, что доля угара составила 25%. Отсюда: 43 зол. 75 долей = 181.83 г × × 25 = 60.61 г. Следовательно, вес сырья, использованного для отливки рассматриваемого слитка, составил 242.44 г (181.83 + 60.6). Можно предположить, что это было низкопробное серебро, содержащееся в украшениях.

На прорисовках слитков из Архива ИИМК также зафиксированы нарезки, о чем сообщал еще А.А. Ильин (1921. № 30). Но, не имея возможности привязать известные нумизматике веса некоторых слитков (Ильин, 1921. № 30; Федоров-Давыдов, 1960. № 69) к конкретным рисункам, трудно провести подсчеты, подобные изложенным[6].

Лучше обстоит дело со слитками волжского типа. Их великолепные прорисовки, сделанные Н.А. Сусловым (рис. 2), позволяют уверенно идентифицировать их со слитками, сохранившимися в музейных собраниях.

Один – из комплекса, доставленного в ИАК в 1890 г., хранится в фондах Кировского областного краеведческого музея (рис. 3)[7]. Его параметры: длина 10.8 см; вес 192.5 г; проба 960. Сопоставление данного слитка с прорисовкой из Архива ИИМК позволило установить[8], что это один из семи слитков Лопаревского клада, присланных ИАК в Вятку в том же 1890 г. (Ильин, 1921. № 30; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1842. Л. 31, 34; Мокерова, 1995. № 16)[9].

Второй слиток, также ладьеобразный, предъявлен ИАК в 1894 г. (Ильин, 1921. № 32), хранится в Эрмитаже. Его параметры: 10.5 см; вес 199.3 г; проба 960[10] (рис. 2, *1*).

Метрология приведенных слитков мало чем отличается от метрологии известных науке слитков волжского типа, хранящихся в собраниях ГИМа, Эрмитажа и Госмузея Татарстана (Сотникова, Спасский, 1979. № 46–48, 50; Мухамадиев, 1990. С. 136, 137; Янюшкина, 1997. № 5).

Впервые в отечественной нумизматике М.П. Сотникова обратила внимание на возможность отождествления ладьеобразных слитков с татарским саумом (Сотникова, 1981. С. 225). Слитки волжского типа обращались на средней и нижней Волге, однако в устье Камы зарегистрированы клады, содержащие наибольшее число подобных слитков: Петропавловский 1895 г. и Русское Утяшкино 1905 г. (Ильин, 1921. № 62, 63) (рис. 1, *8*, *9*) не говоря уже о том, что и на средней Каме зафиксирован

[6] Слитки, распределенные ИАК в Вологду и Екатеринбург, к настоящему времени не сохранились. Автор благодарит сотрудников музеев названных городов за предоставленную информацию.

[7] Шифр хранения Комк 4785, проба, установленная ИАК – 92 1/3, что в системе СИ соответствует 960 и хорошо согласуется с цветом внешней поверхности слитка.

[8] Внимание автора обратила Е.Ю. Мокерова. Автор, пользуясь случаем, выражает искреннюю признательность за возможность ознакомиться с коллекцией слитков Кировского краеведческого музея.

[9] Кроме слитков ИАК прислала также 117 монет, которые поступили в местный музей при реальном училище (Мокерова, 1995. № 16; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 149. Л. 18, 19).

[10] Шифр хранения ГЭ № 654. Под указанным шифром в инвентарной книге Эрмитажа Н.П. Бауэром сделана неточная запись о происхождении названного слитка из Лопаревского "клада" 1894 г. Знакомству с этим документом автор обязан М.П. Сотниковой (Сотникова, Спасский, 1979. № 49).

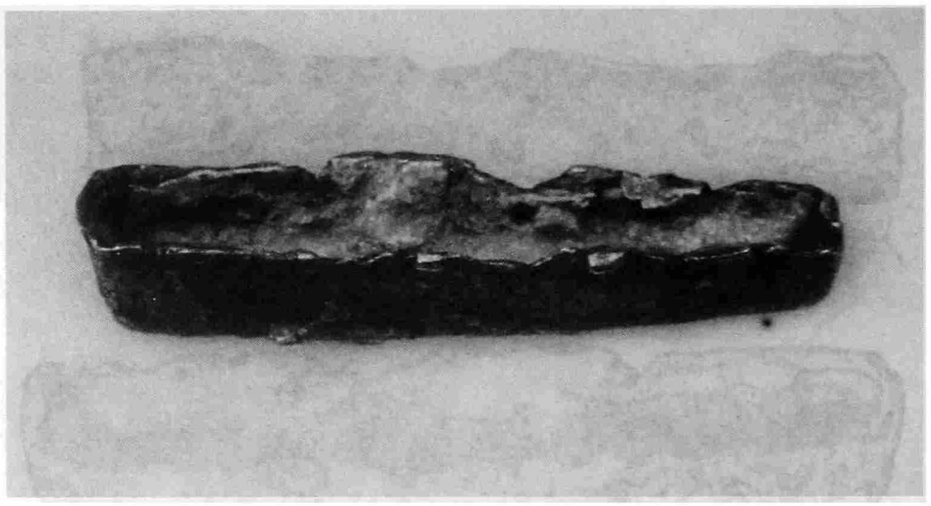

Рис. 3. Ладьеобразный слиток из Лопаревского клада 1890 г. Фонды Кировского областного краеведческого музея (фото).

клад Варейко 1884 г., содержащий три ладьеобразных слитка (Ильин, 1921. № 164) (рис. 1, *7*).

Волжские слитки эмитировались, исходя из теоретического веса 204.756 г. Их реальный вес колебался так же, как и вес русских платежных финансовых инструментов, в пределах 190–206 г. Флорентийский финансист, агент финансового дома Барди Франческо Балдучи Пеголотти вел речь о соммо с весом 204.75 г (Федоров-Давыдов, 1958. С. 68). Сом (саум Вассафа), соммо Пеголотти – татарский сом в виде ладьеобразного слитка (Мухамадиев, 1983. С. 72; 1990. С. 137), весовая норма которого связана с русским полуфунтовым слитком (Федоров-Давыдов, 1958. С. 71).

Саум стоял 6 динаров, т.е. 120 золотоордынских дирхемов (Федоров-Давыдов, 1958. С. 70), вес которых с конца XIII в. и вплоть до Абдулы повышался в результате денежных реформ неоднократно: 163.8; 178.3; 182.4; 187.4 г. (Мухамадиев, 1992. С. 43), постепенно приближаясь к теоретическому весу счетного сома[11].

Повышая курс весового сома, власти тем не менее имели возможность извлекать прибыль в игре на кросс-курсе весовой/счетный сом, предотвращая одновременно отток валютного металла в Хорезм и Иран (Мухамадиев, 1983. С. 75). Повышение курса весового сома происходило за счет увеличения весовой нормы чеканки основной денежной единицы Золотой Орды – дирхема, монетчики которой имели возможность извлекать доход из конвертации слитков в монету, исходя из монетной стопы, равной 120 экземплярам (Федоров-Давыдов, 1958. С. 70), тогда как владелец весового сома, безусловно, терял, производя крупные платежи включая, быть может, и налоги) в слитках[12]. Конечно, финансовая устойчивость Золотой Орды, существовавшая до середины 60-х годов XIV в., могла объясняться не только стабильной внутриполитической обстановкой, но и расширением источников поступления серебра, один из которых видится в Западной Сибири (Мухамадиев, 1983. С. 69), тогда как ордынский выход не играл, надо полагать, существенной роли в экономике Золотой Орды – его можно сопоставить с годовым доходом одного сарайского аристократа.

Таким образом, можно заключить, что владелец Лопаревского состояния имел денежную массу в объеме 24 валютных единиц – рублей (?), сомов (?), принятых им по счету.

Нумизматике известны шесть кладов, содержащих ордынские монеты и ладьеобразные слитки (Федоров-Давыдов, 1960. № 19, 56, 60, 69, 86, 232), включая и рассматриваемый клад, монетная составляющая которого весьма характерна для кладов времени "великой замятни", когда, как показал Г.А. Федоров-Давыдов, было зарыто 70% кладов второго периода денежного обращения в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1960. С. 111). В данном случае нас интересует то обстоятельство, что хронологический состав синхронных кладов с младшей монетой, эмитированной от имени Мюрида, практически идентичен (Федоров-Давыдов, 1960. Табл. 1, *34*, *37*, *55*, *60* и др.).

Мюрид (Мурут, Амурат русских летописей) пришел к власти в Сарае в августе 1361 г. (Григорьев, 1983. С. 29), однако не сразу после убийства им своего брата Махмуда Хызра, о чем сообщают Рогожский летописец и Троицкая летопись в от-

[11] Думается, нет необходимости выводить из этих данных тренд, поскольку ясно, что маржа между сомом обращавшихся монет и счетным сомом постепенно сокращалась, что, очевидно, уменьшало доход денежных властей.

[12] Вместе с тем необходимо иметь в виду, что по словам Пеголотти, разницу между весом весового и счетного сома доплачивали монетами, а также принять во внимание то обстоятельство, что при расчетах через аспр в Тане, 190 аспров, весившие 193.9 г, приравнивались к соммо 206.5 г (Мухамадиев, 1992. С. 43; Федоров-Давыдов, 1958. С. 69).

личие от Симеоновской[13]. Анализ данных нумизматики и письменных источников, проведенных А.П. Григорьевым (1983. С. 34. Табл. 2), показывает, что в 762 г.х. в Гюлистане чеканили монету только Махмуд Хызр и Мюрид, тогда как годом раньше здесь выпускали дензнаки Кулпа, Навруз и тот же Хызр[14]. Ни Тимур-ходжа, ни Орудмелик или Кельдибек в Гюлистане не правили. Значит, Гюлистан был уделом ("отдельный престольный центр") (Григорьев, 1983) братьев Хызра и Мюрида, где после устранения последнего "и седе на царстве Мурут" (Рогожский летописец, 1965. Стб. 70), но полностью осуществить свои честолюбивые планы Мюрид смог только тогда, когда с Сарайской политической сцены сошли Тимур-ходжа и Ордумелик (Григорьев, 1983. С. 30, 31).

Мюриду было явно не до Русского улуса. Он вел упорную борьбу за обладание Новым Сараем с Кельдибеком, с Абдулой (Мамаем). Тот факт, что в 1362 г. им был выдан ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу, а после того как Абдула в 1363 г. прислал свой ярлык в Москву (!) (Кучкин, 1984. С. 225, 226; Насонов, 1940. С. 124, 125; Симеоновская летопись, 1913. С. 101, 102)[15], разгневанному "зело" Мюриду с целью сохранения политического лица пришлось отправить "посла своего Иляка... съ ярлыки по князю Дмитрею Констентиновичу на великое княжение..." (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. Т. 11. С. 2), говорит о том, что ордынские ханы, претендовавшие на роль сюзернена Северо-Восточной Руси и верховенство во всей уже бывшей Золотой Орде, использовали институт ярлыка в качестве символа легитимности своей власти в потерявшем единство государстве.

Мюрид сошел с политической арены в 1363 г., с чем согласны все современные исследователи, т.е. правил он с августа 1361 по август 1363 г., хотя "инерционная" чеканка монеты продолжалась в Золотой Орде и после гибели того или иного правителя. Это явление отмечено Григорьевым в отношении монет Беридибека, Кулпы, Хызра и того же Мюрида (Григорьев, 1983. С. 28–33).[16]

Отсутствие в монетной составляющей Лопаревского клада монет Абдулы, чеканившего монету в 762–772 гг., монеты которого проникали в устье Камы (Мухамадиев, 1983. С. 91, 92), а также полное отсутствие монет с надчеканом и надчеканками позволяет уверенно отнести зарытие Лопаревского клада не позднее 1364 г. Нижняя дата тезаврации клада определяется началом правления Мюрида, что сужает рамки зарытия клада в интервале 1362–1364 гг.

Историографическая традиция прочно связывает нас с пониманием событий 60–70-х годов в "царстве Волжском" (так называл сюзерена Рогожский летописец) как периода "великой замятни". Необходимо согласиться с исследователями, определяющими этот период в рамках 1357–1364 гг. Последним золотоордынским ханом, власть которого распространялась на всю территорию Золотой Орды, был Махмуд Хызр, после убийства которого с политической карты Восточной Европы это государство исчезло. В сложившийся конгломерат улусов (Федоров-Давыдов, 1873. С. 150; Сафаргалиев, 1960. С. 110) входил и Булгар, где с 1361 г. утвердился Булат–Тимур (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. Т. 10. С. 233). Последний монету стал выпускать только в 1367 г. в Гюлистане (Мухамадиев, 1983. С. 94, 95). Это позволяет сделать предположение, что он находился в вассальной зависимости от Мюрида.

Отсутствие монет Кельдыбека в кладе свидетельствует об оторванности этой части Вятско-Камского ареала[17] от денежного рынка Волжской Булгарии, куда они поступали, а это говорит в пользу наличия денежного обращения в ВКА на основе дирхема до 1364 г.

Клады и отдельные находки джучидских монет, в том числе происходящие из археологических раскопок, показывают вовлечение населения бассейна средней Вятки и Камы в сферу экономических интересов кыпчакского государства в XIV в. Вместе с тем полное отсутствие здесь монет последней трети этого века, в том числе (что немаловажно) булгарского эмира Булата-Тимура и Тахтамыша, позволяет предположить переориентацию местного денежного рынка или по крайней мере прекращение торговых связей и изоляцию этой части ареала от исторической территории Волжской Булгарии в последнее 35-летие XIV в.[18].

В изучаемом кладе известны определения всех 127 монет, распределенные в количественном отношении по ханам-эмитентам.

В настоящее время можно уверенно разделить монеты клада на четыре весовые группы со следующими нормами чеканки (Федоров-Давыдов, 1981. С. 142. Табл. 27; Мухамадиев, 1992. С. 40, 42): I – 1.47 г – 3 экз. (Токта); II – 1.52 г – 9 экз. (Узбек); III – 1.56 г – 105 экз. (Джанибек-Мюрид); IV – стертые – 10 экз. Последние, согласно методике анализа хронологического состава клада, разработанной В.Л. Яниным, можно отнести в группу старших "отсталых" монет (Янин, 1956. С. 66).

[13] Обзор летописных сообщений, посвященный этому событию, привел А.Н. Насонов (1940. С. 125. Прим. 1).

[14] Аналогичные результаты приводит и А.Г. Мухамадиев (1983. С. 110).

[15] В результате чего в 1363 г. у Дмитрия Ивановича, будущего Донского, было два ярлыка на великое княжение.

[16] В устье Камы гюлистанских монет Мюрида с датой 765 г.х. не зафиксировано (Мухамадиев, 1983. С. 110, 150, 151).

[17] Пространственная локализация ареала выпадения восточного, византийского серебра, денежных слитков см.: (Хан, 1998. С. 117).

[18] Клады Савинский 1895 г. и Чердынь 1851 г. (Федоров-Давыдов, 1960. № 70, 71) полными, к сожалению, не являются.

Таким образом, вес 117 определенных монет составляет 181.89 г ($1.47 \times 3 + 1.52 \times 9 + 1.56 \times 105$), что соответствует весовому сому времен Узбека (1312–1342) 182.4 г, в то время как сом времени Джанибека (1342–1357) и, следовательно, Мюрида (1361–1363) весил 187.4 г (Мухамадиев, 1983. С. 74; 1992. С. 43).

Стертые монеты следует отнести к числу пореформенных 712 г.х. (1311/1312), находившихся в обращении более 50 лет. На основании соответствующих расчетов А.Г. Мухамадиева выясняем, что коэффициент стертости составляет 0.1%. Отсюда: вес 10 "отсталых" монет составляет 14.68 г ($10 \times 1.47 - 10 \times 1.47 \times 0.1\%$).[19]

Складывая веса определенных и стертых монет (181.89 + 14.68), получим вес 25-й денежной единицы, равной 196.57 г[20]. Подчеркнем, что эта платежная единица была принята по весу.

В работе уже отмечалось: 190 аспров Таны составляют соммо 193.9 г (Федоров-Давыдов, 1958. С. 69). В этой связи необходимо обратиться к В.Л. Янину: "...200 московских денег первых эмиссий Дмитрия Донского составляют гривну серебра весом 196.2 г, что абсолютно точно соответствует древней "гривне серебра". "А гривна серебра – рубль, – продолжает исследователь, – гривна серебра действительно равнялась рублю XIV в., но не новгородскому, московскому" (Янин, 1969/1970. С. 327; 1985. С. 112).

Следовательно, для прохождения платежа необходима была сумма в 25 московских рублей (гривен серебра), причем последний, 25-й рубль плательщик собирал по крохам – получатель вынужден был принять в оплату даже стертые монеты. Это дает основание полагать о зависимых отношениях между плательщиком и получателем и обязательности платежа.

Г.А. Федоров-Давыдов впервые обратил внимание на идентичность веса русского полуфунтового слитка и соммо Пеголотти (Федоров-Давыдов, 1958. С. 68) равного 204.75 г. Учитывая сообщение Ибн Батуты о стоимости коня в Золотой Орде в 50–60 дирхемов (Тизенгаузен, 1884. С. 286) и принимая во внимание, что в одной валютной единице было 120 дирхемов, мы получим натуральное выражение суммы платежа, отложившейся в кладе, составляющее 50 лошадей ($120 : 60 \times 25$).

В районе локализации клада интенсивно изучались две компактные группы памятников, представленные Чепецкой культурой и верхнекамским вариантом родановской культуры (рис. 1 *и*; *ж*). Первая на рубеже XIII–XIV вв. прекращает свое существование (Иванова, 1996. С. 43). Однако до конца XIV в. существует родановская культура в верховьях Камы – основа коми-пермяцкого этноса, где главным племенным центром был Аверинский комплекс (Голдина, Кананин, 1989. С. 3, 6, 8, 12). Здесь выявлен 91 археологический памятник, в том числе 14 городищ, 53 селища и 6 кладов. Для темы работы небезынтересно обратить внимание на соотношение диких копытных животных и пушных зверей, которое составляет от 37.5 до 75.5% (Голдина, Кананин, 1989. С. 102. Табл. 32). Археологический источник, таким образом, позволяет предположить, что экономический потенциал верхнекамского общества был в состоянии обеспечить выплату платежа.

В отечественной историографии широко используется Вычегодско-Вымская летопись, открытая П.Г. Дорониным и очищенная Б.Н. Флорей (Вычегодско-Вымская летопись, 1967. С. 225–227), ряд оригинальных известий которой позволили прояснить конкретную историческую ситуацию в Вятско-Камском ареале. В литературе уже высказывалась точка зрения, энергично поддержанная, в частности, Э.А. Савельевой (1995. С. 6, 7), согласно которой в XIV в. территория бассейна средней Вятки и верхней Камы входила в состав Русского государства. Согласно уникальному известию летописи под 1364 г. Дмитрий Иванович отнял у ростовского князя Константина "Ростов и Устюг и пермские месты устюгские" (Вычегодско-Вымская летопись..., 1967. С. 257). Правда, по довольно путаному "Руководству..." Я.Я. Фриза конца XVIII в., новгородцы в 1374 г. "в пермской провинции населившись, построили город Хлынов" (Низов, 1999. С. 10). Пермские земли определяются на основании данного "Руководства..." и сведений Епифания Премудрого как территория вятского левобережья, а также бассейны средней Вятки и верхней Камы (Низов, 1996. С. 195, 196).

В специальной монографии Б.А. Рыбаков на основании изучения трех общерусских списков конца XIV в., включенных в Воскресенский и Никоновский своды, убедительно показал, что средняя Вятка входила в состав русских земель (Рыбаков, 1974. С. 9. Схема 1), а чепецкое и камское (в том числе и верхнее) поречье населяло иноязычное финно-угорское население. Проанализированный ученым второй "этнографический" список (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965. Т. 10. С. 165, 166), составленный, по его мнению, Стефаном Пермским или при его участии, практически без изменений вошел в "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого.

Заключенная в кладе сумма платежа и ее натуральное выражение показывают, что она образовалась отнюдь не в результате торговой сделки, пусть даже с московским купцом. Не была она

[19] Дореформенные монеты Токты выпускались по норме 1.365 г, что установлено Г.А. Федоровым-Давыдовым. Это означает, что вес 10 старших монет по указанной весовой норме с учетом коэффициента стертости мог составить 13.636 г.

[20] Понятно, что фактический вес имел незначительные отклонения, как в ту, так и в иную сторону.

выходом, так как он определялся князем из общей дани (Каштанов, 1988. С. 7). Во второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.) размер дани определялся в сумме 892 р., "а с отъездных мест" – 68 (Каштанов, 1988. С. 7). Согласно Троицкой летописи, дань великому князю бралась "со всякие деревни по полтине" (Приселков, 1950. С. 428), т.е. в нашем случае число таких деревень должно быть 50. Число известных поселений в районе локализации клада превышает эту цифру, о чем говорилось выше. Остается сделать допущение, что клад – дань в пользу Москвы.

Можно в связи с изложенным смело утверждать, что получатель платежа принял джучидские монеты по весу, исходя из московской денежно-весовой нормы гривны серебра. Известно, что московская чеканка собственных денег с надчеканами и надчеканками началась с рубежа 70–80-х годов XIV в., поэтому прием джучидскими монетами 25-го рубля клада парадоксом быть не может. Добавим, что податное население платило московским властям деньгами, а новгородцам – белками или натурой (Хорошкевич, 1963. С. 62).

Общепризнанно, русская монетная чеканка исходила из монетной стопы 200 экземпляров и весовой нормы в пределах 0.89–1.02 г[21]. Разделив вес 25-го рубля клада на число будущих московских денег, мы получим величину, равную 0.983 г (196.57 : 200).

Приведенные суждения сужают датировку зарытия клада до одного года, т.е. 1364 г., когда сборщик дани, преодолев Камско-Вятский водораздел с ношей в 4.8 кг[22], направился в Устюг, а в минуту опасности стал владельцем целого состояния[23].

Нумизматике неизвестны клады с подобным трехкомпонентным составом. Он адекватно отражает финансовую и историко-политическую ситуацию в "пермские месты" на конкретную дату 1364 г., после которой поступление финансовых средств происходит только в третьей четверти XV в.[24]. Лопаревский клад 1890 г. демонстрирует "синтез источников в едином исследовании – главное средство исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза..." (Янин, 1973. С. 78).

[21] Обзор точек зрения осуществил С.Н. Кистерев (1998. С. 38).

[22] Общий вес клада, который составил 4772.17 г, складывается из суммы весов "22 плитки и 128 монет" (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1244. Л. 26 и об.), а также двух слитков, предъявленных ИАК в 1890 и 1894 гг. (Ильин, 1921. № 31, 32): (191.9565 + 199.3 + 4380.9135). Интерпретация изложенных данных выходит за рамки работы.

[23] Транспортно-коммуникационная схема в верховьях Вятки и Камы существовала еще в IX–X вв., о чем свидетельствует Турушевский вещевой клад этого времени (Даркевич, 1976. С. 10) (рис. 1, *3*).

[24] Последнее документируется Аршининским (Таборы) кладом 1893 г. (Колызин, 1998. № 39; Мокерова, 1995. № 22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вычегодско-Вымская летопись. М., 1967.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.

Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. Хронология правления // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 1983. Вып. 7.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.

Иванова М.Г. Удмурты в эпоху средневековья: (По материалам бассейна р. Чепца конца I – нач. II тыс. н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1996.

Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // Труды нумизматической комиссии. 1921. Вып. 1.

Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Кировская область. Административно-территориальное устройство на 1 июня 1998 г. Киров, 1998.

Кистерев С.Н. Алтын в системе денежного счета Руси до начала XV в. // МНА. 1998. Вып. 5.

Колызин А.М. Клады и единичные находки московских великокняжеских и удельных монет, чеканенных до 1462 г. // Очерки феодальной России. 1998. Вып. 2.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Мокерова Е.Ю. Клады и находки монет VIII–XVII вв. на территории Вятского края. (Хронология и топография) // МНА. 1995.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.

Мухамадиев А.Г. Денежное обращение в Поволжье и Прикамье X–XV вв.: Афтореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1992.

Насонов А.М. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар, 1996.

Низов В.В. Хлынов: рождение города // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 635-летию города Кирова): Матер. междунар. конфер. Киров, 1999.

ОАК за 1890 г. СПб., 1893.

Орешников А.В. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Императорского Российского исторического музея. М., 1908.

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. 10, 11.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Рогожский летописец // ПСРЛ. 1965. Т. 15. Вып. 1.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV–начала XVI века. М., 1974.

Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Научн. доклад на соискание ученой степени докт. ист. наук. М., 1995.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Симеоновская летопись // ПСРЛ. 1913. Т. 18.
Список населенных мест Российской империи. Т. X. Вятская губерния. СПб., 1876.
Сотникова М.П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // ТГЭ. 1961. Т. 4.
Сотникова М.П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // ВИД. 1981. Т. 12.
Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX вв. Материалы и исследования. Л., 1979.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны (по данным Франческо Пеголотти) // СА. 1958. № 3.
Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // НЭ. 1960. Т. 1.
Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М., 1981.
Хан Н.А. Роль Вятско-Камского ареала в трансевразийской торговле (VI–XI вв.) // Урал в прошлом и настоящем. Матер. науч. конфер. Ч. 1. Екатеринбург, 1998.
Хорошкевич И.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963.
Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
Янин В.Л. Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. М., 1969/1970.
Янин В.Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3.
Янин В.Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // ВИД. 1979. Т. 11.
Янин В.Л. "Память, как торговали доселе новгородцы" (К вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // ВИД. 1985. Т. 16.
Янюшкина Е.В. Собрание слитков ГИМ // НС. 1997. № 5.

The 14th Century Loparevo Hoard of the Golden Horde Coins and Money Ingots

N. A. Khan

Summary

Loparevo hoard found in 1890 in the former Vyatka province is well-known in Russian numismatics (Fig. 1) as consisting of 22 ingots and 127 coins minted in the 14th century by the Djuchides. But the assemblage was originally divided among the finders and was presented successively part by part. It was established that two more ingots should be also attributed to the hoard. At present it comprises the following items: 22 chronologically late "humped" ingots, 22 boat-shaped ones, and 127 coins. Only two boat-shaped ingots have survived, and the coins' attribution concern only the number of coins minted by each khan-emitent. In the assemblage 24 money ingots are included. Proceeding from the weight standards established for the coins of certain emissions the weight of the twenty-fifth unit is theoretically calculated as 196.57 g. This figure practically coincides with the weight of the Moscow ruble under prince Yury the Long hand established by V.L. Yanin as 196.2 g. Thus, the sum that should have been paid was 25 Moscow rubles. The date of the hoard concealing is suggested as 1362–1364 basing on numismatic data. There exists a unique information of the Vychegda-Vym chronicle concerning the fact that the Moscow principality in 1364 took form the Rostov prince "the Perm lands near Ustyug", that can be located between the Vyatka and Kama rivers. According to the archaeological data, the economic potential of the Upper Kama inhabitants corresponded the calculated sum, which is comparable to 68 rubles of tribute paid in 1389 by prrince Dmitry Donskoy. The author comes to a conclusion that the hoard represents the tribute paid to the Moscow principality in the end of the coinless period in the history of money system.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 163–166

ЗАМЕТКИ

НОВАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМОЧКА С БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: К ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ У ПЛЕМЕН СКИФИИ

© 2002 г. Б. А. Шрамко

Харьковский национальный университет

Исследования Бельского городища скифской эпохи уже давно позволили сделать вывод о том, что это поселение лесостепных земледельцев было одним из крупных торгово-ремесленных центров Восточной Европы в раннем железном веке (Шрамко, 1987). В числе других ремесел здесь было развито бронзолитейное, существование которого зафиксировано по крайней мере с VII–VI вв. до н.э. по IV–III вв. до н.э. и хорошо документировано самыми разнообразными находками (Шрамко, 1987. С. 114–121): остатки плавильных печей, литейными формами, льячками, полуфабрикатами, готовыми изделиями, слитками цветных металлов, различными отходами бронзолитейного производства в виде шлаков, выплесков бронзы, отломанных литков, бракованных изделий и т.п. При этом ассортимент изделий из цветных металлов был очень широк: от разнообразных украшений до деталей конской упряжи и предметов вооружения. Важное место в продукции местных литейщиков занимали бронзовые наконечники стрел разных типов, которые были широко распространены по всей Скифии.

В 2000 г. нам стало известно о находке на Бельском городище еще одной бронзовой формы для отливки наконечников стрел. К сожалению, это вновь случайная находка. По словам владельца формочки А.Ю. Пасичниченко, она была найдена на поверхности в центральной части Западного укрепления Бельского городища между 13 и 26 зольниками (Шрамко, 1987. С. 29. Рис. 6). Эта часть литейной формочки (рис. 1, 2) имеет вид бруска со слегка закругленными гранями. На лицевой части вырезаны углубленные негативы для отливки наконечников стрел. Обратная сторона гладкая. Длина формочки 67 мм, ширина 29 мм, толщина 6 мм. Формочка предназначалась для одновременной отливки двух архаических наконечников стрел с лавролистной головкой, которые, по наиболее полной и четко разработанной классификации А.И. Мелюковой, относятся к I отделу первой хронологической группы (Мелюкова, 1964. С. 18. Табл. V). На лицевой части этой формочки имеется негатив для отливки крупного двухлопастного втульчатого наконечника стрелы. Являющееся продолжением втулки ребро на головке имеет круглое сечение и проходит до конца наконечника. Длина отливки этого наконечника после удаления литка достигала 61.5–62 мм при ширине головки 13.5 мм, шипа на втулке не было. Каково было соотношение величины головки и длины втулки, точно сказать нельзя, так как после окончательной обработки (после удаления литника, обрезки втулки, заточки лопастей) размеры готового наконечника несколько отличались от размеров отливки, но, вероятно, длина головки несколько превышала длину втулки. Диаметр конусовидной втулки колебался от 6 мм в верхней части (у начала оперения) до 6.5–7 мм в нижней части. В этой же литейной форме отливались и трехлопастные наконечники с боковым шипом на втулке. Они отличались не только иной конфигурацией, но и меньшими размерами. Длина отливки трехлопастных наконечников была 56–57 мм при ширине головки около 11 мм. Размеры готовых наконечников были соответственно меньше. Диаметр втулки в верхней части 5 мм, а в нижней 5–5.5 мм. Указанные размеры очень показательны. Применявшиеся одновременно и отливавшиеся в одной форме трехлопастные наконечники были явно меньше двухлопастных. Эта разница в размерах отражает переходной момент, когда одновременно использовались еще простые большие луки, для которых нужны были большие стрелы и, соответственно, большие наконечники, и появились уже сложные малые луки "скифского" типа, для которых нужны были стрелы меньшего размера с меньшими наконечниками.

Для точного соединения частей формы на ней предусмотрено несколько выступов и углублений. На формочке имеются два конических выступа и одно углубление. Конические выступы диаметром у основания 2.5 мм расположены по осевой линии между верхними частями головок нижними частями втулок. Одно из углублений имеется в верхней части формочки вблизи верхней части негатива трехпластного наконечника. В нижней части формочки от втулки трехлопастного наконечника отходят два канальца, представляющие собой отверстия для выхода воздуха (газа) при заливке жидкого сплава в формочку. Это очень важная деталь, которой еще нет на ранних формах из Новочеркасского клада (Иес-

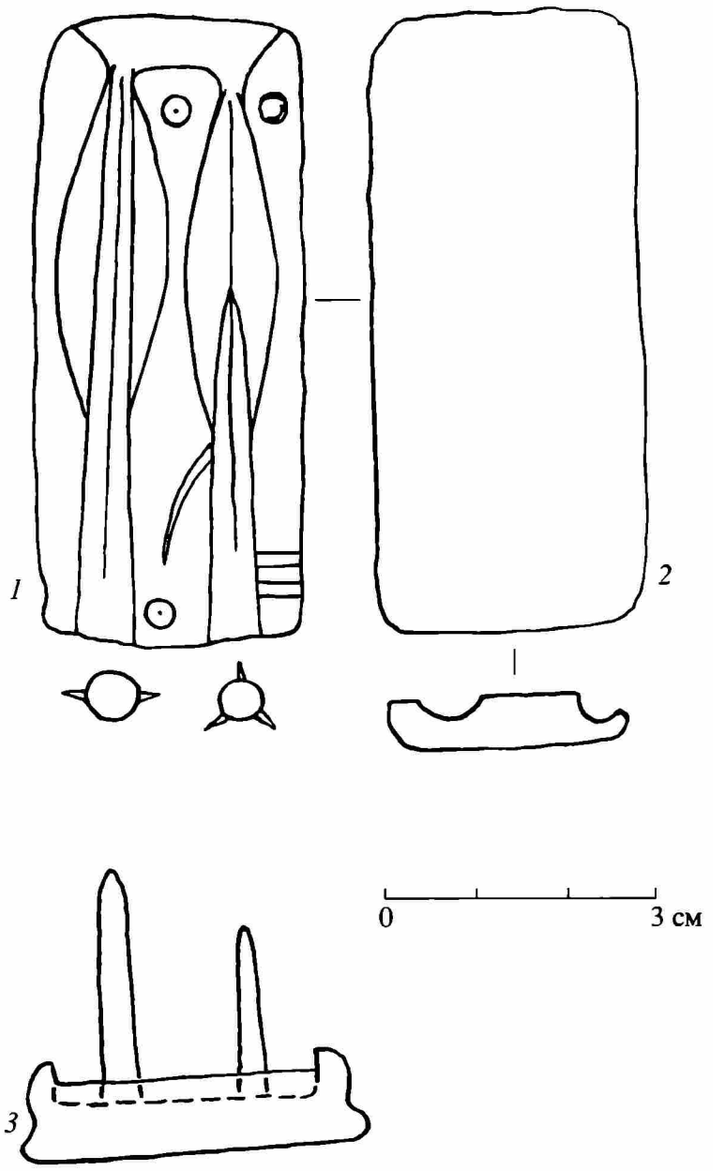

Рис. 1. Бронзовая литейная формочка. Бельское городище: *1* – лицевая сторона; *2* – обратная сторона; *3* – поддон со стержнями. Реконструкция.

Рис. 2. Бронзовая литейная формочка с Бельского городища. Фото.

сен, 1953. С. 108. Рис. 29), из Мосула (Coghlan, 1952. P. 162, 163; Черненко, 1981. С. 95, 96. Рис. 71, 72) и из Кархемыша (Woolley, 1921. P. 20–23; Ильинская, 1982. С. 40. Рис. 2). Таким образом, на новой бельской формочке зафиксировано важное нововведение, которое позволяло значительно уменьшить вероятность появления бракованных изделий.

Новая литейная формочка, найденная на Бельском городище, архаична и вместе с тем имеет новые прогрессивные элементы. Ряд деталей сближает ее с формой киммерийского времени из Новочеркасского клада и с переднеазиатской формой из Мосула. Все эти формы предназначены для одновременной отливки не одного, а нескольких наконечников стрел. Поэтому верхняя часть этих форм образует большую овальную ванночку с воронками в нижней части, которые направляли жидкий металл к одному из наконечников. У двухлопастного наконечника, который можно было отлить в новой бельской формочке, втулка большого наконечника, как и на новочеркасской форме, проходит через все перо до самого конца наконечника. Как и у других очень ранних форм, новая бельская формочка не имела отдельных стержней, которые вставлялись бы во втулку для образования соответствующего отверстия. У этих форм, как хорошо видно по полностью сохранившейся форме из Мосула, стержни располагались неподвижно в отдельном поддоне, который одновременно скреплял части формы и стержнями закрывал нижние части втулок (рис. 1, *3*).

Новая бельская формочка обнаруживает значительное сходство с формочкой из Кархемыша (рис. 3): обе предназначались для одновременной отливки двух наконечников стрел. У них отсутствуют стержни для образования отверстий во втулке, а, следовательно, должен быть использован поддон с неподвижно закрепленными стержнями. Вместе с тем имеются и определенные раз-

личия. В кархемышской форме отливались два одинаковых трехлопастных наконечника, отличающихся друг от друга только наличием или отсутствием шипа. В бельской формочке отливались два разных по величине и по форме наконечника – двухлопастный и трехлопастный с шипом. Бельская формочка, как и новочеркасская, снабжена на лицевой стороне коническими выступами и углублениями, которые предохраняли основные части формочки от случайного сдвига и обеспечивали надежное соединение всех частей. На кархемышской форме этих деталей, которые становятся обычными в дальнейшем, еще нет. В то же время на тыльной стороне сохранившейся части кархемышской формы имеется черенок для рукоятки. Были ли подобные рукоятки у других форм (например, у новочеркасской или бельской), мы не знаем, так как располагаем не всеми их частями. Вполне возможно, что черенок для рукоятки был на какой-то из несохранившихся деталей. Во всяком случае такую возможность нельзя отрицать. В любом случае это была второстепенная деталь: она создавала определенные удобства для литейщика, но не влияла на качество или количество отливок. Гораздо важней другое отличие бельской формы от кархемышской: на бельской форме со стороны трехлопастного наконечника имелись отверстия для выхода воздуха при заливке. Это значительно улучшало рабочие качества формы, так как уменьшало возможность появления в отливках недоливов и раковин из-за того, что в тонких полостях форм могли задерживаться пузырьки воздуха. Наконечники с такими дефектами хорошо известны среди археологических находок, особенно в ранних комплексах (Шрамко, 1984. С. 35. Рис. 6).

Некоторые исследователи усматривали преимущество ранних форм, предназначенных для одновременной отливки не одного, а нескольких наконечников стрел, в том, что с их помощью можно было за сравнительно короткий срок отлить большое число наконечников. На основе мосульской находки пытались доказать особую эффективность таких форм (Черненко, 1981. С. 97). Ундервуд подсчитал, что при помощи формы типа мосульской один мастер с помощниками мог отлить за неделю 10 тыс. наконечников стрел, а 6 литейщиков – более 500 тыс. наконечников, переработав при этом до 2 тонн металла (Underwood, 1958. P. 17–22). Нет оснований сомневаться в правильности подсчетов Ундервуда, но, используя эти данные, следует обращать внимание не только на количество отливок, но и на большое несовершенство литниковой системы таких форм, которое не обеспечивало необходимое качество отливок и приводило к огромным потерям дорогостоящего металла. При переработке до 2 тонн (!) бронзового сплава не менее трети составлял отход из-за потерь в непомерно больших

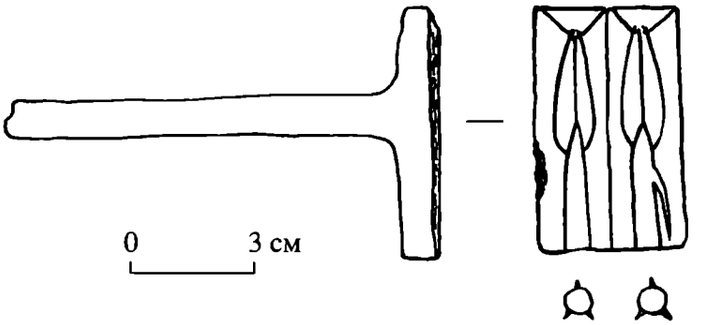

Рис. 3. Литейная форма из Кархемыша (по Л. Вулли).

ванночках, объединявших литниковые воронки, ведущие к отдельным наконечникам. К этому надо добавить потери из-за необходимости допускать свободное вытекание металла из втулок в поддон в связи с отсутствием в нижней части форм специальных отверстий для выхода выжимаемого металлом воздуха. Последнее приводило и к значительному количеству бракованных отливок. Все эти недостатки делали нерентабельным использование таких форм, и Ундервуд, отметив удивительную сохранность мосульской формы, сделал правильный вывод о том, что она никогда не использовалась. Видимо, древние мастера уже сами выявили недостатки этой формы и отказались от ее использования.

Предположение Ундервуда о том, что хорошая сохранность мосульской формы объясняется использованием ее лишь для получения промежуточных восковых моделей наконечников стрел, трудно признать убедительным. Для изготовления бронзовых наконечников эти модели не нужны. Отливка в литейной форме (кокиле) восковых моделей ничем не могла улучшить процесс изготовления бронзовых наконечников в данной форме, сделать рентабельной ее использование. Мосульская форма, вероятно, была одной из последних моделей в ряду тех архаических форм, которые предназначались для одновременной отливки нескольких наконечников в одной форме.

Кархемышская форма относится уже к следующему этапу, на котором еще не отказались полностью от идеи одновременной отливки нескольких наконечников в одной форме, но постепенно свели их количество до двух. Древние мастера попытались несколько улучшить литниковую систему: у кархемышской формы уже нет большой общей ванночки, которая бесполезно поглощала большое количество металла. Она имеет совершенно отдельные небольшие воронки, подводившие жидкий металл индивидуально к каждому наконечнику, что позволяло экономить сплав.

Новая бельская форма показывает появление и других усовершенствований. Здесь, как и на новочеркасской форме, на лицевой стороне имеются конические выступы и углубления, предохра-

нявшие отдельные части формы от случайного сдвига. Кроме того, на новой бельской форме впервые появляется еще одно очень важное нововведение. В нижней части новой бельской формы от втулки трехлопастного наконечника отходят два отверстия, которых нет ни на новочеркасской, ни на мосульской, ни на кархемышской формах. Это отверстия для выхода воздуха при заливке. Они значительно улучшили процесс заливки и уменьшили вероятность получения брака из-за недоливов и раковин. При этом сочетание разнотипных и разновеликих наконечников показывает, что данное усовершенствование бронзовых литейных форм появляется в тот период, когда происходит переход от простого большого лука к сложному малому луку, более удобному для конных воинов. Новая бельская формочка появилась в то время, когда сосуществовали оба типа луков и была необходимость в изготовлении для них разных наконечников: больших двухлопастных с длинной втулкой и меньших трехлопастных с более короткой втулкой. Соответственно разным был и вес наконечников, что имело большое значение при подборе для них древка определенной длины и веса.

Расположение отверстий для выхода воздуха на форме показывает, что втулка трехлопастного наконечника при удалении литков должна была укорачиваться минимум на 10 мм.

Очень показательно то, что новая бельская формочка была предназначена для отливки двух разных втульчатых наконечников стрел (больших двухлопастных и меньших трехлопастных). Комплексы, в которых они встречаются в таких сочетаниях, согласно современным исследованиям, относятся к VIII–VII вв. до н.э. (Полін, 1987. С. 19. Рис. 1, 2). Этому соответствует и хронология бронзовых литейных форм.

Форму из новочеркасского клада, предназначенную для одновременной отливки четырех длинновтульчатых двухлопастных наконечников, датируют второй половиной или концом VIII – первой половиной или началом VII в. до н.э. (Иессен, 1953. С. 108; Шрамко, 1984. С. 35; Махортых, 2000. С. 190). Форму из Мосула датировали VI в. до н.э. (Черненко, 1981. С. 95), но большая архаичность этой громоздкой и в целом неудачной формы, а также современная передатировка наконечников стрел, близких к трехлопастным келермесским, требуют отнести ее ко второй половине или к концу VII в. до н.э. Наиболее близкую к новой бельской форму из Кархемыша Е.В. Черненко датирует концом VII в. до н.э. (Черненко, 1981. С. 95). Однако это требует уточнения: производивший раскопки Кархемыша Л. Вулли данную формочку отнес к слою позднехеттского времени (Woolley, 1921. Tabl. 23). Позднехеттский Кархемыш существовал до 717 г. до н.э. (Carchemish, 1989. P. 857), когда он был взят и разгромлен ассирийским царем Саргоном II. Следовательно, кархемышскую формочку и очень близкую к ней новую бельскую формочку следует датировать временем не позже конца VIII в. до н.э. и к этому (или немного более раннему) времени относить появление сложного малого лука, который мог быть создан поздними киммерийцами или ранними скифами.

Имеются основания полагать, что процесс усовершенствования кокилей бельскими мастерами шел независимо от переднеазиатских центров, так как одни и те же изменения в конкретных образцах воплощались по-разному. С конца VIII в. до н.э. в Восточной Европе намечается своя, отличная от переднеазиатской линия развития литейного производства, самостоятельно вводятся новые усовершенствования литейных форм для отливки разных типов наконечников стрел. Этот процесс усовершенствования технологии и поиска новых форм наконечников продолжается до IV в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII.

Ильинская В.А. Изображения скифов времен переднеазиатских походов // Древности степной Скифии. Киев, 1982.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1–4.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Carchemish // The New Encyclopedia Britanica. 1989. V. 2.

Coghlan H.H. Casting moulds made in metal // Man. 1952. Nov. V. 52.

Underwood L. Bronze age technology in Western Asia and Northen Europe. Part. 1 // Man. 1958. V. 58.

Woolley L. Carchemish. Part. 2. British Museum. London, 1921.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 167–168

ЗАМЕТКИ

НАДГРОБИЕ СТОЛЬНИКА ЭПОХИ ПЕТРА I

© 2002 г. А. Г. Векслер, В. А. Беркович

Центр археологических исследований главного управления охраны памятников г. Москва

В 2000 г. Центром археологических исследований Москвы проводились охранные археологические исследования на территории Богоявленского монастыря, в помещениях Богоявленских торговых рядов 1870-х годов (Памятники..., 1982. С. 419). При выборке засыпки одного из подвалов была обнаружена белокаменная резная надгробная закладная плита (рисунок), происходящая с некрополя Богоявленского монастыря "За Торгом", кладбище которого вплоть до XIX в. служило местом погребения представителей российской знати. Сведения о некрополе неоднократно публиковались; целый ряд плит обнаружен при реставрационных и археологических работах в зоне монастыря (Снегирев, 1876; Гиршберг, 1960; 1962; Горюнова, 1947; Беляев, 1994; 1996).

Плита относится к типу "закладных" памятных досок; дошла с незначительными утратами:

Надгробие стольника князя Владимира Михайловича Долгорукова 1716 г. Фото.

расколота на четыре фрагмента. Это белокаменная прямоугольная (74 × 86 × 14 см) "таблица", лицевую часть которой украшает рельефный резной декор (высота рельефа 4–5 см). В центре композиции чуть выпуклый медальон в овальной профилированной рамке. Его нижняя часть обрамлена перекрещивающимися пальмовыми ветвями и букетами пятилепестковых цветов. Композицию венчают две симметрично расположенные фигуры путти, поддерживающих корону. От их крыльев плавно опускаются листья аканта с круто завернутыми концами.

Все поле в медальоне занимает обронная надпись в семь строк, выполненная декоративной вязью с лигатурами и выносами. Фон выбран на глубину 0.6 см; высота строк 5–6.5 см, промежутки между ними 2–2.5 см.

Читается:

1. 1716 г февраля
2. в 7 де(нь) преставися раб б(о)жи(й).
3. Столникъ кн(я)зь Володимер Ми
4. хайлович Долгоруковъ а лет
5. жития ево 40 л(е)т и 6 м(е)с(я)цев
6. а тезоименитство ево
7. м(е)с(я)ца июля 15 де(нь)

Вероятнее всего, Владимир Михайлович был сыном Михаила Юрьевича Долгорукова (известного деятеля эпохи правления царя Федора Алексеевича, убитого стрельцами во время бунта 1682 г.) и Прасковьи Васильевны Голицыной (Энциклопедический словарь..., 1993. Т. 4. С. 761; Русский биографический словарь, 1905. С. 553). Он назван в родословной росписи, в 3-ей ветви рода, как комнатный стольник. Упомянуты два его сына, Сергей и Александр, а также место погребения – Московский Богоявленский монастырь (Долгоруков, 1840. С. 42).

Плита М.Ю. Долгорукого – редкий для петровского времени образец пышной барочной резьбы, гораздо более характерной для надгробий второй-третьей четверти XVIII в. Однако существование ряда аналогов 1700–1710-х годов (плита Б.И. Прозоровского, ок. 1705 г. на некрополе Донского монастыря; саркофагообразное надгробие Д.А. Траурнихта 1717–1722 гг. из Музея истории Москвы) позволяет считать время ее изготовления близким к дате смерти погребенного (Ермонская и др., 1978. Рис. 17; Шокарев, 1996). Художественные достоинства позволяют отнести находку к одному из лучших образцов декоративного прикладного искусства петровской эпохи. Плита займет достойное место в археологическом лапидарии Москвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.

Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // Нумизматика и эпиграфика. Т. 2. М., 1962.

Горюнова Е.И. Итоги работ археологического надзора на строительстве 2-ой очереди Московского метро // Материалы и исследования археологии Москвы. Вып. 1. М., 1947.

Долгоруков П. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840.

Ермонская В.В., Нетунахина Т.Т., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX вв. Л., 1978.

Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982.

Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905.

Снегирев И.М. Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице. М., 1876.

Шокарев С.Ю. Памятник петровского барокко – надгробие Д.А. Траурнихта в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 4. М., 1993.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 1, с. 169–191

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Heinrich Härke (ed.). ARCHAELOGY, IDEOLOGY AND SOCIETY. The German experience. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

В одной из предыдущих рецензий мне уже приходилось касаться вопроса о тех неоправданных ожиданиях, которые будоражат нашу общественность в связи с возможностями археологии обнаруживать корни тех или иных народов (этносов) в глубокой древности (Шнирельман, 1998а). Выход в свет коллективного труда немецких археологов, обратившихся к переосмыслению роли археологии в контексте немецкой истории последних полутора столетий, предоставляет счастливую возможность снова вернуться к этой злободневной теме.

Действительно, немецкий опыт может оказаться для нас немаловажным по целому ряду причин. Во-первых, трудно умалить значение тех культурных и интеллектуальных связей, которые сближали Россию с Германией вплоть до середины XX в. Среди сколько-нибудь видных российских ученых того времени вряд ли нашлись бы такие, кто не знал бы немецкого языка и не следил бы за развитием немецкой научной мысли. Во-вторых, за последние 150 лет Германия, как ни одна другая страна, пережила несколько кардинальных политических трансформаций, оказавших значительное влияние на состояние умов местных интеллектуалов и сказавшихся на судьбах немецкой науки. Действительно, объединение германских княжеств в единую Германию при Бисмарке, неудачный исход первой мировой войны и столь же неудачная попытка построения современного демократического общества в период Веймарской республики, двенадцать лет нацистского тоталитаризма, разделение единой Германии на демократическую Западную и коммунистическую Восточную и, наконец, их новое объединение на исходе XX века, – все это создавало уникальный социально-политический контекст для развития немецкой науки. Поэтому германский опыт более чем какой-либо другой способен наглядно продемонстрировать немаловажную роль социально-политической среды в развитии местной археологии, начиная от определения приоритетных направлений и кончая методикой и методологией исследований. Наконец, германский опыт отчетливо показывает, в какой тупик заводят ученых крайние националистические установки, разрушающие сам фундамент научного знания и заставляющие специалистов жертвовать научной скрупулезностью во имя сиюминутных политических интересов[1]. Этот последний пункт мне представляется особенно важным, ибо в современной России имеются силы, которые упорно подталкивают наших археологов к повторению именно этого германского опыта (об этом см.: Шнирельман, 1996; 1998б, в; 1999, 2000а, б; Shnirelman, 2001).

Забегая вперед, следует сказать, что печальный итог политизации археологии в период нацизма весьма неблагоприятно сказался на дальнейшем развитии немецкой археологии, которая, во-первых, в течение последующих десятилетий сознательно избегала каких-либо теоретических построений, а во-вторых, стыдливо замалчивала целую эпоху в своем развитии. Не случайно понадобилось не менее полувека, чтобы немецкие археологи отправились от шока, связанного с крайней идеологизацией и политизацией их научной дисциплины в эпоху нацизма (С. 121). Правда, это относится только к западногерманским археологам; их восточногерманским коллегам еще предстоит преодолеть наследие своего коммунистического прошлого. Показательно, что восточногерманские авторы, которые поначалу планировали свое участие в рецензируемом издании, в дальнейшем от этого отказались. Это еще раз говорит о своевременности и актуальности тома.

В основе рассматриваемой книги лежат выступления немецких археологов на специальной секции, работавшей в рамках конференции, организованной Группой по теоретической археологии в Лэмпитере (Уэльс, Великобритания) в декабре 1990 г. Издать книгу оказалось не намного проще, чем собрать коллектив авторов, способных компетентно проанализировать все сложные повороты в развитии немецкой археологической мысли. Только благодаря неистощимой энергии и большому энтузиазму Хайнриха Хэрке издание книги было доведено до своего счастливого конца.

Книга состоит из четырех неравных частей. Ее костяк составляют две части, названия которых говорят сами за себя – "От национализма к нацизму" (авторы – У. Вайт, Х. Хассман и Ф. Фэттен) и "Послевоенная Западная Германия" (авторы – С. Волфрам, У. Соммер, М. Шмидт, Е.-М. Мертенс, С. Карлиш и Х. Брандт). Остальные материалы посвящены развитию восточногерманской археологии в условиях господства коммунистической идеологии (В. Кобленц), судьбе восточногерманских археологов после объединения Германии (Й. Якобс) и месту немецкой археологии в рамках западных археологических традиций в целом (Й. Канахан, Т. Блёмерс, Б. Арнолд). Несмотря на сугубо германскую направленность, по своей значимости книга выходит далеко за рамки обсуждения чисто немецких проблем. Как отмечает Х. Хэрке, темной стороной наследия германской археологии остается "использование прошлого, реального или фантастического, в политических целях вплоть до борьбы с культурным наследием соседних этнических, национальных или расовых групп" (С. 13). Мало того, он совершенно справедливо обращает внимание на то, что манипуляции отдаленным прошлым отнюдь не являются чертой исключительно диктаторских режимов – нередко даже демократическое национальное государство стремится к ассимиляции этнических меньшинств или предъявляет территориальны претензии к соседним государствам, апеллируя к данным археологии. В этом смысле весьма показательно оживление интереса к кельтской археологии, якобы вскрывающей цивилизационную подоснову современной объединенной Европы (С. 15).

Иными словами, стремление археологов полностью соответствовать потребностям своего общества далеко не всегда идет на пользу науке – так было при нацизме и коммунизме, то же наблюдается и в современном демократическом мире (С. 27). Поспешно откликаясь на такого рода вызовы времени, археология не только пожинает плоды, но несет порой тяжелые потери, связанные с пренебрежением методологическими принципами во имя облегченных популистских интерпретаций на потребу публике. В то же время, оставаясь верной научным подходам, археология встречается с иной угрозой – ведь не секрет, что изложенные профессиональным языком научные публикации отпугивают массового читателя, публика теряет интерес к археологии, и перед той возникает опасность маргинализации. По сути речь в рассматриваемой книге и идет об этих опасностях, о том, можно ли их избежать и что происходит с археологией в том случае, если ей этого сделать не удается.

Как случилось, что немецкая наука XIX века, поклонявшаяся идеалам гуманизма, свернула на путь крайнего национализма и расизма? Почему к началу 1930-х годов в ней ре-

[1] Этот феномен германской археологии уже был достаточно удачно назван "Фаустовским торгом" (об этом см.: Arnold, Hassmann, 1995).

шительно возобладала псевдонаучная расовая антропология? На какой платформе псевдоученым удалось поладить с нацистами? Приспосабливались ли ученые к нацистской идеологии или же нацисты умело использовали подходы, уже выработанные немецкой наукой? Как сами немецкие специалисты относились к сложившейся ситуации – принимали ли они ее как должное, видели ли они в ней стимул или, напротив, тормоз для развития науки, пытались ли они бороться с нацистской псевдонаукой? Эти центральные вопросы, удачно сформулированные Франком Фэттеном, рассматриваются в первой части книги. Сам Фэттен склонен объяснять резкий перелом в развитии немецкой науки сменой поколений. Действительно, переход от всеохватывающей междисциплинарной концепции первобытной истории (Urgeschichte) и эволюционизма, отстаивавшихся Рудольфом Вирховым, к более узкой националистической концепции доистории (Vorgeschichte) и культурно-историческому методу, разработанным Густавом Коссинной, имел под собой серьезные как мировоззренческие, так и научные сдвиги. Если поколение Вирхова росло под впечатлением революции 1848 г. с ее демократическими идеалами, то следующее поколение уже разделяло националистические лозунги франко-прусской войны 1870–1871 гг. Как отмечает Фэттен, после 1900 г. главным для немецкой науки стал вопрос "что", а не "как", и специалисты обсуждали прежде всего не методику, а результаты исследований (С. 163, 170, 171).

Вместе с тем, этот ответ не исчерпывает всей сложности проблемы, ибо переход от дилетантской Urgeschichte к более строгой Vorgeschichte отвечал потребностям дальнейшего развития науки с ее неизбежной специализацией. Поэтому пропагандировавшаяся Вирховым триада (физическая антропология, этнология и Urgeschichte) не выдержала вызова времени. Зато монопольное господство первобытной археологии, за которое ратовал Коссинна, со временем получило признание в немецкой науке и в 1930-е годы обрело мощную поддержку со стороны германского государства. Очевидно, порок заключался не в самой первобытной археологии, а в той узконационалистической ориентации, которую ей придал Коссинна. Это и имеют в виду Фэттен, Хассман и Вейт, критикуя "поселенческую археологию" (Siedlungsarchäologie) Коссинны, сводившего все задачи первобытной археологии к исследованию древнейшего расселения этнических групп и, прежде всего, германцев. Именно Коссинна впервые на западе безоговорочно отождествил археологическую культуру с этносом, к чему были привязаны все его теоретические и методологические постулаты[2].

Тем самым создавалось обманчивое впечатление, что археологи занимаются таким же написанием истории, как и историки более поздних эпох. Специфика археологического факта и археологического исследования исчезала, и процесс археологической реконструкции сознательно упрощался и искажался. Такое направление исследований встречало живейший отклик у немецкой общественности рубежа XIX–XX вв., находившейся под большим влиянием многочисленных националистических (volkisch) групп, стремившихся пробудить "немецкий национальный дух" путем обращения к "самобытной германской культуре", якобы процветавшей в первобытную эпоху (Mosse, 1964). В этой атмосфере различия между научной археологической реконструкцией и политической идеологией мало кого интересовали, их попросту не хотели видеть. Археологическое знание объявлялось абсолютно объективным, оперировавшим "твердыми фактами" (С. 55, 56). Главный из этих "фактов" заключался в расовом, культурном и языковом единстве германцев, якобы обладавших общей "расовой душой"; популярным стал лозунг "раса – это судьба" (С. 143). Одним из ранних пропагандистов этой идеологемы был сам Коссинна (С. 153, 154).

Любопытно, что такие нацистские вожди как Гитлер и Гиммлер относились к древним германцам без большого почтения, видя в них первобытных дикарей. Мало того, в частной беседе Гиммлер признал "Германию" Тацита тенденциозным произведением (С. 47, 147). Это не мешало нацистам ввести выдержки из нее в курс стандартного школьного обучения и объявить "представление о том, что германцы были варварами, лишенными культуры, фальсификацией истории и преступлением против немецкого народа" (с. 92). Очевидно, "поселенческая археология" Коссинны пришлась как нельзя кстати нацистским идеологам, которые всемерно использовали ее для воспитания немецкого патриотизма. Мало того, глава СС и всесильный шеф гестапо Г. Гиммлер организовал в 1935 г. под эгидой своей "почтенной" организации научное и образовательное учреждение "Deutsches Ahnenerbe" ("Наследие германских предков"), призванное развивать и популяризировать расовую науку. Цели Аненербе формулировались следующим образом: "изучать расселение, идеи и достижения индогерманских народов; щедро знакомить немецкий народ с результатами исследований; широко привлекать к этому процессу всех немцев без исключения". Аненербе являлось странной смесью научных и псевдонаучных исследований, и в ней под одной крышей уживались первобытная археология, изучение рун, астрономия, метеорология, фольклор и оккультные науки. В журналах, издававшихся Аненербе, господствовали дилетанты, преклонявшиеся перед всем германским. Однако, наряду с ними, публиковалась серия монографий, среди которых встречались и вполне научные работы. Аненербе опиралась на четыре "идеологические дисциплины" – расовую антропологию, этнологию, символические исследования и первобытную археологию. Перед последней Гиммлер ставил задачу продемонстрировать ведущую роль германцев в становлении человеческой цивилизации (С. 82).

Нацистский министр пропаганды Геббельс видел в первобытной археологии подходящий рупор для популяризации таких идеологических доктрин, как культ расы, культ вождя, культ материнства и семьи, идеализация сельской жизни, любовь к родине, прославление смерти, идея рейха, территориальные захваты, самопожертвование, героизм, верность руководству и т.д. Он настаивал на том, что пропаганда должна быть обращена не столько к разуму, сколько к чувствам и эмоциям. И в этом смысле построенная на интуитивных догадках первобытная археология как нельзя более удовлетворяла его запросам (С. 75, 108, 109). Похоже, того же мнения придерживался и Гитлер (С. 71). Поэтому "германская доистория" занимала при нацистах большое место как в музеях, так и в школах. Именно в ней нацисты видели неиссякаемый источник своей символики – свастики, нацистского приветствия, рунических знаков, названий различных организаций и т.д. (С. 114).

Такова была цена, которую пришлось уплатить немецким археологам за ту щедрую организационную и финансовую поддержку, которая способствовала быстрому становлению первобытной археологии как научной дисциплины после 1933 г. Являлось ли это полным поражением немецкой археологии? Авторы книги призывают искать сбалансированный ответ на этот сложный вопрос. Во-первых, специалистов из западных и южных районов Германии, изучавших римские и кельтские древности, труднее было склонить к "германомании", чем их коллег с востока и севера (С. 149). Во-вторых, ряд видных немецких археологов, включая самого Коссинну, еще до прихода нацистов к власти начали выступать против "германомании", видя в ней угрозу развитию профессиональной науки. В-третьих, некоторые идеологи немецких националистических движений тоже выступали против неумеренного прославления древних германцев, ибо это профанировало и дискредитировало их идеи. В-четвертых, сам Гиммлер, мечтая о научном имидже Аненербе в глазах профессионалов, следил, чтобы его подопечные не слишком увлекались фантазиями (С. 85). В частности, он уволил первого директора Аненербе Г. Вирта за то, что тот чересчур рьяно популяризовал поддельную фризскую хронику и увлекался оккультными науками.

Наконец, нацистское преклонение перед древними германцами не отличалось последовательностью: например,

[2] Первым в нашей науке методику Коссинны детально проанализировал Л.С. Клейн (Klejn, 1974).

Гитлер с почтением относился к древнеримскому наследию. Поэтому некоторые немецкие ученые того времени пытались сблизить греко-римские древности с древнегерманской культурой или, подобно главному нацистскому археологу Г. Рейнерту, объявляли культуру Трои и античные храмы германским наследием. Мало того, нацистская идеология поневоле должна была учитывать сложившиеся реалии. Например, миф о "белокурых и голубоглазых арийцах" шел вразрез с иными соматическими особенностями обитателей южных германских земель, и, чтобы интегрировать последних в германскую общность, нацистам со временем пришлось пересмотреть их отношение к расе: вместо "арийцев" в обиход вошел термин "германцы по крови" (С. 145, 146). Другим поводом для идеологического кульбита стал поворот к имперской завоевательной политике в 1937–1938 гг. (С. 86, 91). Все это, наряду с децентрализацией университетской системы образования и некоторой автономией научных учреждений, мешало внедрению единообразной расовой идеологии и позволило немецким археологам сохранять определенный профессионализм и не допустить полного разрушения научной мысли. Кроме того, подобно любой другой науке, даже в условиях сильного идеологического прессинга археология, как подчеркивает Вайт, сохраняла свою автономию (С. 57). Правда, чтобы сберечь свою профессиональную нишу, немецкие археологи вынуждены были прибегать к нацистской риторике (С. 86) и соглашаться на увольнение своих коллег-евреев или тех, кто слишком упорно отвергал "арийскую идеологию" (С. 80, 81). Столь же послушно они снабжали нацистских лидеров историческими аргументами (типа проблемы готов), оправдывавшими экспансию на Восток, и занимались вывозом исторических ценностей из Восточной Европы (С. 106–108).

Впрочем, похоже, сами авторы не нашли единого подхода к оценке места первобытной археологии в нацистской Германии. Вейт призывает избегать преувеличений типа обвинений археологии за нацистский режим (С. 57). Фэттен настаивает, что в силу своей немногочисленности ученые и не смогли бы привить немцам национал-шовинистические идеи до 1933 г. (С. 150), но соглашается с тем, что ученые-первобытники пробуждали германское самосознание (С. 162); а Хассман предупреждает против недооценки роли первобытной археологии как важного идеологического орудия нацистов (С. 66, 67, 88). Зато авторы более единодушны в том, что только путем саморефлексии можно уберечь археологию от новых политических манипуляций. Ведь последним легко поддается та наука, которая считает себя полностью "объективной" и лежащей "вне политики" (С. 122).

Период нацизма оставил археологам тяжелое наследство. Речь идет не только о тех нацистских археологах, которые быстро перекрасились в демократов в Западной Германии или в коммунистов в Восточной (С. 23, 28) или же продолжали распространять нацистские идеи в послевоенные десятилетия (С. 119, 120). Хуже то, что нацистские подходы к первобытной и раннесредневековой истории сохранились в школьных учебниках, в популярных исторических произведениях, в художественной литературе и кинофильмах, где встречаются идеи превосходства германцев и непрерывного развития их общности, начиная с бронзового века, где воспевается их "древняя религия" и делаются попытки продолжить нацистские исследования "культурной символики". Уже в наши годы все это служит возрождению неонацизма, который привлекает под свои знамена молодежь, имеющую слабое представление о Третьем рейхе и Второй мировой войне (С. 123–125).

Оценивая послевоенный период, авторы книги единодушны в том, что, отличаясь высоким уровнем проведения раскопок и методики обработки археологических материалов, западногерманские археологи сознательно отказывались от разработки новых и обсуждения уже имевшихся теоретических подходов. Те немногие попытки, которые делались некоторыми для них для развития теории (предложения Х. Эггерса по различению "живой", "мертвой" и "умирающей" культуры и обсуждение Г. Смоллой роли этнографических аналогий), остались невостребованными и не получили поддержки (С. 190–192). Даже во второй половине 1980-х годов курсы по теоретической археологии, этноархеологии и историографии занимали маргинальное положение в университетских программах обучения будущих археологов. Главный упор делался по-прежнему на хронологию и типологию (С. 222–223). Вместе с тем произошел отход от бездумного отождествления археологической культуры с этносом; теперь археологи пытались проводить различия между материальными остатками социополитических структур, религиозных групп, торговых и хозяйственных ареалов (С. 181). И все же упор на "прогресс путем акцента на технику" (так назвала свою статью С. Волфрам), полный отказ от обсуждения нацистского прошлого и сознательное дистанцирование от любой идеологии сделали западногерманскую археологию беспомощной перед вызовами современности.

В частности, в наше время всеобщей коммерциализации, когда судьба научных исследований все больше попадает в зависимость от негосударственных фондов, германская археология пока не нашла общего языка с общественностью. В этом смысле весьма показательна статья М. Шмидта, отчетливо демонстрирующая огромную роль школы в формировании тех или иных общественных представлений. Между тем, в современной школе первобытной истории отводится очень мало часов, школьные учителя и даже авторы учебников, как правило, не имеют никакого представления об археологии вообще. Если в 1930-е годы всемерно поддерживавшаяся нацистами первобытная археология занимала большое место в интеллектуальной жизни немцев, то в послевоенный период ее роль заметно упала. Для большинства немцев образ археолога связывается либо с авантюристом, рыскающим по свету в поисках золота, либо со странным субъектом, любовно расчищающим кисточкой никому не нужную рухлядь. В целом общественный интерес к археологии пробуждается либо находками броских экзотических вещей, либо всплеском национализма. Отсутствие теоретических разработок, которые помогали бы написанию новых учебников или просто увлекательных популярных книг, и отсутствие у специалистов интереса к популяризации результатов своих исследований отдает первобытную и древнюю историю на откуп предприимчивым дельцам и дилетантам. Многие немцы знают о ранних этапах истории только из книг и популярных лекций Э. фон Дэникена (у нас он известен по нашумевшему в 1970-е годы фильму "Воспоминания о будущем"), из эзотерической литературы и книг о рунической магии, которыми сейчас завалены западные книжные рынки[3].

Гораздо более скупо в книге освещено положение дел в восточногерманской археологии. В частности, практически полностью оказался обойденным вопрос о роли марксизма. Даже ветеран немецкой археологии В. Кобленц, неодобрительно относившийся к коммунистическому режиму и справедливо критиковавший его за ограничения творческой инициативы, стремление изолироваться от Запада и посягательства на свободу научных контактов, признает в своей обстоятельной статье, что ученые ГДР имели достаточную свободу для маневра. Во-первых, профессиональная научная деятельность не требовала обязательного членства в партии, и многие восточногерманские археологи, включая руководителей, оставались беспартийными; во-вторых, во многих публикациях марксистская риторика ограничивалась лишь введением и заключением (в частности, принятый в мае 1954 г. закон об охране исторических памятников был полностью свободен от каких-либо идеологических штампов); в-третьих, до 1961 г. восточногерманские археологи могли беспрепятственно посещать Западную Германию, а после 1971 г. у них вновь появились возможности для контактов с западными учеными. Кроме того, молодым археологам не грозила безработица, как это наблюдалось в Западной Германии.

[3] В 1990-е годы эта литература хлынула на российский книжный рынок.

Если Кобленц пытался доказать, что восточногерманская археология испытывала весьма слабое воздействие марксизма, то Й. Якобс положительно оценивает влияние последнего, позволившего археологам ГДР, в отличие от их западногерманских коллег, сохранить вкус к теоретическим построениям (С. 348). Однако и Якобс обходит стороной суть восточногерманского марксизма. Между тем, судя по моему личному опыту участия в советско-германском симпозиуме, состоявшемся в Восточном Берлине в декабре 1988 г., восточногерманский марксизм отличался особым догматизмом, которого в советской науке в 1960–1980-е годы уже не наблюдалось. И все же, как показывает советский опыт, лучше иметь несовершенную теорию, с которой можно спорить и которую можно изменять, чем не иметь никакой теории вообще. Ведь во втором случае велика вероятность возникновения самых фантастических, ущербных и нередко небезопасных построений. В любом случае, обсуждая проблему марксизма в науке бывших социалистических стран, представляется необходимым, как отмечает Якобс, делать различие между официальным бюрократическим марксизмом и гораздо более тонкими марксистскими подходами, которые развивались учеными в их профессиональных публикациях (С. 349). Ведь даже Кобленц, хорошо знавший ситуацию изнутри, признавал, что "не может быть никакого сравнения между ужасными результатами нацистского использования археологии ... и осуществлявшимися в ГДР попытками ввести до- и протоисторию в марксистское русло" (С. 332).

Между тем, эти тонкости, похоже, мало волновали западногерманских экспертов, проводивших чистку в университетах бывшей ГДР после объединения. Как сообщает Якобс, в результате в ряде университетов кафедры археологии были закрыты, была распущена Берлинская Академия наук, немалое число археологов оказались без работы. О масштабах этого процесса говорят следующие цифры: к 1993 г. были сокращены 20% университетских профессоров и 60% доцентов, а к 1997 г. работу сохранили лишь 30% прежнего преподавательского состава. Большинство изгнанных пострадали только лишь за свою приверженность марксистской методологии истории. Их место заняли западногерманские профессора (С. 343–345). Время покажет, приведет ли это к распространению "интеллектуального застоя" западногерманской археологии на восток, как предсказывает Якобс, или же новое поколение германских археологов совместными усилиями сумеет выйти на новый теоретический уровень, свободный от идеологического наследия прошлых режимов.

Из остальных статей, помещенных в книге, нашему читателю покажутся небезынтересными подробный анализ германской университетской системы, проделанный У. Соммер, обсуждение проблем феминизма молодыми представительницами новой германской археологии (Е.-М. Мертенс, С. Карлиш, С. Кэстнер, Х. Брандт), экскурс в историю германской колониальной археологии на примере изучения наскального искусства Намибии (Дж. Кинахан) и оценка перспектив германской археологии голландским специалистом (Т. Блёмерс). Книгу завершают достаточно неожиданные и наводящие на размышления рассуждения Б. Арнолд, демонстрирующей серьезные проблемы, стоящие сейчас перед американскими и английскими археологами; некоторые из этих проблем обнаруживают гораздо больше сходства с германской ситуацией, чем мог бы ожидать неподготовленный читатель. В частности, "новая археология" 1960–1970-х годов пыталась развиваться под знаком "объективизма" и "научности", подобно тому как западно-германская археология упорно отмежевывалась от любой идеологии после 1945 г. Однако англоязычные страны быстро справились с этой болезнью и вот уже в течение двадцати лет дрейфуют в сторону культурного релятивизма. На этом пути американским археологам еще предстоит полностью признать свою вину за посягательство на историческое наследие коренных американцев и других меньшинств, приспособиться к вытекающей из этого новой ситуации. Вместе с тем, культурный релятивизм имеет свои крайности в виде псевдонаучных или антинаучных этноцентристских и расистских построений, на этот раз пропагандирующихся некоторыми представителями меньшинств. Вновь возникает культ варварского прошлого, растет интерес к эзотерическим фантазиям (в частности, в рамках модного движения New Age), новые религиозные движения начинают оспаривать право археологов на изучение и охрану памятников первобытности. В частности, активность в этом отношении проявляют неонацисты и скинхеды. Иными словами, безбрежный культурный релятивизм вновь широко открывает двери для небезопасной политизации археологии. "Поэтому, – подчеркивает Арнолд, – не одни только германские археологи должны извлечь урок из того, что случилось в 1933–1945 гг." (С. 406–407)[4].

Этот вывод мне представляется одним из важнейших результатов проделанного авторами ценного исследования. Археология не может развиваться вне социума, и археологи, хотят они того или нет, опираются в своих публикациях на ту или иную идеологию. Чем лучше они будут это сознавать, тем легче им будет избегать экстремистских идеологий, тем скорее они смогут защитить научное знание от его использования нечистоплотными политиками. В частности, как мне представляется, следует отказаться от бездумного использования концепции этноса по отношению к первобытным, древним и раннесредневековым общностям (Шнирельман, 1996. С. 94). Этнос – это понятие недавнего времени, связанное не столько с формацией, сколько с эпохой. Языковые и культурные общности получили этническое оформление в результате политических сдвигов последних веков, когда "этническое" стало подразумевать право на определенные социальные и политические права. В более ранние эпохи ничего подобного не было, человеческие общности консолидировались тогда на иных началах, и поэтому схема "племя–народность–нация" представляется надуманной. Предлагаемое более осторожное использование термина "этнос" поможет археологии избежать бесплодного поиска корней современных этнических групп в глубинах первобытности и откроет перед ней возможность сосредоточиться на гораздо более привлекательных темах, связанных с социальными и гендерными проблемами, хозяйственной эволюцией, торговыми контактами и межкультурными взаимодействиями, экологической адаптацией, палеодемографическими реконструкциями, исследованиями ритуальной жизни и древней символики и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шнирельман В.А. Археология и лингвистика: Проблемы корреляции в контексте этногенетических исследований // ВДИ. 1996. № 4.

Шнирельман В.А. Наследие советской археологии // РА. 1998а. № 2.

Шнирельман В.А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998б. № 1.

Шнирельман В.А. Археология и этнополитика: Открытие Аркаима // Museum: Международный журнал. 1998в. № 4.

Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999.

Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: Этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Матер. междун. конф., Москва, 15–17 сентября 1998 г. М., 2000а.

Шнирельман В.А. Тоска по арийству: Мифы русского неоязычества // Независимая газета. 2000б. 31 января.

Arnold B., Hassmann H. Archaeology in Nazi Germany: the legacy of the Faustian bargain // Nationalism, politics and practice of archaeology / Eds Kohl P.L., Fawcett C. Cambridge, 1995.

Klejn L.S. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 1974. Bd. 58.

[4] Все это наблюдается и в России, и в соседних странах СНГ. Подробно об этом, помимо указанных статей В.А. Шнирельмана, см.: Shnirelman, 1995; 1996; 2001.

Mosse G.L. The crisis of German ideology. Intellectual origins of the Third Reich. New York, 1964.

Shnirelman V.A. Alternative prehistory // Journal of European Archaeology. 1995. V. 3. № 2.

Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D.C., 1996.

Shnirelman V.A. The value of the past. Myths, identity and politics in Transcaucasia. Osaka, 2001.

Институт этнологии РАН, Москва

В.А. Шнирельман

Х.А. Амирханов. ЗАРАЙСКАЯ СТОЯНКА М.: Научный мир, 2000. 248 с.

Продолжающееся под руководством Х.А. Амирханова исследование Зарайской верхнепалеолитической стоянки стало заметным событием в современной российской археологии. В 1997 г. на базе экспедиции была проведена представительная международная конференция, посвященная проблемам восточного граветта (Амирханов, 1998). Понимая, что широкомасштабное изучение палеолитической стоянки открытого типа может занимать десятилетия, автор раскопок решил выпустить в свет предварительную публикацию. Как мне кажется, значение рецензируемого труда в методическом плане далеко выходит за рамки проблематики верхнего палеолита Русской равнины.

Открывает книгу глава, посвященная геолого-геоморфологической характеристике района расположенная стоянки и истории ее исследования. Памятник найден А.В. Трусовым в 1980 г. и раскапывался им в 80–90-е годы. Из предварительных публикаций известно, что здесь обнаружены следы поселения костенковско-авдеевской культуры. Сообщалось об открытии остатков жилища (Трусов, 1994). С 1995 г. раскопки возглавил Х.А. Амирханов. Рецензируемая публикация основана преимущественно на материалах, полученных при изучении культурного слоя в южной половине раскопа 4, где была исследована наиболее полная стратиграфическая картина. На новом этапе раскопок были оставлены как неэффективные применявшиеся ранее расчистки культурного слоя горизонтальными вскрытиями без учета древнего рельефа, оставление вещей на останцах и разборка ям с костями как скоплений. Особенно показательно в этом плане сравнение фотографий (Рис. 44 и 45), где видны различия в подходе к объектам культурного слоя. Сопоставление наглядно демонстрирует зависимость наших представлений о памятнике от методических приемов раскопок, в свою очередь определяемых установками исследователя. Свежий пример такого рода – результаты возобновленных Г.И. Медведевым работ на Мальте, заставившие по-новому взглянуть на сущность памятника и открытых здесь структур (Медведев и др., 1996; Sitlivy et al., 1997). Вероятно, только тактика тщательного исследования слоя в небольших по площади раскопах со сложной системой связанных микростратиграфических бровок и канавок, способна содействовать пониманию характера культурного слоя. Такая ориентация раскопочных работ с упором на выявление микростратиграфии, во многом стимулированная опытом Авдеевской экспедиции (Гвоздовер, Григорьев, 1990), завоевывает все большее число сторонников (Беляева, 1997).

Вторая глава книги посвящена вопросам стратиграфии и датировки памятника. Анализ сложной стратиграфической картины позволил автору выделить два основных культурных слоя – верхний, связанный с погребенной почвой, и нижний, приуроченный к подстилающим супесям и суглинкам. В свою очередь характер интерстратификации объектов слоя и мерзлотных нарушений дает возможность расчленения нижнего слоя на три стратиграфических подразделения, соответствующих различным этапам заселения стоянки. Серия радиоуглеродных датировок определяет возраст памятника в интервале от 21 до 16–18 тыс. лет, при этом дана привязка образцов к периодам обитания.

Третья глава содержит результаты комплексного исследования памятника, ориентированного на реконструкцию палеосреды. Интерес вызывает нацеленность автора на получение палинологических данных не только по стратиграфической колонке, но и по отдельным участкам и объектам культурного слоя. Результаты споро-пыльцевых анализов даны Г.Н. Шиловой в приложениях к книге. На начальной фазе заселения памятника господствовал холодный и сухой климат. Ландшафт реконструируется как перигляциальная лесотундра с участками степеней. Холодные и влажные условия преобладали на протяжении основного времени последующего заселения нижнего культурного слоя. В период обитания верхнего культурного слоя климат становится теплее; по долинам рек распространяются смешанные леса и луга. Такая смена природной обстановки, вероятно, соответствует поздневалдайскому интерстадиалу, следовавшему за максимумом оледенения.

Определения фауны носят предварительный характер. Идентифицированы остатки не менее 15 особей мамонта, большое число костей песца, единичные кости волка, росомахи, зайца, птиц. Вывод автора об "общей оценке хозяйственной стратегии обитателей стоянок, подобной зарайской, как охотников на мамонта" (С. 66) кажется преждевременным. Проблема природы скоплений большого числа остатков мамонта в современной археологии палеолита давно вышла за рамки оценочных определений (охота или сбор костей). Для выяснения данного вопроса необходим детальный археозоологический анализ остеологических коллекций с особым вниманием на установление половозрастного состава особей, характера модификаций костей антропогенного и естественного порядка и т.д. (Soffer, 1985). Добавим, что ряд памятников, трактовавшихся ранее как стоянки охотников на мамонта (Краков-Спадзиста в Польше, Шестаково в Сибири), предстают ныне как следы посещения человеком мест естественной гибели стад животных (Wojtal, 1996; Деревянко и др., 2000).

В четвертой главе дана характеристика культурных слоев стоянки. Любопытны наблюдения автора о характере и размахе "миграции" предметов расщепленного камня в перекрывающие слой отложения по причине деятельности землероев и мерзлотного растрескивания. Главное внимание в главе уделено выявлению основания или "пола" культурных слоев и горизонтов, что в условиях отсутствия стерильных прослоек имеет особое значение. Термин "пол" традиционный и явно неудачный; лучше говорить об "основании" или "нижней границе" культурного слоя. Автором выделено несколько последовательных генераций мерзлотных трещин. Примечателен факт активного использования обитателями стоянки крупных мерзлотных нарушений для устройства ям и в качестве мест свалки мусора. Подобная практика приспособления древнего человека к своеобразному рельефу, сформированному криогенными процессами, отмечена не только для упоминаемых в книге стоянок Восточной Европы (Елисеевичи, Тимоновка), но и в Сибири (Верхоленская Гора I; Иваньев, Цейтлин, 1980).

Следующая глава монографии посвящена предельно подробному, снабженному большим числом иллюстраций, описанию объектов культурного слоя – ям и очагов. Ямы подразделены автором на приочажные ямки, ямы-хранилища запасов костяного сырья и изделий из бивня, ямы-клады. В последних зафиксированы уложенные кремневые пластины-заготовки и орудия. Микростратиграфическое исследование позволило в ряде случаев восстановить последовательность функционирования ям – вначале как хранилищ,

позже превращенных в места свалки отходов или разведения костров.

Шестая глава содержит краткую характеристику находок. Рассматривая коллекцию каменного инвентаря стоянки, автор обращает внимание на технологический аспект индустрии. Кремень приносился на место обитания в виде минимально подготовленных пренуклеусов. Преобладание среди находок крупных пластин указывает на специализированный характер производства. Среди изделий с вторичной обработкой доминируют резцы, есть серия выразительных ножей костенковского типа, скребки, немногочисленные наконечники с боковой выемкой, пластинки с притупленным краем, единичные скребла, проколки и комбинированные формы. Группа изделий, описываемых в работе под общим названием "листовидные наконечники", достаточно разнородна, и к морфологически выраженным листовидным формам можно отнести, пожалуй, только один предмет (Рис. 76, г). При отсутствии иллюстраций трудно судить об облике выделяемых автором "орудий с закругленным углом" и "орудий с угловой выемкой", вероятно, речь идет об изделиях типа резчиков.

Помимо многочисленного кремневого инвентаря, нижний слой памятника доставил серию вещей из бивня и кости мамонта (лопатки-подставки, лопаточки, наконечники, мотыга). Особый интерес вызывает находка орнаментированного изделия типа колотушки. Найдены также украшения (подвески из зубов песца) и куски слабо обожженной глины. Приведенные в приложении результаты анализа последних, осуществленного Ю.Б. Цейтлиным, показывают, что мы имеем дело со специально подготовленной массой с примесью органики, случайно попавшей в огонь.

В седьмой главе автор переходит к обсуждению проблем реконструкции характера поселения в целом. Он отмечает неадекватность практиковавшегося ранее прямолинейного подхода к палеолитическим памятникам, когда "следы жизнедеятельности человека, выявляемые в культурных отложениях в виде конструктивных остатков и деталей, изначально воспринимаются исследователем как руины построек" (С. 183). В итоге проделанной работы на основании планиграфии и микростратиграфии выделены четыре периода жизни поселения. Первый из них отмечен остатками очага, скоплением бивней и ямкой "кладикового типа". Второй уровень определен по двум очагам, ямам-хранилищам, ямкам-кладам и др. Характер встреченных объектов находит ближайшие аналогии в материалах Костенок I и Авдеево, поэтому автор заключает, что раскопом вскрыта часть жилой площадки костенковско-авдеевского типа (возможно, фрагмент центральной линии очагов). Третий этап освоения человеком стоянки идентифицируется по очагу и нескольким ямам. Наиболее значимые изменения в облике поселения, по мнению автора, зафиксированы на четвертом этапе, соответствующем верхнему культурному слою, когда "происходит почти полный отход от самой идеи ямы как основного и всефункционального конструктивного элемента жилищно-хозяйственного комплекса" (С. 190). Добавим, что прекращение эксплуатации ям на определенном этапе жизнедеятельности человека на поселении прослеживается и в Авдеево (Гвоздовер, Григорьев, 1990). Однако не будем забывать, что выводы пока основываются на результатах вскрытия очень ограниченного по площади участка стоянки. Возможно, изменения в характере планиграфической картины отражают лишь смещение зон жизнедеятельности при планировке поселения в различные периоды его обитания.

Предположения автора относительно места Зарайской стоянки в верхнем палеолите Русской равнины содержатся в восьмой главе. Сходство по большинству параметров облика инвентаря и технологии обработки камня Зарайской стоянки и Костенок I служит основанием для включения стоянки в круг костенковской культуры. В более широком плане она входит в группу памятников так называемого восточного граветта. При сравнительном анализе этих индустрий для обозначения разновидностей орудий вводятся понятия "базовая морфологическая группа" и "базовая техническая группа". Из текста неясно, как соотносятся предложенные термины с ранее употреблявшимися понятиями "технико-морфологическая группа" и "техническая группа" (Аникович, 1991). На мой взгляд, здесь наблюдаются чисто терминологический разнобой и нечеткость формулировок. Представлены результаты кластерного анализа индустрий, основанного на соотношении крупных и укороченных пластин и наличии/отсутствии морфологических групп изделий. Интересны заключения автора о связи появления характерных костенковских наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа с технологическими особенностями индустрии (применение крупной пластины как основного типа заготовки).

В итоге автор приходит к выводу, что восточный граветт представлял собой "культурную непрерывность" групп памятников. В числе последних названы костенковско-авдеевская, хотылевско-гагаринская, костенковско-боршевская и костенковско-александровская группы. Подобная трактовка как будто близка схеме, преложенной в свое время Н.Д. Прасловым (1984) для расчленения среднего палеолита Восточной Европы. Этот исследователь указывал, что при отсутствии в материале четко разграниченных культур можно выделять широкие "культурные ареалы", в свою очередь делящиеся на локальные варианты. Постепенный отход от представления о древнекаменном веке какой-либо территории как простой сумме археологических культур характерен для современной археологии палеолита, и это касается не только Восточной Европы (Васильев, 1996). Общий вывод автора о длительности существования восточного граветта на Русской равнине, не сводящегося к "эпизоду", вклинившемуся в процесс развития местных верхнепалеолитических культур, выглядит вполне обоснованным. Замечу, что "эпизоды" и тому подобные единичные относительно кратковременные исторические события вряд ли могут улавливаться по палеолитическим материалам. Интересно, что развитие восточного граветта не прекращается с максимумом валдайского оледенения. Непрерывность обитания на территориях, считавшихся обезлюдевшими в период ледникового максимума, устанавливается сейчас в других регионах распространения верхнего палеолита, например, в Средней Европе (Street, Terberger, 1999. № 280).

В заключении подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы полевых изысканий. Продолжение столь удачно начатых исследований Зарайской стоянки, несомненно, позволит по-новому подойти к вопросу о реконструкции облика жилых площадок костенковско-авдеевского типа, этих наиболее сложных искусственных конструкций из числа открытых в палеолите. Выход в свет монографии Х.А. Амирханова является важной вехой в деле совершенствования методики изучения верхнепалеолитических памятников открытого типа. Великолепно оформленная, как и все публикации издательства "Научный мир", книга будет интересна исследователям древних стоянок разных эпох и территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М., 1988.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1991.

Беляева В.И. Исследование нового участка поселения на палеолитической стоянке Пушкари I // Пушкаревский сборник. Вып. 1. СПб., 1997.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб., 1996.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. 1990. Вып. 202.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В. и др. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3.

Иваньев Л.Н., Цейтлин С.М. Геологические условия залегания культурных остатков на Верхоленской Горе // Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 2. Иркутск, 1980.

Медведев Г., Ков Н., Воробьева Г. и др. Мальтинское палеолитическое месторождение. Иркутск, 1996.

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984.

Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. 1994. Вып. 85.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques d' Asie Centrale. № 1. Bruxelles, 1997.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985.

Street M., Terberger T. The last Pleniglacial and the human settlement of Central Europe; new information from the Rhineland site of Wiesbaden-Igsadt // Antiquity. 1999. V. 73.

Wojtal P. The Cracow Spadzista Street (B) Upper Paleolithic site // Current research in the Pleistocene. 1996. V. 13.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

С.А. Васильев

Р.Д. Голдина. ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ УДМУРТСКОГО НАРОДА. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 1999. 464 с.

В книге Р.Д. Голдиной рассмотрены древности с территории Удмуртии со времени появления древнейшего человека и до позднего средневековья. Исследователь использовала данные различных наук, которые дают возможность изучить прошлое народа, включая языкознание, этнологию, антропологию и другие дисциплины. Однако главное место в работе занимают археологические материалы. По охвату источников и широте рассмотренных проблем рецензируемый труд вполне сопоставим с фундаментальными работами "Археология Карелии" (Петрозаводск, 1996) и "Археология Республики Коми" (Москва, 1997). При этом надо отметить, что обе названные книги подготовлены коллективами авторов, а рецензируемый труд написан одним исследователем. Вместе с тем, по охвату материала, как во времени, так и территориально, книга значительно превосходит тему, указанную в названии, и ее следовало бы назвать "Археология Удмуртии".

Работа включает пять глав, введение и заключение.

Глава I "Возможности и вклад различных наук в изучение древней и средневековой истории удмуртского народа" включает семь разделов. В начале главы автор справедливо отмечает, что история удмуртского народа, так же как и других, может быть изучена только при использовании данных различных наук (С. 7). Этому принципу автор следует на протяжении всей работы. В разделе "Языкознание и этногенез удмуртов" отмечено, что изучение этногенеза финно-угорских народов, и в их числе удмуртов, было начато языковедами еще в XVIII в. В этом процессе участвовали крупнейшие ученые разных стран. В настоящее время в Удмуртии сформировалась собственная мощная школа языкознания. В разделе "Историки и этнографы о происхождении и древней истории удмуртов" автор отмечает, что накопленные материалы позволяют отчетливо выделить три группы удмуртов: южную, северную и бесермянскую, что проявляется в особенностях материальной культуры (С. 14). Несмотря на обилие работ по этнографии, отсутствуют работы по этногенезу удмуртов, основанные на этом материале.

Особый раздел посвящен роли диалектологии в изучении истории удмуртского народа (С. 14). Выделены три основных диалекта: северный, южный, подразделяющийся на два варианта, и бесермянский. Интересные данные были получены при изучении топонимики (раздел "Топонимика и ранняя история удмуртов". С. 18).

В разделе "Фольклористика и мифология о древней истории удмуртов" автор отмечает, что собранный материал содержит сведения о локальных группах удмуртов, об их соседях и, что особенно интересно, позволяет реконструировать их представления о происхождении мира.

Характеристике антропологических материалов посвящен раздел "Антропология и этногенез удмуртов" (С. 23). Нет необходимости говорить, насколько важны данные антропологических исследований при изучении этногенеза народа. Р.Д. Голдина отмечает, что антропологами изучен обширный материал из могильников и группы современного населения. Это привело к выработке различных взглядов относительно места удмуртов среди других групп населения. Палеоантропология свидетельствует, что решающую роль в сложении удмуртского народа сыграли племена ананьинцев, точнее – их потомков (С. 29).

Последний – седьмой – раздел главы первой "Археология и древняя история удмуртов" посвящен краткой характеристике источников, которые занимают в книге центральное место. Автор изложил историю накопления материала и выработки концепций. Большое внимание посвящено полемике с А.Х. Халиковым, к концепцией которого Р.Д. Голдина не согласна.

Глава II "Древнейшие этапы истории финно-угорского населения Приуралья" включает три раздела. В первом "Первоначальное заселение Урала древними людьми" автор кратко излагает процесс возникновения и развития человеческого общества, включая районы появления человека и процесс расселения на территории Восточной Европы и Урала. Материалы, собранные в продолжение последних 15 лет (после выхода книги "Археология СССР. Палеолит СССР". М., 1984) и происходящие главным образом из обнажений, образовавшихся при размывании берегов Камского и Воткинского водохранилища, позволяют, по мнению автора, значительно удревнить время появления первого человека в этом регионе. Р.Д. Голдина отмечает: "Появление мустьерского человека на Урале было, по-видимому, многократным, эпизодичным и исходило из разных источников" (С. 43). Пока в Камско-Вятском междуречье, где сформировался удмуртский народ, памятники эпохи палеолита не найдены (С. 48). В позднем палеолите человек расселился по всему Уралу.

Описанию следующей эпохи посвящен раздел "Население Камско-Вятского междуречья в эпоху мезолита (VIII–VI тыс. до н.э.)". Автор дала характеристику климатических изменений, которые обусловили исчезновение – вымирание или переселение – ряда животных, являвшихся объектами охоты, и появление новых. Это привело к изменениям в организации общества и появлению новых орудий охотничьего промысла. Не совсем понятно, почему при характеристике нового оружия – лука и стрел – автор пишет: "Дальность полета стрелы достигает 300–450 м. Кроме того, опытный лучник выпускает в минуту до 20 стрел" (С. 52). Эти сведения справедливы для другой эпохи и для совершенно другого общества. Указанные Р.Д. Голдиной данные верны для времени, когда происходили военные столкновения между достаточно многочисленными коллективами и когда бойцы пускали "тучу стрел". Для эпохи мезолита, для охоты в условиях леса важны были два показателя: прицельная дальность и убойная сила. Если охотник не поражал (хотя бы ранил) добычу первой стрелой, то зверь убегал. Вместе с тем нельзя сомневаться, что охотники в совершенстве владели своим оружием, иначе коллективы не выжили бы.

Автор отмечает, что материал, накопленный в последние десятилетия, позволяет предполагать, что местный уральский мезолит сформировался на основе местного палеолита (С. 65). Большое внимание уделено пещере Камень Дыроватый, расположенной в среднем течении реки Чусовой (С. 67). Несомненно, пещера представляла собой жертвенное место, которое почиталось со времени раннего мезолита, а может быть позднего палеолита и почти до современности (С. 67). По мнению исследователей, охотники, проплывая по реке, пускали в пещеру стрелы как жертвы местным духам. Несомненно, этот памятник играет огромную роль при изучении ранних верований. Вместе с тем не совсем понятно, какое отношение он имеет к Удмуртии, так как находится значительно восточнее, и даже река Чусовая по территории Удмуртии не протекает.

Раздел "Камско-Вятское междуречье в эпоху неолита (V–III тыс. до н.э.)" (С. 70) автор начинает с характеристики природных изменений. Неолитические памятники известны на всей территории Камско-Вятского междуречья. Интересно отметить, что большинство их расположено в устьях мелких речек, что, по мнению автора, объясняется характером хозяйства. Большое количество поселений и их размеры свидетельствуют об увеличении населения.

Говоря об этнической принадлежности неолитических племен Приуралья, автор присоединяется к мнению О.Н. Бадера: относит их к финно-уграм. Надо отметить, что материалы, добытые после публикации работы О.Н. Бадера, подтверждают его выводы.

Глава III "Население Камско-Вятского междуречья в эпоху раннего металла и бронзы" включает два раздела. Первый раздел "Эпоха энеолита в Камско-Вятском бассейне (конец III – середина II тыс. до н.э.)" (С. 96) автор начинает с краткой характеристики природной среды в это время и далее дает характеристику эпохе раннего металла в разных регионах. К этой эпохе автор относит возникновение у финно-угров скотоводства и, возможно, земледелия (С. 98).

Достаточно подробно рассмотрены история выделения и изучения культур эпохи энеолита и бронзы в Камско-Вятском междуречье и характеристика каждой из них. Описание сопровождается большим количеством высококачественных иллюстраций. Особого упоминания заслуживает таблица соотношения датировок разных исследователей для культур эпох энеолита, бронзы и ананьинской культуры (С. 101. Рис. 40). Характеризуя экономику эпохи энеолита, Голдина отмечает, что господствовали присваивающие отрасли хозяйства – охота, рыболовство, собирательство. По ее мнению, некоторые находки позволяют предположить существование примитивного земледелия (С. 110). Судя по костному материалу, главными объектами охоты были северный олень и лось. Автор отмечает, что встречаются кости пушных животных – бобра, барсука, белки, куницы, и на основании этого делает вывод о возрастающей роли пушной охоты (С. 110). Конечно, недооценивать значение промысла пушных животных в ту эпоху невозможно хотя бы потому, что это давало людям средство защиты от холода. Однако среди перечисленных видов только куницу можно рассматривать как вполне пушной. Мясо бобра, барсука и белки вполне пригодно в пищу, так же, как мясо медведя или волка, которые также обладают прекрасной шкурой.

По моему мнению, говорить о целенаправленном промысле пушного зверя можно только в том случае, если есть данные, позволяющие предполагать, что меха используются для обмена. Далее Р.Д. Голдина пишет: "Очевидно, именно с эпохи энеолита началось интенсивное истребление человеком бобра" (С. 110). Вероятно, так. Но вместе с тем, то, что бобер, зверь неповоротливый и обладающий прекрасной шкурой и хорошим мясом, не исчез до нашего времени, позволяет предполагать, что охота на него регулировалась с глубокой древности.

Как отмечает автор, в эту эпоху, судя по находкам костей, возникает и интенсивно развивается скотоводство. Большое внимание уделено освоению металла, который поистине изменил возможности человека и сделал его труд более производительным. Имеющийся материал позволяет говорить о заметном увеличении численности населения Прикамья в эту эпоху (С. 117). По мнению автора, этому способствовали "достаточно высокий уровень рыболовства и охоты, а также переход к производящим отраслям хозяйства". Вероятно, именно последнее сыграло главную роль. Р.Д. Голдина отмечает, что археологические материалы содержат только отдельные находки, позволяющие говорить о производящей экономике, в то время как данные языкознания свидетельствуют о развитии земледелия и скотоводства (С. 125).

Большое внимание уделено сложению в Приуралье балановского очага металлургии, который базировался на местных медистых песчаниках, и его роли в истории местного населения (С. 130). Р.Д. Голдина поддерживает существующую точку зрения о значительной роли фатьяново-балановского населения при переходе финно-угров лесной полосы к животноводству. (С. 130). Она не исключает, что балановцы были первыми земледельцами в этом районе.

Большое внимание уделено описанию абашевских древностей и роли этих племен в истории Приуралья.

Раздел "Эпоха бронзы в Камско-Вятском междуречье (XV–IX вв. до н.э.)" посвящен описанию следующей эпохи. Автор подробно рассматривает те изменения в экономике и общественных отношениях, к которым привело распространение бронзы – нового материала для изготовления орудий труда и оружия, который по ряду свойств превосходил медь (С. 141–142).

Большое внимание автор уделяет роли в истории древнего населения Приуралья миграции сейминско-турбинских племен (С. 145). И это закономерно, так как роль сейминско-турбинских металлургов в историческом процессе велика.

Глава IV "Ранний железный век Камско-Вятского междуречья (VIII в. до н.э. – V в. н.э.)" включает несколько разделов. Первый "Ананьинская культурно-историческая общность – древняя основа пермских народов (VIII–III вв. до н.э.)" посвящен эпохе освоения железа и его распространению (С. 166). Автор описывает процесс получения металла из руды и те изменения, которые новый материал произвел в экономике и военном деле. Подробно описана история изучения могильника у села Ананьино, давшего название всей культуре. Этот памятник, несомненно, входит в число выдающихся не только в Приуралье, но вообще в Восточной Европе. Некоторые его элементы не встречаются при исследовании других некрополей, что позволяет считать его в известной мере уникальным. Сравнение этого памятника с Гальштатским могильником, по моему мнению, уместно постольку, поскольку оба памятника дали название очень важным археологическим культурам: они оказали большое влияние на развитие огромных регионов.

Р.Д. Голдина отмечает, что многие укрепленные ананьинские поселения первоначально возникли как селища, а позднее были укреплены, например, Зуево-Ключевское I городище (С. 175). Интересно, что аналогичное явление было прослежено западнее, при изучении памятников дьяковской культуры. Трудно переоценить данные, полученные при изучении городища Алтан-Тау. Они позволяют реконструировать устройство укреплений и их эволюцию (С. 175).

Мне не вполне понятна фраза: "В четвертой части могил ананьинцев обнаружены предметы вооружения, которые могли использоваться и в повседневной жизни – бронзовые топоры – кельты, копья с бронзовыми или железными наконечниками, втоки – наконечники древков, боевые топоры – клевцы, короткие мечи – акинаки, лук и стрелы. Вероятно, воинами являлись практически все мужчины". (С. 176) Последнее, несомненно, верно. Но как в повседневной жизни могли использоваться клевцы или мечи-акинаки? Вместе с тем, вполне вероятно, что для этих людей повседневным занятиям были война и охота. Об очень сложных отношениях между коллективами свидетельствует целый ряд данных, полученных при исследовании поселений.

Автор сообщает в высшей степени интересные сведения, полученные С.Н. Коренюком при раскопках Першинского могильника (С. 176). Здесь, наряду с грунтовыми погребениями, были обнаружены бревенчатые постройки, в которых

были найдены пепел и пережженные кости. По мнению исследователя, это либо остатки поминальных жертв, либо остатки трупосожжений. Рядом с пеплом были предметы, аналогичные тем, что встречаются в обычных трупоположениях. Но в тексте нет указаний, что пепел изучался палеозоологами или антропологами. Вероятно, если бы такие анализы были проведены, вопрос о назначении построек был бы решен.

Имеющиеся в настоящее время данные о погребальном обряде ананьинских племен свидетельствуют о том, что он был достаточно сложен и многообразен. Чем это было обусловлено, пока с уверенностью сказать трудно. В связи с этим нельзя не упомянуть погребения на ананьинском могильнике, которые по своей сложности сильно отличались от остальных. Они были исследованы П.А. Пономаревым и подробно описаны А.В. Збруевой в ее фундаментальном труде (1952). К сожалению, автор рецензируемого труда этого вопроса не коснулась.

Большое внимание Р.Д. Голдина уделила характеристике бронзовых предметов из ананьинских могильников: предметов вооружения, орудий труда, украшений (С. 188). Это закономерно, так как ананьинская культура представлена огромным количеством таких находок.

На основании имеющихся материалов автор делает вывод, что ананьинское население имело развитое комплексное хозяйство. Это привело к резкому увеличению численности населения (С. 193). Для этого времени можно говорить о наличии земледелия. Автор отмечает: "На ананьинских памятниках сохранилось не так много зерен злаков" (С. 193). Вероятно, вместо слова "сохранилось" было бы правильнее поставить "пока найдено". На памятниках дьяковской культуры, расположенных западнее, находки злаков исчислялись единицами до того времени, пока не были начаты их целенаправленные поиски с применением современных методов. В настоящее время положение изменилось. Невозможно сомневаться, что и на ананьинских памятниках злаки будут обнаружены.

Большое количество костей, найденных на поселениях, позволяет сделать вывод, что ананьинцы имели хорошо развитое скотоводство, которое покрывало потребности в мясной пище. Наряду с этим существовала хорошо развитая охота, которая, по мнению автора, имела пушную направленность (С. 196). Безусловно, это верно, и меха, как справедливо отмечает автор, использовались для обмена при торговле с южными соседями. Вместе с тем, среди перечисленных объектов охоты все, кроме двух – куницы и соболя – обладают хорошим мясом и до недавнего времени использовались в пищу.

Говоря об организации ананьинского общества, автор пишет: "Об институте вождей у ананьинцев свидетельствуют каменные стелы – надгробные камни, устанавливаемые в честь умершего на могильнике. На них изображены, как правило, мужчины с оружием и без него или только оружие" (С. 200). При прочтении этого текста создается впечатление, что стелы – находка довольно частая. Но, насколько я знаю, серии таких стел были найдены при исследовании могильников Новомордовского и Тетюшского, а изображение вооруженного воина – на камне с Ананьинского могильника. Далее Р.Д. Голдина пишет, что молодой казанский исследователь В.Н. Марков высказал предположение, что ананьинская стела – подделка и привел в подтверждение своего мнения ряд доводов. Несомненно, надо одобрить поступок В.Н. Маркова, который, усомнившись в подлинности находки, проанализировал ее и постарался привлечь к этой проблеме внимание (С. 201). Вместе с тем, укажем, что некоторые доводы молодого ученого не так неопровержимы, как кажется на первый взгляд. Несомненно, специалисты выскажут свое мнение об ананьинской стеле, и это будет способствовать развитию науки. Наряду с этим должен отметить, что мне не совсем понятно, почему древностям, найденным вне пределов Удмуртии, уделено такое внимание. Вопрос об ананьинской стеле, несомненно, вызовет обсуждение и едва ли правомерно утверждать, что ее поддельность доказана.

Описанию более позднего этапа посвящен раздел "Пьяноборская общность – древнеудмуртское объединение III в. до н.э. – V в. н.э." (С. 206). По моему мнению, не следует пьяноборскую общность рассматривать как только древнеудмуртское объединение. Эти племена сыграли огромную роль в историческом процессе и внесли свой вклад в формирование разных народов финно-угорской группы.

Касаясь климатических изменений этого времени, автор отмечает, что граница лесостепи и степи сильно сместилась на север.

Накопление материала, связанное в значительной степени с исследованиями в зоне затопления камских водохранилищ, позволило в рамках пьяноборской общности выделить несколько близких культур. Описанию одной из них посвящен раздел "Чегандинская культура в удмуртском Прикамье" (С. 210).

Подробно автор рассмотрела материалы Тарасовского могильника, на котором было исследовано 1879 погребений: это самый крупный финноугорский некрополь. Р.Д. Голдина отметила очень интересный факт: в южной части могильника погребения имели разную ориентировку – одни меридиональную, как основная масса захоронений, другие – широтную (С. 212). На чертеже видно, что погребения расположены под прямым углом одно к другому (Рис. 99). Автор совершенно справедливо считает это обусловлено тем, что могильник был основан двумя разными группами населения, каждая из которых имела свою ориентировку. На могильнике было обнаружено несколько коллективных захоронений – до 8 костяков в одной яме, включая мужчин, женщин и детей. Автор связывает это явление с эпидемией (С. 215). К сожалению, не сообщается, привлекались ли для анализа этого материала антропологи: современные методы исследования в ряде случаев позволяют определить характер заболевания и причину смерти.

Интересен вывод, сделанный на основании изучения погребальных комплексов: большинство мужчин были пешими воинами, а всадники составляли примерно одну пятую часть (С. 218). Это подтверждается материалами других памятников. В связи с этим важно отметить, что, по сообщениям античных авторов, жители лесной полосы, будучи прекрасными наездниками, во время боя спешивались.

Особый раздел "Худяковская культура – вятский вариант пьяноборской общности" (С. 226) посвящен рассмотрению памятников, расположенных северо-западнее изучаемой территории. Эти древности представляют огромный интерес при изучении истории Приуралья, но не совсем понятно, почему они рассматриваются в труде, посвященном истории удмуртского народа. Эти племена едва ли сыграли значительную роль при формировании удмуртов.

То же можно сказать и о кара-абызской культуре (раздел "Кара-абызская культура в Северо-Западной Башкирии". С. 242). Раздел начинается словами: "Один из вариантов пьяноборской общности, расположенной на р. Белой, известен как кара-абызская культура". Это абсолютно верно, только непонятно, какую роль эти памятники играют в истории удмуртского народа. Ведь рассматриваемый труд посвящен не пьяноборской общности, а истории удмуртского народа.

Раздел "Среднекамский вариант пьяноборской общности" (С. 247) посвящен рассмотрению древностей, основная масса которых сосредоточена в бассейне р. Тульва. Эти памятники имеют черты как пьяноборских, так и гляденовских. В разделе подробно описаны история изучения этих памятников и полемика специалистов относительно их культурной принадлежности. Автор обоснованно решает этот спор в пользу принадлежности их к пьяноборской общности.

В разделе "Хозяйство и общественный строй" (С. 254) обобщены сведения, позволяющие судить об экономике общества того времени. Автор пишет, что на рубеже ананьинской и пьяноборской эпох железо стало основным материалом для изготовления оружия и орудий труда, а из бронзы изготавливали, в основном, украшения и детали костюма. Обработка железа и получение из него высококачественных изделий требовали определенных навыков, и это обусловило выделение ремесла из остального хозяйства. Об этом, в

частности, свидетельствуют погребения кузнецов, в которых помимо прочего инвентаря найдены кузнечные инструменты. Наличие среди находок большого количества железных мотыг свидетельствует о развитии земледелия. Известны и находки злаков.

Огромную роль в истории населения Восточной Европы сыграло Великое переселение народов. Оно оказало влияние не только на население степи и лесостепи, но и на жителей лесов. Этой проблеме посвящен раздел "Начало эпохи великого переселения народов в Прикамье" (С. 259). С этими событиями автор связывает погребения с большим количеством оружия. Первое проникновение пришельцев на рассматриваемую территорию сопоставляется со славянами (с готославянами – С. 268) и относится к III–IV вв. Второй приток пришельцев на юг Прикамья автор относит к IV–V вв. и также связывает их с воинскими погребениями под курганами. Помимо наличия курганной насыпи эти погребения отличает большое количество оружия и массивных металлических предметов (С. 271–273).

Говоря о происхождении и этнической принадлежности именьковской культуры (С. 274), автор дает необходимый историографический обзор. В частности, напоминает, что А.П. Смирнов связывал происхождение именьковских памятников с городецкой культурой, и ссылается на книгу "Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья" (1952). Однако нельзя не отметить, что несколько позднее, в 1962 г., названный исследователь первый сформулировал гипотезу о славянской принадлежности именьковских памятников и указал общие элементы с волынцевскими древностями.

Интересно отметить, что при описании материалов Бродовского курганного могильника (С. 276) автор сообщает, что при изучении костяков антропологом были получены данные о болезнях населения, оставившего некрополь.

Главу V "Древнеудмуртское население в эпоху средневековья (VI–XIV вв.)" (С. 278) открывает раздел "Южная Удмуртия в эпоху средневековья (VI–XIV вв.)". Подробно описаны исторические события этого времени и большое внимание уделено переселению болгар в Среднее Поволжье, где они создали мощное государство. История удмуртского народа рассмотрена на важном для ее понимания фоне исторических событий.

Огромный интерес представляет описание жертвенного места Чумойтло, давшее огромный материал (С. 299). Эти обряды, по-видимому, восходят к охотничьим культам. На основании анализа керамического материала автор делает вывод о генетической преемственности ананьинской, чегандинской и удмуртской культур (С. 304).

Раздел "Восточные области расселения удмуртов в эпоху средневековья (VI–VII вв. н.э.)" посвящен рассмотрению памятников Бахмутинской культуры (С. 307). На основании близости бахмутинских памятников к чегандинским и караабызским они сопоставлены с пермским населением. По мнению Р.Д. Голдиной, их следует связывать с древнеудмуртским населением (С. 309). Однако, на мой взгляд, этот интересный вывод пока является гипотезой.

Раздел "Вятский край в эпоху средневековья (VI–XIII вв.)" посвящен описанию памятников, находящихся в бассейне р. Вятка (С. 309).

Очень интересны соображения автора относительно числа защитников и жителей Арской крепости в 1552 г. Р.Д. Голдина совершенно права, отмечая, что некоторые сведения, особенно число воинов и число убитых врагов, без критической оценки переходят из работы в работу (С. 332). Авторы часто берут цифры из работ предшественников и не задумываются не только о том, откуда можно было набрать столько бойцов, но и как можно расположить столько людей на небольшой площади. Число жителей Арской крепости, указанное Р.Д. Голдиной (около 600 человек) и число защитников (около 400 человек), по-видимому, близко к реальному.

Автор отмечает, что судя по довольно многочисленному материалу, накопленному в последние 20 лет, первые русские поселения на Вятке появились в конце XII в. (С. 337). По-видимому, возле первого русского городка Никулицына возникла сельская округа. Этот первый район размещения русских был защищен крепостями. Русское население селилось в основном в слабозаселенных районах и было достаточно мирным (С. 339). Русские принесли целый ряд ранее неизвестных сельскохозяйственных культур, более продуктивный скот и водяные мельницы. До этого население пользовалось ручными жерновами (С. 340).

Раздел "Бассейн р. Чепцы в эпоху средневековья (V–XIII вв.)" посвящен описанию памятников поломской и чепецкой культур (С. 342). Поломская культура представлена городищами, селищами и могильниками, что позволяет достаточно полно изучить все стороны культуры и экономики населения. Автор отмечает большой процент укрепленных поселений, что связано с усилением военной опасности в IX в. (С. 347).

Большое внимание в книге уделено исследованиям В.Ф. Генинга, который выделил поломскую культуру как группу памятников, обладающих общими признаками, и разработал первую периодизацию. Дальнейшие исследования и накопления материала позволили В.А. Семенову уточнить и дополнить первоначальные построения В.Ф. Генинга и в ряде случаев пересмотреть их (С. 354), что в процессе развития науки закономерно.

Книгу завершает раздел "Хозяйство и особенности общественного устройства" (С. 378). Природные условия благоприятствовали развитию многоотраслевого хозяйства, в котором важную роль играло земледелие. По мнению автора, большую роль в его развитии сыграло соседство с именьковскими племенами, которые принесли в Прикамье развитое пашенное земледелие. Судя по материалам ряда памятников Южной Удмуртии, имело место проникновение именьковцев в удмуртскую среду. Наряду с этим, большую роль в развитии земледелия в Прикамье сыграли булгары. Судя по костям, найденным при раскопках, наряду с земледелием существовало хорошо развитое скотоводство. Охота имела пушную направленность, хотя в число объектов охоты входили и животные, которых добывали из-за мяса. Среди них первое место занимал лось.

Р.Д. Голдина анализирует состав лесной фауны на городище Иднакар и получает весьма большие цифры (С. 384). Она совершенно правильно отмечает, что во многих случаях пушных зверьков свежевали на месте охоты (белок, куниц). И далее: "Все это обилие пушных зверей, конечно, не было добыто жителями Иднакара, а получено ими в обмен на ремесленные изделия живших здесь мастеров. Видимо, значительная часть пушнины, если не большая, поступала на городище уже в выделанном состоянии". Не вполне понятно, какое отношение кости пушных животных имеют к определению количества выделанной пушнины, полученной жителями поселения в обмен на железные изделия. По найденным костям можно судить только о животных, добытых жителями поселения и разделанных в пределах поселения. Кроме того, количество особей пушных животных для такого огромного городища, как Иднакар, мне не кажется чрезмерным.

Автор отмечает большое количество предметов южного импорта и среди них много дорогих, полученных, несомненно, в обмен на меха (С. 391).

Особого упоминания заслуживает "Схема развития уральской общности и археологических культур" (Рис. 192. С. 397, 398).

В "Заключении" (С. 400) автор суммирует содержание книги. К работе прилагаются: Указатель культур и этносов (С. 406), Указатель географических названий (С. 409) и Указатель имен (С. 428). Особого упоминания заслуживает список литературы, занимающий 26 страниц (С. 435–460).

В заключение надо отметить, что Р.Д. Голдина рассмотрела гигантский материал и создала обобщающий труд. В книге упомянуты практически все исследователи, работавшие в этом регионе, и кратко изложены их концепции, а также полемика по ряду вопросов между ними. Отметим, что автор большое внимание уделяет климатическим изменения. Это неудивительно, ведь люди живут в определенной природной среде, изменения в которой всегда отражаются на

них. По моему мнению, что я уже отмечал выше, содержание книги значительно шире, чем ее название. Ее следовало бы назвать "Древняя и средневековая история Юго-Западного Приуралья". Работа хорошо иллюстрирована. Несомненно, ее с интересом прочтут как специалисты – историки и археологи, так и люди, просто интересующиеся историей.

Институт археологии РАН, Москва

К.А. Смирнов

В.П. Буданова. ВАРВАРСКИЙ МИР ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. М.: "Наука", 2000. 542 с. 33 рис.

Рецензируемая монография известного отечественного историка Веры Павловны Будановой "Варварский мир эпохи Великого переселения народов" является в России первым научным трудом, посвященным комплексу проблем истории Барбарикум (мир "варварских" племен Западной и Восточной Европы эпохи римского влияния). Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 99-01-16057д.

Во "Введении" (С. 5–18) автор вводит читателя в круг проблем, рассматриваемых в рецензируемом труде. При этом совершенно справедливо выделяется центральный вопрос европейской истории первой половины I тыс. н.э. – определение хронологии и трактовка этно-социальной сущности феномена Великого переселения народов (далее – ВПН, в германской историографии – Völkerwanderungszeit – VWZ). Совершенно справедливо В.П. Буданова отмечает, что его выделение "в качестве переходной исторической эпохи в настоящее время представляет особую важность" (С. 5). Пафос "Введения" заключается в том, что автор, констатируя стагнационный характер процесса изучении ВПН в современной исторической науке, предлагает удревнить начало процесса ВПН, традиционно датируемого современными историками и археологами временем около 375 г. (начало фазы D_1 по шкале Тишлера–Годловского–Тейрала), и отнести его ко II в. н.э. Это время системного натиска германских отрядов на римский лимес закончилось Маркоманнскими войнами (166–180 гг. н.э.). Основу феномена ВПН автор видит в парадигме взаимодействия варварства и цивилизации (С. 6). Правда, при этом полностью отметается возможность равноправного подхода к римским и "варварским" культурным ценностям как элементам различных цивилизационных моделей. Более того, у читателя возникает ложное впечатление, что до начала ВПН носители античных и "варварских" цивилизаций не контактировали, что в корне неверно. В.П. Буданова предлагает новое определение ВПН – "особый период исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II–VII вв.), и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы" (С. 7). Выделены этапы ВПН: германский (время войн), гуннский и славянский (время расселений), при этом забыт тюркский с походами авар и болгар. Последнее объясняется В.П. Будановой тем, что "в славянском "присутствии" на Балканах и в Центральной Европе "увязли" новые миграции с востока тюркского происхождения – протоболгары и авары" (С. 77), что указывает на явную недооценку автором тюркской составляющей ВПН, слабо отраженной письменными источниками, но великолепно реализующейся в археологическом материале Европы даже на дальних рубежах Барбарикум (Kulakov, 1994/95. S. 204–212).

"Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения римского и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации" (С. 7).

Далее автор показывает динамику развития ВПН на примере перемены отношения римлян к термину "варвар" и заменой его в конечном итоге более благозвучными словами-эквивалентами.

На С. 9–12 "Введения" показаны основные параметры этнического пространства Barbaricum solum (земли "варваров") как места, где разворачивались драматические события ВПН. Верно определив действия основных племен Барбарикум как агрессивные и наступательные, на С. 12 автор отмечает, что "инертным, безразличным к миграциям оставался мир балтских племен". Как показывают многолетние исследования наших немецких и польских коллег, ситуация на западной окраине балтского мира в конце IV – середине V в. н.э. абсолютно не соответствует цитированному выше тезису (Kulakov, 1997. S. 595–626; Кулаков, 1998. С. 98–119). Напротив, обитавшие в низовьях Вислы и на Янтарном берегу германцы и балты самым активным образом участвовали не только в гуннских, но и Маркоманнских войнах.

Представленные во "Введении" краткие характеристики этнических пространств германцев, алано-сармат, тюрок и славян показывают наибольшую степень участия в событиях ВПН германцев. Очень интересны наблюдения автора над трансформацией значения этниконов в письменных источниках. Справедливо отмечено на С. 15 обретение к V в. н.э. этниконом "титульного" смысла, имеющего не этническую, а скорее социальную окраску. Особое внимание В.П. Будановой к феномену этникона связано с тем, что основной объем рецензируемой монографии составляет глава V "Этнонимия племен эпохи Великого переселения народов" (С. 119–417). Этот каталог племен, впервые появившийся в свет десять лет тому назад (Буданова, 1991), является неоценимым вкладом автора в процесс изучения истории населения Европы.

На С. 15–18 дан самый общий очерк письменных источников, содержащих информацию о событиях эпохи ВПН и о племенах, участвовавших в этом историческом процессе.

Основной массив монографии открывается главой I "Варварский мир между Тевтобургом и Адрианополем" (С. 19–47). В параграфе 1 этой главы в рамках темы "Германцы в преддверии Переселения народов" В.П. Буданова представляет концепцию происхождения этнонима германцев и социально-хозяйственные аспекты их общества. Все эти положения представлены на основе анализа письменных источников. Здесь, как и во всей книге, накопленный к настоящему времени внушительный объем археологических источников (в частности – хронологические разработки К. Годловского и Я. Тейрала) практически не привлекается. Исключение сделано лишь для нескольких работ Й. Вернера (последняя – 1971 г. – С. 473). В параграфе 2 "Прелюдия массовых миграций" показаны два миграционных импульса (кимвры и тевтоны, свевы), впервые познакомившие в конце I тыс. до н.э. римский мир со стремительными ударами германских воинских отрядов. Ход Маркоманнских войн показан в параграфе 3. Сугубый интерес В.П. Будановой к дунайским походам готов III в. н.э. становится ясен читателю в обширном параграфе 4 "Время и пространство варварских вторжений". Следует признать, что не только походы легендарных своей храбростью готов, но и действия остальных германских племен получили в этом параграфе достойное (хотя и краткое) освещение. Изложение событий IV в. н.э., связанных с расселением "варваров" в пределах Империи (важнейший признак "гуннского" этапа ВПН), представлено в параграфе 5 ("Жизнь их проходит в вечном движении"). Четко показан принцип divide et impera, реализовавшийся Римом при контактах с различными германскими племенами.

Второй этап ВПН охарактеризован в главе II "Гуннский период" Великого переселения народов" (С. 48–76). Кратко изложена информация о гуннах до их появления в Европе (параграф 1), событиях в эпоху Эрманариха и Стилихона (параграф 2). В параграфе 3 "Больших событий череда" показана сущность "гуннского этапа" ВПН – переход "варваров" от набегов и войн с Империей к расселению в ее провинциях (С. 58, 59). Масштаб этого явления во всем европейском Бар-

барикум показан в параграфе 4. Самым коротким (что странно) является параграф 5, посвященный важнейшей для ВПН битве на Каталаунских полях (451 г.). Наконец, первые десятилетия существования "варварских королевств" на месте прежних имперских провинций очерчены в параграфе 6. Очень важными представляются наблюдения автора над моментами непосредственного становления этих королевств: "Начало "королевства" составляла политико-юридическая санкция Равенной власти варварским конунгам на определенные территории. Империя передавала им права на управление и реализацию военных функций на этой территории, оставляя сферу производства, в основном, коренным жителям" (С. 75). Последние воспринимали власть "варваров" как легитимное продолжение потестарных функций Рима, считая (вполне, кстати, оправданно) германских "конунгов" и "рексов" имперскими чиновниками.

Очень важной в работе В.П. Будановой является глава III "Дунайские плавни – последний рубеж варварского мира", в которой расматривается славянский натиск на Восточноримскую Империю. В параграфе 1 "Славяне накануне массовых миграций" очень кратко упомянуты черняховская и другие культуры, гипотетически связываемые в Восточной Европе со славянами. Правда, ввиду отсутствия в работе современных результатов археологических исследований автору не удалось показать роль германского культурно-этнического элемента в черняховской культуре, уже четко выделенного (Tempelmann-Mączyńska, 1989. S. 203–230). Сущность параграфа 2 раскрывается в его названии "Тихая экспансия" славян и "бурный финиш" германцев". Правда, основная часть текста этого параграфа посвящена не анализу "тихой экспансии", а описанию "бурного финиша" франков и остготов. Славянскому расселению на Балканах в VI в. н.э. посвящен параграф 3 "Трудный путь на Балканы", сопутствующему (на самом деле – во многом определяющему этот период) нашествию на Европу авар посвящены лишь С. 91–93. Различие акций германцев и славян на имперской территории остались вне зоны интересов автора монографии, ввиду этого читателю остается неясным, почему склавины и анты, по примеру своих "коллег" на западе Европы, не создали своих государств в балканских провинциях Византии.

В отличие от "славянской главы" крайний интерес, на мой взгляд, представляет следующий раздел монографии – глава IV "Homo Germanicus – этно-социальный аспект", являющаяся одной из самых удачных в книге. Лейтмотив параграфа 1 "Обретение имени" содержится в раскрытии "Общей тенденции развития этнического самосознания германских племен" (С. 97). Приводятся положения об этимологии этноконов германцев и динамики их представленности в письменных источниках, осуществляется попытка выяснить алгоритм создания "больших" племен (С. 104, 105). В параграфе 2 показывается процесс "обретения силы" германцами. Очень важным и правильным представляется вывод В.П. Будановой о мутации этнической психологии германцев: "Событийный ряд германских вторжений ... подтверждает не только развитие "горизонтальной" динамики миграционных процессов, их экстенсивного характера. Растет число племен, охваченных "вирусом" переселения, и распространяется этот процесс с запада на восток ... Рим сыграл роль своеобразного генератора социальной эрозии, имущественного неравенства, этно-потестарной ... консолидации племен" (С. 108). К настоящему времени это положение – лучшая в отечественной историографии характеристика феномена сложения национального самосознания германцев, объясняющего многие аспекты "германского духа", долгое время являвшегося объектом далеко не научных спекуляций. Напрашивается проведение такой же работы относительно "таинственной славянской души", однако, видимо, эта работа не входила в планы автора рецензируемой монографии.

Крайне интересен параграф 3, где воссоздаются некоторые механизмы становления германской этнической психологии. Очень интересны слова автора о том, что "германцы выше всего ценили свою собственную самобытность, свои исконные нравы: если и подражали кому, то только пользующимся большей славой" (С. 111). Этим глубоко фундированным выводом автор, сам того не подозревая, указывает на беспочвенность царящих в современной археологической науке мнений об активном обмене между "варварскими" племенами не только артефактами, но и элементами обрядности и культовых воззрений. Среди германцев (да и негерманцев) догосударственного периода эти акции представляются нереальными. Далее, на С. 117 В.П. Буданова объективно характеризует потестарно-политические структуры германцев, совпадавшие в сознании современников с этническими приоритетами.

Основной массив текста рецензируемой монографии составляет глава V "Этнонимия эпохи Великого переселения народов". Как уже упоминалось выше в предлагаемой рецензии, эта глава является очередным изданием труда В.П. Будановой, впервые увидевшего свет в 1991 г. Данную работу трудно переоценить, аналогов в отечественной историографии найти невозможно. Каталог племен, населявших Барбарикум в I в. до н.э.–VII в. н.э., представленный в этой главе, потрясает читателя своим объемом и полнотой охвата. Правда, ввиду феноменального количества информации подробностям (прежде всего – географического характера) в кратких статьях (фактически абзацах), посвященных каждому этникону, места не нашлось, да и, видимо, не предполагалось самим автором. Читатель монографии получил великолепный путеводитель по лабиринту племен Барбарикум в виде этого каталога, исчерпывающе содержащего данные о письменных источниках, упоминающих каждый конкретный этникон (причем в его разночтениях). К сожалению, в справочном аппарате ономастикона "варварских" племен не нашлось места хотя бы для самых базовых археологических работ, в которых проводится идентификация отдельных племен или племенных союзов с известными науке археологическими культурами Европы позднеантичного времени. Мостик от письменных источников к археологическим материалам не перекинут. Правда, это, к сожалению, характерно или даже стало нормой для других исторических трудов наших современников, не находящих возможности хотя бы в первом приближении ознакомиться с археологической литературой по интересующей их теме (Кулаков, 1999. С. 229–233).

Высказанные выше претензии к автору монографии со стороны археолога, разумеется, не умаляют капитального значения научного труда В.П. Будановой. Нет сомнений в том, что великолепно изданная в издательстве "Наука" книга известного отечественного историка не только является этапной в развитии европейской науки, но и представляет собой безусловный аргумент для привлечения внимания гуманитариев России (прежде всего археологов) к несправедливо забытым интереснейшим проблемам Барбарикум римского времени и эпохи Великого переселения народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.

Кулаков В.И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. // Гістарычна–археалагічны зборник. № 13. Мінск, 1998.

Кулаков В.И. (рец.): Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997 // РА. 1999. № 2.

Kulakov V. Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26/27. Berlin, 1994/95.

Kulakov V. Gräber pruzzischer Stammesführer aus Warnikam // Eurasia Antiqua. Bd. 3. Berlin, 1997.

Tempelmann-Mączyńska M. Das "reduzierte" Trachtmodell der gotischen Frauen und seine Ursprünge // Peregrinatio Gothici. V. VIII. Archaeologia Baltica. 86. Łódź, 1989.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Кулаков

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М.: изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. 424 с.; СЛАВЯНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.: изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. 430 с.; ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯН / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М.: изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. 408 с.; ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО СЛАВЯН / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 430 с.; ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯН / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 368 с.

VI Международный конгресс славянской археологии, собравший более 300 ученых из 23 стран, проходил в Новгороде (Россия) 26–31 августа 1996 г. (после десятилетнего перерыва – предыдущий конгресс в Киеве проходил в 1985 г.). Более 200 докладов опубликованы в рецензируемых Трудах конгресса на тех языках, на которых они были представлены докладчиками (русский, белорусский, болгарский, македонский, польский, сербохорватский, словенский, украинский, чешский, немецкий, английский и французский). Подготовку Трудов конгресса к изданию осуществил Институт археологии РАН (ответственный редактор – член-корреспондент РАН В.В. Седов, председатель редакционной коллегии – академик В.Л. Янин) при финансовой поддержке ряда организаций (Российского Гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Института "Открытое общество" и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника).

Пять томов изданных Институтом археологии Трудов в целом отражают работу конгресса (эта работа охарактеризована во вводной статье В.В. Седова в первом томе) – тома составлены по преимуществу в соответствии с работой на пленарных заседаниях и секциях. Существенно, что помимо текстов самих докладов публикуются и выступления в дискуссиях. Первый том, содержащий, в частности, пленарные доклады, посвящен наиболее общим проблемам славянской археологии и содержит разделы, соответствующие по проблематике последующим томам: "Европейский средневековый город и его округа", "Этногенез славян, этнические и культурные контакты", "Материальная и духовная культура". Рецензент, естественно, не может в равной мере охарактеризовать разнообразие и значимость проблематики всех докладов: уместнее представляется попытка усмотреть в материалах конгресса некоторые общие тенденции развития славянской (прежде всего – славяно-русской) археологии в конце II тысячелетия и поставленные в связи с этим проблемы.

Эти тенденции обозначены, в частности, в пленарном докладе и статье П.П. Толочко "Пути становления древнерусских городов", который (с осознаваемой мерой условности) выделяет "торгово-ремесленный", "общинно-феодальный" и генеральный – собственно "феодальный (государственный)" пути. Можно согласиться с общей тенденцией, характеризуемой автором, но генеральный путь развития города представляется все же "синтезным": недаром в Начальной летописи говорится о том, что Владимир Святославич посадил своих сыновей в племенных городах – так происходил процесс "окняжения" центров волостей. К проблематике этой статьи примыкают статьи М. Поповича о развитии и формах сербского средневекового города, Э. Мюле о восточнославянских городах в XI в., И.В. Дубова о развитии городов (из "протогородов") в Новгородской и Ростовской земле, И. Кутиловской о сети городов в междуречье Вислы и Буга и другие. Специальные статьи посвящены археологии крупных средневековых городов – Колобжега (Л. Лесиевич), Белграда (М. Янкович), Москвы (Т.Д. Панова), Люблина (А. Розвалка). В статье А.Д. Пряхина сделана попытка локализовать загадочный Вантит восточных авторов, привязав его к комплексу памятников возле Воронежа на реконструируемом пути из Болгара в Киев.

"Вечной" темой славянской археологии остается этногенез и ранняя этническая история. В статье В.В. Седова, открывающей соответствующий раздел первого тома, подытоживаются его многолетние исследования этой проблемы: ретроспективный анализ вскрывает индоевропейские (древнеевропейские) истоки раннесредневековых славянских культур; основной проблемой остается, однако, сам "этногенетический акт" выделения славян в позднеримское время и эпоху гибели античного мира (ср. С. 144–145; традиционные для этого аспекта проблемы вопросы археологии черняховской и зарубинецкой культур поставлены в статьях А.В. Гудковой, А.М. Обломского, Е.В. Максимова). Эта проблема рассматривается и в статье В.Д. Барана "Венеды, склавины и анты в свете археологических источников": при этом археологи не всегда учитывают то обстоятельство, что этнонимия у древних и средневековых авторов отражает, в первую очередь, традиционные представления о происхождении народов, но отнюдь не их реальный "этнический состав" или этногенез[1]. Актуальной для темы славянского этногенеза остается и проблема отношений балтов и славян: ср. статью А.М. Медведева "О времени прихода славян на территорию Белоруссии", где, в частности, предполагается балтская принадлежность псковских длинных курганов. Существенными для понимания общих тенденций славянского расселения являются статьи о славянской колонизации на Балканах (В. Бикич, В. Иванишевич, Г. Шейлева и др.) и в Венгрии (Е. Симонова), а также о поздней фазе восточнославянской колонизации – в лесостепном Подонье на половецком пограничье (А.З. Винников, Е.Ю. Кудрявцева), между Волгой и Уралом (Л.Д. Макаров). "Культурные" контакты характеризуются в статьях И. Херрманна о связях между западными славянами, скандинавами и балтами, Ф. Шмидта о торговых пунктах западных славян в глубине материка, О.В. Иова о припятско-неманском торговом пути, В.Ю. Коваля о восточной керамике в Древней Руси.

Раздел о материальной и духовной культуре открывает статья Л.А. Беляева "Восточнохристианские и романские

[1] В этом отношении не до конца оцененным в археологической литературе оказался: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1–2. М., 1991–1995.

элементы в культуре домонгольской Руси": автор обнаруживает новые перспективы в понимании того места, которое занимала Русь между романским Западом и византийским Востоком. Разнообразные аспекты развития древнерусской культуры характеризуют статьи В.Г. Пуцко о художественном ремесле Киева начала XIII в., А.А. Трусова о предполагаемой гродненской архитектурной школе, М.С. Сергеевой о деревообработке в древнерусских городах Поднепровья, Л.И. Смирновой об обработке кости и рога в Новгороде. Цикл статей, завершающих первый том, посвящен духовной культуре славян, в том числе статьи А. Валича о Триглаве – мифологическом персонаже, связанном в славянской традиции с разнообразными тернарными структурами, и С. Станилова о болгарских антропоморфных изображениях IX–XI вв., в том числе о кочедыке (?), рукоять которого завершается изображением четырехликого персонажа, известного и западным, и восточным (Збручский идол) славянам. Три статьи посвящены средневековому погребальному обряду – кенотафам в Сербии (Дж. Янкович), киевским некрополям (И.И. Мовчан), славянским христианским погребениям в Македонии (Л. Кепеска), в инвентаре которых обнаруживают вещи, известные как в Византии, так и на Руси.

Второй том Трудов посвящен средневековому городу. Естественно, большая часть статей представлена докладами участников Новгородской экспедиции (участники конгресса могли познакомиться с ее работами на месте). Том открывается статьей В.Л. Янина об основных итогах археологического изучения Новгорода: особое внимание уделено становлению Новгорода как города, начальной "хуторской" застройке со следами древних полей, изначальности боярских усадеб и, стало быть, власти городских верхов в Новгороде и его "волости". Тематически к этой статье примыкает статья Е.Н. Носова "У истоков Новгорода": автор раскопок на новгородском ("Рюриковом") городище предполагает, что это древнейшее поселение именовалось Холмогород и получило от появившихся там варягов Рюрика название Холмгард (остается неясным, однако, почему это название было перенесено скандинавами на Новгород). Е.А. Рыбина охарактеризовала трансбалтийские связи Новгорода. Исследованиям культурного слоя, его стратиграфии и находкам посвящены доклады А.С. Хорошева (характеристика усадеб), И.Л. Петровой, П.Г. Гайдукова, В.А. Бурова, Е.Г. Дубровина (свидетельства судостроения), В.И. Поветкина (музыкальные инструменты), Н.Н. Фараждевой.

Второй по значимости цикл статей связан с раскопками ближайшего древнерусского соседа Новгорода – Пскова. Характеризуются застройка города (И.К. Лабутина, И.О. Колосова), некрополь (Н.Н. Милютина), следы железоделательного (Т.Ю. Закурина) и ювелирного (Э.В. Королева) ремесла, рыболовства (Е.В. Салмина). Комплекс статей посвящен развернувшимся в последние годы исследованиям средневековой Москвы (А.Г. Векслер, Ю.А. Лихтер, А.С. Зайцев и др.). Различные аспекты археологического исследования древнерусских городов затронуты в статьях Т.С. Бубенько о Витебске, И.А. Дашковой о Твери, Ю.Э. Жарнова об усадьбе, открытой во Владимире-на-Клязьме, И.Е. Зайцевой о Серенске, В.П. Коваленко о Чернигове, А.Е. Леонтьева о Ростове, Ю.Ю. Моргунова и С.П. Щавелева о Курске, Л.С. Розановой об Изборске, В.В. Судакова (с соавторами) о Переяславле Рязанском и др. Проблемам формирования городской сети посвящены также статьи Г.С. Лебедева "Путь из Варяг в Греки" как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии", А.Ф. Кочкиной "Города Волжской Болгарии X–XIII вв. в системе расселения" и др.

Третий том "Этногенез и этнокультурные контакты славян" начинается статьей Б. Бабича о заселении славянами Балкан (включая и свидетельства проникновения в Малую Азию) – важнейшем событии начала общеславянской истории. Тематически к этой статье примыкают работы А. Джорджиевской о славяно-аварских связях в Македонии, С. Пантелича о миграциях хорватов, дулебов и волынян, Д. Теодора о славянских элементах к северу от Дуная и др. Одной из центральных проблем археологической славистики остается проблема пражской культуры: ее хронологии, в том числе вопросам начальной датировки (V в.), посвящена содержательная статья И.О. Гавритухина; памятники этой культуры обнаружены ныне (за пределами ее традиционного ареала) не только в Белорусском Полесье (см. статью В.С. Вергей), но и значительно севернее – в бассейне Мсты (см. статью И.В. Ислановой).

В России в последние десятилетия интенсивно изучается "противоположное" балканскому северо-восточное направление славянской колонизации, обсуждается соотношение культур сопок и длинных курганов, в том числе проблема предшествующих им памятников (ср. статьи А.Н. Башенькина, С.Ю. Каргопольцева, С.Л. Кузьмина и Е.Р. Михайловой и др.), дискутируется этническая принадлежность именьковской культуры в Среднем Поволжье (Г.И. Матвеева, Д.А. Сташенков; см. также о проблемах проникновения близких зарубинецким древностей в междуречье Дона и Волги в статье А.А. Хрекова). Этническая интерпретация этих древностей, как и древностей Днепро-Двинского междуречья (см. статьи А.А. Егорейченко, М.И. Лашанкова, О.Н. Левко, Н.В. Лопатина, Е.А. Шмидта), так или иначе связана с проблемой выделения балтийской и славянской традиций. Существенно, что в обсуждении этнических проблем в третьем томе участвуют лингвисты (В. Маньчак, Л.Я. Костичюк) и антропологи (Н.Н. Гончарова, И.И. Саливон).

Комплекс проблем, связанных со славянским расселением в средневековую эпоху, рассмотрен в статьях В.И. Козлова о славяно-болгарской колонизации междуречья Дуная и Днестра, Х. Любке о значении контактов с иноземцами у раннесредневековых славян, Н.А. Макарова о формировании сети древнерусских поселений в Белозерье, М. Мюллера-Вилле о славянских поселениях в Гольштейне и Мекленбурге вплоть до взаимодействия русской культуры с культурой Золотой Орды (статьи Л.Ф. Недашковского и М.В. Цыбина).

Четвертый том Трудов посвящен разнообразным проблемам общества, экономики, культуры и искусства славян, по преимуществу в средневековую эпоху. Социальные и экономические проблемы исследуются авторами, как правило, на материалах микрорегионов: спектр рассматриваемых вопросов включает соотношение семьи и общины у славян Приильменья в конце I тыс. н.э. (В.Я. Конецкий), систему заселения побережья Среднего Поднестровья в VIII–XIII вв. (В.А. Петрашенко), оборонительную структуру Переяславской земли (Ю.Ю. Моргунов) вплоть до экологических проблем, связанных с заселением Бежецкого верха (А.С. Дворников). Особое внимание привлекают статьи, подготовленные специалистами по смежным дисциплинам: сотрудник биофака МГУ С.П. Маслов показал эффективность традиционного для славян подсечно-огневого способа земледелия в условиях редкой плотности населения; существенным представляется также наблюдение о преемственности физического облика пород скота у славян и носителей черняховской культуры (Е.Е. Антипина, С.П. Маслов).

Раздел четвертого тома, посвященный культуре, открывается статьей А.В. Чернецова "Трансформация элементов античной культуры в Древней Руси". Автор демонстрирует не только восприятие древнерусской культурой античных образов в византийской редакции (амулеты-змеевики), но и характерное для древнерусского православного пуризма снижение античных – языческих – образцов: философы изображаются как грешники, с вздыбленными волосами и т.п. Цикл статей посвящен истории церковной архитектуры – базилике в Братиславском граде (А. Фиала), недавно открытым памятникам Смоленска (Н.В. Сапожников), церквам в Великом Тырнове (К. Тотев и др.), в Угличе (К.А. Турова). Особое значение для организации археологических работ на современном уровне имеет опыт создания на базе московской археологической экспедиции информационно-поисковой системы (статья С.А. Даненкова и др.).

Раздел "Культурные и торговые связи, нумизматика и сфрагистика" открывается статьей В.Я. Петрухина о роли пути из варяг в греки в становлении Древнерусского государства и его культуры. Новые данные о жизни скандинавов на

Руси приведены в статье Е.А. Мельниковой, отмечающей, в частности, длительность (вплоть до XII в. в Звенигороде Галицком и Московичах) бытования рунической письменности у выходцев из Скандинавии. А.А. Александров в статье о псковских сопках предпринимает попытку увязать их материал со скандинавскими параллелями, а также топонимами, отражающими предания о княгине Ольге и "русской" топонимикой; заметим, что не только "ольгинская" топонимика имеет очевидно поздний вторичный характер (на что автору было указано в дискуссии), но и топонимы типа "Руса" не имеют отношения к слову "русь" (они имеют балтское происхождение). Комплекс статей посвящен торговым связям западнорусских земель (З.М. Сергеева), Смоленска (Н.И. Асташева), Владимира (М.Е. Родина). В нумизматических статьях предполагается классификация монетных гривен (Н.Ф. Котляр), анализируются связь денежных систем Новгорода и Белоруссии (Ш.И. Бектинеев), польские тынфы Яна Казимира (И.И. Синчук).

Среди статей по сфрагистике привлекает внимание очередная попытка упорядочить "знаки Рюриковичей", увязав их с практикой прямого наследования от отца к сыну (С.В. Белецкий); следует отметить, однако, что сама эта практика не была единственной в традициях "братского" княжеского рода. С этой традицией связано, по-видимому, и распространение разных типов печатей с загадочной легендой "дьнеслово" у разных представителей русского княжеского рода (см. статью В. Булгаковой). Статья Л. Квизикявичюса посвящена малоисследованному в сфрагистике источнику – литовским товарным пломбам; историография дрогичинских пломб (до начала XX в.) проанализирована в статье Б.Д. Ершевского.

Раздел, посвященный ремеслу и материальной культуре, отличается тематическим разнообразием. В статьях характеризуются ювелирные традиции славян V–VIII вв. в Приднестровье (И.С. Винокур), гончерное производство белорусского Приднепровья в железном веке (Н.Н. Дубицкая) и упоминавшейся именьковской культуры (Н.П. Салугина), распространение бронзовых гравированных чашечек XI–XIII вв. в Северной Европе (У. Мюллер), позднесредневековое керамическое производство подвинских городов (И.В. Болдин, Ж.В. Зарубина) и Калуги (В.А. Ткаченко, Л.И. Федорова), производство древнерусских стеклянных изделий (статьи О.М. Олейникова, Е.К. Столяровой), византийское происхождение техники перегородчатых эмалей (Ю.Л. Щапова), древнерусская зернь и скань (Н.В. Жилина) и др. Обращает на себя внимание открытие А.Н. Кирпичниковым второго подписного древнерусского меча X в. (на клинке сохранилось окончание имени – "слав" и нечитаемые знаки). В статье В.В. Мурашевой прослеживаются "хазарские" истоки традиции наборных поясов, распространившихся в дружинных древностях Руси X в. Н.В. Ениосова продемонстрировала местные (кривичские), среднеднепровские и великоморавские (нитранские) связи Гнездовского комплекса на основе технологии производства обнаруженных там височных колец.

Раздел о духовной культуре посвящен по преимуществу погребальному обряду. Собственно языческим верованиям посвящена статья о культе быка на территории Белоруссии (Э. Зайковский); автор учитывает более широкое распространение этого культа, в частности, факт производства "радимичских" подвесок с головой быка на городище Даугмале. В интересной статье А. Стальсберг о скандинавских погребениях с ладьей на Руси, к сожалению, не могли быть учтены (из-за неполноты опубликованных материалов) все погребения с ладейными заклепками – в Гнездове и Тимереве их гораздо больше, чем полагает автор. Чрезвычайно интересным для славяно-русской археологии представляется открытие поздних камерных гробниц XI–XII вв. в урочище Удрай (Н.И. Платонова): пережитки дружинного камерного обряда X в. могут свидетельствовать об оседании членов княжеской дружины на местах (в данном случае в важном для Новгорода регионе по р. Луге). Специальные статьи посвящены проблемам распространения кремации в Финляндии и Карелии (Л. Сыйринки-Хармо, П. Уйно), средневековым некрополям в Македонии (статьи Л. Блажевской и Е. Маневой), курганам польского Полесья (К. Бенковска), древнерусским погребальным памятникам северо-запада Новгородчины (В.Ю. Соболев), Тверского Поволжья (Е.В. Скукина) и Зеленого Гая в Днепровском левобережье (П.М. Покас, В.В. Приймак).

В пятом томе рубрики, по которым систематизирован материал статей, в общем повторяют тематику предыдущих томов. Первый раздел – "Раннесредневековые города и их округи" – содержит важные для общеславянской раннегородской археологии статьи о новом этапе исследования великоморавского городища Микульчице (Л. Полачек), данные о развитии словенских городов (Т. Набергой), в том числе под влиянием городской культуры Великой Моравии (статья П. Корошевич о Птуе), новые материалы по славянским "градам" западных Карпат (О.М. Корчинский) и древнерусских городищах Белорусского Понеманья (С.А. Пивоварчик). Из статей о древнерусских городах выделяются работы Н.А. Кренке по археологической карте Москвы от каменного века до древнерусского времени и продолжающая ее статья С.З. Чернова об археологической карте средневековой Москвы и ее округи. Актуальны для городской археологии проблемы, затронутые в статье Т.В. Гусевой об охране культурного слоя в Нижнем Новгороде. Конкретным древнерусским поселениям посвящены статьи о затопленном городе Луковце (А.В. Кудряшев, А.Н. Башенькин) и городище Маламахово на Верхней Оке (О.Л. Прошкин).

Раздел о материальной и духовной культуре открывают статьи о судостроительстве у западных славян (В. Филиповяк) и в Древней Руси (П.Е. Сорокин) – двух взаимосвязанных традициях. Во многом общеславянские (и общесредневековые) традиции обнаруживают костерезное ремесло в сербском Подунавье (В. Манойлович-Николич) и материальная культура городища Кале в Македонии (Г. Филиповска-Лазаровска). В статье о богородичных энколпионах с обратной надписью С.С. Ширинский пытается увязать эту производственную традицию 1237–1240 гг. с канонизацией Владимира Святославича. Однако по уточненным данным креститель Руси был канонизирован на рубеже XII и XIII вв. (Турилов, 1999). Р.А. Симонов в своей статье продолжает исследование календарных расчетов в Древней Руси. Н. Чаусидис, опираясь на работы Б.А. Рыбакова, стремится напрямую увязать мотивы декорации двухпластинчатых фибул с мифологическими сюжетами ("пантеоном" и т.п.), что, с точки зрения рецензента, едва ли оправдано. Остающемуся загадочным значению клейм на днищах сосудов посвящена статья А. Буко. Реконструкции языческих верований по данным погребального обряда длинных курганов посвящена статья С.В. Меснянкиной. О значимости историографических стереотипов в описаниях средневековых арабских авторов свидетельствует статья А.С. Матвеева: отметим, что в этих описаниях встречаются не только "обобщения", но и явно фантастические детали – в том числе в описании славянских храмов у ал-Масуди.

Анализу реальных свидетельств о славянских храмах и языческих изображений посвящена статья Л. Слупецкого, открывающая раздел по архитектуре. Статья О.М. Иоаннисяна продолжает важную тему о деятельности романских мастеров в Древней Руси: автор отмечает и вероятное "обратное" влияние русской строительной традиции на архитектуру Польши и Готланда. Конкретным архитектурным традициям посвящены статьи Е.Н. Торшина о киевском зодчестве, Е. Кубицы об архитектуре Малопольши, Л. Галушки о раннехристианской архитектуре в Великой Моравии, О.М. Иоаннисяна и др. о памятниках зодчества в Ростове Великом, Г. Забелы о деревянных замках Литвы.

Раздел по нумизматике открывает теоретическая статья С. Суходольского "Опыт классификации монетных находок", М. Козуб-Волошин анализирует состав византийских монет на территории Аварского каганата; И.Г. Добровольский и В.Н. Рябцевич опубликовали Козьянковский клад дирхемов X в. Следует отметить публикацию содержательного выступления Н.А. Соболевой в дискуссии по всем нумизматическим докладам.

Заключительный раздел, посвященный разным вопросам славянской археологии, содержит статьи М. Комши о раннеславянских древностях на территории Добруджи, Т. Книфича о славянских, аварских и каролингских древностях у альпийских славян Карантании. Л.Д. Поболь предпринял попытку выделить "родо-общинные структуры" и предполагаемых славян латенского и римского времени в Белоруссии. В статье В.А. Булкина и В.Н. Седыха выделяются древние историко-культурные зоны Волго-Окского междуречья, Верхнего Поднепровья и Подвинья: авторы отмечают, что расселение восточнославянских племенных группировок не нарушало традиционных границ этих зон. В статье "О времени гибели роменской культуры" А.В. Григорьев и И.Г. Сарачев относят к относительно позднему времени (первая половина XI в.) конец самостоятельного существования северянского объединения в Левобережье Днепра. Существенно, однако, что, вопреки мнению авторов, левобережные древности распространяются к X в. вплоть до Гнездова, что может, во всяком случае, свидетельствовать об интеграции части северян в состав Древнерусского государства.

В целом материалы Конгресса, при всем их естественном разнообразии, свидетельствуют об определенном единстве развития славянских культур в их взаимосвязи с культурами европейского средневековья. Тем более актуальным представляется продолжение традиции Международных конгрессов славянской археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Турилов А.А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории // Paleobulgarica. 1999. XXIII. 1.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1–2. М., 1991–1995.

Институт славяноведения РАН, Москва

В.Я. Петрухин

"ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ" ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ: Ousterhout Robert. MASTER BUILDERS OF BYZANTIUM. New Jersey: "Princeton University Press", 1999. 320 с. 209 илл.*

Археологию византийского строительства изучают более 150 лет, но до сих пор нет обобщающего труда в этой области. В какой-то мере его заменяли работы по истории архитектуры, но потребность в специальном археологическом подходе сохранялась. Новая книга известного исследователя византийской архитектуры, профессора Университета Иллинойса (Урбана-Шампень, США) Роберта Остерхута (известного русским византинистам по монографии "The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul", 1987, сборнику "The Blessing of Pilgrimage", Urbana-Chicago, 1990 и многим другим книгам) – важный шаг к заполнению этого пробела. Она посвящена строительному искусству средне- и поздневизантийского периода и основана на источниках всех типов, включая материалы собственных натурных работ в Константинополе, Малой Азии, Иерусалиме. Книга построена как критический обзор проблем и может служить хорошим справочным пособием для специальных исследований по византийской технологии. Но главная цель автора иная: его анализ ведет к общей переоценке византийского зодчества как культурного и художественного явления.

Необходимость этого очевидна. В обзорах средневекового искусства на Западе изучение "византийского вклада" в архитектуру останавливается на этапе создания юстиниановской Софии. Дальнейшее опускают или ложно интерпретируют как незначительное, утверждая, что "ничего действительно радикально нового не было построено", и позднейшие храмы – не что иное как "усохшая Айя София", где архитектурное "пространство уже бездыханно и кажется почти лишенным воздуха; архитектурные жесты не прямы и ясны, но нервны и зажаты" (разбор "плохих" учебников дан в заключении книги). Строительная история Византии известна еще хуже: отважные историки искусства смело врубились в дебри теологии, но не решились заняться конструкцией церковных зданий, оставив ее археологам-практикам. В итоге даже росписи интерпретируют вне строительного контекста, как приклеенные к стене обои. Книга Остерхута предлагает увидеть в византийской архитектуре область художественного творчества и понять логику ее творцов (Проблемы византийской архитектуры. С. 3–6).

Остерхут начинает с общей глубокой переоценки средневизантийского зодчества (Гл. 1. "Определяя византийский храм". С. 7–38). Иконоборчество преобразовало не только живопись: свойственное классическому миру понимание архитектуры как профессии, родственной свободным искусствам, было утрачено. Античный *mechanicos*, глубоко образованный философ и знаток математики, сошел со сцены. На смену ему явился средневековый *oikodomos*, ремесленник, усвоивший навыки в ходе практической работы мастерской-эргастерия. Общие социальные перемены: упадок городов и торговли, сокращение населения, возрастание роли монастырей – породили иную, чем ранневизантийская, архитектуру. Место огромных императорских и епископских базилик занял частный и монастырский храм меньшего размера.

Возрожденной в IX в. "бюрократической" Империи с ее культурой унифицированного типа отвечала единая архитектурная схема и стабильный состав росписей. Торжество православия изменило храмовую декорацию и структуру богослужения, продвинуло разработку теологии иконы/образа. Литургическую процессию сменило малоподвижное, ориентированное на святыни (прежде всего иконы) действо, сосредоточенное в восточной и центральной частях храма. Контакт верующего с иконой придал молитве более прямой и личный характер, что потребовало сократить расстояние до святынь, дополнить храм ячейками-капеллами и перекрыть куполом компактный центральный объем. Выработанный к концу IX в. тип крестово-купольного храма стал "до странности совершенным" (О. Демус), он казался неспособным развиться литургически или формально, "стерильным".

Действительно, средневизантийские церкви образуют архитектурную общность, ясно отличимую от ранних базилик, романских и готических храмов, мечетей. Но неверно говорить о "стандартном" храме и повторяемой без изменений "формуле". "Важнейшим свойством средневизантийской архитектуры была быстрота реакции и легкость адаптации к требованиям функционального или декоративного характера и местным особенностям, часто приводившая к сложению новых архитектурных формул" (С. 11). Все порождало разнообразие: условия местности, принадлежность здания государству, монастырю или частному лицу, функция, тип декора. Развитие шло как диалог устойчивых требований религиозной практики и изменчивой реальности строительства. Неизменными элементами храма оставались расположенные по порядку алтарь, наос и нартекс. Менялись, согласно средствам и желанию заказчика, местным особенностям и воле архитектора, пропорции, тип свода, обстройка, декорация. Рисуя единую линию развития, исследователи подчеркивали элементы устойчивости, неизбежно упуская момент разнообразия.

*Обзорная версия рецензии. Необходимые подробности и дискуссия будут опубликованы в "Византийском сборнике" Общества историков архитектуры. Готовится также полный перевод книги.

Конечно, у мастеров, прошедших практическую, а не теоретическую школу, присущая архитектору склонность к консерватизму усиливалась. Но, часто повторяя одни и те же мотивы в зданиях небольшого размера, они чувствовали себя уверенно и легко вводили новые элементы, дополняя "стандарт" индивидуальными чертами. Византийскую церковную архитектуру следует рассматривать в терминах "реакции на запрос": новатор "малого масштаба", византийский строитель влиял не на общую схему, а на отдельные узлы – но был предельно чуток к местным условиям и желаниям заказчика. Учтя свойства кладок, доступность дорогих сполий, керамики, материала для кровли, он создавал бессчетные вариации одной темы: усиливал несущие части и вырабатывал новые типы свода.

Средневизантийский храм имел замкнутое алтарное пространство (доступ в него ограничил темплон с главными иконами) с невысоким (так как уменьшилось число клириков) синтроном и просторный наос: ограждение солеи и свободно стоящий амвон уже исчезли, а службы частного характера (крещение, отпевание, поминание), отмечавшие традиционно считавшиеся нечистыми рождение и смерть, отнесли от алтаря далеко на запад, в длинный, пониженный и узкий нартекс, сменивший древний открытый двор-атриум. Наос, над которым парил купол на колоннах, превратился в зал, где моления общины сочетались со священнодействием клира вокруг престола – процессия же сместилась в промежуток между этими двумя "сценами", или вовсе исчезла.

Конструктивное решение стало стандартным: главный купол помещали на барабане, кольцо окон которого собирало свет в центре; от купола своды уходили в четырех направлениях, образуя крест, вписанный в квадрат внешних стен; восточный рукав соединялся с конхой. Четыре колонны/столба делили здание на девять ячеек: своды угловых ячеек, боковых апсид и натрекса обычно выводили в один уровень. Такой храм с нерасчлененным колоннами наосом сложился в монашеской среде окрестностей Константинополя или в Малой Азии, но это не объясняет его дальнейшего широкого распространения. Остерхут полагает, что главную роль сыграло именно конструктивное решение, найденное для купола небольшого пролета (3–5 м), идеального в храмах монастырей, приходов и дворцов вплоть до императорских. Кроме того, сохранялись принцип утверждения купола над богослужебным пространством, унаследованный от огромных купольных зданий времен константинопольской св. Софии, и устоявшийся, опознаваемый образ храма, который обрел, подобно иконе, черты святости.

Свой аналитический метод Остерхут отделяет от типологического и функционального, которые не отражают реальности потому, что исходят из принципиального сходства средневизантийского и современного процесса проектирования. На деле же в постиконоборческий период сохранялся лишь минимальный уровень планирования (сметы работ и т.п.), но ясные признаки "дизайна", понимаемого как желательный облик здания, исчезли. Проект уже не предварял работ, а выступал как их сумма, складывался в ходе строительства, венчал его. Кроме того, нужно учесть, каким видели здание современники – зрители-заказчики и творцы-строители. Византийские описания архитектуры делают ударение на деталях, предельно аккуратны в них, видят отличия отделки, строительных материалов, росписей, но не интересуются архитектурным целым. Несмотря на непривычность такого подхода, исследователь XX столетия должен следовать ему и воспринимать византийское зодчество в иных терминах, чем античное или современное. Изучение творческого начала в деталях само приведет к сдвигу в понимании общей картины развития архитектуры.

Такова суть метода Остерхута. Он рассказывает, как, пользуясь им, попытался выделить мастерские Константинополя по технике кладки стен и декоративным деталям. Оказалось, что существенное сходство наблюдается в памятниках, которые никак не могли принадлежать одной группе (например, идентичны кладки Календер Джами, конца XII в., и церкви св. Иоанна в монастыре Липса, конца XIII в.). Столичные мастерские широко влияли друг на друга, их члены включались в новые коллективы и могли заимствовать опыт. Опосредованно влияло и наследие: в столице мастер мог видеть десятки старых зданий и детально изучить их конструкции, участвуя в ремонтах, добыче сполий и т.п. Эта практика расширила репертуар форм и приемов, сделав систему сводов, объемные решения и декор крайне разнообразными, но приемы столичных мастеров были генетически родственны, они работали на едином, устойчиво высоком техническом уровне, который обеспечивала прочность ремесленной общегородской традиции, хранимой мастерскими. (Мастерская вообще была решающим звеном в развитии византийской архитектуры, поскольку в ходе работы мастера знакомили учеников и с базовым методом возведения конструкций, и с точками их возможных изменений.) Выявление почерка отдельных групп в Константинополе было неплодотворно и потому, что там сохранилось всего 10% древних церквей, археологически мало изученных и неумело реставрированных.

Итак, оказалось продуктивнее выявлять не индивидуальные, а общие черты столичных мастерских. Зато их единство и устойчивость позволили четко различить работу столичных и местных групп вне Константинополя и переатрибутировать многие храмы с чертами столичной архитектуры – местным строителям (церкви св. Екатерины в Дидимотейхо, Чанликилисе в Каппадокии, Челтикдере в Вифинии). Еще дальше от Константинополя, в отдаленных частях Империи и в Иерусалиме, Несебре, Киевской Руси были опознаны работы столичных мастеров. Там, в ограниченном пространстве, передача идей и строительных навыков наблюдалась нагляднее. Так направленное изучение деталей техники открыло роль развития местных строительных традиций в истории византийского зодчества и динамику их взаимодействия со столичной школой.

Один из ключевых постулатов Остерхута – отсутствие в Византии проектирования в современном понимании слова. Изучение вопроса о проекте остроумно связано с историей геометрического знания (Гл. 3, "Проводя линии и завязывая узлы". С. 58–85). В XI–XII вв. еще копировали и сочиняли трактаты, но строители их не читали. Книжные формулы для расчета поверхностей и объемов (купола, сводов и пр.) усложнены и полны ошибок, схемы еще хуже (немасштабны, не справляются с переводом трехмерных объектов на плоскость, используют обратную перспективу). Часть близка обычным приемам землемеров и могла иметь практическое применение (расчет круга, радиуса и диаметра с помощью шнура), но уже разбивка прямых углов оказалась проблемой, способы их проверки были известны не всем, и вместо прямоугольника часто получали параллелограмм (церкви Богородицы в Осиос Лукас в Фокиде, X в., св. Пантелеймона в Нерези, XII в., Зарубского монастыря под Киевом).

Хотя геометрия применялась для определения габаритов здания, а в малых формах и декоре играла даже ведущую роль (профили делились на геометрические элементы, которые могли наносить по шаблону, строить по линейке и циркулю), смысл проектных и рабочих чертежей уже не воспринимался, и, по мнению Остерхута, средневизантийский строитель их не использовал. В трактате Герона Византийского о военных машинах (*Poliorcetica*, X в.), составленном на основе текста Аполлодора, проекции на плоскость римского времени (*schema*) дополнили рисунками (*schematismos*), так что возник двойной ряд иллюстраций: те, что восходили к римским чертежам, Герону были непонятны и в тексте он к ним не обращался. *Katagraphe*, наброски из военных трактатов, лишь внешне похожи на чертежи – лагерь можно разбить по описанию, но нельзя – по сопроводительным рисункам.

В ранней Византии чертежи применяли (хотя ни один не сохранился), но позже появились здания, проект которых явно не вычерчивали, обходясь разбивкой в натуре. План размечали на площадке (источники упоминают о мерных веревках с узлами или металлическими кольцами и длинных рейках с засечками), и с этого момента процессы проектирования и строительства сливались. На полу церкви Святого Креста в Ресафе (VI в.) обнаружены граффити, отвечающие аркадам нефа, следовательно, детали ее фасадов были рассчитаны по-

сле укладки пола в главном нефе. В Ат Чанликилисе (Западная Каппадокия, XI в.) кривые вместе с радиусами начерчены на внутренних стенах нартекса и отвечают аркам фасада, видимо, это следы расчета сводов, позже заштукатуренные.

Долгой дискуссии о размерах и пропорциях средневизантийской архитектуры Остерхут уделил сравнительно мало внимания. Он выражает сомнение в развитии сложных пропорциональных методов: применялась одна стандартная система, основанная на исходном размере, который пронизывал все здание и должен был легко делиться на 10 и 2 (обычно пролет купола, с VI в. исчислявшейся в футах). Пропорции зданий Константинополя оказались неожиданно просты: обычно это удвоение. Иррациональные же соотношения (стороны квадрата с диагональю и любые корни) полностью отсутствуют: византийцы искали не смелых решений, а правильных и стандартных; необходимость пропорциональных расчетов не была для них очевидной, и в итоге система пропорций проще, чем у западноевропейских строителей к XIII в.

Коренным образом отличает византийскую строительную практику от европейской сама форма проектирования, основанная на достройках, перестройках, изменениях замысла в ходе работ. Этот "эддитивный процесс" (от англ. *addition*) – главное в концепции Остерхута (Гл. 4, "Изменяющиеся здания", С. 86–127).

В Константинополе редко строили храм раз и навсегда – его постоянно расширяли, усложняли, перерабатывали, внося изменения и по ходу работ (от разбивки до декорации), и позже. Процесс мог идти путем адаптации старых форм: базилики VII в. превращали в крестово-купольные храмы (храм Кидна в Ликии; большая базилика в Аморийме), усиливая пилоны и расставляя их по девятидольной схеме. Малые изменения часто вели к рождению новых типовых вариантов. Так, простой крестово-купольный кафоликон Лавры Афона (963 г.) в 1002 г., а за ним кафоликон Ватопеда, расширили и превратили в триконхи достройкой апсид-певниц. Постепенно все соборы Афона стали триконхами: монастырская литургия требовала мест для хоров. На два этапа делится и строительство в монастыре Хора (Кахрие Джами) XI–XII вв.: в уже возведенной церкви колонны сменили на столбы, встроенные в угловые пространства (доказано раскопками 1950-х годов) и увенчанные более крупным куполом. Это реанимировало давно ушедшее решение, и такой тип стал популярен в окрестностях Константинополя (церкви Йуса Тепеси на Босфоре и св. Аверкия в Куршунлу), хотя в его основе лишь решение технической проблемы. Изменили в ходе работ и кафоликон Неа Мони (о. Хиос, 1040-е годы). Новаторски перекрытый наос и богатый мозаичный декор спорят здесь с несообразностями, портящими элегантность решения и роскошь интерьера: башнеобразный наос не согласован с низкими нартексом и алтарем, свод закрывает вид на мозаику главной апсиды и т.д. Дело в том, что храм заложили как рядовую постройку, но доработали "проект" после того, как Константин Мономах пожертвовал мозаичный декор. Так ответ на эстетико-идеологический запрос породил новый архитектурный тип, "островную октагональную церковь", распространенную на Хиосе, Крите и Кипре.

Общее в этих модификациях то, что сохранялась основа типа, но, в ответ на особые запросы, изменялись нужные части. Итог воспринимался как "творческая удача" и порождал новый тип, воспроизводивший "случайные" и ненужные элементы уже как неотъемлемые части. Так рождались не только варианты типа, но и системы организации объемов. Особого внимания заслуживает комплекс монастыря Пантократора в Константинополе, развитие которого шло непрерывно, от отдельного крестово-купольного зала (1118 г.) через второй крестово-купольный объем, нартекс и промежуточную погребальную церковь (1136 г.), устройство новых нартексов и дворика. Разрастаясь, эта случайная, путаная, неправильная, но роскошно украшенная структура породила новую линию архитектуры, в которой сложность важнее единства, "позднневизантийский маньеризм". Импульс развитию давали даже поиски технических решений (стремясь увеличить надежность конструкций Неа Мони на Хиосе, применили сразу шесть хорошо известных версий перехода от октагона к куполу) и развитие функций (с XII в. на организацию храма стали влиять погребения императоров и знати, которые стремились поместить ближе к месту службы, но вне наоса).

Понятие "эддитивное мышление" Остерхут применил и к постройкам византийцев на Руси. Они столкнулись здесь с заказом на огромные общегородские храмы, которых не строили очень давно. Мастер средневизантийского периода не мог успешно воспроизвести формы Софии Константинопольской, поэтому в Софии Киевской (1037–1048) он развил базовую крестово-купольную схему, окружил ядро здания рядами галерей и перекрыл, при небольшом подкупольном квадрате 7.7 м, огромный участок 41.7 × 54.6 м. Это заставило резко повысить центральное ядро и утвердить купол на кирпичных пилонах. В итоге получили пирамидальный объем, типичный для византийских храмов гораздо меньшего размера. Далее архитектура Киевской Руси следовала за прототипом и отклонялась от него по тем же законам, что и в Византии: разнообразие достигалось в пределах ограниченного репертуара форм и конструкций, принесенного в конце X–XI в. Он и определил последующий ход местного, более изолированного, строительства. Своды Киевской Руси не знают разнообразия типов: в ранних храмах купол неизменно ставят на пандативы, тромпы долго не применяют. Популярные в Византии ребристые и тыквообразные купола не проникли на Русь вообще. Своды над периферийными компартиментами сводимы к коробовым, крестовых в памятниках Киева нет вплоть до XII в. (даже вариации коробовых редки: в Византии лестницы перекрывали ползучим сводом, на Руси же ступенчатым). Планово-пространственные решения также восходят к одному источнику, первым церквям Киева. Соборы Новгорода и Полоцка воспроизводят формы, технику и символику Киевской Софии, а редуцированная версия ее ядра с куполом над крестообразными пилонами развивается отдельно. Взятая вне контекста, она обретает черты башнеобразности и лапидарности (церковь Успения в Киево-Печерской Лавре, собор Юрьева монастыря в Новгороде).

Остерхут убеждает нас, что *эддитивный процесс концептуально аналогичен процессу проектирования*. Если принять этот важнейший вывод, то здания средневизантийского периода, возникшие как итог нескольких строительных фаз, перестанут быть в наших глазах суммой механических и случайных достроек.

Характер византийской архитектуры во многом определили ее материалы (Гл. 5. С. 128–156). Кирпич выжигали в окрестностях Константинополя по старой, еще римской технологии (в самой Византии не раскопано ни одной печи, но они известны на Руси). Промеры показывают, что византийский кирпич не менялся, всегда оставаясь чуть более фута (с отклонениями до 10%, 32–36 × 3.5–5 см). Клейма на нем уже в ранневизантийское время менее информативны, чем в римское, и распространены только в Константинополе и Салонике. В X–XI вв. штамповка кирпича, судя по материалам автора, вообще исчезает. Мы не можем здесь не отметить резких отличий в развитии кирпичного производства на Руси, где кирпич плавно менял абсолютные размеры (толщина возрастала от 2.5 до 6 см) и пропорции (от квадрата к вытянутому прямоугольнику); знаки на него наносили начиная с конца X в., причем их система в XI и, особенно, XII–XIII вв. стала очень развитой. Этими отличиями нельзя пренебречь, просто указав на "местное развитие": возможно, древнерусский кирпич отражает иные, чем византийское, влияния.

Печи для обжига извести в Византии пока тоже не изучали, и производство раствора автор иллюстрирует изображениями, ограничиваясь традиционными рассуждениями о качествах цемянки, отмечая общее ухудшение связующего в поздних сооружениях (подчас это просто глина), характеризуя инструменты и толщину раствора в кладке (ок. 5 см).

Характернейший признак средневизантийского периода, повлиявший на все развитие зодчества – сполии. Вторично использовалось все, вплоть до кирпича (в памятнике императорского строительства, монастыре Пантократора, есть античный кирпич). Мрамор тоже извлекали из старых зданий. Его добыча резко сократилась в сравнении с ранневизан-

тийской эпохой или прекратилась вовсе: археология не подтверждает использования древних и открытия новых каменоломен (хотя добыча простых пород камня, известняка третичного происхождения и песчаника была поставлена основательно). Новых колонн не тесали, часто даже не обрабатывали старые – их перевозка и установка уже были сложной технической задачей. Простое наличие четырех одинаковых колонн могло определить архитектурное решение: если они были слишком тонкими, их приходилось сдваивать, получая надежные опоры (церковь в Вире). Грамотное применение сполий, случаи прямой имитации форм карнизной резьбы и скульптуры показывают, что традицию ценили, и связь с древностью демонстративно подчеркивали. Сполии были и материалом, и источником вдохновения, но их обилие крайне усложнило датировку (Фатих/Фетие Джами в Три(г)лие, при надежной дате начала IX в., вся сложена из материалов VI в.; колонны и капители VI в. вез утонувший у южного берега Турции корабль X в.).

Главным кровельным материалом служила плоская черепица, зауженная с одного края (35–48 × 2–3 см) или ее копии в камне (в Анатолии). Плиты из свинца, особенно удобные для покрытия сводов, из-за дороговизны применялись редко. Заполнение оконных проемов важно для реконструкции роли света в интерьере, но находки оконного стекла средневизантийского периода редки. Это небольшие круглые стекла (дм 6–16 см), вставленные двумя рядами в рамы из свинца или раствора (на Руси – из дерева), реже в сложные мраморные "трансенны" геометрического рисунка. Остатки витражей (мон-ри Хоры и Пантократора) указывают на влияние Запада, но стекло местное по химическому составу.

Глава 6 посвящена сооружению фундаментов и стен (С. 157–200), которые были одинаковы в зданиях с очень разными сводами. Общим было стремление достичь скального грунта и углубиться в него, а также сетки ленточных фундаментов; под кладки разного веса фундамент не перевязывали; котлованы заполняли землей или щебнем. Более сложные субструкции редки (церковь монастыря Липса, X в.; церковь Е в Сардах). При ненадежном основании (в Дидимотейхо скала испещрена вырубками могильных ям) или отсутствии скального уровня (Плиска; Киевская Русь) под фундамент прокладывали балки, залитые раствором. На склонах приходилось ставить огромные сводчатые платформы, чтобы поднять храм на общий уровень (Мирелейон; Одолар Джами, XII в.; Богдан-сарай, XIV в.; церкви Спасителя на Халке и Асеновграда, Бачкова монастыря в Болгарии). Охотно ставили стены на прочные древние кладки, чаще всего на цистерны, так что иногда по их плану можно восстановить план снесенной церкви. Новые цистерны также играли важную роль в развитии конструкций: упадок общественного водоснабжения (римской системы акведуков) заставлял встраивать цистерны и отстойники прямо в тело храма (Кахрие Джами). Кладку стен в IX–X вв. вели в унаследованной от римлян технике opus mixtum, чередуя ленты камня и кирпича, но самые дорогие постройки (Мирелейон, X в.) были чисто кирпичными. Способы чередовать ленты не структурированы хронологически: все они возникли одновременно и сосуществовали, выделить почерк той или иной мастерской по ним нельзя. Кладки вели в два каменных панциря с забутовкой битым камнем на растворе (3–5 рядов камня, до 1 м) и перевязкой кирпичем (3–5 рядов, до 65 см), но константинопольские мастера воспринимали всю толщу стены как целое: внешний и внутренний фасады связывали проходящие насквозь ряды кирпича, карнизы и уровни пят аркатур. В Малой Азии чередование кирпича и камня на фасадах имитирует столичную кладку, но внешняя и внутренняя щеки не связаны, местные мастера не понимали сути метода: в Константинополе технический прием и архитектурный образ взаимообусловлены, здесь они разделялись.

Конструкция и декор в развитии средневизантийского строительства связаны так тесно, что определить "первичный" элемент нелегко. Со второй половины X в., когда в Константинополе поверхность стены начали членить аркадами, нишами и уступчатыми пилястрами, в "дорогих" храмах применили кладку со скрытым рядом (церкви Космосотира и Георгия в Манганах, монастыри Пантократора и Хоры). Ее полосы имитировали на фасадах, даже применяя в толще стены иную технику (пристройки XI в. к церкви Успения в Никее; Чанликилисе в Каппадокии). Новая кладка была экономичной: в районах, где мало строительной керамики, в швы пускали плохо обожженный и битый кирпич (Киев, XI в.; в XIII–XIV вв., когда сполии уже иссякали, а качество раствора снижалось, это было важно и для Византии). В районе Константинополя основной вариант кладки известен с конца X по конец XII в., на более обширном пространстве – позже. Ранняя кладка с утопленным рядом удобна для выявления почерка групп, работавших в X–XI вв. в Константинополе, Киеве, Чернигове, Иерусалиме, но с ее распространением в XII в. уже не служит указанием на происхождение мастеров.

Важна для определения почерка мастерской и работа с раствором. Для экономии облицовки и при низком качестве кладки применяли наружную штукатурку и роспись. Сложенные в технике opus mixtum стены могли расписать под ее же более упорядоченный вариант; хорошую и сложную кладку покрывали тонкой обмазкой, оттеняли краской или прочерчивали. Роспись применяли все чаще, пока она не стала обязательной (Сербия, конец XIV в.). При нерегулярной кладке очень важна была расшивка швов. В церкви Гроба Господня в Иерусалиме кладка в технике с утопленным рядом XI в. имеет редкий тип декоративной разделки швов, близкий церкви Георгия в Манганах, что позволяет выделить почерк столичной группы мастеров Константина Мономаха. Технологическими признаками мастерской являются деревянные конструкции лесов, но их самые выразительные следы, гнезда сквозных балок, трудно найти, так как их закрывали заподлицо.

Выделить местные школы помогает кирпичная орнаментика, расцвет которой пришелся на средневизантийскую эпоху. В Константинополе IX–X вв. применяли узкий репертуар мотивов, но к середине XI в. он быстро разнообразится и в конце XIII в. занимает важное место. Декор здесь соразмерен фасаду и точно отвечает его членениям, его легче характеризовать "от противного": в нем нет популярных в Греции четырехугольных плоских фигур из резного кирпича (поребрика, ромба) и псевдо-куфического орнамента, господствуют "бычий глаз" (или рондель), зигзаг, крест в круге. Мастера никогда не окружают ниш и окон рамками, стараясь даже представить наклонные кирпичи арок как продолжение соответствующих уровней порядовки, что связано с пониманием плоскости стены как целого, с нежеланием делить ее на элементы. Зато за пределами столицы отграниченность арок – обычная вещь, их окружают как можно более богатым декоративным бордюром, используя все, вплоть до керамических розеток, а стену покрывая ковром орнамента (церкви св. Феодоры в Арте, Св. Апостолов в Фессалонике).

Конструкции арок и сводов (вновь изученные после работы Огюста Шуази столетней давности) обсуждаются в Гл. 7 (С. 201–233). Средний византийский купол имел пролет около 6 м и возводился методом, не требующим расчета. Мастера разработали ряд простых, но эффективных, отвечающих размеру зданий, методов кладки свода. Купол всегда ставили так, чтобы распределить вес через коробовые или крестовые своды на четыре стороны и снять главную инженерную проблему больших купольных базилик древности. Общую систему работы сводов отражали на фасадах.

Купол на четырех колоннах, идеальный при пролете купола до 7 м, далее терял устойчивость. Приходилось вводить системы, употреблявшиеся много веков назад. Для уравновешения купола Софии Киевской построили столбы и развили боковые части здания. Большие купола XII в. на пилонах, широкие бемы, просторный, полный света интерьер сделали Календер Джами, Гюль Джами и др. похожими на базилики VI–IX вв., и лишь точные археологические даты заставили отнести их к XII в. Для расширения наоса применяли купол на октагоне. В Осиос Лукас (Кипр) переход от огромного купола к опорам обеспечили тромпы, передающие давление на две стороны; вес самой тяжелой части купола распределили

поровну на восемь столбов. История тромпов в византийском строительстве неясна, но, независимо от их истоков, переработка и приспособление принадлежат византийцам, создавшим новый и необычно ясный вариант конструкции: арки точно членят внешние фасады, несущие функции стен собраны в точках опоры, а заполнение – не более чем декоративная облицовка. Осиос Лукас – второе по сложности конструкций творение византийцев после Св. Софии, но он не единичен. В Мирелейоне, где использована модель "триумфальной арки", тонкие полуколонны фасада отмечали опорные точки, а промежутки заполняли огромные окна. "Кларизм" конструкций и система точечных опор, свойственные французской романике и готике, получили развитие в Византии даже раньше, чем в Европе, но со временем фасады византийских церквей перестали следовать логике, выражающей внутреннее пространство, стали более дробными, маньеристскими, а с XIV в. и декоративными (церковь Пантократора в Несебре).

Византийские своды проще римских, романских и готических, но они очень вариативны. Полусферические купола на барабанах с окнами в Константинополе обычно делят изнутри ребрами или подобием канеллюр (что придает им сходство с тыквой) на 8, 12 и 16 частей. В столице несущие арки клали только из кирпича (он создает монолит с раствором, легче камня и проще в работе), а камень использовали как декоративный материал; за пределами Константинополя арки клали и из камня. Они как правило полуциркульны (в центральной Анатолии обычны подковообразные, но их нет в Константинополе, так же, как уплощенных). После латинской оккупации в столицу проникают аркбутаны, как дополнительные опоры (западная галерея Св. Софии, XIII–XIV вв.; контрфорс Кахрие Джами, XIV в.).

Византийским изобретением, идеально укладывающимся в систему технологии, использовавшей большие количества раствора, были воздушные (часто в два уровня – над колоннами и в основании коробовых сводов над хорами) и внутристенные (в том числе в несколько уровней по кругу в барабане) связи, укреплявшие кладку до застывания и связывавшие арки и своды. Добавочный конструктивный элемент – мраморные карнизы, соединенные с изнанки металлическими связями, как мягкая цепь удерживали распор в самых опасных точках и служили опорой пятам арок.

Опалубка иногда фиксируется по отпечаткам дерева на растворе (Мирелейон, Дидимотейхо и др.), но чаще просто домысливается – она применялась реже, чем думают. Свод большого пролета требовал слишком сложных деревянных опор, строители Рима умели класть его без опалубки, перевязывая кладку по мере наращивания и опираясь на нее. Это умение сохранялось и в Византии, где предпочитали своды малого пролета (возможно, просто из экономии времени и квалифицированных кадров, так как несколько малых сводов требуют их меньше, чем один большой равной площади). Без опалубки клали своды и на периферии здания, а также конхи, ниши и пр. Однако арки обычно строили по опалубке, отсюда их правильность. Даже грубо сложенные фасады членят очень точно построенные одинаковые арки, сложенные по шаблону или переносной опалубке. Пандативы закладывали кирпичом без опалубки, почти горизонтально, так что паруса никогда не имеют правильной формы, подчас больше напоминая тромпы. Почти горизонтальными рядами, как ложный свод, оставляя на опалубках только направляющие арки, клали и купола (например, Киевской Софии). Тыквообразные купола можно класть только без опалубки – арочки, которые образуют их поверхность, лежат почти горизонтально и легко выводятся, а ребра не позволяют им провалиться. Шаблонов требуют только купола с ребрами, работавшими как опоры для горизонтально положенного заполнения и перевязанных с ним.

Важная черта византийских пандативов – включение керамики, труб и амфор. Это не акустические элементы (их резонаторные свойства минимальны), а технологические. Пандативы – важная и тяжелая часть конструкции; здесь сосредоточен большой объем кладки, дающий опору куполу. Он требует времени для полного высыхания и снятия излишнего веса с верхней части здания. Поэтому глухие пространства, пазухи сводов, наружную часть купола заполняли легкими амфорами отверстиями вниз (чтобы не собирать влагу), а наружу выводили трубы для просушки кладки.

"Конечным продуктом", итогом всего строительства, была роспись (Гл. 8. "Создание украшенного интерьера: строители и художники". С. 234–256). Церковь в Византии не считали построенной, пока она не украшена изнутри. Храм, конечно, заключал в себе образ Вселенной и символизировал путь спасения. Но по отношению к программе росписи его можно представить как своего рода рамку: выбор сюжетов, их расположение выражали порядок христианского макрокосма и соотносились с литургией. Средневизантийский "типовой" храм развивался синхронно "стандартной" программе декорации, их следует рассматривать совместно.

Византийский строитель мыслил стену как основу для облицовки, декорируя рабочую поверхность в интерьере и, во многих случаях, снаружи. Выбор декора зависел от средств ктитора, и строитель знал о нем заранее, так как это влияло на подготовку поверхности (карниз под облицовку выносят сильнее, чем под роспись и т.п.), но в самых общих чертах, так как между строительством и росписью был временной зазор. В храме лучшим украшением нижней части стен были спилы одного куска мрамора, укрепленные на манер книжного разворота, симметрично (на металлических штырях и растворе, с небольшим промежутком от стены до панели). Обрамление из мрамора иного цвета превращало "разворот" в декоративное панно. Верхние части стен покрывали мозаики и фрески. В мозаике, кроме смальт и простых камней, использовали кусочки мрамора и даже керамику, иногда весьма символически (в композиции "Брак в Кане Галилейской" Кахрие Джами кувшины для вина изображены фрагментами сосудов). Ниже мозаики фресок не писали, но ставили мраморные панели. Согласно расчетам, для выполнения всех мозаик Софии Константинопольской необходима была работа восьми мастеров в течение трех сезонов. Останавливаясь на "стандартной программе" О. Демуса и на ее критике Т. Мэтьюсом и Г. Магвайром, Остерхут отмечает, что, при всем обилии сюжетов, их расположение следует единой структуре, и подход Демуса по-прежнему оправдан при анализе небольших храмов.

Какая же из сторон была ведущей в синтезе искусств – архитектура или живопись? Вело ли развитие программ к иной организации форм архитектуры, или они могли быть вписаны в них, как в раму? Скальные церкви Каппадокии, копируя архитектуру и фрески столицы, меняют то и другое, что объясняется отсутствием источника света в куполе: ведущие образы вытеснены в апсиды, где и размещены наряду с привычными сюжетами. О незаурядности программы может свидетельствовать подготовка форм: в Мирелейоне живопись не сохранилась, но о ее сложности говорят тыквообразный купол и крестовые своды. Заказ Константина Мономаха на мозаичный декор заставил расширить и осветить Неа Мони на Хиосе специально для размещения новой программы; цикл двунадесятых праздников требовал создать замкнутую полосу невысоко над полом, вокруг наоса, и она была создана на высоте 6 м. Но все это редкие удачи – в Чанликилисе (Каппадокия) план храма и программа фресковой росписи копируют столичные образцы, но работы разделены во времени и потому плохо скоординированы: художник не смог грамотно вписаться в ее интерьер. Мозаичисты, работавшие на Сицилии в Монреале (1180 г.), столкнувшись с незнакомой архитектурной формой, просто нарушили органичность здания: они закрыли окна и срезали декоративные колонки, мешавшие разместить большие сцены.

Ясно, что художник и архитектор могут быть одним лицом лишь в редких случаях, взгляд на "главного мастера", ответственного и за строительство, и за декорацию, устарел. Координировать работы мог просвещенный заказчик (так, в уникальном сочетании конструкций и росписи в Кахрие Джами чувствуется влияние Феодора Метохита). Но в большинстве случаев на огромном пространстве от Балкан (считая и Грачаницу) до Каппадокии и Сицилии виден дисбаланс архитектуры и живописи. Правда, для Италии эпохи тречен-

то архитектор и художник в одном лице – частое явление, поэтому нельзя полностью исключить такую возможность и в Византии.

Книга Остерхута, несомненно, весомый вклад в историю византийского зодчества. Оно показано под новым (особенно для западного искусствознания) углом и предстает как обладающее рядом необычных, трудно воспринимаемых сейчас качеств. Оно гомогенно и "неисторично", то есть типологически почти неизменно на протяжении периода, но при этом текуче, отзывчиво и изменчиво в своих конкретных воплощениях (отдельных зданиях). "Традиционное", "ремесленное", "копирующее", мало изученное – византийское зодчество, подобно природным объектам, наделено зато качеством органичности. Его творения оказываются подобными растениям – типологически неизменные, они наделены фантастической способностью менять ту или иную конкретную деталь в зависимости от условий среды, путем изменения "проекта" в ходе строительства (или, говоря языком органического мира, "роста").

Следуя за этими качествами, Остерхут и книгу построил как "неисторичную". Он стремился не выявить общую линию прогрессивного развития типов, но проследить, каким именно образом из обобщенности типа рождается уникальность отдельного творения, увидеть за мельчайшими изменениями деталей волю строителя-творца. В итоге книга стала и органичной, и археологичной – точные и нудные детали, столь занимающие каждого археолога, в руках Остерхута не менее активны, чем клетки живых существ. В "естественной истории" византийской архитектуры оказалось возможно выделить дискретные эволюционные ряды, образующие полные рудиментов формы, несмотря на утрату конструктивного смысла, повторяемые и сохраняемые на протяжении столетий. И, наряду с этим, наблюдать столь затрудняющие датировку атавизмы – обращения, при необходимости и в сходных условиях, к репертуару решений далекого прошлого.

Русскому читателю книга Остерхута полезна еще в одном отношении. Для нашей науки эта книга – зеркало и очень полезное зеркало. Глядя в него, мы можем сравнить результаты и понять, чем отличаются материалы и методы изучения строительства на Руси и в Византии; увидеть, насколько древнерусская ветвь византийского древа важна в общем процессе его изучения, и как оно влияет на формирование позиции западных коллег. Но главное, конечно, не в этом, а в том, что труд Р. Остерхута – несомненный прорыв в сущностной трактовке византийского церковного зодчества и прекрасный путеводитель по миру строительной техники IX–XIV вв. Будем надеяться, что его удастся издать по-русски.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев

В ОБЩЕСТВЕ СВЯТЫХ: К ВЫХОДУ КАТАЛОГА "ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИКВИИ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ"[1]

Редактор-составитель А.М. Лидов. Москва: Радуница, 2000. 304 с. 120 илл.

Сокровищницы кафедральных соборов Европы полны ошеломляющих роскошью фантазий, воплощенных в золоте и серебре, сверкающих драгоценными камнями. Что демонстрируют они? Художественный вкус и благочестие патронов? Умение и талант мастера? Возможно, но не вполне верно. Их материальная или эстетическая ценность не имеют (или не должны иметь) первостепенного значения. Их главная ценность не в золоте, а в заключенных в золото разнородных, с виду малопривлекательных и часто пугающих предметах: иногда это деревянные щепки, иногда ржавый гвоздь, обрывки ткани с давно запекшейся кровью. Чаще всего – это древние фрагменты человеческих тел: челюстей, фаланг пальцев, костей рук, ступней, редко – целый череп. Разумеется, они являются не случайным набором разрушенных человеческих останков, но реликвиями, в строгом смысле этого слова – физическими останками тех, кого почитают святыми, а также предметами, с этими святыми связанными. Что касается роскошного убранства реликвария – вместилища реликвии, то в принципе оно важно не само по себе, но как знак почитания святого, мощи которого в реликварии хранятся.

Отметить, что культ реликвий имеет огромное значение как в православной, так и в католической христианских традициях, значит просто констатировать очевидное. Тем не менее простота утверждения обманчива, поскольку констатировать очевидное и интерпретировать его – далеко не одно и то же. Интерпретация предопределяется занимаемой позицией. Рассмотрение христианского культа реликвий извне этой традиции порождает крайне противоположные суждения. Для атеиста, например, культ реликвий – чистой воды суеверие. Для строгого протестанта – это греховное, внушенное дьяволом идолопоклонство. Светский культ искусства предполагает более высокую оценку реликвий, но ему присуще преувеличивать значение формы в сравнении с содержанием, задерживаться на зрительных впечатлениях, восхищаться богатством убранства, "возносить вознесенное". При таком отношении реликвия превращается в предмет искусства, культурное достояние ценителей изящного. Все обернется иначе, если к реликвии подходить с позиций этнографического релятивизма. Мы увидим, что христианство не обладает монополией на культы реликвий, светские аналоги цветут пышным цветом. Предметом поклонения становятся самые разные вещи. Независимо от того, исповедуем мы веру во что-либо метафизическое или нет, мы способны видеть и разделять обыкновенную человеческую потребность ощущать в предметах ауру их обладателей, какое-то присутствие личности, явленное через реликвию.

В Советском Союзе практически возможен был лишь отстраненный взгляд на реликвии. При этом социологически-релятивистский подход мог быть связан с риском, поскольку его логика неизбежно выводит на параллели между христианскими культами святых и официальными культами советских лидеров (прежде всего, конечно, на помещение останков Ленина в "реликварий" на Красной площади). Оставались только атеистическое клеймение реликвий как предрассудка и историко-художественный эстетизм, т.е. оценка реликвариев как произведений искусства. В постсоветское время возрождение традиции почитания реликвий стало частью возрождения православия в России, на научное осмысление этого запаздывало. Чего недоставало до самого недавнего времени – это последовательной попытки исследовать традицию "изнутри", на пересечении истории и богословия, что позволило бы понять, какую роль играл культ реликвий в русском средневековом сознании.

Частью программы празднований нового тысячелетия в 2000-м году в Москве стала великолепная выставка "Христианские реликвии в Московском Кремле". Те, кому не довелось на ней побывать, могут утешиться толстым содержательным каталогом. Из-за отсутствия указателя в нем трудно ориентироваться, но терпение окупается сторицей. Каталог включает

[1]Русская версия рецензии подготовлена видным специалистом по русской и византийской истории, процессором Кембриджского университета С. Франклином специально для нашего журнала. Английская версия была опубликована в новом журнале: Rossica (International Review of Russian Culture). № 2. London, 2001. P. 48–57. В этом году в издательстве К. Буланин ожидается выход его книги по истории Руси VIII–XIII вв., написанной совместно с Дж. Шепардом.

развернутые научные статьи, одновременно ставящие и исследующие проблему, он полон новых данных и оригинальных идей, а детальные научные описания сопровождаются воспроизведениями всех представленных экспонатов, время создания которых охватывает девятисотлетний период – с XI по XIX вв.

По понятным причинам каталог показывает в основном реликварии, а не реликвии. Сами по себе реликвии, как правило, не фотогеничны, к тому же извлечение их из ковчегов было бы делом затруднительным (и неправомерным). Этим объясняется зрительное впечатление, возникающее от каталога. Издатели обращают наше внимание прежде всего на эффектность формы, провоцируя нас воспринимать реликварий как произведение искусства. Плохого в этом нет. В культе реликвий зрелищная сторона всегда была важна, многие предметы поклонения должны были представать сказочно прекрасными, такими, например, как двусторонняя византийская икона "Сошествие во ад" в золотом окладе, украшенном эмалью, напрестольный крест 1494–1495 гг. из Смоленска с мощами двадцати четырех святых, или посеребренные миниатюрные ковчеги, вышедшие из мастерских Кремля в XVI –XVII вв. Но каталог не исчерпывается представлением собрания отдельных предметов, каждый из которых по-своему интересен. Авторы ставят перед собой задачу осмыслить феномен реликвии в целом и объяснить его значение в православной культуре.

Их толкование значения культа реликвий определяется расширением традиционного понятия "реликвия". В западноевропейской христианской традиции под этим словом понимают, в основном, останки святых, или предметы, непосредственно связанные со святыми (через принадлежность, благословение или касание). Отличие восточной традиции лежит в культе образов, икон, в представлении, что "присутствие" святого проявляется через образ не в меньшей степени, чем через его мощи. И иконы, и мощи могут восприниматься как средство общения со святыми, как источник чудотворения, чудесного излечения, спасения от напастей; по своим функциям почитание святых икон и почитание реликвий сходны. Основываясь на этом, устроители выставки предлагают трактовать понятие реликвии расширенно, включая в него иконы. Поэтому они отказываются и от традиционного русского слова "мощи" (в значении физических останков) и вводят нетрадиционное для русской культуры "реликвии" (заимствуя латинское *reliquiae* и расширяя его значение). При этой интерпретации почти любой сакральный предмет может быть трактован как реликвия, и это позволяет включить в состав выставки не только мощи и их вместилища, но и все богатство кремлевского собрания святынь. Стоит только изменить смысл слова – и малоизученный вопрос реликвий оказывается центральным для понимания христианского исповедания веры.

Именно об этом и идет речь. Во вступительной статье, написанной главным организатором выставки А.М. Лидовым, утверждается, что "истинное значение" реликвий в том, что они являются "духовным стержнем восточно-христианской культуры". Заявление смелое. Каким же образом устроители выставки это подтверждают?

Источником и прототипом всех реликвий был Иерусалим. Этот город – одновременно реликвия и реликварий, священный объект и вместилище священных объектов. По занятному наблюдению. Л.А. Беляева в статье "Храм св. Гроба Господня и реликвии Святой Земли", Иерусалим представляет собой своего рода "сакральную матрешку": сначала – город, где паломники могут повторить Крестный путь Христа, в городе – храм св. Гроба (Ротонда, церковь Воскресения), в Ротонде – Гроб Господень, а в высеченной в скале гробнице – высшая святыня и наиболее парадоксальная из всех реликвий, свидетельство Христова Воскресения во плоти – пустота. Каждый христианский город по своему определению был "Новым Иерусалимом", каждый христианский храм в определенные литургические моменты – Гроб Господень. Символическое присутствие Иерусалима могло выражаться разными способами. Иногда архитектор воссоздавал образ Иерусалима, повторяя его размеры и пропорции в архитектуре храма. Но чаще бывало, что Иерусалим присутствовал в храме через посредничество физических предметов и элементов службы: например, через фрагмент св. Креста, помещенный в крестообразном реликварии в алтаре храма; или через серебряную дарохранительницу в форме Гроба Господня, вмещающую св. Дары – Тело Христово; через изображение Святых и святых мест; через литургическое воспроизведение Страстей Христовых.

В маршрутах паломников Константинополь ненамного уступал Иерусалиму. У Константинополя были свои восславляемые реликвии: Копье, которым был пронзен бок Христа, фрагменты Истинного Креста, Терновый венец, Губка, на которой подносили к устам Христа уксус; десница Иоанна Крестителя (которой он крестил Христа); Ризы, Власы, Млеко Богоматери, также престол ангелов, принявших гостеприимство Авраама под сенью Мамврийского дуба, двери из дерева Ноева ковчега.

На Руси начало собирания реликвий относится к временам обращения в христианство – к концу X в. Как рассказывает "Повесть временных лет", киевский князь Владимир был крещен в Крыму, в византийском городе Херсонес, откуда "взял царицу (сестру императора, свою невесту) ... священников ... с мощами святого Климента, ... взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе". Мощи св. Климента, святого мужа апостольского, отца Церкви, были не просто престижным трофеем; ими, как апостольским авторитетом, утверждалась новая церковь Владимира. Полтора века спустя местные епископы заявляли, что само обладание этой реликвией дает им право ставить своего митрополита вместо того, чтобы признавать назначенного константинопольским патриархом. Даже в более поздние времена, как указывают Т. Толстая и Е. Ушакова в главе каталога "Корсунские реликвии и крещение Руси", реликвии, связанные с Херсоном, даже если связь существовала больше в воображении, представлялись особо престижными и чудодейственными.

Первые на Руси христианские реликвии были импортированы, и лучшие из них были привезены из Константинополя. Никакой ущербности в этом не было, скорее, наоборот: прямая связь с Константинополем, Иерусалимом и (даже если предположительная) с Херсонесом гарантировала авторитет реликвии. По своему происхождению некоторые из наиболее почитаемых "русских" чудотворных святынь на самом деле константинопольские, как, например, неизменная заступница Москвы – Владимирская икона Богоматери. Когда по прошествии времени русская христианская почва взрастила своих местных святых, появились и соответственно русские реликвии. Все главные города Руси – Киев, Новгород, Смоленск, Суздаль укрепляли свой престиж через собирание реликвий и все они становились "новыми иерусалимами", "святыми местами", "божьими градами", когда земные амбиции находили свое выражение в материальных знаках Божественного присутствия и одобрения. К сожалению, сохранившиеся артефакты этих ранних реликвий немногочисленны. К концу XV в., с падением Константинополя, московская элита сформулировала и потом стала активно утверждать образ столицы своего быстро развивавшегося Московского государства как единственного Богоизбранного оплота православия. Возложение Москвой на себя такого имперского образа повлекло за собой еще более активное собирание христианских реликвий – так возникли великолепные коллекции Кремля. Именно эти собрания были главным предметом изучения организаторов выставки в Кремле.

Необходимость реликвий и их место в богослужебной практике более или менее очевидны. Однако когда А.М. Лидов пишет о реликвиях как о "духовном стержне" восточно-христианской культуры, его интересуют не политические и экономические аспекты собирания реликвий, свойства отдельных предметов, с которыми связываются понятия "соприсутствие" святых, их способность оберегать, исцелять, становиться источником чудотворений. Он пытается понять ту роль, которую реликвии в самом широком смысле слова играют в создании христианского "сакрального пространства".

Седьмое правило Седьмого Вселенского собора 787 г., созывавшегося в Никее, гласит: "...Аще же отныне обрящется некий епископ, освящающий храм без святых мощей: да будет извержен, яко преступивший церковные предания".

Таким образом, реликвии являются не дополнением сакрального пространства, а необходимым условием его возникновения. В ходе литургии, во взаимодействии архитектуры храма с литургическим действом, в особом расположении священных предметов внутри храма складывается сакральная география в том смысле, что все, без исключения, части храма играют свою роль в литургическом воссоздании Страстей Христовых. И все же самым интригующим является то, что нельзя проиллюстрировать в каталоге, нельзя увидеть, придя на выставку или посетив церковь: рядом с видимыми и почитаемыми и невидимые глазу реликвии участвуют в бдении – анонимно, будучи вделанными в стены и фундамент храма. Лидов приводит такую цитату из предания о строительстве храма св. Софии в Константинополе: "Между двенадцатью блоками священники творили молитву о благосостоянии церкви; и в каждом двенадцатом блоке строители делали отверстие и вкладывали туда частицы почитаемых и святых мощей различных святых, пока не завершили строительство купола".

На Руси тоже существовала такая практика. Киево-Печерские монахи свидетельствовали, что в конце XI в. во время строительства Успенского собора под его стены были заложены мощи святых мучеников, а образы их в настенных росписях заняли места над мощами. Эти невидимые покровители, иногда отмеченные знаками на стене, иногда нет, становились в самом буквальном смысле частью церкви. Совокупность реликвий образует своего рода невидимое силовое поле, внутри материальных стен – духовные стены.

Ясно, что восточно-христианский культ реликвий не исчерпывается ни чудесами, ни блеском роскошных золотых ковчегов, ни вопросами престижа светских и церковных властей, ни понятием покровительства. Выставка и публикация каталога позволили А.М. Лидову и его коллегам высветить по сей день недооцененную область исследования и открыли возможность дальнейшего изучения и осмысления данной темы. Представленной ими грандиозной концепции свойственна некая вневременность; восточные христиане предстают как внеисторически неразличимые "они", которые предположительно всегда разделяли предложенные взгляды, или, как минимум, были бы согласны принять их в качестве идеала. На новой стадии изучения (уже инициированной Лидовым через публикацию материалов международной конференции, посвященной этой же теме) предстоит исследовать, как общие представления могут варьироваться в зависимости от изменений контекста, социальных условий, от времени; предстоит выяснять, например, материальные аспекты бытования реликвий, их место в истории торговли, дипломатии, городских ремесел, экономике, политических интригах, даже в преступлениях (известны кражи, незаконные разделения реликвий). Интерпретация значения реликвий в культуре еще не история культуры реликвий, но уже необходимая и вдохновляющая прелюдия.

Кембридж, Англия

Саймон Франклин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– Археографический ежегодник. М.
АО	– Археологические открытия. М.
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГОП	– Государственная Оружейная палата
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	– Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИЗ	– Исторические записки. М.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРЛИ РАН	– Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук
КП	– Коллекционный предмет
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МНА	– Международный нумизматический альманах "Монета". Вологда
НАА	– Народы Азии и Африки
НГМ	– Новгородский государственный музей
НОЭ/РГ	– Новгородская областная экспедиция. Рюриково городище
НС	– Нумизматический сборник. М.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ОАК	– Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОРПГФ МК	– Отдел рукописных, печатных и графических фондов Московского Кремля
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ ОР	– Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников. М.
ТМАО	– Труды Московского археологического общества
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л.
УЗ ИИЯиЛ МФ АН СССР	– Ученые записки Института истории языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев
УЗ СГУ	– Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов
УКМК	– Управление комендатуры Московского Кремля
AA	– Archäologischer Arzeiger. Beibkatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin
AJA	– American Journal of Archaeology
CIG	– Corpus inscriptionum Graecarum. T. 2. Berolini, 1828
IOSPE	– Inscripriones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. 1. Petropoli, 1916
RE	– Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft